

XLIV.

Канъ.—Домъ Шарлотты Корде.—Наружность Шарлотты Корде.—Ея жизнь.—Ея характеръ.—Сношенія съ изгнанными жирондистами.—Ея планъ.—Путешествіе.—Пріѣздъ въ Парижъ.—Аудіенція.—Убійство Марата.—Арестъ Шарлотты Корде.—Воззваніе къ французамъ.—Судъ.—Казнь.

1.

Между тѣмъ какъ Парижъ, Франція, вожди и вооруженная сила партій готовились раздробить такимъ образомъ республику, въ умѣ одной молодой дѣвушки зародилась великая мысль, долженствовавшая нарушить теченіе событій и вызвать всеобщее смущеніе вслѣдствіе удара, нанесеннаго рукою этой дѣвушки революціи, за который она заплатилась жизнью. Казалось, Провидѣніе захотѣло посмѣяться надъ величіемъ этого дѣла поразивъ его слабой рукою и желало противопоставить одинъ другому два рода фанатизма: подъ отвратительными чертами народной мести, олицетворенной въ Маратѣ, и небесной красотой любви къ отечеству въ лицѣ новой Жанны д'Аркъ, поборницы свободы; но и тотъ и другая однако, совершили тѣмъ не менѣе одно и то же преступленіе—убійство и, къ сожалѣнію, имѣютъ такимъ образомъ сходство между собою передъ потомствомъ если не по цѣли, то по средству; если не по лицу, то по нанесшей ударъ рукѣ; если не по душѣ, зато по пролитой крови!

2.

Въ широкой и густо заселенной улицѣ, пересѣкающей городъ Канъ, столицу низменной Нормандіи и центръ тогдашняго возстанія жирондистовъ, находится еще и теперь, рядомъ со стариннымъ домомъ съ сѣрыми стѣнами, выщѣпшими отъ дождя и потрескавшимися отъ времени, извѣстнымъ подъ именемъ Большого замка, двухъ-этажный домикъ, проковывающій къ себѣ вниманіе только благодаря тѣмъ воспоминаніямъ, которыя онъ возбуждаетъ. Черезъ низкую, рѣдко отворяемую дверь виднѣлся въ концѣ узкаго прохода небольшой дворикъ, а въ глубинѣ его каменные ступени винтовой лѣстницы, которая вела въ верхній этажъ. Два окна съ поперечными перекладинами, изъ которыхъ одно выходило на этотъ самый дворъ, а другое во дворъ Большого замка, пропускали чрезъ свои восьмиугольныя стекла, вставленные въ свинцовыя ободки, блѣдный и пасмурный свѣтъ, тускло освѣщавшій скромную съ голыми стѣнами комнату, единственнымъ украшеніемъ которой служилъ старинный каминь.

Тусклый свѣтъ придавалъ этой удаленной отъ уличнаго шума комнатѣ, ветхой и мрачной, характеръ старины, таинственности и меланхоліи, которыми народное воображеніе, какъ саваномъ, любитъ окутывать колыбели великихъ мыслителей и мѣстопробываніе великихъ людей. Тутъ-то въ началѣ 1793 года жила внучка великаго французскаго трагика Пьера Корнеля. Поэты и герои сходны между собою. Между ними нѣтъ другого различія кромѣ того, которое существуетъ между замысломъ и исполненіемъ. Они приводятъ въ исполненіе то, что задумываютъ другіе. Но мысль у обоихъ одна и та же. Женщины, конечно, восторжены какъ первые и мужественны какъ вторые. Поэзія, героизмъ и любовь сродни между собою.

3.

Домъ этотъ принадлежалъ бѣдной бездѣтной вдовѣ, старой и хворой, го-спожѣ Бретвиль. Вмѣстѣ съ нею жила уже нѣсколько лѣтъ ея молодая родственница, которую она пріютила у себя и воспитала, чтобы имѣть опору на старости лѣтъ и не чувствовать одиночества. Этой молодой дѣвушкѣ было въ то время двадцать четыре года. Красота ея была строгая, ясная и вмѣстѣ съ тѣмъ бросающаяся въ глаза, хотя суровая уединенная жизнь и наложила печать на ея душу. Она отчасти напоминала собою видѣніе. Обитатели квартала, видѣвшіе, какъ она шла по воскреснымъ днямъ вмѣстѣ съ своею старой теткой въ церковь, и наблюдавшіе за нею въ то время, какъ она по цѣлымъ часамъ читала на дворѣ, сидя подъ лучами солнца на закраинѣ фонтана, занимавшаго уголь двора, рассказывали, что къ ихъ восхищенію ея примѣшивалось чувство уваженія и обаянія: было ли это вліяніе сильнаго ума, ослѣпляющаго обыкновеннаго смертнаго, или душа ея налагала отпечатокъ на ея лицо или же заранѣе отражалась на немъ ея трагическая кончина.

Эта молодая дѣвушка была высокаго роста, однако не выше другихъ высокихъ стройныхъ нормандскихъ женщинъ. Грація и достоинство сквозили въ ея походкѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ. Горячій Югъ наложилъ печать на цвѣтъ ея лица, отличавшій ее отъ женщинъ Сѣвера. Волосы ея казались темными, когда они были собраны вокругъ ея головы или падали въ видѣ двухъ волнъ вокругъ ея чела, и отливали золотомъ на концахъ косъ, подобно колосу, который блеститъ на солнцѣ, болѣе темный и лучезарный, чѣмъ хлѣбный стебель. Глаза ея большіе, съ широкимъ разрывомъ, мѣняли свой цвѣтъ, какъ морская волна, оттѣнокъ которой зависитъ отъ состоянія погоды: они были голубые, когда она была погружена въ размышленія, и почти черные, когда она оживлялась. Очень длинныя рѣсницы, темнѣе волосъ, придавали ея взгляду глубину. Носъ съ чуть замѣтной горбинкой у переносья былъ слегка раздвоенъ по срединѣ. Ея классическій ротъ рѣзко обрисовывалъ ея губы. Онъ выражалъ что-то среднее между нѣжностью и суровостью, указывая равно на жажду любви и патріотизмъ. Приподнятый подбородокъ, глубоко раздвоенный, придавалъ нижней части ея лица выраженіе большой рѣшимости, составлявшей рѣзкій контрастъ съ женственной прелестью очертаній другихъ чертъ ея лица. Округленный овалъ щекъ носилъ отпечатокъ молодости и цвѣтущаго здоровья. Она легко красѣла и блѣднѣла. Кожа ея была бѣлая, съ здоровой окраской,

Грудь ея, широкая, но нѣсколько худощавая, была мало округла. Руки у нея были сильныя, мускулистыя, а кисти рукъ длинныя, съ продолговатыми пальцами. Простота и темный цвѣтъ ея платья соотвѣтствовалъ скромности ея средствъ и уединенію, въ которомъ она жила. Она слѣдовала своему природному вкусу и избѣгала въ своемъ костюмѣ всякихъ вычуровъ и капризовъ моды. Тѣ, кто видѣли ее въ ея юности, рассказываютъ, что всегда видѣли ее одѣтой въ темное суконное платье одного и того же покроя, въ видѣ амазонки, и сѣрой поярковой шляпѣ съ приподнятыми полями, отдѣланной черными лентами, какія носили въ то время женщины ея сословія. Звукъ ея голоса—это живое эхо, отражающее всю душу въ одномъ колебаніи воздуха—производилъ на тѣхъ, кто его слышалъ, пріятное и глубокое впечатлѣніе. Десять лѣтъ спустя послѣ того, какъ они слышали ее, они вспоминали о ея голосѣ, какъ о чудной музыкѣ, неизгладимо врѣзавшейся въ ихъ памяти. Въ клавиатурѣ ея души, по ихъ словамъ, были такія глубокія и звучныя ноты, что голосъ ея производилъ еще большее впечатлѣніе, чѣмъ ея наружность, и составлялъ часть ея красоты.

Эту молодую дѣвушку звали Шарлоттой Корде-д'Армонъ. Хотя она происходила изъ благородной семьи, но она родилась въ хижинѣ Ронсере въ деревнѣ Линьери, близъ Аржантана. Невзгоды преслѣдовали ее въ жизни, которую она окончила на эшафотѣ.

4.

Отецъ ея, Франсуа де Корде-д'Армонъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ провинціальныхъ дворянъ, которыхъ бѣдность ставила почти въ положеніе крестьянъ. Эти дворяне сохранили отъ своего прежняго величія только извѣстное уваженіе къ имени, которое они носили, и смутную надежду вернуть себѣ состояніе, одновременно удерживавшую ихъ отъ нравственнаго паденія и мѣшавшую имъ улучшить свое положеніе посредствомъ труда. Земля, которую эти сельскіе дворяне обрабатывали въ своихъ помѣстьяхъ, только съ трудомъ прокармливала ихъ. Дворянство и земля во Франціи, казалось, вступили въ такой же союзъ, какъ аристократія и море въ Венеціи.

Де Корде вмѣстѣ съ земледѣіемъ занимался политикой, а также и литературой, что было въ то время обычнымъ явленіемъ среди этой благородной и образованной части населенія. Онъ желалъ отъ всей души, чтобы скорѣе вспыхнула революція, и страдалъ отъ своего бездѣйствія и нищеты. Онъ написалъ на всякій случай нѣсколько сочиненій противъ деспотизма и закона о старшинствѣ. Эти сочиненія свидѣтельствовали о большомъ умѣ ихъ автора. Онъ выказалъ въ нихъ суевѣрный ужасъ, пылкость нарождающагося философа и предчувствіе необходимости переворота. Вслѣдствіе ли недостатка ума, безпокойнаго характера или же стѣсненныхъ имущественныхъ обстоятельствъ, иногда не дающихъ развиться самымъ замѣчательнымъ талантамъ, но только ему не удалось пробиться въ жизни.

Онъ съ трудомъ перебивался въ маленькомъ помѣстьѣ Линьери съ своей ежегодно увеличивавшейся семьей. Пятеро дѣтей, два сына и три дочери, изъ которыхъ Шарлотта была второй, съ каждымъ днемъ все болѣе заставляли

его чувствовать тягость нужды. Жена его, Жакелина-Шарлотта-Марія де Гонтъе, родомъ изъ Отъе, умерла надломленная постоянными заботами, оставивъ малютокъ-дочерей на рукахъ отца, но лишивъ ихъ воспитательнаго вліянія тѣхъ семейныхъ традицій и ежедневныхъ наставленій, которыя смерть уноситъ вмѣстѣ съ матерью.

Шарлотта и ея сестры прожили еще нѣсколько лѣтъ въ Линьери, почти воплія предоставленныя свободѣ, одѣвались, какъ нормандскія дѣвушки, въ грубый холстъ и, подобно имъ, пололи садъ, ворочали сѣно, вязали снопы и собирали яблоки въ небольшомъ помѣстьѣ своего отца. Наконецъ нужда заставила Корде-отца разстаться съ дочерьми. Благодаря своему благородному происхожденію и бѣдности онѣ были приняты въ монастырь въ Канѣ, игуменьей котораго была госпожа де Бельзунсъ. Онъ назывался аббатствомъ Богородицы. Монастырь этотъ, съ широкими переходами и часовней въ романскомъ стилѣ, былъ построенъ въ 1066 году Матильдой, женой Вильгельма Завоевателя. Онъ былъ разоренъ и стоялъ въ развалинахъ до 1730 года, когда его великолѣпно реставрировали и онъ сталъ представлять одинъ изъ лучшихъ монастырей въ королевствѣ и одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ общественныхъ памятниковъ города Кана въ Нормандіи.

5.

Шарлоттѣ исполнилось тринадцать лѣтъ. Монастыри были въ то время настоящими христіанскими гинекеями, гдѣ женщины жили вдали отъ свѣта, хотя до нихъ и достигали все его тревоженія и онѣ принимали участіе во всѣхъ его движеніяхъ. Монастырь съ пріятнымъ образомъ жизни и нѣжной дружбой навремя увлекъ молодую дѣвушку. Ея воспримчивая душа и пылкое воображеніе довели ее до мечтательнаго созерцанія, во время котораго кажется, что видишь Бога,—состояніе души, которое, будучи направляемо, въ дѣтствѣ, наставленіями сердечной настоятельницы, легко можетъ перейти въ горячую вѣру и подвиги благочестія. Даже желѣзный характеръ самой госпожи Роланъ воспламенился и смягчился подъ этимъ небеснымъ огнемъ. Болѣе нѣжная Шарлотта поддалась ему еще легче. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она было образцомъ она набожности. Она мечтала закончить свою едва начавшуюся жизнь на первой страницѣ и погребсти себя въ этой могилѣ, гдѣ вмѣсто смерти нашла бы покой, любовь и счастье.

Но чѣмъ болѣе крѣпла ея душа, тѣмъ быстрѣе она утверждалась въ своихъ мысляхъ и доходила до рѣшенія. Она быстро постигла глубину своей дѣтской вѣры. Она проводила за этими общепризнанными догматами другіе, новые, свѣтлыя и высокіе догматы. Она не отреклась ни отъ Бога, ни отъ добродѣтели—двухъ главнѣйшихъ душевныхъ своихъ привязанностей, но придала имъ другія имена, другія формы. Философія, озарившая тогда Францію своимъ свѣтомъ, проникла вмѣстѣ съ распространенными въ то время книгами и за монастырскія ограды. Тамъ-то, болѣе зрѣло обдуманная въ монастырскомъ уединеніи и противорѣчившая монастырскому педантизму, философія вербовала самыхъ ярыхъ своихъ приверженцевъ. Эти молодые люди и молодыя женщины

торжествуя побѣду разума, видѣли прежде всего, что ихъ оковы разбиты, и обожали вновь пріобрѣтенную свободу.

Въ монастырѣ Шарлотта впервые узнала дѣтскую дружбу, напоминавшую родство душъ. Ея подругами были мадемуазель де-Фодуазъ и де-Форбэнъ, молодыя дѣвушки благороднаго происхожденія и, подобно ей, небогатыя. Игуменя госпожа де-Бельзунсъ и ея помощница госпожа Дульсе де-Понтекуланъ отличали Шарлотту. Онѣ приглашали ее на свои носившія отчасти свѣтскій характеръ собранія, которыя обычай разрѣшалъ игуменьямъ, чтобы поддерживать такимъ образомъ отношенія съ своими родственниками, жившими за монастырской оградой. Такимъ образомъ Шарлотта познакомилась съ двумя молодыми людьми, племянниками этихъ дамъ: съ де-Бельзунсомъ, полковникомъ кавалерійскаго полка; стоявшаго горнизономъ въ Канѣ, и Дульсе де-Понтекуланомъ, офицеромъ королевскаго конвоя. Первый изъ нихъ былъ вскорѣ убитъ во время народнаго мятежа въ Канѣ; другой, требовавшій умѣренности отъ революціи, принялъ участіе въ Законодательномъ собраніи и въ Конвентѣ и подвергся изгнанію и гоненіямъ по дѣлу жирондистовъ. Говорили, что слишкомъ нѣжное воспоминаніе о молодомъ Бельзунсѣ, убитомъ въ Канѣ народомъ, побудило Шарлотту, потерявшую ударъ въ своей первой любви, поклясться въ мести, которая подстерегла и поразила Марата. Ничто однако не подтверждаетъ этого предположенія и все опровергаетъ его. Если бы революція вселила въ сердце Шарлотты только ужасъ и жажду мести за смерть возлюбленнаго, то ея ненависть распространилась бы одинаково на всѣ республиканскія партіи, и она подъ влияніемъ фанатизма не совершила бы такого кроваваго дѣла, которое обарило память о ней и набросило на нее тѣнь.

6.

Шарлоттѣ было девятнадцать лѣтъ въ то время, когда упразднили монастыри. Нужда въ родительскомъ догѣ увеличилась съ годами. Оба ея брата, бывшіе на службѣ у короля, эмигрировали. Одна изъ ея сестеръ умерла. Другая завѣдывала въ Аржантакѣ бѣднымъ хозяйствамъ своего отца. Старая тетка, госпожа де-Бретвиль, пріютила Шарлотту у себя въ Канѣ. Эта тетка была такъ же бѣдна, какъ и всѣ остальные семьи. Она жила столь уединенно и тихо, что даже ближайшіе сосѣди едва знали объ имени и существованіи бѣдной вдовы. Ея преклонный возрастъ и болѣзни дѣлали для нея еще болѣе тягостными ея матеріальные недостатки. У нея была только одна-единственная служанка. Шарлотта помогала ей въ заботахъ по дому. Она привѣтливо принимала старыхъ друзей дома. По вечерамъ она сопровождала тетку въ благородныя городскія собранія, которыя еще не были окончательно уничтожены яростью народа и куда разрѣшалось нѣкоторымъ старымъ приверженцамъ прежняго государственнаго режима собираться для того, чтобы вмѣстѣ горевать и утѣшать другъ друга. Шарлотта, относившаяся съ почтеніемъ къ этимъ сокрушеніямъ и суетвріямъ прошлаго, никогда не противорѣчила имъ, но мысленно смѣялась надъ ними и держалась своего особаго образа мыслей. Съ каждымъ днемъ она утверждалась въ немъ все болѣе и болѣе. Но нѣжность ея души, изящество ея чертъ и дѣтская простота ея обращенія не допускали возможности подозрѣвать, что

она скрываетъ какія-нибудь заднія мысли подъ спокойною веселостію своего нрава, которая освѣщала домъ ея тетки подобно тому, какъ утренняя заря грозоваго дня сверкаетъ тѣмъ ярче, чѣмъ темнѣе будетъ вечеръ.

Исполнивъ свои обязанности по дому, проводивъ тетку въ церковь и обратно домой, Шарлотта могла свободно располагать остальнымъ своимъ временемъ и предаваться своимъ думамъ. Она проводила время въ томъ, что носилась по двору и по саду, мечтала и читала. Ее ни въ чемъ не стѣсняли, не руководили ни ея взглядами, ни ея чтеніемъ. Религіозныя и политическія воззрѣнія госпожи де-Бретвиль были скорѣе слѣдствіемъ привычки, чѣмъ убѣжденія. Она держалась ихъ такъ же, какъ и костюма своего времени, и не навязывала ихъ никому. Къ тому же философія поколебала въ это время въ самой основѣ взгляды даже стараго дворянства, а революція повергла все въ сомнѣніе. Едва придерживались своихъ взглядовъ, которые колебались и рушились ежедневно. При томъ же республиканскими идеями отца Шарлоты были болѣе или менѣе проникнуты всѣ его близкіе родственники. Все семейство де-Корде склонялось на сторону новыхъ идей. Даже сама госпожа де-Бретвиль скрывала подъ приличествующимъ ей возрасту сожалѣніемъ о прежнемъ режимѣ тайную симпатію къ революціи. Она предоставила своей племянницѣ свободу въ выборѣ занятій, взглядовъ и книгъ. Возраст Шарлотты дѣлалъ для нея привлекательнымъ чтеніе романовъ, которые преподносятъ празднымъ умамъ уже готовые мечты. Но ея разумъ увлекалъ ее къ чтенію философскихъ сочиненій, обращающихъ смутныя инстинкты человѣка въ величественныя правительственныя учрежденія, и историческихъ книгъ рисующихъ, какъ теоріи приводились въ исполненіе, а идеи осуществлялись.

Она находила удовлетвореніе этой двойной потребности разума и сердца въ Жанъ-Жакъ Руссо, философѣ любви и поэтѣ политики; въ Рейналъ фанатикъ челоуѣчества; въ Плутархъ, наконецъ, олицетворителъ исторіи, который скорѣе изображаетъ, чѣмъ рассказываетъ и въ своихъ описаніяхъ оживляетъ событія и своихъ героевъ. Эти три книги по очереди смѣнялись одна другою у нея въ рукахъ. Она просмотрѣла также книги этой эпохи легкаго содержанія и рисующія страсти, какъ-то „Элоизу“ и „Фобласа“. Хотя ея воображеніе и распалось, но душа ея оставалась попрежнему чистой и непорочною. Снѣдаемая потребностью любить, внушая и чувствуя иногда сама первые симптомы любви, она вслѣдствіе осторожности, зависимости и бѣдности всегда удерживалась отъ окончательнаго признанія. Она разрывала свое сердце, чтобы уничтожить узы, которыя могли бы связать ее. Ея любовь, отвергнутая такимъ образомъ разсудкомъ и судьбой, измѣнила не свойство свое, а идеаль. Она превратилась въ смутную, но горячую преданность мечтѣ объ общемъ благѣ. Ея сердце было слишкомъ обширно для того, чтобы вмѣщать въ себѣ только одно личное счастье. Она хотѣла вмѣстить въ немъ счастье цѣлаго народа. Страсть, которую она питала бы къ одному человѣку, она перенесла на отечество. Она все болѣе и болѣе погружалась въ свои мечты, изыскивая, какую услугу она могла бы оказать челоуѣчеству. Жажда принести себя въ жертву обратилась у нея въ безуміе, страсть или добродѣтель. Даже если бы эта жертва должна была быть кровавой, она все-таки рѣшила принести ее. Она

дошла до того отчаяннаго состоянія души, которое разбиваетъ личное счастье, не ради славы или честолюбія, какъ у госпожи Роланъ, но ради свободы и человѣчества какъ у Юдифи или Эпихарисы. Ей не доставало только случая; она выжидала его, и ей казалось, что онъ уже близко.

7.

Это произошло какъ разъ въ то время, когда жирондисты мужественно и съ удивительнымъ краснорѣчіемъ боролись противъ своихъ враговъ въ Конвентѣ. Воображали, что якобинцы хотятъ вырвать у жирондистовъ власть въ республикѣ только затѣмъ, чтобы подвергнуть Францію ужасамъ кровавой апархіи. Крайняя опасность, угрожавшая свободѣ, гнусная тираннія парижской черни, замятившая собою верховную власть народа, представителями которой являлись ея депутаты; произвольные аресты, сентябрскія убійства, заговоръ 10-го марта, возмущеніе 30-го и 31-го мая, изгнаніе и паденіе самой лучшей партіи собранія, перспектива ожидавшей ихъ плахи, куда должна была взойти вмѣстѣ съ ними и свобода, добродѣтель Ролана, молодость Фанфреда и Барбару, крикъ отчаянія Инара, твердость Бюзо, честность Петіона, изъ кумира обратившагося въ жертву; мученикъ трибунъ Ланжюине, которому для того чтобы сравняться съ Цицерономъ не доставало только кафедр римскаго форума, наконецъ краснорѣчіе Верньо, надежды добрыхъ гражданъ и предмета угрызения совѣсти нечестивыхъ, внезапно замолкнувшаго и повергшаго этимъ честныхъ людей въ отчаяніе, а негодяямъ предоставившаго злодѣйствовать, — всѣхъ этихъ лицъ, привлекательныхъ или великихъ, защищавшихъ до послѣдней возможности оплоты общества и священный очагъ каждаго гражданина, смѣнилъ Маратъ, порожденіе поддонковъ общества и язва народа, торжествующій побѣду надъ законами, одержанную благодаря бунту, увѣнчанный безнаказанностью, отнесенный на рукахъ жителями предмѣстій на трибуну, сдѣлавшійся диктаторомъ анархіи, грабежа и убійства и угрожающій всякой независимости, собственности, свободѣ, всякому проявленію жизни въ департаментахъ: всѣ эти волненія и насилія, всѣ эти ужасы сильно взволновали провинціи Нормандіи.

8.

Присутствіе въ Кальвадоѣ изгнанныхъ и бѣжавшихъ депутатовъ, призывавшихъ свободу придти для защиты отъ притѣсненія и воспламенить очаги департаментовъ, чтобы вызвать мстителей за родину, довело до обоженія преданность города Кана жирондистамъ и до крайности отвращеніе къ Марату. Имя Марата сдѣлалось синонимомъ преступленія. Взгляды скорѣе англійскіе, нежели римскіе, республиканизмъ аттической и умѣренный Жиронды противорѣчилъ цинизму маратистовъ. Въ Нормандіи до 10-го августа болѣе желали конституціонную монархію, чѣмъ ниспроверженія трона. Руанъ, главный городъ этой провинціи, былъ преданъ Людовику XVI и предложилъ ему убѣжище передъ тѣмъ какъ онъ былъ низвергнутъ съ престола. Казнь этого монарха опечалила и тронула добрыхъ гражданъ. Другіе города этой части Франціи были богатыми промышленными и земледѣльческими. Миръ и флотъ были необходимы для ихъ процвѣтанія. Любовь короля къ земледѣлію, заботы о мореходствѣ, стара-

нія усилить морскія силы Франціи посредствомъ постройки судовъ въ Брестскомъ рейдѣ, устройство по его приказанію прекраснаго Шербургскаго порта, путешествія, которыя онъ совершилъ въ глубь страны и по побережью съ цѣлю посѣтить и оживить всѣ наши океанскіе рейды, его занятія съ Турго, предпріятыя въ видахъ покровительства промышленности и оживленія торговли, оставили въ сердцахъ нормандцевъ уваженіе къ его имени, сожалѣніе о постигшихъ его несчастіяхъ, ненависть къ его убійцамъ и тайное желаніе возстановить такой режимъ, который соединилъ бы въ себѣ гарантіи для монархіи съ свободой республики. Отсюда происходилъ энтузіазмъ къ жирондистамъ, сторонникамъ конституціи 1791 года; отсюда же происходило и желаніе возстановить честь ихъ имени и отомстить за нихъ. Патріоты чувствовали, что имъ нанесенъ ударъ въ ихъ лицѣ, добродѣтель чувствовала себя уничтоженной, свобода погибала вмѣстѣ съ ними.

Шарлотта Корде, сердцу которой уже былъ нанесенъ ударъ, чувствовала, какъ всѣ несчастія, которыя испытываетъ ея отечество, вызываютъ страданія, отчаяніе и мужество въ ея сердцѣ. Она видѣла гибель Франціи, видѣла жертвы и думала, что знаетъ ихъ мучителя. Она дала себѣ клятву отомстить за первыхъ, наказатъ послѣдняго и спасти все. Въ теченіе нѣсколькихъ дней она таила это смутное рѣшеніе въ своемъ сердцѣ, не зная еще, какого дѣянія потребуетъ отъ нея родина и какой узелъ преступленія всего необходимѣе разсѣчь. Она наблюдала событія и людей для того, чтобы не обмануться въ своемъ мужествѣ и не пролить своей крови напрасно.

9.

Жирондисты Бюзо, Салль, Петіонъ, Валади, Горза, Кервелеганъ, Барбару, Луве, Жиру, Кюсси, Бергунинъ, Лесаажъ изъ департамента Эръ-и-Луара, Мельганъ, Генрихъ Ларивьеръ, дю-Шатель, какъ мы уже видѣли, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ прибыли въ Канъ. Они были заняты тѣмъ, что возбуждали къ всеобщему возстанію сѣверные департаменты, входили въ сношенія съ республиканскими инсургентами Бретани, набирали батальоны изъ волонтеровъ, двигали ихъ противъ арміи Пуизе и Вимифена, шедшей къ Парижу, и поддерживали въ мѣстной администраціи пылъ негодованія, охватившій департаменты, который долженъ былъ истребить ихъ враговъ. Эти депутаты, которыхъ Маратъ такъ часто оскорблялъ, естественно внушали Горъ и Коммунѣ отвращеніе даже къ самому имени ихъ врага. Это ненавистное имя породило мстителей за нихъ и стоило имъ цѣлой арміи. Возставая противъ всемогущества Парижа и противъ диктатуры Конвента, молодежь департаментовъ воображала, что возстаютъ только противъ одного Марата. Дантонъ и Робеспьеръ, почти не принимавшіе участія въ послѣднихъ движеніяхъ противъ Жиронды, не имѣли въ глазахъ инсургантовъ ни значенія, ни авторитета въ народѣ, ни кроваваго изступленія Марата. Имена этихъ двухъ великихъ монтаньяровъ оставались въ тѣни, чтобы не оскорбить уваженія, которое департаментскіе якобинцы питали къ этимъ истинно популярнымъ личностямъ. Толпа ошибалась, видя тираннію и освобожденіе въ лицѣ одного человѣка. Шарлотта раздѣляла этотъ ошибочный взглядъ. Призракъ Марата омрачалъ для нея всю республику.

10.

Жирондисты, которыхъ городъ Канъ принялъ подъ свою защиту, поселились всѣ вмѣстѣ въ прежнемъ дворцѣ интендантства. Вмѣстѣ съ инсurreкціонной комиссіей туда было перенесено и мѣстопробываніе правленія федералистовъ; тамъ происходили народныя собранія, на которыя собирались граждане, а также и женщины, чтобы посмотрѣть и послушать первыхъ жертвъ анархіи и послѣднихъ мстителей за свободу. Такъ долго царившія имена Петіона, Бюзю, Луве, Барбару говорили воображенію Кальвадоса еще больше, чѣмъ ихъ рѣчи. Превратности революціи, которая обратила въ изгнанниковъ и челобитчиковъ республиканскаго города ораторовъ, неспровергнувшихъ монархію, возмущившихъ парижскую чернь, потрясавшихъ своимъ голосомъ трибуны и народъ, умилила зрителей настолько, что они гордились, что скоро будутъ мстителями за такихъ знаменитыхъ гостей. Звукъ ихъ рѣчей охъняла всѣхъ; ихъ называли по именамъ, указывали другъ другу Петіона, короля Парижа, и Барбару, героя Марсея, молодость и красота котораго придавали особенное значеніе его краснорѣчію, мужеству и несчастіямъ. При выходѣ изъ собраній призывали къ оружію и побуждали сыновей, мужей и братьевъ записываться въ батальоны. Шарлотта Корде, не взирая на предразсудки своего сословія, свой полъ и возрастъ, нѣсколько разъ рѣшилась посѣтить эти собранія вмѣстѣ съ своими подругами. Она обратила на себя тамъ общее вниманіе безмолвнымъ энтузіазмомъ, который еще болѣе увеличивалъ ея женственную красоту и выражался только слезами. Она хотѣла увидать тѣхъ, кого она хотѣла спасти. Манеры, рѣчи, лица этихъ первыхъ апостоловъ свободы, почти все молодыхъ, запечатлѣлись въ ея душѣ и придали ея желанію пожертвовать собою ради ихъ дѣла болѣе индивидуальный и страстный характеръ.

11.

Генераль Вимпфенъ, получившій приказаніе отъ Конвента стянуть свои войска къ Парижу, отвѣтилъ, что онъ двинется туда съ шестидесятью тысячами человекъ не для того, чтобы подчиниться волѣ похитителей власти, но чтобы возстановить неприкосновенность народнаго представительства и отомстить за департаменты. Луве обращался съ зажигательными прокламаціями къ городамъ и деревнямъ Морбигана, Котъ-дю-Норъ, Майенны, Иль-э-Вилень, Нижней-Луары, Финистера, Эра, Орна и Кальвадоса. „Силы департаментовъ, направляющіяся къ Парижу, говорилъ онъ:—идутъ туда не затѣмъ, чтобы искать встрѣчи съ врагами для борьбы съ ними, а для того чтобы побрататься съ парижанами и утвердить колеблющуюся статью свободы! Граждане, когда вы увидите, какъ эти дружественныя войска будутъ проходить по вашимъ дорогамъ, по вашимъ городамъ и вашимъ деревнямъ, побратайтесь съ ними. Не допустите, чтобы жадные до крови изверги появились среди васъ и остановили ихъ во время ихъ шествія!“ Слова эти завербовали тысячи волонтеровъ. Уже болѣе шести тысячъ собрались въ городъ Канъ. Въ воскресенье, 7-го іюля, депутаты Жиронды и власти Кальвадоса сдѣлали имъ смотръ съ такимъ торжествомъ, которое способно было воспламенить ихъ мужество. Эти добровольцы, шедшіе съ оружіемъ въ рукахъ и рѣшимостью умереть или отомстить за оскорбленія

ненесенныя свободѣ анархіей, напоминали возстаніе патріотовъ 1792 года, увлекавшее на границы всѣхъ, не желавшихъ жить не имѣя болѣе родины. Шарлотта Корде съ балкона смотрѣла на эту вербовку и отъѣздъ. Энтузіазмъ юныхъ гражданъ, покидавшихъ свои очаги для того, чтобы идти на защиту народныхъ представителей, не боявшихся ни пуля, ни гильотины, едва достигалъ степеней ея собственнаго энтузіазма. Она находила его даже еще слишкомъ слабымъ. Она возмущалась малочисленностью рекрутовъ, которые прибавились послѣ этого смотра къ полкамъ и батальонамъ Вимпфена. Въ этотъ день ихъ, дѣйствительно, было не болѣе двадцати.

Этотъ энтузіазмъ былъ, говорятъ, отчасти подогрѣтъ въ ней тайной, но чистой привязанностью, которую она питала къ одному изъ этихъ юныхъ волонтеровъ, разстававшихся такимъ образомъ съ своими семействами, возлюбленными и, можетъ быть, на всегда. Шарлотта Корде не могла оставаться равнодушной къ предмету своего тайнаго обожанія, но она принесла въ жертву эту привязанность высшему долгу.

Этого молодого человѣка звали Франкеленомъ. Онъ втайнѣ обожалъ молодую республиканку. Онъ велъ съ нею переписку, полную сдержанности и уваженія. Она отвѣчала ему съ грустной и нѣжной осторожностью молодой дѣвушки, которая можетъ принести въ приданое только свои несчастія. Она подарила свой портретъ юному волонтеру и позволила ему любить себя, по крайней мѣрѣ въ мечтахъ. Франкеленъ, увлеченный общимъ порывомъ и увѣренный, что заслужитъ взглядъ и одобреніе, вооружившись на защиту свободы, записался въ Канскій батальонъ. Шарлотта не могла сохранить спокойствіе и не поблѣднѣть, когда увидала, какъ этотъ батальонъ дефилировалъ передъ своимъ отъѣздомъ. Слезы навернулись у нея на глазахъ. Петіонъ, проходившій подъ ея балкономъ и знавшій Шарлотту, удивился этой слабости и обратился къ ней со словами: „Неужели вы были бы довольны, если бы они остались?“ Молодая дѣвушка покраснѣла. Петіонъ не понялъ причину этого волненія. Будущее объяснило его. Молодой Франкеленъ послѣ преступленія и казни Шарлотты Корде удалился въ деревушку въ Нормандіи, пораженный смертельно и самъ отзвукомъ удара топора, отрубившаго голову той, которую онъ обожалъ. Тамъ, проживъ вдвоемъ съ своею матерью нѣсколько мѣсяцевъ, онъ зачахъ и умеръ, завѣщавъ, чтобы портретъ и письма Шарлотты были погребены вмѣстѣ съ нимъ. Этотъ портретъ и эта тайна покоятся въ его могилѣ.

12.

Послѣ ухода волонтеровъ Шарлотту занимала только одна мысль: предупредить прибытіе волонтеровъ въ Парижъ, пощадить ихъ великодушную жизнь и сдѣлать ихъ патріотизмъ ненужнымъ, освободивъ прежде нихъ Францію отъ тиранніи. Это побужденіе, скорѣе навѣянное, нежели явившееся результатомъ ея чувствъ, было однимъ изъ печальныхъ мотивовъ ея преданности, но не причиной ея.

Настоящей причиной былъ ея патріотизмъ. Предчувствіе террора уже охватило въ то время Францію. Въ Парижѣ былъ воздвигнутъ эшафотъ. Говорили, что его скоро будутъ перевозить и по всей республикѣ. Моущество Горы и Марата, если бы они восторжествовали, должно было бы защищать себя только

руками палачей. Говорили, что это чудовище уже заготовилъ списки съ именами осужденныхъ на смерть и сосчиталъ головы жертвъ, на которыхъ пали его подозрѣніе и месть. Двѣ тысячи пятьсотъ жертвъ были намѣчены въ Ліонѣ, три тысячи въ Марсели, двадцать восемь тысячъ въ Парижѣ, триста тысячъ въ Бретани и Кальвадосѣ. Имя Марата приводило въ такой же трепетъ, какъ слово смерть. вмѣсто всей этой крови Шарлотта хотѣла отдать свою. Чѣмъ больше она порывала связи съ землей, тѣмъ пріятнѣе была ея добровольная жертва свободѣ, ради которой она отдавала свою жизнь.

Вотъ о чемъ она втайнѣ мечтала; но Шарлотта хотѣла все предусмотрѣть, прежде чѣмъ нанести ударъ.

13.

Она ни у кого не могла бы ближе узнать о происходящемъ въ Парижѣ, о событіяхъ и лицахъ, какъ у жирондистовъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ. Она хотѣла все вывѣдать у нихъ, не открывшись имъ. Она настолько уважала ихъ, что не хотѣла сообщить имъ своего намѣренія, которое они могли бы счесть за преступленіе или предупредить, какъ отважную безразсудность. У нея хватило твердости скрыть отъ своихъ друзей намѣреніе, которое должно было погубить ее, чтобы спасти ихъ. Подъ благовиднымъ предлогомъ она явилась въ зданіе интендантства, гдѣ граждане, имѣвшіе дѣло къ депутатамъ, могли видѣться съ ними. Она видалась съ Бюзо, Петіономъ, Луве. Она два раза разговоривала съ Барбару. Весѣды красивой дѣвушки, молодой энтузіастки, съ самымъ юнымъ и красивымъ жирондистомъ, подъ предлогомъ политики, могли подать поводъ къ клеветѣ или вызвать на устахъ у нѣкоторыхъ улыбку недовѣрія. Такъ и было въ первую минуту. Луве, написавшій впоследствии гимнъ въ честь молодой героини, сначала думалъ, что ею руководить одно изъ низменныхъ чувственныхъ побужденій, которыя онъ описалъ въ своемъ романѣ „Фобласъ“. Бюзо, душою котораго овладѣлъ другой образъ, едва взглянулъ на Шарлотту. Петіонъ, проходя черезъ пріемную, гдѣ Шарлотта дождалась Барбару, ласково посмѣялся надъ ея усердіемъ и, указавъ на контрастъ между ея поведеніемъ и происхожденіемъ, сказалъ съ улыбкой: „Вотъ прекрасная аристократка, пришедшая посмотреть на республиканцевъ!“ Молодая дѣвушка поняла улыбку и намекъ, оскорбительный для ея скромности. Она сначала покраснѣла, потомъ возмущилась тѣмъ, что покраснѣла, и отвѣтила серьезно, но съ нѣжнымъ укоромъ: „Гражданинъ Петіонъ, теперь вы судите обо мнѣ не зная меня, но когда-нибудь вы узнаете, что я такое“.

14.

Во время аудіенцій у Барбару, которыя она нарочно затягивала, чтобы черпать въ его рѣчахъ республиканскій духъ и воодушевленіе и узнать намѣренія Жиронды, она разыгрывала скромную роль просительницы; она просила у молодого марсельца дать ей рекомендательное письмо къ одному изъ его коллегъ въ Конвентѣ, который могъ бы представить ее министру внутреннихъ дѣлъ. Она говорила, что у нея въ рукахъ есть доказательства въ пользу госпожи де-Форбэнъ, ея подруги дѣтства. Госпожа де-Форбэнъ принуждена была эмигрировать вмѣстѣ съ своими родителями и терпѣла нужду въ Швейцаріи. Барбару

дать ей письмо къ Лозь-де-Пере, одному изъ шестидесяти трехъ депутатовъ партіи Жиронды, не попавшему въ число первыхъ изгнанниковъ.

Это письмо Барбару, приведенное впоследствии Лозь-де-Пере къ эшафоту, не заключало въ себѣ ни одного слова, которое можно было бы поставить въ вину получившему его депутату. Барбару ограничился тѣмъ, что поручалъ молодую гражданку Кана вниманію и покровительству Лозь-де-Пере. Онъ сообщалъ ему также о сочиненіи ихъ общаго друга Салля о конституціи. Взявъ это письмо и полученный ею за нѣсколько дней передъ тѣмъ паспортъ для побѣдки въ Аржантанъ, Шарлотта поблагодарила Барбару и простилась съ нимъ. Звукъ ея голоса поразилъ Барбару и вызвалъ въ немъ предчувствіе, котораго онъ тогда не понималъ. „Если бы мы знали тогда ея намѣреніе, говорилъ онъ впоследствии:—и были бы способны воспользоваться ея рукой для совершенія преступленія, то мы направили бы ея месть не на Марата“.

Веселость, не покидавшая Шарлотту даже во время ея серьезныхъ разговоровъ о политикѣ, исчезла, когда она навсегда покинула жилище жирондистовъ. Въ ней происходила послѣдняя борьба между замысломъ и исполненіемъ. Она постаралась скрыть эту внутреннюю борьбу подъ суетливостью и притворствомъ. Только серьезное выраженіе ея лица и нѣсколько слезинокъ, которыя она не могла утаить отъ глазъ своихъ близкихъ, выдали тоску, овладѣвшую самоубійцей. На вопросъ тетки она отвѣтила: „Я плачу о несчастіяхъ моей родины, моихъ родителей и о вашихъ; пока Маратъ живъ, никто не можетъ ручаться ни за одинъ день своей жизни“.

Госпожа де-Бретвиль вспомнила впоследствии, что, войдя въ комнату Шарлотты, чтобы разбудить ее, она нашла у нея на постели старую Библию, раскрытую на Книгѣ Юдифи и прочла слѣдующій подчеркнутый стихъ: „Юдифъ вышла изъ города сверкая чудной красотой, которой Богъ одарилъ ее для спасенія Израиля“.

Въ тотъ же день Шарлотта, выйдя изъ дома, чтобы сдѣлать послѣднія приготовленія къ отъѣзду, увидала на улицѣ гражданъ Кана, игравшихъ въ карты передъ дверью своихъ домовъ. „Вы играете, обратилась она къ нимъ съ горькой ироніей:—а отечество погибаетъ!“

По ея походкѣ и словамъ видно было, что она спѣшитъ отъѣздомъ. Она дѣйствительно выѣхала 8-го іюля въ Аржантанъ. Тамъ она навѣки простилась съ отцомъ и съ сестрой. Она сказала имъ, что ѣдетъ искать убѣжища противъ революціи и средствъ для пропитанія въ Англіи и хотѣла получить родительское благословеніе передъ долгой разлукой.

Отецъ согласился на ея отъѣздъ.

15.

Уныніе и бѣдность, царившія въ родительскомъ домѣ, преждевременная могила матери, изгнаніе братьевъ, крушеніе всѣхъ надеждъ, разрывъ со всѣми связями дѣтства, вмѣсто того чтобы ослабить рѣшеніе молодой дѣвушки, еще сильнѣе поддержали его. Ей не о чемъ было сожалѣть, некого было компрометировать, нечего было ожидать. Обнимая отца и сестру, она больше оплакивала прошедшее, чѣмъ сокрушалась о будущемъ. Въ тотъ же день она верну-

лась въ Кань. Она обманула тетку, употребивъ съ нею ту же самую хитрость, какъ и съ отцомъ. Она сказала ей, что скоро уѣдетъ въ Англію, гдѣ эмигрировавшіе друзья ея приготовили ей убѣжище и обѣщали устроить ей жизнь такъ, какъ она не могла бы устроиться на родинѣ. Это объясненіе уменьшило тягость разлуки и примирило съ ея отъѣздомъ. Шарлотта рѣшила про себя, что уѣдетъ на слѣдующій день, 9-го іюня, съ дилижансомъ, отправлявшимся въ Парижъ.

Шарлотта въ послѣдніе дни своего пребыванія въ домѣ тетки была исполнена благодарности, предупредительности и нѣжности къ той, чьимъ гостеприимствомъ она пользовалась такъ долго; черезъ одну изъ своихъ подругъ она позаботилась о судьбѣ старой служанки, которая ходила за нею въ дѣтствѣ. Она заказала, уплативъ заранѣе, нѣсколькимъ швеямъ въ Канѣ поларки, состоявшія изъ платьевъ и вышивокъ, которыя она предназначала подругамъ дѣтства, чтобы онѣ, нося ихъ послѣ ея отъѣзда, вспоминали о ней. Свои любимыя книги она распредѣлила между наиболѣе близкими ей лицами. Она оставила у себя только одинъ томъ Сочиненій Плутарха, который хотѣла увезти съ собою, точно не желала въ этотъ періодъ своей жизни разстаться съ обществомъ тѣхъ великихъ людей, съ которыми она жила и хотѣла умереть.

Наконецъ, 9-го іюля, на разсвѣтѣ, она взяла подъ мышку небольшой свертокъ, съ самой необходимой одеждой, обняла тетку и сказала ей, что хочетъ срисовать сушильщицъ сѣна на сосѣднихъ дугахъ. Она вышла изъ дома съ рисовальной папкой въ рукахъ съ тѣмъ, чтобы никогда уже не вернуться.

Внизу лѣтницы она встрѣтила сына бѣднаго работника, по имени Роберта, который жилъ въ домѣ, выходившемъ на улицу. Мальчикъ обыкновенно игралъ на дворѣ. Иногда она давала ему картинки. „Возьми, Робертъ, сказала она подавая ему папку для рисованія, которая ей не нужна была болѣе, но которую она захватила съ собою, чтобы отвлечь подозрѣніе:—будь умникомъ и подѣлуй меня. Ты меня больше никогда не увидишь“. Она обняла ребенка, при чемъ на его щеку капнула ея слеза. Это была послѣдняя слеза, пролитая ею на порогѣ того дома, гдѣ она провела свою юность. Ей оставалось только пожертвовать своею кровью.

Ея отъѣздъ, причины котораго не знали никто изъ ея сосѣдей въ улицѣ Сень-Жана, былъ обнаруженъ однимъ обстоятельствомъ, которое вполне обрисовало ясное спокойствіе ея души до тѣхъ поръ, пока она не пришла къ послѣднему рѣшенію.

Противъ дома госпожи де-Бретвиль, на противоположной сторонѣ улицы Сень-Жана, жило семейство, уважаемое въ Канѣ, по фамили Лакутюрь. Сынъ, страстный любитель музыки, посвящалъ ежедневно нѣсколько утреннихъ часовъ игрѣ на любимомъ инструментѣ. Черезъ открытое окно игра его была слышна и въ сосѣднихъ домахъ. Шарлотта, чтобы лучше слышать его игру, пріоткрывала и свое окно и, наполовину спрятавшись за оконными занавѣсками, облакачивалась на каменный подоконникъ и слушала, и мечтала подъ звуки музыки. Молодой музыкантъ, воодушевленный присутствіемъ молодой дѣвушки, не пропускалъ ни одного дня, чтобы въ обычный часъ не сѣсть за свои клавикуды; а Шарлотта каждый день отворяла свое окно. Однородные вкусы, казалось, устано-

вили безмолвную связь душъ, узнавшихъ другъ друга только благодаря звукамъ музыки.

Наканунѣ того дня, когда Шарлотта окончательно рѣшила привести въ исполненіе свое намѣреніе и умереть, звуки фортепіано раздались въ обычный часъ. Шарлотта по привычкѣ и подѣ обаяніемъ любимаго искусства по обыкновенію раскрыла окно и, казалось, слушала музыку такъ же сосредоточенно, какъ всегда, а замечталась еще болѣе. Но она захлопнула окно раньше, чѣмъ музыкантъ закрылъ свое фортепіано, какъ будто желала избѣжать тяжелаго прощанія съ послѣднимъ плѣнявшимъ ее удовольствіемъ.

На слѣдующій день молодой музыкантъ, сѣвъ за свой инструментъ, посмотрѣлъ въ конецъ двора, не откроется ли при звукахъ прелюдіи окно племянницы госпожи де-Бретвиль. Но окно не открылось. Такимъ образомъ онъ узналъ объ отъѣздѣ Шарлотты. Инструментъ все еще звучалъ, а душа молодой дѣвушки прислушивалась лишь къ неотступно преслѣдовавшей ее мысли, къ призыву смерти и къ похваламъ потомства.

16.

Свобода и беззаботность ея разговора во время переѣзда въ каретѣ, уволившей ее въ Парижъ, вызывали восхищеніе, симпатію и любопытство въ спутникахъ къ прекрасной незнакомкѣ, блиставшей молодостью и красотою. Въ теченіе перваго дня пути она все время играла съ маленькой дѣвочкой, случайно занявшей мѣсто рядомъ съ нею въ каретѣ. Быть можетъ, любовь къ дѣтямъ вывела ее изъ удрученнаго состоянія, или же она уже сбросила съ себя тяжесть заботъ и хотѣла насладиться этими послѣдними часами, проведенными ею въ обществѣ невиннаго ребенка.

Остальные путешественники были экзальтированные монтаньяры, бѣжавшіе въ Парижъ отъ подозрѣній въ федерализмѣ, призывавшіе проклятія на головы жирондистовъ и разсыпавшіеся въ похвалахъ Марату. Ослѣпленные красотою молодой дѣвушки, они пытались узнать ея имя, цѣль ея поѣздки и ея парижскій адресъ. Ея одиночество въ такомъ юномъ возрастѣ поощрило ихъ къ фамильярности, которой она положила предѣлъ скромностью своего обращенія и уклончивостью своихъ отвѣтовъ, а также и тѣмъ, что притворилась спящей. Одинъ молодой человѣкъ, болѣе скромный, увлеченный ея чистотой и прелестью, рѣшился въ почтительныхъ выраженіяхъ выразить ей свое восхищеніе ею. Онъ умолялъ ее разрѣшить ему просить у ея родителей ея руки. Она обратила въ шутку это внезапное признаніе въ любви и ласково посмѣялась надъ нимъ. Она общалась этому молодому человѣку сообщить впоследствии свое имя и свои намѣренія относительно него. Она возбуждала до конца путешествія восторгъ въ своихъ спутникахъ, которые съ сожалѣніемъ разстались съ очаровательнымъ видѣніемъ.

17.

Она пріѣхала въ Парижъ въ четвергъ, 11 іюля, въ полдень. Она попросила проводить ее въ гостиницу, которую ей рекомендовали еще въ Канѣ: въ гостиницу „Провидѣніе“ въ улицѣ Старыхъ Августинцевъ, № 17. Она заснула въ пять часовъ вечера и проспала крѣпкимъ сномъ до слѣдующаго дня. Въ

теченіе долгихъ часовъ уединенія и волненія, проведенныхъ въ гостиницѣ среди шума столицы, многолюдство и суматоха которой поглощаютъ всѣ мысли и волнуютъ умы, никто не зналъ что она пережила въ своей душѣ, когда, проснувшись, она увидала, что принятое ею рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе. Кто можетъ соразмѣрить силу ея идеи и борьбу натуры? Идея восторжествовала.

18.

Она встала, надѣла простенькое, но приличное платье и отправилась къ Лозь-де-Пере. Другъ Барбару былъ въ Конвентѣ. Дочери его, за отсутствіемъ отца, взяли у молодой пріѣзжей дѣвушки рекомендательное письмо Барбару. Лозь-де-Пере долженъ былъ возвратиться только вечеромъ. Шарлотта вернулась къ себѣ и провела весь день въ своей комнатѣ, читала, размышляла и молилась. Въ шесть часовъ она опять пошла къ Лозь-де-Пере. Депутатъ сидѣлъ за столомъ и ужиналъ съ своимъ семействомъ и друзьями. Онъ всталъ изъ-за стола и принялъ ее въ залѣ безъ свидѣтелей. Шарлотта объяснила ему, какого одолженія она ожидаетъ отъ него, и просила его проводить ее къ министру внутреннихъ дѣлъ, Гара, чтобы своимъ присутствіемъ и вліяніемъ поддержать правдивость доказательствъ, которыя она хотѣла представить. Эта просьба мадемуазель Корде была только предлогомъ, чтобы попасть къ одному изъ жирондистовъ, ради которыхъ она рѣшила принести себя въ жертву; изъ разговоровъ съ нимъ она надѣялась извлечь указанія и почерпнуть свѣдѣнія, которыя могли вѣрнѣе направить ея ударъ.

Лозь-де-Пере вслѣдствіе поздняго времени и потому, что у него были гости, отказался проводить Шарлотту въ этотъ вечеръ къ Гара, но сказалъ, что заѣдетъ за нею на слѣдующій день утромъ и отвезетъ ее въ палату. Она сообщила ему свое имя и адресъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ къ выходу; потомъ, какъ бы подавшись чувству симпатіи, которую ей внушило честное лицо этого человѣка и молодость его дочерей, она сказала ему голосомъ, полнымъ таинственности и задухновенности: „Позвольте мнѣ подать вамъ совѣтъ, гражданинъ:— оставьте Конвентъ, вы не можете принести тамъ больше пользы; поѣжайте въ Канъ и присоединитесь къ вашимъ друзьямъ и братьямъ“.— „Мое мѣсто въ Парижѣ, отвѣтилъ депутатъ:— и я его не покину“.— „Вы дѣлаете ошибку, многозначительно и почти съ мольбой возразила Шарлотта.— Вѣрьте мнѣ, прибавила она понизивъ голосъ и быстро:— бѣгите, бѣгите до завтрашняго вечера!“ Она ушла не дождавшись отвѣта.

19.

Слова эти, смыслъ которыхъ былъ извѣстенъ одной только незнакомкѣ, Лозе-де-Пере объяснилъ какъ простой намекъ на огромную опасность, которая угрожала въ Парижѣ людямъ его партіи. Онъ вернулся къ своимъ друзьямъ и сказалъ имъ, что въ манерахъ и въ словахъ молодой дѣвушки, съ которой онъ только что разговаривалъ, было что-то странное и таинственное, поразившее его, и что она совѣтовала ему быть осторожнымъ и осмотрительнымъ. Вечеромъ Конвентъ издалъ декретъ, повелѣвавшій опечатать бумаги депутатовъ,

подозрѣваемыхъ въ сношеніяхъ съ двадцатью-двумя. Въ числѣ ихъ былъ и Лозъ-де-Пере. Однако на слѣдующій день, 13-го, рано утромъ онъ зашелъ за Шарлоттой съ тѣмъ, чтобы проводить ее къ Гара. Гара не принялъ ихъ. Министръ не могъ принять ихъ ранѣе восьми часовъ вечера. Эта неудача огорчила Лозъ-де-Пере. Онъ объяснилъ молодой дѣвушкѣ, что вслѣдствіе павшаго на него подозрѣнія и мѣръ, принятыхъ относительно его Конвентомъ въ прошлую ночь, отнынѣ его покровительство могло скорѣе повредить ей, чѣмъ принести пользу; притомъ у нея не было письменной довѣренности отъ мадемуазель де-Форбэнъ, чтобы дѣйствовать отъ ея лица, и за неисполненіемъ этой формальности ея попытки будутъ напрасны.

Незнакомка почти не возражала, какъ человекъ, не нуждающійся болѣе въ предлогѣ, которымъ она хотѣла замаскировать свое поведеніе и который довольствуется первымъ возраженіемъ, чтобы отказаться отъ своего намѣренія. Лозъ-де-Пере разстался съ нею у дверей гостиницы „Провидѣніе“. Она сдѣлала видъ, что входитъ туда. Она однако тотчасъ же вышла опять и, спрашивая дорогу на каждой улицѣ, добралась до Пале-Рояля.

Она вошла въ садъ, не какъ новопріѣзжая, желающая удовлетворить свое любопытство лицезрѣніемъ памятниковъ и общественныхъ садовъ, но какъ путешественница, у которой въ городѣ есть дѣло и которая не хочетъ потерять ни одного дня и сдѣлать лишняго шага. Отыскавъ глазами подъ галереями магазина оружейника, она вошла туда, выбрала кинжалъ съ ручкой изъ чернаго дерева, заплатила три франка, спрятала его подъ косынку и медленными шагами вернулась въ садъ, гдѣ присѣла на минуту на одну изъ каменныхъ скамеекъ.

Тамъ, хотя погруженная въ свои мысли, она все же любовалась играми дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторыя рѣзвились у ея ногъ и довѣрчиво прислонялись къ ея колѣнямъ. Ея послѣдняя женственная улыбка предназначалась этимъ личикамъ и этимъ играмъ. Ее угнетала мысль не о самомъ поступкѣ, который она уже рѣшила совершить, но мысль о способѣ привести его въ исполненіе. Она хотѣла придать убійству видъ торжественнаго закланія, которое повергло бы въ ужасъ души подражателей тирана. Сначала она намѣревалась подойти къ Марату и убить его на Марсовомъ полѣ во время торжественной церемоніи Федерациі, которая должна была состояться 14-го іюля въ память завоеванія свободы. Отерочка этого торжества до дня триумфа республики надъ вандейцами и инсургентами лишила ее арены дѣйствія и жертвы. Второй ея мыслью было до этой минуты—убить Марата на вершинѣ Горы, среди Конвента, на глазахъ его поклонниковъ и соумышленниковъ. Она надѣялась, что въ послѣднемъ случаѣ и она будетъ также убита и растерзана возмущенной толпой и не оставитъ никакихъ слѣдовъ и воспоминаній кромѣ двухъ труповъ и тиранію, ниспровергнутую ея кровью. Погрузить свое имя въ забвеніе и искать награды только въ самомъ поступкѣ, не заботясь ни о позорѣ, ни о славѣ и ща одобренія только у своей совѣсти и у Бога и думая только о пользѣ, которую она принесетъ: вотъ въ чемъ до самой ея смерти состояло ея честолюбіе. Позоръ? Она не хотѣла навлечь его на свое семейство. Слава?

Она не искала ея для себя. Слава казалась ей человѣческой наградой, недостойной ея поступка и способной только унижить ея добродѣтель.

Изъ разговоровъ по ея прїѣздѣ въ Парижъ съ Лозъ-де-Пере и его гостями она узнала, что Марать больше не появляется въ Конвентѣ. Значить, пришлось искать свою жертву въ другомъ мѣстѣ и, чтобы приблизиться къ ней, надо было обмануть ея.

20.

Она рѣшилась на это. Это притворство, оскорблявшее ея природную честность и обращавшее кинжалъ въ западню, мужество въ хитрость и закланіе въ убійство,—было первымъ угрызеніемъ ея совѣсти и первой карой. Поступокъ преступный можно отличить отъ геройскаго еще до совершения его по тѣмъ средствамъ, къ которымъ приходится прибѣгнуть для приведенія его въ исполненіе. Преступленіе всегда принуждено лгать, добродѣтель—никогда. Потому что первое—ложь, вторая истина въ дѣйствіи. Первому нуженъ мракъ, вторая требуетъ свѣта. Шарлотта рѣшилась на обманъ. Это ей было тяжело, тѣмъ нанести ударъ. Она сама призналась въ этомъ. Совѣсть ея чиста передъ потомствомъ. Она вернулась въ свою комнату, написала Марату записку, которую отдала привратницѣ „друга народа“. „Я прїѣхала изъ Кана, писала она ему:—ваша любовь къ отечеству заставляетъ меня предполагать, что вамъ очень интересно будетъ узнать о печальныхъ событіяхъ въ этой части республики. Я приду къ вамъ около часу, будьте добры принять и выслушать меня. Я предоставляю вамъ возможность оказать Франціи большую услугу“.

Шарлотта, разчитывая на впечатлѣніе, которое должна была произвести ея записка, отправилась въ назначенный часъ къ Марату, но ей не удалось попасть къ нему. Тогда она оставила у привратницы вторую записку, еще болѣе убѣдительную и искусно составленную, чѣмъ первая. Она звывала уже не только къ патріотизму, но и къ милосердію „друга народа“, и ставила ему западню, разчитывая именно на предполагаемое въ немъ великодушіе. „Я писала вамъ сегодня утромъ, Марать; получили ли вы мое письмо? Я сомнѣваюсь въ этомъ, потому что мнѣ отказали допустить меня къ вамъ. Надѣюсь, что завтра вы разрѣшите мнѣ увидѣться съ вами. Повторяю вамъ, что я прїѣхала изъ Кана; я могу сообщить вамъ вещи, чрезвычайно важныя для блага республики. Къ тому же меня преслѣдуютъ за мою приверженность къ свободѣ. Я несчастна; этого достаточно, чтобы я имѣла право на вашъ патріотизм“.

21.

Не ожидая отвѣта, Шарлотта, вышла изъ дома въ семь часовъ вечера, одѣтая съ большей тщательностью, чѣмъ обыкновенно, чтобы обмануть бдительность людей, окружающихъ Марата. Поверхъ бѣлаго платья она накинула на плечи шелковую косынку. Эта косынка, прикрывавшая ея грудь, была собрана у талии подъ кушакъ и завязана сзади узломъ. Волосы были прикрыты нормандскимъ чепчикомъ, развѣивающіяся кружева котораго спускались

ей на щеки. Широкая зеленая лента стягивала эту прическу на вискахъ. Волосы выбивались изъ-подъ нея на затылкѣ и нѣсколько локоновъ падали ей на плечи. Ни блѣдность лица, ни блуждающій взоръ, ни взволнованный голосъ, ничто не давало возможности заподозрить, что она несетъ съ собою смерть. Въ такомъ привлекательномъ видѣ она вступила въ жилище Марата.

22.

Маратъ занималъ нижній этажъ ветхаго дома въ улицѣ Кордельеровъ, впоследствии улицы Медицинской школы, № 20. Его квартира состояла изъ передней и рабочаго кабинета, выходившаго въ узкій дворикъ, небольшой ванной комнаты, прилегающей къ кабинету, спальни и пріемной, окна которой выходили на улицу. Эта квартира была почти пустая. Многочисленныя сочиненія Марата, лежавшія кучами на полу, газетныя листки, еще сырые отъ краски, разбросанныя по столамъ и стульямъ, постоянно приносимыя и отправляемыя въ типографію корректурныя оттиски, женщины, складывавшія и надписывавшія адреса на брошюрахъ и газетахъ, стертыя ступеньки лѣстницы, плохо подметенныя пороги, все указывало на движеніе и безпорядокъ, всегда царящее вѣкругъ дѣловаго человѣка и на непрерывный наплывъ гражданъ въ домъ журналиста и главы народа.

Этотъ домъ, такъ сказать, кичился своею бѣдностью. Казалось, что его хозяинъ, пользовавшійся въ то время всемогуществомъ въ народѣ, хотѣлъ сказать посѣтителямъ свою бѣдностью и трудомъ: „Взгляните на друга и на образецъ народа! онъ остался вѣрнѣ ему въ жилищѣ, въ своихъ привычкахъ, въ одеждѣ“.

Эта бѣдность была вѣвѣской трибуна; хотя она и казалась неестественной, но она все-таки была истинной. Хозяйство у Марата было такое же, какъ у простаго рабочаго. Извѣстна женщина, заглядывавшая его хозяйствомъ. Звали ее раньше Катериной Эвараръ; но съ тѣхъ поръ какъ „другъ народа“ далъ ей свое имя, женившись на ней, по примѣру Жанъ-Жака Руссо „въ прекрасный день при свѣтѣ солнца“, ее начали называть Альбертиной Маратъ. Одна единственная служанка помогала этой женщинѣ въ ея хлопотахъ по дому. Посыльный Лоренцъ Бассъ исполнялъ порученія и работы во дворѣ. Въ свободныя минуты этотъ труженикъ занимался въ передней сортировкой и отправкой листовъ и объявленій „друга народа“.

Медленно подтачивавшая его жизнь болѣзнь не остановила лихорадочной дѣятельности писателя. Его воспаленная кровь, казалось, разжигала его душу. Онъ писалъ и въ постели, и сидя въ ванной, ругалъ, поносилъ своихъ враговъ, подстрекалъ Конвентъ и кордельеровъ. Оскорбленный молчаніемъ, которымъ Собраніе встрѣтило его посланія, онъ написалъ ему новое письмо, въ которомъ угрожалъ Конвенту, что прикажетъ принести себя умирающаго на трибуну, чтобы пристыдить представителей за ихъ слабость и предписать имъ новыя убійства. Онъ не давалъ покоя ни другимъ, ни самому себѣ. Предчувствуя приближеніе смерти, онъ боялся, казалось, только одного,—чтобы его преждевременная смерть не лишила его возможности убить достаточное число виновныхъ. Болѣе спѣшившій убивать, чѣмъ жить, онъ торопился отправить

на тотъ свѣтъ раньше себя какъ можно больше жертвъ, чтобы дать при посредствѣ меча наибольшее число заложниковъ революціи, которую онъ хотѣлъ оставить послѣ своей смерти безъ враговъ. Страхъ, внушаемый домою Марата, возвращался туда же, но только подъ другимъ видомъ—вѣчной боязни убійства. Его подругѣ и близкимъ ему людямъ казалось, что они видятъ столько же кинжаловъ, сколько онъ самъ направилъ на триста тысячъ гражданъ. Доступъ въ его домъ былъ такъ же труденъ, какъ доступъ во дворецъ тирана. Къ нему допускались лишь вѣрные друзья и доносчики послѣ строгаго предварительнаго опроса. Любовь, недовѣріе и фанатизмъ одновременно охраняли его жизнь.

23.

Хотя Шарлотта и не знала объ этихъ препятствіяхъ, но подозрѣвала, что они могутъ существовать. Она вышла изъ кареты на противоположной сторонѣ улицы, противъ жилища Марата. День клонился къ вечеру; особенно казалось темно въ этомъ кварталѣ, съ высокими зданіями и узкими улицами. Привратница сначала отказалась пропустить незнакомую молодую дѣвушку во дворъ. Но послѣдняя настаивала и, несмотря на протестъ привратницы, поднялась на нѣсколько ступеней лѣстницы. Услышавъ шумъ, подруга Марата пріотворила дверь и тоже отказалась впустить незнакомку. Споръ этихъ двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна умоляла разрѣшить ей переговорить съ „другомъ народа“, а другая продолжала загораживать дверь, достигъ до слуха Марата. Онъ понялъ изъ этихъ отрывочныхъ объясненій, что посѣтительница была та самая особа, отъ которой онъ получилъ два письма въ теченіе дня. Повелительнымъ и громкимъ голосомъ онъ приказалъ впустить ее.

Изъ чувства ли ревности или вслѣдствіе недовѣрія, но только Альбертина исполнила приказаніе съ неохотой и ворчаніемъ. Она ввела молодую дѣвушку въ небольшую комнату, гдѣ находился Маратъ, и, уходя, оставила дверь открытой въ коридоръ, чтобы слышать каждое слово и видѣть каждое движеніе больного.

Комната была слабо освѣщена. Маратъ сидѣлъ въ ваннѣ. Но, несмотря на этотъ принудительный покой, въ которомъ находилось его тѣло, душа его не отдыхала. Плохо выструганная доска, положенная на ванну, была покрыта бумагами, распечатанными письмами, начатыми листками. Въ правой рукѣ онъ держалъ перо, которымъ пріостановился писать при входѣ незнакомки. Этотъ листъ бумаги было письмо въ Конвентъ съ требованіемъ суда и изгнанія послѣднихъ Бурбоновъ, которымъ было разрѣшено остаться во Франціи. Рядомъ съ ванной, на тяжеломъ дубовомъ чурбанѣ, напоминавшемъ полѣно, поставленное стоймя, стояла свинцовая грубой работы чернильница: грязный источникъ, откуда въ теченіе трехъ лѣтъ вылилось столько доносовъ, неистовствъ и крови! Маратъ сидѣлъ въ ванной, покрытой грязной съ чернильными пятнами простыней; изъ-подъ воды высовывались его голова, плечи, часть груди и правая рука. Въ чертахъ лица этого человѣка не было ничего такого, что могло бы смягчить сердце женщины и поколебать ея рѣшеніе нанести ударъ. Сальные волосы, обвязанные грязнымъ платкомъ, покатыя лобъ, нахальный взглядъ,

выдавшіяся скулы, большой съ насмѣшливымъ выраженіемъ ротъ, волосатая грудь, сухопарыя руки и ноги, багровая кожа: таковъ былъ Маратъ.

24.

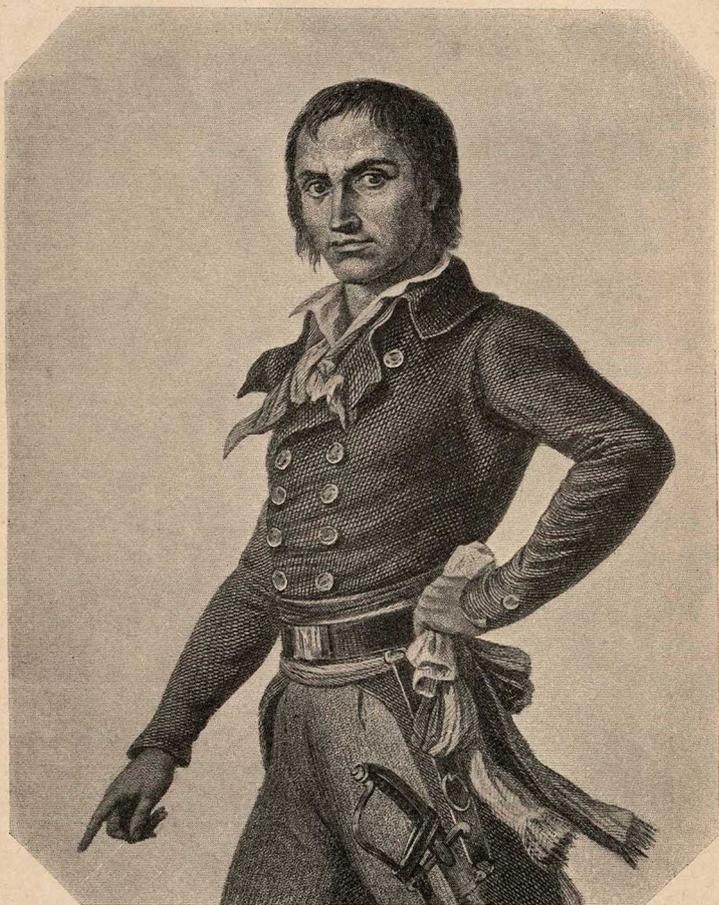
Шарлотта избѣгала смотрѣть на Марата, чтобы при взглядѣ на него не выдать своего душевнаго волненія. Стоя около ванны съ опущенными глазами и руками, Шарлотта ожидала вопросовъ Марата о положеніи Нормандіи. Она отвѣчала кратко, придавая своимъ словамъ смыслъ и тонъ, соответствовавшіе планамъ демагога. Онъ спросилъ у нея имена депутатовъ, нашедшихъ убѣжище въ Капѣ. Она назвала ихъ. Онъ ихъ записалъ; потомъ онъ сказалъ тономъ человѣка, который увѣренъ, что онъ исполнитъ свою угрозу: „Хорошо! не пройдетъ недѣли, какъ все они сложатъ свои головы на гильотинѣ!“

При этихъ словахъ, Шарлотта, какъ бы ожидавшая этой угрозы совершить злодѣяніе, чтобы нанести ударъ, выхватила спрятанный на груди кинжалъ и съ сверхъестественной силой погрузила его по самую рукоятку въ сердце Марата. Тѣмъ же движеніемъ она вытащила окровавленный ножъ изъ тѣла своей жертвы и уронила его къ своимъ ногамъ. „Ко мнѣ, дорогой другъ! ко мнѣ!“ воскликнулъ Маратъ и тутъ же испустилъ духъ.

На отчаянный крикъ жертвы въ комнату вбѣжали Альбертина, служанка и Лоренсъ Бассъ; они подхватили голову лишившагося чувствъ Марата. Шарлотта, какъ бы окаменѣвъ послѣ совершеннаго преступленія, неподвижно стояла скрытая оконными занавѣсками. Сквозь прозрачную матерію при послѣднихъ лучахъ солнца ясно обрисовывались очертанія ея фигуры. Лоренсъ, схвативъ стулъ, нанесъ ей плохо рассчитанный ударъ по головѣ, а затѣмъ опрокинулъ ее на полъ. Любовница Марата начала въ бѣшенствѣ топтать ее ногами. На шумъ и крики обѣихъ женщинъ сбѣжались жильцы дома и сосѣди; прохожіе останавливались на улицѣ, поднимались по лѣстницѣ, наполнили квартиру, дворъ и весь кварталъ и съ неистовыми криками требовали выдачи убійцы, для того чтобы около еще не остывшаго трупа отмстить за смерть народнаго кумира. Прибѣжали солдаты съ ближайшихъ постовъ и національные гвардейцы. Суматоха успокоилась на нѣкоторое время. Врачи явились, чтобы перевязать рану. Красный цвѣтъ воды придавалъ кровожадному человѣку такой видъ, будто онъ утонулъ въ кровавой ваннѣ. На постель былъ перенесенъ уже трупъ.

25.

Шарлотта встала сама. Два солдата держали ее руки, скрученныя накрестъ, точно въ тискахъ, въ ожиданіи, пока принесутъ веревки. Окружавшій ее частоколь изъ штыковъ едва могъ сдержать толпу, которая рвалась къ ней, чтобы растерзать ее. Угрожающіе жесты, поднятые кулаки, палки и сабли грозили ей тысячью смертей. Сожительница Марата, вырываясь отъ угнѣвавшихъ ее женщинъ, то бросалась на Шарлотту, то снова принималась рыдать и падала въ обморокъ. Одинъ фанатикъ-кордельеръ, по имени Ланглуа, парикмахеръ въ улицѣ Дофина, поднялъ окровавленный ножъ. Онъ сказалъ надъ тѣломъ жертвы надгробное слово. Онъ прерывалъ свои

Колло д'Арбуа.

жалобы и похвалы покойному жестами, взывающими къ мести, мысленно погружая при каждомъ изъ нихъ ножъ въ сердце убійцы. Шарлотта, заранѣе приготовившаяся принять всѣ эти смерти, безучастно и какъ бы окаменѣвъ, смотрѣла и на волненіе, и на угрожающіе жесты и оружіе, направленное противъ нея и почти касавшееся ее. Повидимому ее трогали только раздрающіе душу крики любовницы Марата. При видѣ этой женщины лицо Шарлотты выражало изумленіе, какъ она не подумала, что подобный человѣкъ могъ быть любимъ, и сожалѣніе, что она, должна была нанести ударъ двумъ сердцамъ, чтобы пронзить одно. Кромѣ выраженія жалости, которую вызывали въ ней укоры Альбертины, лицо ея не выражало ни малѣйшаго волненія. Только оскорбленія оратора и вопли народа о своемъ погибшемъ кумирѣ вызывали на ея губахъ горькую презрительную улыбку. „Бѣдные люди, сказала она:— вы требуете моей смерти, а вы должны бы были воздвигнуть мнѣ алтарь за то, что я избавила васъ отъ такого чудовища! Отдайте меня этимъ бѣсноватымъ, обратилась она къ солдатамъ:—такъ какъ они жалѣютъ о немъ, то они достойны стать моими палачами!“

Эта улыбка, выражавшая какъ бы презрѣніе къ толпѣ, вызвала еще болѣе бѣшеныя проклятія и угрозы. Комиссаръ квартала Французскаго театра, Гильяр, вошелъ въ сопровожденіи конвоя, вооруженнаго штыками. Онъ составилъ протоколъ убійства и приказалъ отвести Шарлотту въ приемную Марата, чтобы подвергнуть ее допросу. Онъ записывалъ ея отвѣты. Они были спокойны, ясны, обдуманны; она давала ихъ твердымъ, громкимъ голосомъ, въ которомъ слышалось только чувство гордаго удовлетворенія въ совершенномъ поступкѣ. Она диктовала свои отвѣты, точно воздавала себѣ хвалу. Административныя лица департаментской полиціи, Луве и Маріонъ, подпоясанные трехцвѣтными шарфами, присутствовали при допросѣ. Они дали знать о случившемся въ совѣтъ Коммуны, въ Комитетъ общественнаго спасенія и Комитетъ общественной безопасности. Извѣстіе о смерти „друга народа“ распространилось съ быстротою электрическаго тока людьми, бѣгавшими изъ квартала въ кварталъ. Весь Парижъ точно остолбенѣлъ при вѣсти о совершенномъ преступленіи. Повидимому, вся республика была потрясена, и смерть Марата должна была вызвать неожиданный переворотъ. Блѣдные и дрожащіе депутаты, прішедшіе въ Конвентъ и прервавшіе засѣданіе, первые смутили залу сообщеніемъ о совершившемся событіи. Имъ не хотѣли вѣрить, какъ не хотятъ вѣрить святотатству. Главнокомандующій національной гвардіей, Анрію, явившійся велѣдъ за ними, подтвердилъ это извѣстіе. „Да, трепещите всѣ, сказалъ онъ:—Маратъ палъ подъ рукою молодой дѣвушки, которая гордится нанесеннымъ ею ударомъ. Удвойте бдительность надъ вашей собственной жизнью. Та же опасность угрожаетъ всѣмъ намъ. Остерегайтесь зеленыхъ лентъ и дадимъ клятву отомстить за смерть этого великаго человѣка!“

Депутаты Моръ, Шабо, Друэ и Лежандръ, члены правительственныхъ комитетовъ, тотчасъ же вышли изъ залы и поспѣшили на мѣсто преступленія. Они застали тамъ все прибывающую толпу и Шарлотту, отвѣчающую на пред-

варительные вопросы. Они остановились пораженные и безмолвные при видѣ молодости и красоты, соединенныхъ съ спокойствіемъ и обдуманностью отвѣтовъ. Никогда еще преступленіе не являлось подъ такой оболочкой въ воображеніи людей. Она, казалось, настолько преобразила его въ ихъ глазахъ, что жалость къ убійцѣ охватила ихъ у самаго трупа.

Когда протоколъ былъ составленъ и показанія Шарлотты записаны, депутаты Шабо, Друэ, Лежандръ и Моръ приказали отвести ее въ Аббатство, ближайшую отъ дома Марата тюрьму. Позвали ту же самую карету, въ которой она прѣхала. Толпа наводнила улицу Кордельеровъ. Глухой ропотъ толпы, прерываемый проклятіями и взрывами бѣшенства, предвѣщалъ месть и затруднялъ переѣздъ. Отряды постепенно прибывавшихъ фузилеровъ, шарфы комиссаровъ, уваженіе къ членамъ Конвента съ трудомъ въ состояніи были оттѣснить и сдержать толпу. Кorteжъ едва пробилъ себѣ дорогу. Въ ту минуту, когда Шарлотта со связанными руками и поддерживаемая подъ локти двумя солдатами національной гвардіи переступила порогъ дома и хотѣла взойти на подножку кареты, толпа окружила экипажъ съ такими криками и угрозами, что Шарлоттѣ показалось, что она чувствуетъ, какъ тысячи рукъ раздраютъ ее тѣло, и она лишилась чувствъ.

Придя въ себя, она удивилась и огорчилась тѣмъ, что она еще жива. Она мечтала о такой смерти. Она жалѣла, что не погибла во время бури, которую она подняла, и что имя ея умретъ прежде нея; однако она горячо поблагодарила тѣхъ, кто защищалъ ее противъ насилій толпы.

27.

Шабо, Друэ, Лежандръ сопровождали ее до Аббатства и сняли съ нея вторичный допросъ. Онъ затянулся до поздней ночи. Нѣкоторые изъ членовъ комитета и въ томъ числѣ Арманъ (депутатъ отъ Мёза), привлеченные любопытствомъ, проникли вслѣдъ за своими коллегами и присутствовали при допросѣ, который часто былъ прерываемъ паузами и разговорами. Лежандръ, гордившійся своимъ значеніемъ для республики и завидовавшій, что его тоже не сочли жертвой, достойной пасть отъ руки патріотовъ, призналъ въ Шарлоттѣ или вѣрнѣе притворился, что признаетъ въ ней, молодую дѣвушку, приходившую къ нему накупить въ одеждѣ монахини, которую онъ отказался принять. „Гражданинъ Лежандръ ошибается, сказала Шарлотта съ улыбкой, задѣвшей самолюбіе депутата:—я никогда не видала его. Я не посягала на жизнь человѣка, столь полезнаго для блага республики“.

Ее обыскали. Въ карманахъ у нея нашли ключъ отъ чемодана, серебряный наперстокъ, клубокъ нитокъ,—принадлежности для шитья, только что лежавшія рядомъ съ книжломъ Брута; двѣсти франковъ ассигнаціями и металлической монетой, золотые часы работы канскаго часовщика и паспортъ. Подъ косынкой у нея еще были спрятаны ножны отъ книжала, которымъ она поразила Марата. „Признаете вы этотъ ножъ?“ спросили ее.—„Да.“—„Кто побудилъ васъ совершить это преступленіе?“—„Я видѣла, отвѣтила она:—какъ гражданская война грозитъ раздробить Францію; убѣдившись, что главной причиной несчастій и бѣдствій отечества былъ Маратъ, а рѣшилась пожертвовать своею жизнью убивъ

его, чтобы спасти родину“. — „Назовите намъ лицъ, подстрекнувшихъ васъ совершить это гнусное злодѣяніе, которое вы едва ли задумали сами“. — „Никто не зналъ о моемъ намѣреніи. Я обманула насчетъ цѣли моей поѣздки тетку, у которой жила. Я обманула отца. Никто почти не бываетъ въ домѣ у моей родственницы. Никто не могъ даже и заподозрить о моемъ намѣреніи“. „Развѣ вы уѣхали изъ Кана съ твердымъ рѣшеніемъ убить Марать?“ — „Я уѣхала только съ этой цѣлью“. — „Гдѣ вы достали оружіе? Съ кѣмъ вы видѣлись въ Парижѣ? Что вы дѣлали съ четверга, дня вашего пріѣзда?“ На эти вопросы она съ мельчайшими подробностями рассказала все, что намъ уже извѣстно о ея пребываніи въ Парижѣ и о ея преступленіи. „Не пытались ли вы бѣжать послѣ совершенія преступленія?“ — „Я убѣжала бы въ дверь, если бы не встрѣтила препятствія“. — „Дѣвица вы и не любили ли вы кого-нибудь?“ — „Никогда!“

28.

Эти точные, то гордые, то презрительные отвѣты, даваемые голосомъ, звукъ котораго напоминалъ голосъ ребенка, излагающаго свои уже зрѣлыя мысли, много разъ заставляли призадуматься допрашивавшихъ надъ силою фанатизма, воспользовавшагося и руководившаго такою слабою рукой. Они все еще надѣялись открыть подстрекателя, скрывавшагося за этой непорочною и красотою, но они нашли только порывъ отважнаго сердца.

По окончаніи допроса, Шабо, недовольный результатомъ, пожиралъ глазами волосы, лицо, всю фигуру молодой дѣвушки, которая стояла передъ нимъ связанная. Ему показалось, что онъ увидѣлъ у нея на груди сложенную и приколотую булавкой бумажку; онъ протянулъ руку, чтобы взять ее. Шарлотта забыла о замѣченной Шабо бумагѣ, содержащей составленное ею воззваніе къ французамъ, призывавшее гражданъ къ наказанію тирановъ и къ миру. Ей почудилось въ движеніи и во взглядѣ Шабо оскорбленіе ея невинности. Лишенная возможности владѣть связанными руками, она не могла защитить себя отъ оскорбленія. Охваченная негодованіемъ и ужасомъ, она такъ быстро и конвульсивно подалась назадъ всѣмъ туловищемъ, что шнурокъ, стягивавшій ея платье, лопнулъ и грудь ея обнажилась. Смутившись, она быстрѣе молніи нагнулась, согнувшись почти вдвое, чтобы скрыть отъ судей свою наготу. Было слишкомъ поздно, и цѣломудренной дѣвушкѣ пришлось покраснѣть подъ взглядами мужчинъ.

Патріотизмъ не сдѣлалъ этихъ людей ни циничными, ни безчувственными. Они, повидимому, не менѣе Шарлотты Корде страдали отъ этого невольнаго оскорбленія ея стыдливости. Она умоляла освободить ей руки, чтобы застегнуть платье. Одинъ изъ нихъ развязалъ веревки. Изъ уваженія къ ея непорочности эти люди закрыли глаза. Когда развязали руки, Шарлотта Корде отвернулась къ стѣнѣ и поправила косынку. Воспользовались моментомъ, когда руки ея были свободны, чтобы заставить ее подписаться подъ ея показаніями. Веревки оставили на ея рукахъ слѣды и синія полосы. Когда ей хотѣли снова связать руки, она попросила судей позволить ей спустить рукава и надѣть перчатки подъ веревки, чтобы избавиться отъ безполезныхъ страданій до казни. Голосъ и

жестъ бѣдной дѣвушки, когда она обратилась съ этой просьбой къ своимъ судьямъ, показывая имъ пораненныя руки, были таковы, что Арманъ не могъ удержаться отъ слезъ и ушелъ, чтобы скрыть ихъ.

Вотъ главныя мѣста воззванія къ французамъ, ускользавшаго до сихъ поръ отъ изысканій любознательныхъ историковъ, которое было сообщено намъ, когда мы начали печатать эту книгу, обладателемъ его Палье, горѣвшимъ желаніемъ раскрыть истину. Оно написано рукою Шарлотты Корде, крупнымъ, твердымъ, мужскимъ почеркомъ, точно разсчитаннымъ на то, чтобы сразу броситься въ глаза. Листъ бумаги былъ сложенъ въ восемь разъ, чтобы онъ занялъ подъ платьемъ какъ можно меньше мѣста; онъ проколотъ въ восьми мѣстахъ булавкой—слѣды которой видны до сихъ поръ—прикрѣпившей его къ груди Шарлотты.

„Воззваніе къ французамъ, друзьямъ законовъ и мира“.

„Доколь, о несчастные французы, будете вы находить наслажденіе въ смутахъ и раздорахъ? Долго, даже слишкомъ долго мятежники и злодѣи ставили интересы своего честолюбія выше общественныхъ интересовъ; зачѣмъ вы, жертвы ихъ злобы, хотите уничтожить самихъ себя, чтобы утвердить ихъ стремленіе къ тиранніи на развалинахъ Франціи?“

„Повсюду вспыхиваютъ мятежи, Гора торжествуетъ благодаря преступленію и насилію, нѣсколько изверговъ, унвившихъ нашу кровію, руководятъ этими гнусными заговорами... Мы готовимъ нашу погибель съ такимъ рвеніемъ и энергіей, какія никогда не употребляли для завоеванія свободы! О французы, пройдетъ еще нѣсколько времени, и о вашемъ существованіи останется лишь воспоминаніе!“

„Возставшіе департаменты идутъ уже на Парижъ, пламя раздора и гражданской войны охватило половину этого огромнаго государства; есть еще средство потушить его, но оно должно быть примѣнено немедленно. Самый гнусный изъ злодѣевъ, Маратъ, одно имя котораго уже вызываетъ передъ глазами картину всѣхъ преступленій, павъ подъ мстительнымъ ножомъ, поколебаль Гору и заставилъ поблѣднѣть Дантона, Робеспьера,—разбойниковъ, сидящихъ на кровавомъ тронѣ, окруженныхъ грозою, ударъ которой мстящіе за челоуѣчество боги отсрочили только для того, чтобы сдѣлать ихъ паденіе болѣе поразительнымъ и устрашить всѣхъ, кто попытался бы основать свое счастье на обломкахъ обманутыхъ народовъ!“

„Французы! вамъ извѣстны ваши враги. Возстаньте! Идите! пусть отъ уничтоженной Горы останутся только братья и друзья! Я не знаю, оставить ли намъ Небо республиканскѣе правленіе, но оно можетъ дать намъ главою монтаньяра только въ видѣ крайней мести... О Франція! твой покой зависитъ отъ исполненія законовъ; я не нарушила ихъ убивъ Марата; осужденный вселенной, онъ стоитъ внѣ закона. Какой судъ будетъ судить меня? Если я виновна, значитъ былъ виновенъ и Алкидъ, убивая чудовище?“

„О родина! твои несчастія разрываютъ мнѣ сердце! Я могу отдать тебѣ только мою жизнь! и я благодарю Небо за то, что я свободна располагать ею; никто ничего не потеряетъ съ моей смертыю; я не послѣдую примѣру“

Париса (убійцы Лепелетге де-Сень-Фаржо) и не убью себя. Я хочу, чтобы мой послѣдній вздохъ былъ полезенъ моимъ согражданамъ, чтобы моя голова, сложенная въ Парижѣ, послужила знакомъ къ сближенію для всѣхъ друзей закона! чтобы колеблющаяся Гора увидала свою погибель, начертанную моею кровью! чтобы я была ихъ послѣдней жертвой и чтобы отомщенный міръ призналъ, что я оказала услугу человечеству! Въ концѣ концовъ, если бы на мой поступокъ даже посмотрѣли другими глазами, то это меня мало трогаетъ.

Qu'à l'univers surpris cette grande action
Soit un objet d'horreur ou d'admiration,
Mon esprit, peu jaloux de vivre en la mémoire,
Ne considère point le reproche ou la geoire.
Toujours indépendant et toujours citoyen,
Mon devoir me suffit, tout le reste n'est rien.
Allez, ne songez plus qu'à sortir d'esclavage!.. *).

„Моихъ родныхъ и друзей можно не беспокоить,—никто не зналъ моихъ намѣреній. Я прилагаю къ этому возванію свидѣтельство о моемъ крещеніи, чтобы показать, на что способна самая слабая рука, направляемая полнымъ самоотверженіемъ. Если мое предпріятіе не удастся, французы! то я все же показала вамъ путь: вы, знаете своихъ враговъ; возстаньте! идите! разите!“

Читая эти стихи, написанные рукою внучки Корнеля въ концѣ возванія, подобно старинной печати стоящей на современномъ письмѣ, съ перваго взгляда можно было бы подумать, что это стихи ея дѣда и что она заимствовала свой патриотизмъ, достойный римлянки, у великаго трагика своей семьи. Но это предположеніе было бы ошибочно: стихи эти принадлежатъ Вольтеру и взяты изъ его трагедіи „Смерть Цезаря“.

Подлинность этого возванія подтверждается письмомъ Фукье-Тенвилля, приложеннымъ къ слѣдственному дѣлу. Это письмо народнаго обвинителя было адресовано въ Комитетъ общественнаго спасенія Конвента; вотъ оно:

„Граждане, препровождаю вамъ при семь показаніе, данное дѣвицей Шарлоттой Корде, и два письма, написанныхъ ею въ тюрьмѣ, изъ которыхъ одно адресовано Барбару. Копіи съ этихъ писемъ распространились по городу настолько искаженныя, что, пожалуй, необходимо было бы напечатать ихъ въ томъ видѣ, какъ они есть. Итакъ, граждане, когда вы прочтете ихъ и признаете, что въ нихъ нѣтъ ничего неудобнаго для напечатанія, вы будете столь любезны, что увѣдомите меня объ этомъ.“

„Обращаю ваше вниманіе на слѣдующее: я только что узналъ, что эта женщина-убійца была другомъ полковника Бельзунса, убитаго въ Канѣ во время возмущенія и что съ тѣхъ поръ она воспыкала непримиримой ненавистью къ Марату и эта ненависть сдѣлалась еще сильнѣе съ той минуты, когда Маратъ донесъ на Бирона, родственника Бельзунса, а Барбару, повидимому, воспользовался

*) Будетъ ли служить для удивленнаго міра это великое дѣяніе предметомъ ужаса или восхищенія, мнѣ, не стремящемуся увѣковѣчить себя въ памяти потомства, безразлично. Всегда независимый и всегда гражданинъ, я довольствуюсь исполненіемъ своего долга,—остальное я не ставлю ни во что. Итакъ, заботьтесь только о томъ, чтобы выйти изъ рабства.

преступными замыслами этой дѣвушки противъ Марата, чтобы побудить ее совершить это гнусное убійство.

„Фуке-Тенвиль“.

По нерѣшительному тону и предположеніямъ письма видно, что въ первое время общественное мнѣніе переходило отъ одного предположенія къ другому, ища мотива къ совершенію преступления то въ любви, то въ мести и отказываясь видѣть его въ томъ, въ чемъ онъ дѣйствительно заключался, то есть въ патріотическомъ заблужденіи.

Шарлотту Корде заключили въ тюрьму. Два жандарма стерегли ее даже ночью, и она напрасно протестовала противъ такого оскорбленія ея пола. Комитетъ всеобщей безопасности торопился судить и казнить ее. Она слышала изъ своей темницы, какъ на улицѣ рассказывали о совершенномъ ею убійствѣ и ревъ толпы, призывавшей на убійцу тысячу смертей. Шарлотта не принимала этого гласа народа за приговоръ потомства. Несмотря на внушаемое ею отвращеніе, она предчувствовала свой апоѳеозъ. Подъ впечатлѣніемъ этой мысли она написала въ Комитетъ всеобщей безопасности. „Такъ какъ мнѣ остается жить еще нѣсколько минутъ, то могу ли я надѣяться, граждане, что вы разрѣшите мнѣ дать нарисовать себя? Я желала бы оставить друзьямъ эту память обо мнѣ. Притомъ, подобно тому, какъ дорожатъ изображеніями хорошихъ гражданъ, иногда, изъ любопытства, стараются пріобрѣсти портреты великихъ преступниковъ, чтобы увѣковѣчить отвращеніе къ ихъ преступленію. Если вы соблагovolите согласиться на мою просьбу, то я попрошу васъ прислать ко мнѣ завтра художника-миніатюриста. Возобновляю свою просьбу оставлять меня на ночь одну. Я постоянно слышу, какъ кричатъ на улицѣ, прибавила она:—объ арестѣ Фоше, моего сообщника. Я видѣла его только изъ своего окна два года назадъ. Я не люблю и не уважаю его. Это свѣтскій человѣкъ, которому я менѣ всего могла бы довѣрить свое намѣреніе. Если это показаніе можетъ быть ему полезно, то я могу удостовѣрить истину его“.

29.

Предсѣдатель революціоннаго суда, Монтане, пришелъ на слѣдующій день, 14-го, допросить подсудимую. Тронутый ея красотой и молодостью и убѣжденный въ искренности фанатизма, почти вполнѣ оправдывавшаго убійцу въ глазахъ человѣческаго правосудія, онъ хотѣлъ спасти жизнь подсудимой. Онъ ставилъ вопросы и своимъ молчаніемъ внушалъ отвѣты такимъ образомъ, что судьи могли скорѣе признать сумасшествіе, чѣмъ преступленіе. Шарлотта старалась упорно опровергнуть вызванныя состраданіемъ намѣренія предсѣдателя. Своему преступленію она придавала характеръ славы. Ее перевели въ Консержеріи. Госпожа Ришаръ, жена привратника тюрьмы, встрѣтила ее съ состраданіемъ, которое внушила ей молодость подсудимой и близость эшафота.

Благодаря снисходительности своихъ тюремщиковъ, Шарлотта получила чернила, бумагу и уединеніе. Она воспользовалась этимъ, чтобы написать Барбару короткое письмо. Она описывала въ этомъ письмѣ всѣ обстоятельства своего пребыванія въ Парижѣ—языкомъ, въ которомъ патріотизмъ, смерть и

веселость мѣшались такъ же, какъ мѣшаются горечь и сладость въ послѣднемъ кубкѣ прощальнаго банкета. Описавъ почти забавныя подробности своего путешествія въ обществѣ монтаньяровъ и любовь, которую внезапно почувствовалъ къ ней, увидавъ ее, одинъ юный путешественникъ, она продолжала: „Я не знала, что Комитетъ общественнаго спасенія допрашивалъ путешественниковъ. Я утверждала сначала, что не знаю ихъ, чтобы избавить ихъ отъ несприятности давать объясненія. Въ этомъ случаѣ я слѣдовала совѣту своего оракула Рейналя, который говорить, что мы не обязаны быть искренними со своими тиранами. Они узнали отъ путешественницы, которая ѣхала со мною, что я знаю васъ и видѣлась съ де-Пере. Вы знаете твердость характера де-Пере. Онъ отвѣтилъ мнѣ истинную правду. Противъ него нѣтъ уликъ, но его стойкость вмѣняется ему въ преступленіе. Я слишкомъ поздно раскаялась въ томъ, что говорила съ нимъ. Желая исправить свою ошибку, я умоляла его бѣжать и присоединиться къ вамъ. Онъ слишкомъ самостоятеленъ, чтобы дать повліять на себя... Повѣрите ли? Фосе, даже не подозрѣвавшій о моемъ существованіи арестованъ какъ мой сообщникъ! Но они очень недовольны тѣмъ, что могутъ принести въ жертву тѣни великаго человѣка лишь одну незначительную женщину! Простите, о люди! Имя Марата кладетъ безчестіе на вашъ родъ. Это былъ дикій звѣрь, который хотѣлъ поглотить все, что осталось отъ Франціи, огнемъ гражданской войны. Благодарю Небо за то, что онъ не родился французомъ... Во время моего перваго допроса Шабо имѣлъ видъ сумасшедшаго. Лежандръ утверждалъ, что видѣлъ меня утромъ у себя,—меня, никогда и не думавшую объ этомъ человѣкѣ. Мнѣ кажется, что онъ не доросъ до того, чтобы стать тираномъ своей страны, а я не намѣрена карать всѣхъ... Я думаю, что послѣднія слова Марата напечатаны, но сомнѣваюсь, чтобы онъ произнесъ ихъ. Но вотъ послѣднія слова, которыя онъ сказалъ мнѣ: узнавъ имена всѣхъ васъ и имена администраторовъ Кальвадосскаго департамента, находящихся въ Эврѣ, онъ сказалъ мнѣ въ утѣшеніе, что черезъ нѣсколько дней онъ прикажетъ всѣхъ ихъ гильотинировать въ Парижѣ! Эти слова рѣшили его участь. Признаюсь, что на мое рѣшеніе окончательно повліяло мужество, съ которымъ въ воскресенье, 7-го іюля, записывались наши волонтеры. Вы помните, что я дала себѣ слово заставить Петіона раскаяться въ подозрѣніяхъ, которыя онъ высказывалъ относительно моихъ чувствъ. Я рѣшила, что этотъ человѣкъ не стоитъ такой чести, чтобы столько храбрыхъ людей шли добывать голову одного человѣка, рискуя промахнуться и своею гибелью навлечь погибель и на многихъ хорошихъ гражданъ, и что для этого достаточно руки женщины. Признаюсь, я прибѣгла къ вѣроломному способу, чтобы заставить его принять меня... Уѣзжая, я рассчитывала убить его на вершинѣ Горы, но онъ не посѣщалъ больше Конвента. Парижане такіе добрые граждане, что не въ состояніи понять, какъ можетъ женщина, самая долгая жизнь которой не пригодилась бы ни къ чему, хладнокровно пожертвовать собою ради своей родины!.. Такъ какъ я дѣйствительно сохраняла хладнокровіе, когда вышла отъ Марата и когда меня везли въ Аббатство, то я заслужила крики негодованія нѣсколькихъ женщинъ. Но тотъ, кто спасаетъ отечество, не обращаетъ вниманія на то, чего это ему стоитъ. Лишь бы немедленно водворился миръ, какъ

я того желаю! Вот великая предварительная награда. Уже два дня какъ я наслаждаюсь миромъ. Счастье моей родины—мое счастье. Жертва доставляетъ тѣмъ больше радости, чѣмъ больше труда стоило рѣшиться на нее. Пылкое воображеніе и чувствительное сердце сулили мнѣ очень бурную жизнь. Прошу тѣхъ, кто будетъ сожалѣть обо мнѣ, принять это во вниманіе и порадоваться. Въ нашемъ поколѣніи немного найдется патриотовъ, которые рѣшились бы пожертвовать собою ради отечества. Теперь почти всѣ эгоисты. Какой жалкій народъ для созданія республики!..“

30.

Письмо обрывалось на этихъ словахъ вслѣдствіе того, что заключенную перевели въ Консьержери. Она продолжала его въ своей новой тюрьмѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Я продолжаю. Вчера мнѣ пришло въ голову подарить свой портретъ Кальвадосскому департаменту. Комитетъ общественнаго спасенія не далъ мнѣ отвѣта, а теперь уже слишкомъ поздно. Мнѣ полагается защитникъ—таковъ законъ. Я выбрала себѣ защитника изъ партіи Горы. Я думала обратиться къ Робеспьеру или Шабо... Меня будутъ судить завтра въ восемь часовъ. Вѣроятно, въ полдень я уже буду въ прошломъ, какъ говорили римляне. Не знаю, какъ пройдутъ послѣднія минуты. Конецъ всему дѣлу вѣнецъ. Мнѣ не надо притворяться безчувственной, потому что до сихъ поръ я не испытываю ни малѣйшаго страха передъ смертью. Я всегда дорожила жизнью лишь настолько, насколько она могла быть полезной для другихъ. Маратъ не попадетъ въ Пантеонъ. Между тѣмъ онъ этого заслуживалъ... Вспомните о дѣлѣ мадемуазель де-Форбэнъ. Вотъ ея адресъ въ Швейцаріи. Скажите ей, что я люблю ее всей душой. Я напишу своему отцу. Остальнымъ своимъ друзьямъ я ничего не скажу. Я только попрошу ихъ, чтобы они скорѣе забыли меня: ихъ печаль наложила бы безчестіе на мою память. Передайте генералу Вимпфену: я думаю, что помогла ему выиграть не одно сраженіе, способствовавъ миру. Прощайте, гражданинъ. Заключенные въ Консьержери не только не проклинаютъ меня, какъ уличная толпа, но, повидимому, даже жалѣютъ. Несчастье дѣлаетъ сострадательными. Это моя послѣдняя мысль“.

31.

Письмо къ отцу, написанное ею послѣднимъ, было коротко и трогательно; въ немъ уже не было того веселаго тона, какимъ было написано письмо къ Барбару. „Простите меня, что я распорядилась своею жизнью безъ вашего разрѣшенія, писала она.—Я отомстила за многихъ невинныхъ жертвъ. Я предупредила много несчастій. Образумившись, народъ будетъ радоваться, что избавился отъ тирана. Когда я старалась убѣдить васъ, будто ѣду въ Англію, я надѣялась, что не узнаютъ, кто я. Я увидала, что это невозможно. Надѣюсь, васъ не будутъ беспокоить; во всякомъ случаѣ, у васъ есть защитники въ Канѣ. Я взяла себѣ адвокатомъ Густава Дутьсе де-Понтекуланъ. Въ подобномъ преступленіи не полагается защиты. Это только для формы. Прощайте, дорогой отецъ, прошу васъ забыть меня или, вѣрнѣе, порадоваться за мою судьбу.

Причина ея прекрасна. Обнимаю сестру, которую люблю всѣмъ сердцемъ. Не забывайте стихи Корнелия:

Преступленіе—вотъ стыдъ, а не эшафотъ.

Меня будутъ судить завтра въ восемь часовъ...“

Она хотѣла вышеприведеннымъ стихомъ своего дѣда пробудить въ отцѣ фамильную гордость и героизмъ его рода и отдать свой поступокъ подъ покровительство гения своей семьи. Чтобы не допустить отца до упадка духа или упрека она привела слова изобразителя чувствъ римлянъ, заранѣе аплодировавшаго ея поступку.

32.

На слѣдующее утро, въ восемь часовъ, за нею пришли жандармы, чтобы вести ее въ революціонный судъ. Зала суда помѣщалась надъ сводами Консьержери. По темной, узкой лѣстницѣ, проложенной въ толстыхъ стѣнахъ нижней части дворца Правосудія, обвиняемые приходили въ залу суда и возвращались тѣмъ же путемъ въ свои камеры. Прежде чѣмъ подняться въ залу, Шарлотта поправила волосы и платье, чтобы явиться привлекательной передъ лицомъ смерти; потомъ она сказала, улыбаясь, привратнику, присутствовавшему при ея сборахъ: „Господинъ Рипаръ, позаботьтесь пожалуйста, чтобы мой завтракъ былъ готовъ, когда я вернусь сверху: мои судьи, конечно, спѣшать. Я хочу въ послѣдній разъ позавтракать съ вами и госпожей Рипаръ“.

Часъ суда надъ Шарлоттой Корде былъ извѣстенъ въ Парижѣ еще наканунѣ. Любопытство, ненависть, участіе, состраданіе привлекли несмѣтную толпу въ залу суда и въ прилегающія къ ней комнаты. Когда показалась обвиняемая, въ толпѣ поднялся глухой ропотъ и послышались проклятія, сопровождавшія ея имя. Но, когда она, пробираясь въ толпѣ, являлась во всей своей сверхъестественной красотѣ, гнѣвный ропотъ переходилъ въ сочувствіе и восхищеніе и выраженіе ненависти смѣнялось удивленіемъ. Черты ея лица, выражавшія возбужденіе вслѣдствіе торжественности минуты, залитыя краской волненія и смущенія молодой дѣвушки, очутившейся подъ столькими взорами, облагороженныя сознаніемъ величія преступления, отпечатокъ котораго она носила въ душѣ и на челѣ какъ добродѣтель, наконецъ соединеніе гордости и скромности въ ея манерѣ держать себя—придавали ея наружности прелесть съ примѣсю ужаса, которыя трогали всѣхъ: даже ея судьи являлись рядомъ съ нею обвиняемыми. Казалось, что видишь предъ собою небесное правосудіе или древнюю Немезиду, противопоставляющую совѣсть законамъ и требующую, чтобы правосудіе не простило ее, а признало и вострепетало.

33.

Когда она заняла мѣсто на скамьѣ подсудимыхъ, ее спросили, есть ли у нея защитникъ; она отвѣтила, что поручила исполнить эту обязанность одному изъ своихъ друзей, но, не видя его въ залѣ, предполагаетъ, что у него не хватило на это мужества. Тогда предсѣдатель назначилъ ей защитника отъ суда: выборъ палъ на молодого Шово-Лагарда, прославившагося впослѣдствіи своей защитой коро-

левы и уже извѣстнаго краснорѣчьемъ и смѣлостью въ такихъ дѣлахъ, и въ такія времена, когда адвокату приходилось дѣлать опасности, грозившія подсудимому. Этотъ выборъ предѣателя указывалъ на его тайное намѣреніе спасти Шарлотту. Шово-Лагардь занялъ мѣсто за рѣшеткой. Шарлотта посмотрѣла на него испытующимъ и безпокойнымъ взглядомъ, какъ бы опасаясь, чтобы защитникъ для спасенія ея жизни не затронулъ ея чести.

Вдова Марата давала показанія рыдая. Шарлотта, тронутая горемъ этой женщины, прервала ея показанія, воскликнувъ: „Да, да, это я убила его!“ Потомъ она рассказала, что совершила преступленіе преднамѣренно, обдумавъ его въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, что она имѣла намѣреніе убить тирана среди Конвента, рассказала и о хитрости, къ которой прибѣгла, чтобы приблизиться къ нему. „Сознаюсь, прибавила она: — что эта хитрость недостойна меня, но приходилось притвориться, что уважаешь его, чтобы добраться къ нему“. — „Кто внушилъ вамъ такую ненависть къ Марату?“ спросили ее.— „Я не нуждаюсь въ чужой ненависти, отвѣтила она:— съ меня довольно было и своей собственной; притомъ плохо приводишь въ исполненіе то, что не задумалъ самъ“. — „Что вы въ немъ ненавидѣли?“ — „Его преступленія!“ — „На что вы надѣялись, задумавъ убить его?“ — „Вернуть миръ моей родинѣ“. — „Развѣ вы думаете, что убили всѣхъ Маратовъ?“ — „Разъ этотъ убить, остальные, быть можетъ, устроятся“. Ей показали ножъ, чтобы она признала его. Она оттолкнула его брезгливымъ жестомъ. „Да, сказала она: — я признаю его!“ Придя въ себя послѣ совершенія преступленія, она съ отвращеніемъ смотрѣла на орудіе, которымъ оно было совершено. „Кого вы посѣщали въ Канѣ?“ — „Очень многихъ; я встрѣчала муниципальнаго чиновника Ларю и священника церкви Св. Іоанна“. — „У какого священника исповѣдывались вы въ Канѣ: у присягнушаго или у не присягнушаго?“ — „Я не ходила ни къ тѣмъ, ни къ другимъ“. — „Съ какихъ поръ зародилось у васъ ваше намѣреніе?“ — „Съ 31 мая, съ того дня, когда здѣсь арестовали народныхъ депутатовъ. Я убила одного человѣка, чтобы спасти сто тысячъ. Я была республиканкой еще задолго до революціи“.

Ей сдѣлали очную ставку съ Фоше. „Я знаю Фоше только по наружности, сказала она съ презрѣніемъ:— я считаю его за человѣка безнравственнаго и безъ принциповъ и презираю его“. Обвинитель, ставя ей въ упрекъ, что она нанесла ударъ сверху внизъ, чтобы поразить вѣрнѣе, сказалъ, что она по всей вѣроятности опытна въ совершеніи преступленій! При этомъ предположеніи, возмущившемъ ее до глубины души, потому что оно смѣшивало ее съ профессиональными преступниками, она вскрикнула отъ стыда: „О чудовище! онъ принимаетъ меня за убійцу!“

Фуке-Тенвилъ резюмировалъ пренія и въ заключеніе сказалъ, что она должна быть приговорена къ смертной казни.

Защитникъ всталъ. „Обвиняемая, сказалъ онъ:— сознается въ совершенномъ ею преступленіи, сознается, что долго обдумывала его, сознается въ наиболѣе отягчающихъ вину обстоятельствахъ. Граждане, вотъ въ чемъ вся ея защита: это невозмутимое спокойствіе и полное самоотверженіе, не обнаруживающіе ни малѣйшаго упрека совѣсти передъ лицомъ смерти, спокойствіе и самоотверженіе, кажущіяся столь величественными, противны человѣческой природѣ; они могутъ

быть объяснены лишь высшей степенью политическаго фанатизма, вложившаго ей въ руку кинжалъ. Ваше дѣло рѣшить, какую тяжесть представляетъ собою такой непоколебимый фанатизмъ на вѣсахъ правосудія. Полагаюсь на вашу совѣсть“.

Присяжные вынесли единогласный приговоръ къ смерти. Она выслушала приговоръ не поблѣднѣвъ. Когда предсѣдатель спросилъ ее, не имѣетъ ли она сказать чего-нибудь противъ рода смерти, къ которой она приговорена, она не удостоила его отвѣтомъ и подошла къ своему защитнику. „Милостивый государь, вы защищали меня такъ, какъ я того желала, сказала она ему кроткимъ и проникающимъ въ душу голосомъ:—благодарю васъ за это; я обязана дать вамъ доказательство моей благодарности и уваженія и предлагаю вамъ достойное васъ. Эти господа (она указала на судей) только что объявили, что мое имущество конфисковано; я должна кое-что уплатить тюремѣ, завѣщаю вамъ заплатить мой долгъ“.

Въ то время какъ ее спрашивали и присяжные выслушивали ея отвѣты, она замѣтила въ залѣ художника, зарисовывавшаго черты ея лица. Не прерывая своего отвѣта, она, улыбаясь, повернулась въ сторону художника, чтобы онъ могъ лучше нарисовать ея портретъ. Она позировала уже передъ потомствомъ.

34.

Стоявшій позади художника молодой человѣкъ, бѣлокурые волосы, голубые глаза и блѣдный цвѣтъ лица котораго обличали въ немъ уроженца Сѣвера, поднимался на цыпочки, чтобы лучше разсмотрѣть обвиняемую. Глаза его, прикованные къ ней, напоминали призракъ или неподвижный взглядъ мертвеца. Каждый отвѣтъ молодой дѣвушки, даваемый ею нѣжнымъ голосомъ, хотя и отличавшійся смѣлостью содержанія, приводилъ его въ содроганіе и заставлялъ мѣняться въ лицѣ. Казалось, онъ глоталъ глазами ея слова и движенія, позой и энтузіазмомъ присоединялся къ высказываемымъ подсудимой чувствамъ. Нѣсколько разъ, не будучи въ силахъ сдержать своего волненія, онъ вызывалъ своими невольными восклицаніями ропотъ толпы и привлекалъ вниманіе Шарлотты Корде. Въ ту минуту, когда предсѣдатель произнесъ смертный приговоръ, молодой человѣкъ приподнялся на половину съ жестомъ человѣка, протестующаго въ душѣ, и тотчасъ же снова сѣлъ, точно ему измѣнили силы. Шарлотта, равнодушная къ своей собственной участи, замѣтила это движеніе. Она поняла, что въ ту минуту, когда все покидало ее, къ ея душѣ привязалась другая душа и что въ этой равнодушной или враждебной толпѣ у нея есть неизвѣстный другъ. Она поблагодарила его взглядомъ. Это былъ ихъ единственный разговоръ на землѣ.

Этотъ молодой иностранецъ былъ Адамъ Люксъ, нѣмецкій республиканецъ, присланный въ Парижъ майнцскими революціонерами, чтобы сообразовать движеніе въ Германіи съ движеніемъ во Франціи, имѣвшее цѣлью одно общее дѣло—права человѣка и свободу народовъ. Онъ не спускалъ глазъ съ подсудимой до тѣхъ поръ, пока она не исчезла, окруженная саблями жандармовъ, подъ сводами лѣстницы. Мысль о ней уже не покидала его.

Вернувшись въ Консержери, откуда она должна была черезъ нѣсколько минутъ снова выйти, чтобы отправиться на эшафотъ, Шарлотта Корде прошла улыбаясь своимъ товарищамъ по заключенію, высывавшимъ въ коридоры и на дворы, чтобы посмотрѣть, какъ она будетъ проходить. Она сказала привратнику: „Я надѣялась, что мы еще позавтракаемъ вмѣстѣ, но судьи такъ долго задержали меня наверху, что вамъ придется простить меня за то, что я не сдержала слова“. Пришелъ палачъ. Она попросила его подождать минуту, чтобы окончить начатое письмо. Письмо это было вызвано не слабостью и не упадкомъ духа, а было крикомъ возмущенной дружбы, которая хочетъ оставить вѣчный упрекъ за то, что ей подло измѣнили. Оно было адресовано Дульсе де-Понтекулану, котораго она встрѣчала у своей тетки и котораго, какъ она думала, тщетно просила быть ея защитникомъ въ судѣ. Вотъ это письмо: „Дульсе де-Понтекуланъ поступилъ какъ трусъ, отказавшись защищать меня, когда это такъ легко было сдѣлать. Взятый на себя эту обязанность выполнилъ ее съ полнымъ достоинствомъ. Я буду признательна ему за это до послѣдней минуты“. Эта месть несправедливо поразила того, кого она обвиняла, стоя на краю могилы. Молодой Понтекуланъ, котораго въ это время не было въ Парижѣ, не получилъ ея письма: его великодушіе и мужество могли служить ручательствомъ за его согласіе. Шарлотта унесла съ собою на эшафотъ свое заблужденіе и несправедливое обвиненіе.

Художникъ, набросавшій черты лица Шарлотты Корде во время суда, былъ Гауеръ, офицеръ національной гвардіи секціи Французскаго театра. По возвращеніи въ камеру, Шарлотта просила привратника пропустить его къ ней, чтобы онъ могъ окончить работу. Гауера ввели. Шарлотта поблагодарила его за участіе, которое онъ, повидимому, принималъ въ ея участи, и спокойно позировала передъ нимъ. Казалось, что, позволивъ ему передать потомству свои черты, она поручала ему передать также будущимъ поколѣніямъ ея душу и выказанный ею патріотизмъ. Она говорила съ Гауеромъ объ искусствѣ, которому онъ служилъ, о событіяхъ дня, о мирѣ, который она обрѣла послѣ совершеннаго ею преступленія. Она разсказывала о своихъ канскихъ друзьяхъ дѣтства и просила художника сдѣлать уменьшенную копію съ портрета, который онъ рисовалъ, и переслать эту миниатюру ея семейству.

Во время этого разговора, прерываемаго паузами, раздался легкій стукъ въ дверь, находившуюся позади осужденной. Дверь открыли. Вошелъ палачъ. Шарлотта, обернувшись на шумъ, увидала ножницы и красную рубашку, которыя палачъ держалъ въ рукахъ. Она вздрогнула и поблѣднѣла. „Какъ, уже!“ невольно воскликнула она, но быстро оправилась и, взглянувъ на недокоченный портретъ, сказала художнику съ грустной и ласковой улыбкой: „Сударь, я не знаю какъ благодарить васъ за вашъ трудъ; я могу предложить вамъ только вотъ это: сохраните это на память о вашей добротѣ и моей благодарности“. Съ этими словами она взяла изъ рукъ палача ножницы и отрѣзала прядь своихъ длинныхъ пепельно-блѣкнущихъ волосъ, выбивавшихся изъ-подъ чепчика, и передала ее Гауеру. При этихъ словахъ и этомъ

движеніи жандармы и палачъ почувствовали, какъ слезы навернулись у нихъ на глазахъ.

Въ семействѣ Гауеровъ до сихъ поръ еще хранится ея портретъ, превранный смертью. Одна только голова была написана; бюстъ былъ едва намѣченъ. Но художникъ, присутствовавшій при приготовленіяхъ къ эшафоту, былъ такъ пораженъ зловѣщей красотой, которую ей придала красная рубашка, что послѣ казни Шарлотты нарисовалъ ее въ этомъ одѣяннѣ.

Явился священникъ, по назначенію отъ прокурора суда, чтобы, согласно обычаю, предложить ей утѣшеніе религіи. „Поблагодарите тѣхъ, сказала она ему съ признательностью: — кто были такъ добры, что прислали васъ ко мнѣ; но я не нуждаюсь въ вашемъ напутствіи: кровь, которую я пролила, и моя кровь, долженствующая пролиться, единственныя жертвы, которыя я могу принести Всевѣчному“. Палачъ отрѣзалъ ей волосы; она собрала ихъ, въ послѣдній разъ взглянула на нихъ и передала госпожѣ Ришаръ. Ей связали руки и одѣли рубашку осужденныхъ. „Вотъ одежда смерти, сказала она улыбувшись: — хотя она сдѣлана и нѣсколько грубыми руками, но въ ней идутъ къ безсмертію“.

Въ ту минуту, когда она взошла на телѣжку, чтобы ѣхать на казнь, надъ Парижемъ разразилась гроза. Молнія и дождь не разсѣяли однако толпы, наводнившей площади, мосты и улицы, находившіяся на пути кортежа. Кучки разъяренныхъ женщинъ бѣжали за ея телѣжкой съ проклятіями. Равнодушная къ этимъ оскорбленіямъ, Шарлотта смотрѣла на народъ взглядомъ, въ которомъ свѣтились спокойствіе и состраданіе.

36.

Небо прояснилось. Одежда Шарлотты прилипла отъ дождя и подъ намокшей шерстяной тканью граціозныя контуры ея тѣла обрисовались, какъ у женщины, только что вышедшей изъ ванны. Такъ какъ руки у нея были связаны за спиною, то ей приходилось держать голову высоко и это напряженіе мускуловъ придавало ей позѣ большую твердость и выставляло на показъ всѣ изгибы ея стана. Заходящее солнце освѣщало ея чело какъ бы ореоломъ. Румянецъ ея щекъ, казавшійся ярче отъ отраженія, бросаемаго красной рубашкой, придавалъ ея лицу сіяніе, ослѣпительное для глазъ. Трудно было бы сказать, направлялся ли этотъ шумный кортежъ для того, чтобы увѣнчать или казнить эту красоту. Робеспьеръ, Дантонъ, Камилль Демуленъ заняли мѣста по дорогѣ, чтобы хоть мелькомъ увидать ее. Всѣ предчувствовавшіе убійство любопытствовали увидѣть на ея лицѣ выраженіе фанатизма, который завтра могъ угрожать и имъ. Она походила на удовлетворенное и олицетворенное небесное правосудіе. Повременамъ она, казалось, искала среди этихъ тысячъ лицъ сочувственнаго взгляда, на которомъ взоръ ея могъ бы отдохнуть. Адамъ Люксъ ожидалъ телѣжку при вѣздѣ въ улицу Сентъ-Оноре. Онъ благоговѣнно слѣдовалъ за колесницей до подножія эшафота. Онъ запечатлѣлъ въ своемъ сердцѣ, какъ онъ самъ говорилъ, это невозмутимое спокойствіе среди дикихъ воплей толпы, въ душу проникающій кроткій взглядъ, жгучія, влажныя искры, точно огненныя мысли сыпавшіяся изъ ея прекрасныхъ глазъ, въ которыхъ

отражалась ея мужественная и нѣжная душа. „Чудные глаза, которые въ состояніи были бы тронуть и камень! воскликнулъ онъ.—Единственныя безсмертныя воспоминанія, которыя разбили мое сердце и наполнили его чувствами, нѣждовыми дотолѣ! чувствами, сладость которыхъ граничить съ горечью и которыя умрутъ только вмѣстѣ со мною. Пусть освятятъ мѣсто ея казни и воздвигнуть на немъ статую со словами: „Болѣ великая чѣмъ Брутъ!“ Умереть за нее, претерпѣть подобно ей пощечину нанесенную рукою палача, умирая, чувствовать холодъ того же ножа, который отрубилъ ангельскую голову Шарлотты, соединиться съ нею чувствомъ героизма, свободы, любви, смертью — вотъ отнынѣ мои единственныя желанія! Я никогда не достигну такой небесной добродѣтели, но развѣ не справедливо, чтобы предметъ обожанія стоялъ всегда выше того, кто поклоняется ему?“

37.

Такимъ образомъ восторженная и духовная любовь, зародившаяся отъ послѣдняго взгляда жертвы безъ ея вѣдома, сопровождала ее шагъ за шагомъ до эшафота и готова была послѣдовать за нею, чтобы заслужить вѣчное единеніе души съ тою, которая была для него идеаломъ и примѣромъ. Телѣжка остановилась. Шарлотта поблѣднѣла, увидавъ орудіе казни. Однако она быстро овладѣла собой и взшла по скользкимъ ступенямъ эшафота твердыми и легкими шагами, насколько позволяли ей ея волочившаяся по землѣ рубашка и связанные руки. Когда палачъ сорвалъ косынку, чтобы обнажить ея шею, то это оскорбленіе ея стыдливости вызвало въ ней больше волненія, чѣмъ ожидавшая ее смерть; но она быстро успокоилась и почувствовала почти радостное стремленіе перенестись въ вѣчность и сама положила голову подъ топоръ. Голова ея отскочила и покатилась. Одинъ изъ помощниковъ палача, по имени Летро, взялъ голову одной рукою, а другой ударилъ ее по щекѣ изъ низкаго желанія угодить толгѣ. Говорятъ, что щеки Шарлотты покраснѣли отъ нанесеннаго ей оскорбленія, какъ будто чувство достоинства и стыда пережило въ ней чувство жизни. Вознегодовавшая толпа однако не приняла оказаннаго ей почтенія. Толпа содрогнулась отъ отвращенія и потребовала отомщенія за этотъ гнусный поступокъ. Однако оскорбленіе человѣческаго достоинства не остановилось на этомъ. Маратисты, побуждаемые постыднымъ любопытствомъ, искали даже на безжизненныхъ останкахъ молодой дѣвушки доказательствъ порока, въ которомъ ея клеветники хотѣли обвинить ее. Ея добродѣтель была засвидѣтельствована въ то время, когда ея враги старались доказать ея позоръ. Это поруганіе красоты и смерти доказало чистоту ея нравовъ и ея дѣвственность.

38.

Такъ кончилъ свою жизнь Марать. Таковы были жизнь и смерть Шарлотты Корде. При наличности убійства, исторія не рѣшается прославлять убійцу; за героизмъ она не рѣшается клеймить. Оцѣнка подобнаго поступка заставляетъ сдѣлать сомнительный выборъ между отрицаніемъ добродѣтели и одобреніемъ убійства. Подобно художнику, который, отчаявшись передать сложное выра-

женіе разнородныхъ чувствъ, набрасываетъ покрывало на лицо модели, предоставивъ зрителю самому разрѣшить загадку, такъ и эту тайну надо навѣки оставить въ тайникахъ человѣческой совѣсти. Есть вещи, о которыхъ чловѣкъ не долженъ судить и которыя безъ посредниковъ и безапелляціонно идутъ прямо на судъ Божій. Въ жизни людей бываютъ поступки, въ которыхъ такъ перемѣшаны слабость и сила, чистая цѣль и преступныя средства, заблужденіе и истина, убійство и мученичество, что ихъ нельзя опредѣлить однимъ словомъ и не знаешь, слѣдуетъ ли назвать ихъ преступленіемъ или добродѣтелью. Преступная самоотверженность Шарлотты Корде принадлежитъ къ числу поступковъ, которыя, вызывая восхищеніе и ужасъ, навсегда заставили бы сомнѣваться, если-бы разумъ не разъяснилъ ихъ. Что касается насъ, то если-бы мы должны были найти для этой великой освободительницы своей родины и самоотверженной мученицы тиранніи имя, которое одновременно заключало бы нашъ восторгъ къ ней и строгость осужденія ея поступка, то мы должны были бы избрѣсти такое слово, которое соединило бы въ себѣ крайности восхищенія и ужаса и назвали бы ее ангеломъ убійства.

Черезъ нѣсколько дней послѣ казни Адамъ Люксъ напечаталъ апологію Шарлотты Корде и объявилъ себя соучастникомъ ея преступленія, чтобы раздѣлить съ нею мученической вѣнецъ. Арестованный за этотъ смѣлый вызовъ, онъ былъ заключенъ въ Аббатство. Переступая порогъ тюрьмы, онъ воскликнулъ: „Итакъ я умру за нее!“ И онъ дѣйствительно умеръ, привѣтствуя эшафотъ, освященный кровью той, которая служила ему образцомъ подражанія, — какъ алтарь свободы и любви.

Героизмъ Шарлотты былъ воспѣтъ Андре Шенье, который вскорѣ тоже долженъ былъ умереть за общую родину великихъ душъ: за свободу. Поэзія всѣхъ народовъ воспользовалась именемъ Шарлотты Корде, чтобы сдѣлать изъ него ужасъ для тирановъ. „Чья это могила? спрашиваетъ нѣмецкій поэтъ Клоштокъ: Это могила Шарлотты. Нарвемте цвѣтовъ и осыпемъ ими ея прахъ, потому что она умерла за родину.—Нѣтъ, нѣтъ, не рвите!—Пойдемте поищемъ плакучую иву и посадимъ ее въ дернѣ, покрывающемъ ея могилу, потому что она умерла за родину.—Нѣтъ, нѣтъ, ничего не сажайте, но плачьте, и пусть ваши слезы будутъ кровавыми, потому что она умерла за родину“.

Верньо, узнавъ въ тюрьмѣ о преступленіи, судѣ и смерти Шарлотты Корде, воскликнулъ: „Она губить насъ, но и учить насъ умирать“.

XLV.

Апофеозъ Марата.—Жирондисты покидаютъ Нормандію.—Ихъ различная судьба.—Отступленіе французскихъ войскъ.—Возставшіе департаменты покоряются.—Кюстинъ отозванъ въ Парижъ.—Робеспьеръ побуждаетъ анархію.—Дантонъ недоволенъ.—Робеспьеръ развиваетъ свои теории.—Преобразование Комитета общественнаго спасенія.—Робеспьеръ царитъ въ немъ.—Торжество новой конституціи.—Адресъ Конвенту.—Декреты.—Движеніе патриотовъ.—Насилія.—Эшафоты.—Максимумъ.—Преобразование революціоннаго суда.—Мерленъ де-Дуэ.—Законъ о подозрѣваемыхъ.—Недостатокъ въ тюрьмахъ.—Терроръ.—Его цѣль.

1.

Даже самая высшая добродѣтель никогда не достигаетъ своей цѣли, если она для ея достиженія прибѣгаетъ къ помощи преступленія. Кровь Марата опьянила народъ. Гора, Робеспьеръ, Дантонъ, довольные тѣмъ, что избавились отъ этого соперника, власти котораго надъ толпой они такъ боялись, предоставили его трупъ черни, чтобы она сдѣлала себѣ изъ него кумира. Его похороны походили болѣе на апофеозъ, чѣмъ на погребальное шествіе. Конвентъ допустилъ, чтобы культъ Марата смѣнилъ анархію. Онъ допустилъ, чтобы того, за кого онъ стыдился какъ за товарища, сдѣлали богомъ. Въ первую же ночь послѣ его смерти народъ украсилъ вѣнками дверь его дома. Коммуна поставила его бюстъ въ залѣ засѣданій. Секціи являлись процессіями въ Конвентъ выразить ему свое соболѣзнованіе и требовали, чтобы прахъ Марата позволили перенести въ Пантеонъ. Нѣкоторые требовали, чтобы его набальзамированное тѣло провезли по всеѣмъ департаментамъ до самыхъ предѣловъ міра, наконецъ, нѣкоторые даже, хотѣли воздвигнуть въ честь его пустыя гробницы подъ деревьями свободы, которыя должны были быть посажены во всеѣхъ коммунахъ республики. Одинъ только Робеспьеръ, у якобинцевъ, пытался умѣрить это идолопоклонство. „И меня тоже, сказалъ онъ: — ожидаютъ почести кинжала. Первенство выпало на его долю только случайно, и моя гибель быстро приближается“. Конвентъ постановилъ, что онъ будетъ присутствовать на погребеніи въ полномъ составѣ. Погребеніемъ распоряжался художникъ Давидъ. Плагіаторъ древности, онъ подражалъ похоронамъ Цезаря. Онъ распорядился поставить тѣло Марата въ церкви Кордельеровъ на катафалкѣ, покрытомъ его окровавленной рубашкой. Кинжалъ, ванна, чурбанъ, чернильница, перья, бумаги были разбросаны вокругъ тѣла, какъ орудіе философа и доказательства его стоической бѣдности. Депутаціи секцій смѣняли одна другую, говорили

рѣчи, воздавали ему хвалу, курили вѣнцомъ и раскидывали цвѣты вокругъ его тѣла. Онѣ произносили страшныя клятвы.

2.

Вечеромъ траурное шествіе вышло съ церковными свѣчами и только въ полночь достигло мѣста погребенія. Для вѣчнаго упокоенія останковъ Марата выбрали то самое мѣсто, гдѣ онѣ произнесъ столько рѣчей и столько разъ возбуждалъ народъ, а именно дворъ Клуба кордельеровъ, подобно тому, какъ погребаютъ воина на полѣ сраженія. Тѣло опустили въ могилу, вырытую въ тѣни деревьевъ, листья которыхъ, освѣщенные тысячами лампіоновъ, бросали на его гробъ кроткій и чистый свѣтъ древняго Елисія. Народъ подъ знаменами секцій, представители департаментовъ, избиратели, коммуна, кордельеры, якобинцы, Конвентъ присутствовали при этой церемоніи. Странный апоѳеозъ! Президентъ собранія Тюрю, обратился отъ лица націи съ послѣднимъ прощальнымъ привѣтомъ къ праху. Онѣ объявилъ, что Конвентъ готовится поставить статую Марата рядомъ со статуей Брута. Клубъ кордельеровъ потребовалъ, чтобы ему отдали его сердце. Заключенное въ урну, оно было повѣшено подъ сводами залы засѣданій. Въ концѣ концовъ общество постановило воздвигнуть ему алтарь. „Драгоценныя останки бога! воскликнулъ ораторъ у подножія этого алтаря: — неужели мы окажемся клятвопреступниками передъ твоею тѣнью? Ты требуешь отъ насъ мести, а твои убійцы живы“...

Пилигримство народа къ могилѣ Марата учредилось каждое воскресенье и слило въ одномъ общемъ обожаніи этого апостола убійства съ Христомъ, проповѣдникомъ мира. Всѣ театры были украшены его портретами. Названія площадей и улицъ были замѣнены его именемъ. Женщины воздвигли ему обелискъ. Журналисты назвали свои листки: „Тѣнь Марата“. Это неистовство овладѣло всѣми департаментами. Его имя сдѣлалось знаменемъ патріотизма. Мэръ Нима назвалъ себя Южнымъ Маратомъ; мэръ Страсбурга—Рейнскимъ Маратомъ. Членъ Конвента Карье назвалъ свои войска арміей Марата. Вдова „друга народа“ потребовала, чтобы Конвентъ отометилъ за ея супруга и далъ могилу и ей. Похоронныя торжества, процессіи, дни поминовеній были учреждены во многихъ коммунахъ республики. Молодыя дѣвушки, одѣтыя въ бѣлыя платья и съ кипарисовыми и дубовыми вѣнками въ рукахъ, пѣли вокругъ катафалка гимны въ честь Марата. Всѣ припѣвы этихъ гимновъ требовали крови. Кинжалъ Шарлотты Корде вмѣсто того, чтобы остановить пролитіе крови, казался, раскрылъ вены Франціи.

3.

Конвентъ возстанавливалъ повсюду свое значеніе. Послѣ сраженія у Вернона, гдѣ авангардъ федералистовъ разсѣялся при первомъ залпѣ изъ пушекъ, нашедшіе убѣжище въ Канѣ жирондисты снова отправились въ Бордо, предоставивъ Нормандію и Бретань, съ одной стороны, власти роялистовъ, а съ другой, комиссарамъ Конвента. Петіонъ, Луве, Варбару, Салль, Мельянъ, Кервелеганъ, Горза, Жире-Дюпре, Маршена, испанецъ добровольно завербованный въ ряды Жиронды, наконецъ Ріуфъ, молодой марселецъ, не поки-

нувшій дѣла Жиронды даже во время постигшихъ ее несчастій, одѣлись въ мундиры финистерскихъ волонтеровъ и смѣшались съ солдатами, чтобы достигнуть Бретани. Гаде только что присоединился къ нимъ въ Канѣ. Онъ засталъ уже ихъ паденіе. Бюзо, дю-Шатель, Бергуинъ, Лесаажъ, Валади ушли съ батальонами, Ланжюине опередилъ ихъ въ Брестѣ, распространяя повсюду негодованіе и возбуждая мужество. Генрихъ Ларивіеръ и Кервелеганъ, члены злополучной комиссіи. Двѣнадцати, опередили бѣглецовъ въ Кемперѣ и приготовили имъ не союзниковъ, а убѣжища. Депутаты, число которыхъ сократилось до девятнадцати, отдѣлившись отъ Финистерскаго батальона, служившаго имъ прикрытіемъ вплоть до Ламбаля, свернули съ большихъ дорогъ и направились по тропинкамъ, прося пріюта въ хижинахъ, гдѣ ежеминутно имъ грозила измѣна.

Когда въ Монконтурѣ ихъ узнали нѣкоторые изъ федератовъ и они услышали, какъ вокругъ нихъ шептали: „Вотъ Петіонъ, вотъ Бюзо“, они скрылись въ лѣсахъ. Объ ихъ убѣжищѣ подозрѣвали. Они провели тамъ довольно долго, спрятавшись подъ листьями. Дождь мочилъ ихъ окоченѣвшее тѣло. Молодой гражданинъ Монконтюра, выслѣдившій, куда они бѣжали, пришелъ за ними и проводилъ ихъ ночью въ уединенный домикъ, гдѣ они отдохнули въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Оттуда они слышали, какъ въ деревняхъ били тревогу. Шарили по полямъ, лѣсамъ и домамъ, чтобы схватить ихъ. Жиру и Лесаажъ отдѣлились отъ своихъ товарищей и согласились воспользоваться гостепримствамъ, предложеннымъ имъ въ окрестностяхъ. Остальные продолжали путь. Они угрожали тѣмъ крестьянамъ, которыхъ не могли привлечь на свою сторону. Они какимъ-то чудомъ избѣгали угрожавшихъ имъ опасностей.

4.

Между тѣмъ переходы, голодъ, жажда, безпокойство и болѣзнь изнурили ихъ. Кюсси, котораго мучили припадки подагры, стоналъ при каждомъ шагѣ. Ослабѣвшій Бюзо бросилъ оружіе, какъ слишкомъ тяжелую для него ношу. Барбару, которому едва минуло двадцать восемь лѣтъ, былъ неповоротливъ и тученъ, точно пожилой человѣкъ. Нога у него распухла отъ вывиха. Онъ могъ идти только опираясь на руку Петіона или Луве, которые по очереди поддерживали его. Ріуфъ ободралъ въ кровь ноги при ходьбѣ и волочилъ ихъ съ трудомъ, оставляя кровавые слѣды. Только Петіонъ, Саллъ и Луве сохранили неутомимую энергію.

Однажды вечеромъ, когда они подходили къ небольшому городку, надежный проводникъ сообщилъ имъ, что десять жандармовъ и нѣсколько солдатъ національной гвардіи ожидаютъ ихъ на дорогѣ, чтобы преградить имъ путь. „Надо предупредить ихъ, сказалъ Барбару своимъ друзьямъ:—ускорить шагъ и пробраться черезъ городъ сегодня ночью. Прежде чѣмъ жандармы успѣютъ осѣдлать лошадей, мы уже минуемъ опасность. Если они вздумаютъ насъ преслѣдовать, то канавы и изгороди послужатъ намъ прикрытіемъ. Они или надутъ подъ нашими пулями или же получатъ только наши трупы. Лучше ползти на колѣняхъ, чѣмъ попасться въ руки маратистовъ. Завтра, если мы

спасемся, то будемъ въ безопасности въ убѣжищѣ, которое Кервелеганъ приготовилъ для насъ въ Кемперѣ“.

Раненые и больные предпочитали ожидать смерть на мѣстѣ, чѣмъ бѣжать отъ нея. Однако энергія Барбару заставила покраснѣть ихъ за свою безропотность. Они встали, молча перешли черезъ дорогу и, пройдя нѣсколько лѣ, легли въ высокую траву, скрывающую ихъ и давшую имъ возможность спокойно заснуть.

Изнуренные усталостью и голодомъ, они наконецъ добрались до Кемпера, но не рѣшались войти въ него. Они послали одного изъ своихъ проводниковъ извѣстить Кервелегана о своемъ прибытіи и просить его дать указанія, какъ имъ дойти до убѣжища, которое онъ, по своей дружбѣ, безъ сомнѣнія приготовилъ имъ. Посланный проводникъ не возвращался. Они ждали въ теченіе тридцати-двухъ часовъ безъ крова и пищи подъ дождемъ, лежа въ болотѣ, отъ холодной, какъ ледъ воды котораго члены ихъ заоченьли. Кюсси призывалъ смерть, болѣе милосердную, чѣмъ страданія. Рюфъ и Жире-Дюпре утратили веселость, свойственную ихъ молодымъ лѣтамъ и поддерживавшую ихъ до тѣхъ поръ. Бюзо облекся въ молчаливую меланхолю. Даже Барбару почувствовалъ, что теряетъ не мужество, а надежду. Луве прижималъ къ груди заряженное оружіе, въ которомъ заключалось его освобожденіе и смерть. Только образъ обожаемой женщины, искавшей его слѣдовъ, чтобы присоединиться къ нему, привязывалъ его къ жизни. Петіонъ сохранялъ стоическое равнодушіе челоувѣка, который сомнѣвается въ томъ, чтобы судьба могла низвергнуть его еще ниже, послѣ того какъ вознесла его такъ высоко. Онъ достигъ крайней стени несчастія и успокоился.

5.

Между тѣмъ Кервелеганъ ожидалъ ихъ въ Кемперѣ. Посланный имъ конный гонецъ открылъ въ болотѣ мѣстопробываніе бѣглецовъ. Онъ проводилъ ихъ къ крестьянину, гдѣ они отогрѣлись у огня и подкрѣпились хлѣбомъ и виномъ. Затѣмъ ихъ пріютилъ у себя конституціонный священникъ. У него они возстановили свои силы; потомъ они раздѣлились на нѣсколько группъ, судьба которыхъ была различна. Пятеро изъ нихъ, въ ихъ числѣ Салль, Жире-Дюпре и Кюссо, нашли убѣжище у Кервелегана; Бюзо довѣрился скромности одного великодушнаго гражданина, жившаго въ предмѣстьѣ Кемпера; Петіонъ и Гаде скрывались въ уединенномъ домикѣ въ деревнѣ; Луве, Барбару, Рюфъ—у одного патриота въ самомъ городѣ. Возлюбленная Луве пріѣхала раньше его въ Кемперъ. Она принесла своему другу преданность, надежду и иллюзіи любви.

Находясь въ своихъ убѣжищахъ, изгнанники обсуждали, какими бы способами имъ собраться всемъ вмѣстѣ въ Бордо, не подвергаясь опасностямъ путешествія по сушѣ. Дю-Шатель отыскалъ палубное судно, стоящее на якорѣ на маленькой рѣчкѣ, впадающей въ море у Кемпера. Онъ приказалъ исправить это судно и подрядилъ его, чтобы перевезти себя и своихъ друзей въ Бордо. Хотя комиссары Горы не рѣшались еще показываться въ департа-

ментѣ, гдѣ всѣ были возбуждены противъ нихъ, проектъ дю-Шателя все-таки рухнулъ. Другое судно, снаряженное въ Брестѣ, доставило въ устье Жиронды дю-Шателя, Кюсси, Буа-Гюйона, Жире-Дюпре, Салля, Мельяна, Бергуина, Маршена и Рюфа. Петіонъ, Гаде и Бюзю, не желая разлучаться съ умирающимъ Барбару, отказались ѣхать въ Брестъ и ожидали въ своемъ убѣжищѣ выздоровленія друга. Одинъ только Луве удалился съ госпожой Лодонской въ хижину, которую она приготовила для него. Онъ наслаждался въ промежуткѣ между двумя бурями минутами блаженства, тѣмъ болѣе пріятнаго, чѣмъ сильнѣе ему угрожала опасность: перерывъ невзгодъ на пути смерти. Барбару, легкомысленный въ своихъ любовныхъ связяхъ, которыя благодаря его непостоянству никогда не переходили въ прочную привязанность, говорилъ, что завидуетъ счастью, которымъ изгнанный Луве былъ обязанъ преданности и вѣрности.

Извѣстіе о взятіи Тулона англичанами удвоило бдительность патріотовъ и ихъ преслѣдованіе федералистовъ, которыхъ обвиняли въ желаніи раздробить отечество. Луве, Барбару, Бюзю, Петіонъ, Гаде и Валади наконецъ сѣли ночью въ рыбацью лодку, которая должна была отвезти ихъ на судно, стоявшее на якорѣ у берега. Спрятанные на днѣ трюма подъ рогожами, они, незамѣченные, пробрались мимо флота изъ двадцати-двухъ республиканскихъ судовъ. Если бы лодку осмотрѣли, то ихъ неизбѣжно бы узнали по примѣтамъ Петіона. Тревоги революціи, непомерное честолюбіе, бури завоеванной и утраченной популярности покрыли сѣдиной его волосы и бороду прежде чѣмъ ему исполнилось сорокъ лѣтъ. Этотъ преждевременный старикъ былъ извѣстенъ во всей Франціи. Изгнанники вѣхали въ русло Жиронды и стали на якорь у Векъ-д'Амбе, маленькаго порта въ окрестностяхъ Бордо. Они думали, что вступаютъ на землю свободы, а она сдѣлалась для нихъ землею смерти.

6.

Между тѣмъ какъ побѣжденные жирондисты одинъ за другимъ попадали въ руки своихъ враговъ или посредствомъ бѣгства продлили мучительную агонію своей участи, республика, окрѣпшая въ центрѣ, претерпѣвала волненія на окраинахъ. Границы оставались безъ прикрытія; мѣстности, завоеванныя въ Германіи арміей Кюстина, и наши собственные крѣпости на Сѣверѣ гибли подъ залпами пушекъ коалиціи. Мы видѣли, что Кюстинъ, придвинувшійся къ Ландау, оставилъ въ Майнцѣ сильный гарнизонъ, какъ залогъ новаго скорого вторженія въ Германію. Генераль Дайре былъ назначенъ комендантомъ крѣпости. Его лейтенантами были Дюбайе и Клеберъ, умные и храбрые офицеры. Генераль Мённе, прославившійся своими подвигами въ Шербургѣ, начальствовалъ въ Касселѣ, служившемъ прикрытіемъ праваго берега Рейна. Рюбель и Мерленъ де-Тюновиль, въ одно и то же время бывшіе представителями и солдатами, заперлись въ Майнцѣ для того, чтобы войска сражались на глазахъ у самого Конвента. Двѣсти артиллерійскихъ орудій защищали крѣпость. Въ блокадѣ принимали участіе пятьдесятъ семь батальоновъ и сорокъ эскадроновъ. Хлѣбъ въ городѣ былъ въ изобиліи, а пороху не хватало. Несмотря на чудеса ловкости, удалства и храбрости, примѣръ которыхъ подавалъ войскамъ

Мерленъ де-Тювиль, оставалась надежда только на геройскую защиту. Но самая эта защита держала въ бездѣйствіи двадцать тысячъ нашихъ лучшихъ солдатъ, блокированныхъ по ту сторону Рейна въ завоеванной ими мѣстности. Кюстина отправилъ въ прусскую армію офицера. Этотъ офицеръ просилъ разрѣшенія пройти въ качествѣ парламентаря въ сопровожденіи прусскаго офицера черезъ линіи войскъ, чтобы передать приказаніе Майнцу сдать ся съ почетомъ на капитуляцію. Комиссары Конвента, Мерленъ и Рюбель, и генералы, начальствующіе надъ городомъ и надъ войсками, собравшись на военный совѣтъ, рѣшительно отказались исполнить это приказаніе. Австрійцы и пруссаки обратили блокаду въ осаду. Французы, постоянными смѣлыми вылазками переходя къ наступательнымъ дѣйствіямъ, заставляли неприятельскую армію по нѣсколько разъ завоевывать каждую пядь земли, приближавшую ихъ къ стѣнамъ. Генералъ Менье, достигнутый во время одной изъ этихъ вылазокъ бискайцемъ, раздробившимъ ему колѣно, умеръ нѣсколько дней спустя. Пруссаки, охваченные чувствомъ восторга и уваженія, прекратили огонь, чтобы дать время французамъ похоронить своего генерала въ одномъ изъ городскихъ бастионовъ. „Я теряю врага, который принесъ мнѣ много зла, воскликнулъ Фридрихъ-Вильгельмъ:—но Франція теряетъ великаго человѣка“.

Началась бомбардировка изъ трехъ сотъ артиллерійскихъ орудій. Мельницы, доставлявшія городу и гарнизону муку, были сожжены. Въ мясѣ ощущался такой же недостатокъ, какъ и въ хлѣбѣ. Жители ѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей. Безпощадный голодъ принудилъ генераловъ выслать изъ города лишніе рты. Старики, женщины, дѣти, въ числѣ двухъ или трехъ тысячъ, выгнанные изъ городскихъ стѣнъ, были прогнаны и пруссаками и умирали, находясь между двумя арміями, отъ пушечнаго огня и отъ голода. Госпитали, не имѣвшіе ни продовольствія, ни медикаментовъ, ни крова, не могли приютить раненыхъ. 25-го іюля городъ сдался. Войска свободно вышли со знаменами и съ оружіемъ подъ условіемъ въ теченіе года не сражаться противъ Пруссіи. Гарнизонъ ропталъ на своихъ начальниковъ. Солдатскій инстинктъ подсказывалъ имъ, что они получили бы въ недалекомъ времени помощь съ сѣвера отъ арміи генерала Гушара. Они хотѣли дожидаться ея. Это первое отступленіе французскихъ войскъ казалось нашимъ батальонамъ постыдной измѣной генію революціи. Таково было мнѣніе Конвента. Генералъ Дойре, комендантъ крѣпости, и генералъ Дюбайе, командиръ войскъ, были арестованы при ихъ вступленіи во Францію и отвезены плѣнниками въ Парижъ. Самъ Мерленъ де-Тювиль, несмотря на свою славу, съ трудомъ оправдалъ себя въ сдачѣ этого рейнскаго оплота, сдѣлавшагося могилой пяти тысячъ своихъ защитниковъ. Эта сдача поколебала и славу Кюстина. При первыхъ неудачахъ начали искать слабыя стороны этого генерала. Въ Вандею перевели пятнадцать тысячъ солдатъ, закаленныхъ въ бою во время продолжительной осады Майнца.

7.

Въ это время палъ Конде, одна изъ нашихъ сѣверныхъ крѣпостей. Дампьеръ погибъ пытаясь отстоять ее. Генералъ Шансель, запервшійся въ городѣ

съ четырьмя тысячами солдатъ, не имѣлъ болѣе ни провіанта, ни боевыхъ припасовъ. Солдату выдавалось уже только по двѣ унціи хлѣба, да и то провіанта могло хватить всего на нѣсколько дней. 12-го іюля пришлось сдаться. Валансьенъ, разрушенный бомбами, сдался 28-го англичанамъ и австрійцамъ. Храбрый генераль Феррантъ, служившій лейтенантомъ подъ начальствомъ Дюмурье, семидесятилѣтній старикъ, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ защищалъ городъ, точно хотѣлъ приготовить себѣ изъ его развалинъ могилу. Въ укрѣпленіяхъ, разрушенныхъ ударами двухсотъ тысячъ ядеръ, тридцати тысячъ гранатъ и пятидесяти тысячъ бомбъ образовались бреши, настолько широкія, что въ нихъ могла проѣхать кавалерія. Одинъ только страхъ передъ именемъ нашихъ храбрыхъ солдатъ и Феррана защищалъ крѣпость. Наконецъ Валансьенъ сдался на капитуляцію и гарнизонъ послѣ того, какъ онъ убилъ двадцать тысячъ непріятелей и самъ потерялъ семь тысячъ человекъ, получилъ разрѣшеніе отступить въ глубь Франціи съ оружіемъ и подъ своими знаменами.

Извѣстіе объ этихъ несчастіяхъ поразило Парижъ, хотя не повергло его въ уныніе. Спокойствіе Конвента среди несчастій поддержало духъ народа. Всѣ были опечалены, но никто не отчаявался за родину.

Извѣстія, приходившія изъ департаментовъ, успокаивали собраніе. Бордо, вновь завоеванный якобинцами, отворилъ ворота посланнымъ Конвента. Кантъ послѣ восьмидневныхъ волненій и колебаній вернулъ свободу заключеннымъ комиссарамъ. Волненія въ Бретани успокоились сами собой. Патріоты задержали на нѣкоторое время въ Тулонѣ роялистовъ. Тулуза покорилась. Лозерь усмирился. Два депутата Жиронды, Шассе и Бирото, возбудившіе возстаніе въ Лионѣ и въ Юрѣ, увидали, подобно Ребеки въ Марселѣ, какъ вызванное ими вначалѣ республиканское движеніе превратилось въ роялистское. Они сами устрашили того, что совершили. Нантъ изгналъ изъ своихъ стѣнъ вандейцевъ.

Эти невзгоды съ одной стороны и удачи съ другой сдѣлали якобинцевъ одновременно недовѣрчивыми и дерзкими. Доносы на Кюстина участились и стали ядовитѣе. Этого генерала обвиняли тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большія надежды на него возлагались. Его смѣлость и удачи въ первыхъ сраженіяхъ заставили ожидать отъ него невозможнаго. Онъ былъ наказанъ за то, что слишкомъ много на него возлагалось надеждъ. Его обвиняли въ сообщничествѣ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, въ слабости къ прусскому королю, въ тайныхъ сношеніяхъ съ роялистами, оставшимися въ отечествѣ, съ генераломъ Вимпфеномъ и канскими жирондистами. Базиръ потребовалъ, чтобы Кюстинъ былъ арестованъ среди своей арміи. Конвентъ могъ опасаться, чтобы генераль, войска котораго были фанатически преданы ему, не воспользовался своею популярностью въ лагерѣ и не обострилъ положенія республики двинувшись противъ Парижа. Тѣмъ не менѣе онъ не отступилъ передъ угрожавшей ему опасностью. Онъ послалъ Кюстину приказъ явиться и отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Левассеръ депутатъ Сарты взялъ на себя эту опасную миссію. Пріѣхавъ въ лагерь, представитель потребовалъ, чтобы войскамъ былъ сдѣланъ смотръ; подъ ружьемъ находилось сорокъ тысячъ человекъ. Солдаты, подозрѣвавшіе, что Левассеръ, явился, чтобы отнять у нихъ вождя, отказались оказать ему воинскія по-

честь. Левассеръ приказалъ преклонить знамена. „Солдаты республики, сказалъ онъ имъ: — Конвентъ приказалъ арестовать генерала Кюстина“. — „Пусть намъ вернуть его!“ сердитымъ голосомъ отвѣчаютъ войска. Представитель не обращаетъ вниманіе на ропотъ. Онъ вынимаетъ саблю и объѣзжаетъ ряды войска вызывающе смотря и съ угрозой направляя остріе своей сабли противъ того солдата, который въ его лицѣ осмѣлился бы посягнуть на отечество. Изъ рядовъ выступилъ сержантъ. „Мы хотимъ, чтобы намъ вернули нашего генерала“, сказалъ онъ. „Подойди сюда, ты, требующій Кюстина! отвѣчаетъ Левассеръ:—осмѣлился ли ты поручиться головой за его невинность?.. Солдаты! продолжаетъ представитель:—если Кюстинъ невиновенъ, то вамъ вернуть его; если же онъ виновенъ, то онъ искупитъ кровью свои преступленія. Нѣтъ пощады измѣнникамъ! Горе мятежникамъ!“

8.

Возмолвіе долга было единственнымъ отвѣтомъ на эти слова. Генераль былъ арестованъ. Кюстинъ не послѣдовалъ примѣру Дюмуре. Онъ предпочелъ эшафотъ изгнанію. Пріѣхавъ въ Парижъ, онъ покорился и отчасти вернулъ себѣ популярность, которую ему ставили въ упрекъ какъ преступленіе. Онъ гулялъ по Пале-Роялю и молодежь и женщины аплодировали ему.

Эта пассивная покорность подстрекнула якобинцевъ къ новымъ обвиненіямъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Гара, морской министръ Дальбарадъ сдѣлались предметомъ гнусныхъ подозрѣній. Исполнительная власть, подвергавшаяся такимъ подозрѣніямъ и непрерывнымъ обвиненіямъ, не только находилась въ опасности, но лишалась всякой возможности дѣйствовать. Робеспьеръ, покровительствовавшій анархіи настолько, насколько считалъ ее необходимой для торжества революціи, энергично возсталъ противъ подстрекателей къ безпорядкамъ съ той минуты, какъ революція показалась ему упрочившейся. Онъ защищалъ Комитетъ общественного спасенія, обвиненный въ слабости, хотя и не принадлежалъ къ нему самъ; онъ защищалъ Дантона; онъ защищалъ Гара и Дальбарада противъ Шабо и Россиньоля; онъ гремѣлъ противъ доносчиковъ. Ропотъ возбужденныхъ якобинцевъ, заглушавшій его голосъ, не испугалъ его. „Достаточно, значить, человѣку быть у власти, чтобы его обвинили! воскликнулъ онъ среди ропота якобинцевъ:—неужели мы никогда не перестанемъ вѣрить смѣшнымъ или вѣроломнымъ выдумкамъ, которыми насъ заспаютъ со всѣхъ сторонъ! Осмѣливаются обвинять даже Дантона. Ужъ не хотятъ ли и на него навлечь наше подозрѣніе. Обвиняютъ Бушотта, обвиняютъ Паша. Написано, что лучшіе патріоты будутъ оговорены. Пора положить конецъ, этимъ гнусностямъ“. Нѣсколько дней спустя Робеспьеръ возсталъ съ такой же твердостью противъ обвиненій, направленныхъ на дворянъ, служащихъ въ войскахъ. „Что значать все эти пошлыя выраженія о дворянствѣ, которыя теперь распространяются среди васъ? сказалъ онъ. Мои здѣшніе противники не больше республиканцы, чѣмъ я. Развѣ вы хотите держать Комитетъ общественного спасенія на помочахъ? Выскочки, однодневные патріоты, хотятъ погубить во мнѣніи народа его самыхъ старыхъ друзей. Привожу въ примѣръ Дантона, котораго оклеветали;

Дантона, на котораго никто не имѣеть права взвести ни малѣйшаго упрека, Дантона, котораго можно уронить во мнѣніи, только доказавъ, что обладаешь большей энергіей, талантомъ и любовью къ родинѣ, чѣмъ онъ. Я не претендую на то, чтобы меня сравнивали съ нимъ и чтобы мы оба выиграли такимъ образомъ отъ сопоставленія другъ съ другомъ, но я только ссылаюсь на него. Два человѣка, состоящіе на жалованіи у враговъ народа, два человѣка, на которыхъ доносилъ Марать, притворяются, что заступили мѣсто этого писателя-патріота. Черезъ нихъ эти враги изливаютъ на насъ свой ядъ. Одинъ изъ нихъ извѣстный своими позорными поступками священникъ Жакъ Ру; другой молодой человѣкъ—Леклеркъ, служащій доказательствомъ того, что порокъ не чуждъ и въ юныхъ душахъ! Своими крайне патріотическими фразами имъ удастся убѣдить народъ, что его новые друзья усерднѣе насъ. Они восхваляютъ Марата для того, чтобы имѣть право унижить теперешнихъ патріотовъ. Что имъ значить хвалить мертвыхъ, лишь бы оклеветать живыхъ?“

9.

Въ то время какъ Робеспьеръ, стараясь склонить въ свою пользу общественное мнѣніе и правительственную власть, сдерживалъ такимъ образомъ якобинцевъ и взялъ на себя роль государственнаго дѣятеля, Дантонъ допустилъ, чтобы его взялъ подъ свое покровительство Робеспьеръ. Паденіе жирондистовъ смутило его. Жирондисты были для него уравновѣшивающей гирей, которой онъ надѣялся пользоваться въ Конвентѣ въ то время, когда лично переходилъ то на сторону Горы, то на сторону Равнины. Равновѣсіе не могло возстановиться послѣ торжества Коммуны. Приходилось или изгонять самому или быть изгнанникомъ. Обѣ роли внушали одинаковое отвращеніе Дантону. Наслаждаясь привязанностью, которую ему внушала молодая женщина, на которой онъ только что женился, ища спокойствія, оскорбленный своею репутацией кроваваднаго человѣка, Дантонъ хотѣлъ искупить ее амнистіями и великодушіемъ, естественными при теперешнемъ его душевномъ состояніи, найти отдыхъ въ своемъ семейномъ счастіи и если не отказаться, то по крайней мѣрѣ отерочить удовлетвореніе своего честолюбія. Уставъ внушать къ себѣ ужасъ, онъ захотѣлъ быть любимымъ.

Гора дѣйствительно любила его. Онъ былъ въ минуты несчастій ея свѣточемъ, во время волненій ея голосомъ; но съ тѣхъ поръ какъ Марать исчезъ съ Горы, Дантонъ встрѣтилъ тамъ Робеспьера, болѣе уважаемаго и серьезнаго противника, чѣмъ Марать. Хотя Робеспьеръ, какъ мы видѣли, и выказывалъ ему глубочайшее уваженіе и совѣтовался съ нимъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, Дантонъ сознавалъ, что онъ поступаетъ такъ только изъ почтенія и что пока будетъ существовать Робеспьеръ, первымъ лицомъ въ республикѣ всегда останется идолъ якобинцевъ. Итакъ, Дантонъ предпочиталъ лучше исчезнуть, чѣмъ играть второстепенную роль. Его честолюбіе равнялось его гордости. Онъ могъ уйти, но не хотѣлъ, чтобы его устроили. Онъ рассчитывалъ на счастье и на свой гений, чтобы занять подобающее ему мѣсто, то есть стать во главѣ революціи.

Къ тому же Дантономъ съ нѣкотораго времени овладѣло состояніе нравственнаго утомленія, парализующее иногда душу самыхъ пылкихъ честолюбцевъ, когда ихъ не поддерживаетъ всемогущество безкорыстной идеи. Будучи чело-вѣкомъ, поступающимъ по влеченію, а не по убѣжденію, онъ чувствовалъ, какъ имъ овладѣваетъ слабость. Страсти личныя притупляются и ослабѣваютъ, общественныя страсти—никогда. Робеспьеръ имѣлъ то преимущество передъ Дантономъ, что страсть его была неутомима, потому что источникъ ея былъ безкорыстенъ. Дантонъ былъ чело-вѣкомъ, Робеспьеръ воплощалъ въ себѣ идею.

Дантонъ съ нѣкоторыхъ поръ удивлялъ своихъ друзей медлительностью и непослѣдовательностью своихъ рѣшеній. Въ словахъ его замѣчались колебанія и отчаяніе души, оглядывающей назадъ, у которой больше силъ для сожалѣній, чѣмъ для желаній, для того чтобы примѣнять рѣшеніе, чѣмъ для дѣйствія,—вѣрныя признаки упадка честолюбія, а у общественныхъ дѣятелей вѣрное предсказаніе паденія изъ карьеры. „Несчастные жирондисты, восклицалъ онъ иногда мысленно, вздыхая:—они низвергли насъ въ пропасть анархіи и сами были поглощены ею; мы, въ свою очередь, тоже погибнемъ въ ней, и я чувствую уже, какъ бездна поднимается на сто футовъ надъ моею головою!“

Въ такомъ настроеніи Дантонъ оставилъ трибуну якобинцевъ, которая теперь постоянно была занята Робеспьеромъ; Дантонъ уже рѣдко обращался съ рѣчью къ кордельерамъ и молчалъ въ Конвентѣ. Казалось, онъ предоставилъ революцію ея теченію, а самъ сталъ въ сторонѣ, чтобы наблюдать, какъ понесутся обломки, и ждалъ перемѣны обстоятельствъ. Но Дантонъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы его можно было забыть. Забвеніе спасительно только для посредственностей. Недовольная революція ожесточилась противъ него и его друзей. Лежандръ, Камилль Демуленъ, Фабръ д'Эглантинъ, Шабо возбудили подобно ему подозрѣнія въ кордельерахъ и якобинцахъ. Этихъ людей втихомолку обвиняли въ томъ, что они перестали дѣйствовать, ослабѣли, поживились добычей, занимались ажіотажемъ съ иностранными банкирами, ласкали побѣжденныхъ, изъ корыстной снисходительности прикрывали измѣны генераловъ, подражали въ порокахъ аристократамъ, развращали народъ, ввели въ правительственныхъ вѣдомствахъ взяточничество, ибратили спартацевъ въ сибаритовъ, наконецъ образовали партію изъ испорченныхъ людей, худшую изъ всѣхъ партій въ республикѣ, которая могла держаться только на основахъ добродѣтели и свободы.

Эти упреки вызывали презрительную улыбку у Дантона и даже возбуждали въ немъ тайную гордость. Онъ не кичился добродѣтелью и не притворялся безкорыстнымъ; онъ скорѣе выставлялъ на показъ свои слабости, чѣмъ скрывалъ ихъ. Ктому же онъ надѣялся на будущее. Естественная смерть избавила его отъ имѣвшаго надъ нимъ превосходство Мирабо; кинжалъ устранилъ Марата; 31 мая избавило его отъ имѣвшаго надъ нимъ первенство въ краснорѣчій Верньо; случай могъ избавить его отъ соперничества Робеспьера. Время

идеть быстро во время революціи. Достаточно встать на пути времени, чтобы оно въ свой часъ принесло вамъ все, что только можетъ дать счастье. Такъ инстинктивно разсуждалъ Дантонъ.

Въ это-то время, по настояніямъ своей молодой жены и новой родни, побуждавшихъ его не принимать участія и даже не замѣшивать своего имени въ дѣла Террора, начинавшаго возмущать добрыхъ гражданъ, онъ рѣшился покинуть арену своей дѣятельности, бѣжать изъ Парижа и удалиться въ Арси на Обѣ.

Дантонъ былъ слишкомъ большой знатокъ человѣческаго сердца, чтобы не понять, что его удаленіе въ подобную минуту являлось поступкомъ чрезвычайъ смиреннымъ или чрезвычайъ горделивымъ для человѣка столь вліятельнаго въ республикѣ, какъ онъ. Удалиться изъ Конвента во время переживаемаго имъ кризиса опасностей и насилій значило объявить себя бесполезнымъ для родины или же отказаться отъ солидарности съ правительствомъ. Это равнялось отреченію или угрозѣ. Дантонъ зналъ это. Поэтому онъ скрылъ настоящія причины своего отъѣзда, сославшись на утомленіе и упадокъ силъ. Онъ указалъ также на необходимость представить молодую жену своей матери и отчиму, господину Рикордену, который въ то время былъ онъ еще живъ.

Главной причиной, вслѣдствіе которой онъ хотѣлъ удалиться и въ которой признавался въ минуту интимныхъ бесѣдъ съ женой и своими близкими, — быть ужасъ, внушаемый ему долженствовавшимъ вскорѣ состояться судомъ надъ королевой Маріей-Антуанетой. Это убійство плѣнной женщины народомъ возбуждало негодованіе въ душѣ Дантона: онъ часто клялся себѣ, что спасетъ головы этихъ женщинъ и дѣтей. Онъ предлагалъ отправить королеву, принцессу, ея дочь, и принцессу Елизавету въ Австрію. Онъ скрывалъ подъ словами, выражавшими презрѣніе, состраданіе, которое ему внушали эти безоружныя жертвы. Онъ хотѣлъ, чтобы его не запятнала кровь этихъ женщинъ, которую собирались пролить.

Передъ отъѣздомъ у Дантона былъ секретный разговоръ съ Робеспьеромъ. Онъ унился передъ своимъ соперникомъ до того, что признался ему, что отчаявается въ общественныхъ дѣлахъ. Онъ просилъ, чтобы Робеспьеръ во время его отсутствія защитилъ его отъ клеветы, которую продолжаютъ распространять кордельеры насчетъ его патріотизма и честности. Робеспьеръ, довольный тѣмъ, что передъ нимъ смирился и уѣзжаетъ единственный человѣкъ, могущій поколебать его значеніе въ республикѣ, не хотѣлъ удерживать Дантона. Оба соперника, казавшіеся друзьями, поклялись во взаимномъ уваженіи и обѣщали постоянно поддерживать другъ друга. Дантонъ уѣхалъ.

12.

Въ своемъ сельскомъ уединеніи въ Арси на Обѣ Дантонъ жилъ поглощенный единственно своею любовью, заботами о своихъ маленькихъ дѣтяхъ и домашнихъ дѣлахъ, счастливымъ свиданіемъ съ матерью и друзьями дѣтства и видомъ родныхъ полей. Казалось онъ окончательно сбросилъ съ себя бремя общественныхъ дѣлъ и даже самое воспоминаніе о нихъ. Онъ никому не писалъ. Онъ не получалъ писемъ изъ Парижа. Нить всѣхъ его заговоровъ была порвана. Только изрѣдка его посѣщала одинъ изъ депутатовъ Конвента: именно

депутатъ Куртуа, его соотечественникъ, которому принадлежали мельницы въ Арси на Обѣ. Они разговаривали объ опасностяхъ, грозившихъ ихъ отечеству.

Въ интимныхъ разговорахъ съ женой, ея матерью и Рикорденомъ, Дантоя не скрывалъ своего искренняго раскаянія въ революціонныхъ увлеченіяхъ, въ которыя онъ былъ вовлеченъ пыломъ страстей. Онъ пытался оправдать себя отъ всякаго соучастія въ сентябрьскихъ убійствахъ; онъ уже не говорилъ о нихъ такъ, какъ говорилъ на слѣдующій день по совершеніи ихъ: „Я взглянулъ въ лицо своему преступленію и я совершилъ его“, но какъ на изступленіе патріотизма, къ которому увлекли народъ изверги Коммуны и котораго онъ не въ силахъ былъ бы предотвратить и долженъ былъ допустить, несмотря на то, что чувствовалъ къ нему отвращеніе. Онъ не скрывалъ также надежды вернуть влияніе, котораго онъ достоинъ благодаря своему политическому гению, послѣ того какъ настоящія волненія устранивъ съ арены дѣйствій ничтожныя умы и слабыя характеры, господствующіе къ Конвентѣ. Онъ говорилъ о Робеспьерѣ какъ о мечтателѣ, иногда жестокомъ, иногда добродѣтельномъ, но всегда витающемъ въ химерахъ. „Робеспьеръ, говорилъ онъ: — утошаетъ въ своихъ идеяхъ, но не умѣетъ трогать людей“. Онъ не вѣрилъ въ долговѣчность республики. „Необходимо, говорилъ онъ иногда: — нѣсколько человѣческихъ поколѣній, чтобы перейти отъ одной формы правленія къ другой. Прежде чѣмъ основать городъ, надо имѣть гражданъ!“

Онъ много читалъ историковъ Рима, а также много писалъ, но медленно сжигалъ все написанное. Онъ хотѣлъ оставить по себѣ только одинъ слѣдъ — свое имя.

13.

Робеспьеръ, наоборотъ, хотя больной и изнуренный умственнымъ трудомъ, который могъ бы истощить нѣсколькихъ человѣкъ, забывалъ себя самого, чтобы съ большимъ, чѣмъ когда-либо рвеніемъ отдаться стремленію осуществить свой идеалъ правленія. Честолюбіе его росло по мѣрѣ того, какъ оно все болѣе и болѣе сливалось съ честолюбіемъ той республики, которую онъ хотѣлъ основать. Ему было все равно какую бы ни играть роль, но лишь бы быть душою дѣла. Непостоянство, раскаяніе, земельная и коммерческая аристократія Жиронды искренно убѣдили его въ томъ, что эти люди хотѣли возвращенія монархіи или учрежденія республики, въ которой господство богатства замѣнило бы собою господство церкви и монархической власти и гдѣ народъ получалъ бы нѣсколько тысячъ тирановъ вмѣсто одного. Онъ видѣлъ въ этихъ мѣщанахъ самыхъ опасныхъ противниковъ всеобщей демократизаціи и философскаго уравненія. Послѣ ихъ паденія онъ началъ надѣяться, что достигнетъ своей цѣли. Этой цѣлью было участіе въ правленіи всѣхъ гражданъ черезъ своихъ представителей, которые были избираемы всѣмъ народомъ и правили посредствомъ народа, имѣя въ виду блага народа, составляя избирательный совѣтъ, являвшій собою единственную правящую власть. Честолюбіе Робеспьера, котораго такъ часто обвиняли въ то время и потомъ, не шло дальше этого. Онъ считалъ эту цѣль естественной и угодной Богу. Онъ не стремился къ верховной власти, а хотѣлъ быть вождемъ и совѣтникомъ въ правленіи народа. Учредить такое правленіе,

испытать его механизмъ, уравновѣсить его колебаніе, присутствовать при первыхъ его шагахъ, оживить его своими принципами и оставить ему свою душу,— было мечтой и цѣлью Робеспьера.

14.

Потому-то тотчасъ послѣ исчезновенія жирондистовъ онъ измѣнилъ манеру держать себя и говорить. Онъ заботился только о трехъ вещахъ: привести къ единству мнѣніе Конвента черезъ посредство якобинцевъ, оракуломъ которыхъ онъ былъ; сопротивляться стремленіямъ Коммуны захватить анархическую власть, угрожавшую поработить независимость представителей, и наконецъ установить гармонию и единство дѣйствій посредствомъ учрежденія правительственнаго Комитета. Къ этимъ его стремленіямъ не примѣшивалось ни малѣйшаго чувства личного честолюбія. Самая его популярность, увеличивавшаяся съ каждымъ днемъ и становившаяся среди его приверженцевъ все болѣе и болѣе фанатичной, была для него орудіемъ, а не цѣлью. Онъ тратилъ ее съ расточительностью, равной труду, который онъ положилъ, чтобы пріобрѣсти ее. Его добровольное удаленіе съ арены общественной дѣятельности прекратило зависть, которую возбуждаютъ великіе мыслители, и придавало ему таинственность, которая такъ къ лицу оракуламъ. Смущенная клевета не переступала порога его комнаты въ домъ честнаго ремесленника. Душа республики, казалось, сокрылась вмѣстѣ съ нимъ въ бѣдности, трудѣ и суровости нравовъ.

15.

Съ этихъ поръ Робеспьеръ усерднѣе чѣмъ когда-либо началъ посѣщать вечернія засѣданія якобинцевъ. Онъ направилъ мысли этого общества на великія задачи организациі общественнаго строя, чтобы отвлечь ихъ отъ заговоровъ, время которыхъ, по его мнѣнію, уже прошло. Онъ съ явнымъ отвращеніемъ сторонился отъ порочныхъ людей, хотѣвшихъ къ революціи примѣшать демагогію, какъ примѣшиваютъ къ благородному металлу нечистую амальгаму, чтобы сдѣлать его болѣе ковкимъ и удобнымъ для обработки. Онъ не хотѣлъ долѣе унижать революціонные принципы до понятія испорченнаго и отставшаго въ своихъ взглядахъ народа. Онъ хотѣлъ поднять народъ до высоты уразумѣнія духа своихъ принциповъ. Оттого онъ льстилъ народной гордости и, убѣждая народъ, что онъ достоинъ добродѣтельныхъ установленийъ, заставлялъ увѣрывать его въ свою собственную добродѣтель. Онъ ближе сошелся съ небольшимъ кружкомъ суровыхъ, но честныхъ людей, которые доводили до культа жестокою, но неопредѣленную и неумолимую логику демократіи. Это были Кутонъ, Леба, Сень-Жюсть, люди, ничѣмъ не запятнавшіе себя до тѣхъ поръ, кромѣ фанатизма. На нихъ не было ничьей крови. Они надѣялись, что ихъ система одержитъ верхъ благодаря одной только очевидности разума, благодаря притягательной силѣ истины; но, къ сожалѣнію, они рѣшили принести все въ жертву своей системѣ, даже пожертвовать ради нея цѣлыми поколѣніями. Эти депутаты, въ небольшомъ числѣ, собирались каждый вечеръ у своего оракула; тамъ они возбуждали свое воображеніе прекрасной перспективой правосудія, равенства и счастья, которыя сулила землѣ новая доктрина. При видѣ пустыхъ стѣнъ

залы, умѣренной вечерней трапезы и слыша философскій тонъ бесѣды, безпрестанно рисовавшей картины добродѣтели, безкорыстія, самопожертвованія ради родины, никто не подумалъ бы, что присутствуетъ при заговорѣ демагоговъ, но на собраніи мудрецовъ, мечтающихъ объ учрежденіяхъ золотого вѣка. Мирныя картины чередовались съ трагическими событіями, происходившими тамъ же въ это время. Любовь согрѣвала, но не дѣлала мягче сердца этихъ людей. Нѣжное чувство Кутона къ женщинѣ, служившей ему утѣшеніемъ на склонѣ его дней, бурная и страстная любовь Сень-Жюста къ сестрѣ Леба, серьезное предпочтеніе, которое Робеспьеръ оказывалъ второй дочери своего гостя, любовь Леба къ младшей сестрѣ, проекты союза, мечты о счастіи послѣ бурь—придавали этимъ разговорамъ семейный, безпечный, подчасъ веселый характеръ, не возбуждавшій подозрѣній въ незаконности собраній главарей и вскорѣ затѣмъ тирановъ республики. Тамъ говорили только о счастіи отречься отъ какой бы то ни было общественной роли тотчасъ послѣ торжества принциповъ, о скромныхъ занятіяхъ ремесленника, объ обработкѣ полей. Самъ Робеспьеръ, казавшійся утомленнымъ болѣе другихъ волненіями и жаждавшій отдыха, мечталъ объ уединенной хижинѣ въ глуши Артуа, куда онъ отвезетъ свою жену и откуда онъ будетъ наблюдать, съ лона личнаго счастія, счастіе общее. Явленіе странное, хотя служащее истиннымъ свидѣтельствомъ непоколебимости и утомляемости человѣческаго сердца. Робеспьеръ и Дантонъ, два человѣка, волновавшіе въ то время республику, которые, столкнувшись, должны бы были уничтожить другъ друга, жаждали лишь отречься отъ власти. Но популярность не допускаетъ отреченія. Она возвышаетъ и овладѣваетъ человѣкомъ, и обоимъ этимъ людямъ суждено было испытать на себѣ всѣ ея милости и погибнуть отъ нихъ.

16.

Хотя взгляды Робеспьера и Дантона были различны, оба сходились въ желаніи сосредоточить власть въ Конвентѣ. Они представляли народу конституцію только какъ проектъ будущаго учрежденія, долженствовавшаго быть упраздненнымъ тотчасъ же, какъ только его покажутъ народу. Въ ту минуту управлять значило побѣдить. По ихъ мнѣнію, лучшимъ правительствомъ было то, которое было бы способно упрочить побѣду надъ партіями, враждебными революціи. Франція и свобода были въ опасности. Законы должны были быть оружіемъ, а не законами. Конвентъ долженъ былъ быть въ республикѣ властью исполнительной настолько же, какъ и законодательной. Всѣ члены собранія раздѣляли это мнѣніе. Оно является единственнымъ спасеніемъ, когда законы упразднены. Это мнѣніе тотчасъ же отразилось и на ихъ дѣйствіяхъ. Конвентъ не потребовалъ, чтобы ему дана была диктатура, а взялъ ее самъ. Эта диктатура на слѣдующій же день, 31-го мая, выпала на долю Комитета общественнаго спасенія.

Подобно тому, какъ въ 1789 году нація присвоила себѣ исключительную власть, Конвентъ единолично захватилъ власть въ 1793. Власть уполномоченная бываетъ всегда слабѣе непосредственной. Въ самыя критическія минуты народы отзываютъ своихъ уполномоченныхъ, безразлично, называются ли они

королевской властью, законами или магистратурами. Они не могут колебаться. Законы—урегулированный порядок отношеній гражданъ другъ къ другу и гражданъ къ государству въ мирное время; но когда законы отмѣнены или ниспровергнуты, когда отношенія нарушены, ссылаются на эти законы, уже не существующіе или еще не установленные, значить взывать къ призраку для спасенія государства. Государство само по себѣ является единственно дѣйствующимъ закономъ, а всѣ его законы—государственнымъ переворотомъ. Таково было положеніе Конвента въ іюлѣ 1793 года. Это положеніе принуждало его или захватить диктатуру или погибнуть. Если бы онъ предпочелъ послѣднее, то нація и революція погибли бы вмѣстѣ съ нимъ. Онъ выбралъ диктатуру и не ошибся. Есть законные захваты: они спасаютъ идеи, народы, установленія. Поэтому исторія должна упрекать Конвентъ не за захватъ власти, а за тѣ средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ послѣ этого захвата. Когда законы исчезаютъ въ государствѣ, вмѣсто нихъ должна воцариться справедливость. Только при этомъ условіи Богъ и потомство могутъ простить правительствамъ. Совѣсть—первый изъ законовъ.

17.

Основной законъ власти, когда она начинаетъ дѣйствовать, — это стремленіе сосредоточиться и воплотить себя въ возможно меньшемъ числѣ людей. Политическія общества могутъ имѣть тысячи головъ и мнѣній, пока они остаются совѣщательными собраніями, но имъ нужна единая воля, когда они захватываютъ исполнительную власть. Конвентъ имѣлъ сначала слабое представленіе объ этой истинѣ, но потомъ окончательно постигъ ее. Онъ началъ съ того, что создалъ министровъ, облеченныхъ извѣстной отвѣтственностью и независимостью, какъ во времена министерства жирондиста Ролана. Потомъ онъ совершенно упразднилъ эти министерства, замѣнивъ ихъ исполнительными комиссиями, столь же специальными и разнообразными, каковы были и министерства; нѣкоторое время спустя Конвентъ создалъ исполнительныя комиссіи въ самомъ центрѣ національнаго представительства и распредѣлилъ между ними разныя функціи власти. Каждая изъ этихъ комиссій представляла черезъ своего докладчика результатъ своихъ совѣщаній на утвержденіе Конвента. Хотя Конвентъ хорошо управлялъ такимъ способомъ, но правленіе его было слабое. Отдѣльнымъ комиссіямъ не хватало связующаго звена. Онъ издавали мнѣнія, но не приказы.

Конвентъ почувствовалъ, что онъ долженъ образовать изъ своихъ членовъ комитетъ, который, исходя отъ него, тѣмъ не менѣе предписывалъ бы ему свою волю и, такъ сказать, свой терроръ. Онъ боялся царившей въ немъ анархіи; онъ боялся своего собственного непостоянства. Чтобы вѣрнѣе побѣдить сопротивленіе, онъ согласился подчиниться, повиноваться и трепетать. Онъ преобразовалъ Комитетъ общественнаго спасенія и отдалъ все правленіе въ его руки. Это было отреченіе Конвента, но это отреченіе обезпечивало ему власть.

18.

Названіе Комитета общественнаго спасенія было не новое въ Конвентѣ. Уже съ предыдущаго марта мѣсяца всѣ предусмотрительные члены собранія: Робес-

пьеръ, Дантонъ, Маратъ, Инаръ, Албиттъ, Бентаболъ, Кинеттъ, единогласно потребовали, чтобы вся власть сосредоточена была въ комитетъ, состоящемъ изъ небольшого числа членовъ, въ рукахъ котораго были бы отдѣльныя нити слишкомъ ослабѣвшей исполнительной власти. Этотъ центръ правленія былъ учрежденъ. Въ составъ его вошло большинство жирондистовъ. Власть была бы въ ихъ рукахъ, если бы они умѣли пользоваться ею. Члены Комитета общественнаго спасенія, число которыхъ равнялось двадцати пяти, были: Дубуа-Крансе, Петюнь, Жансонне, Гюитонъ де Морво (сотрудникъ Бюффона), Робеспьеръ, Барбару, Рюль, Верньо, Фабръ д'Эглантинъ, Бюзо, Дельма, Кондорсе, Гаде, Бреаръ, Камюсъ, Пріеръ (Марнскій), Камилль Демуленъ, Бареръ, Кинеттъ, Дантонъ, Сіесъ, Ласурсъ, Инаръ, Жанъ Дебри и Камбасересъ, будущій оракулъ деспотизма, вышедшій изъ собранія свободы.

Этому комитету принадлежала инициатива всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ опасностей, угрожавшихъ родинѣ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Онъ призывалъ въ свою среду министровъ, контролировалъ ихъ дѣйствія; онъ отдавалъ каждую недѣлю отчетъ Конвенту. Зависливое Собраніе боялось своего собственнаго деспотизма въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ. На душу диктатуры, тайну, былъ такимъ образомъ положенъ запретъ въ Комитетѣ. Вслѣдствіе борьбы мнѣній въ немъ царилъ антагонизмъ. Это было ничто иное какъ сосредоточенная анархія. Робеспьеръ, сразу понявшій это и не желавшій запятнать своей популярности, отвѣчая за поступки, идущіе въ разрѣзъ съ его взглядами, выпелъ послѣ первыхъ же засѣданій. Онъ не хотѣлъ стоять особнякомъ, но не хотѣлъ и дѣйствовать сообща. Выходъ изъ состава членовъ Робеспьера лишилъ этотъ первый комитетъ его популярности.

Въ началѣ апрѣля даже жирондисты вмѣстѣ съ Дантономъ предложили усилить комитетъ, преобразовавъ его и удаливъ нѣкоторыхъ изъ его членовъ. Одинъ Бюзо, предчувствуя, что мечъ, который ковали его друзья, принесетъ смерть, отвергъ это намѣреніе. Оно было принято однако, несмотря на его возраженія. Число членовъ Комитета съ двадцати пяти сократили до девяти. Ему поручили храненіе государственной тайны, наблюденіе надъ министерствами, предоставили право отминая декреты, которые онъ найдетъ вредными для народа, и самому издавать декреты. Въ его распоряженіе предоставили особый фондъ. Ему не было дано только одного права, которымъ пользуется еще верховная власть—произвольнаго ареста гражданъ.

Комитетъ общественнаго спасенія долженъ былъ быть возобновляемъ ежемѣсячно посредствомъ выбора изъ членовъ собранія. Съ составъ его членовъ вошли: Бареръ, Дельма, Бреаръ, Камбонъ, Дантонъ, Гюитонъ, де Морво, Трейляръ, Лакруа (депутатъ д'Еръ и Луаръ) и Робертъ Линде. Дантонъ былъ исключенъ изъ этого комитета жирондистами, чтобы нейтрализовать его вліяніе на слабыхъ и нерѣшительныхъ членовъ Равнины. Они ошиблись въ своей тактикѣ: Дантонъ, не встрѣтивъ энергіи въ своихъ сочленахъ, искалъ ее въ коммунѣ. Дантонъ удержалъ за собой въ комитетѣ веденіе внѣшнихъ дѣлъ, къ которымъ его привлекалъ его военный и дипломатическій гений. Онъ изучалъ искусство правленія, какъ чловѣкъ, намѣревающийся въ одинъ прекрасный день захватить его въ свои руки. Послѣ паденія жирондистовъ Дантонъ отказывался отъ должностей, которыя могли

бы возбудить зависть. Онъ удалился и напустилъ на себя притворное равнодушіе. Но ему не удалось обмануть завистниковъ. Его обвинили за его удаленіе отъ дѣлъ, какъ раньше обвиняли за господствованіе въ комитетѣ. Онъ увидаль, что нѣкоторыя лица не могутъ избѣгнуть вниманія людей ни въ то время, когда ихъ окружаетъ блескъ, ни тогда, когда они удаляются въ уединеніе. „Учредите новый комитетъ, сказалъ онъ:—учредите безъ меня комитетъ, болѣе сильный и многочисленный, и я буду поощрять, а не сдерживать его“. Въ словахъ этихъ слышалось также глубокое сознаніе своего значенія и столь унизительное презрѣніе къ своимъ коллегамъ, что въ нихъ чувствовался узурпаторъ и они обнаруживали его честолюбіе. Имъ апплодировали, но они были приняты къ свѣдѣнію.

19.

Послѣ ряда колебаній, назначеній и исключеній, наконецъ былъ окончательно составленъ Комитетъ общественнаго спасенія, объявленный самимъ Дантономъ временнымъ правительствомъ и облеченный верховной властью. На этотъ разъ Дантонъ, не довѣрившій учрежденію, въ которомъ онъ не участвовалъ, имѣлъ неосторожность отказаться вступить въ него, потому ли, что ему казалось, что онъ будетъ казаться величественнѣе, если будетъ стоять особнякомъ, или же, быть можетъ, его побуждало къ тому желаніе не принимать болѣе участія въ общественныхъ дѣлахъ. Въ комитетѣ засѣдали зато двое его сторонниковъ: Геро де - Сешель и Тюрію. Робеспьеръ вначалѣ тоже отказывался сдѣлаться членомъ комитета, чтобы не оскорбить Дантона. Но его друзья составляли тамъ большинство и потому мнѣнія его всегда проводились. Девятью членами Комитета были: Сенъ-Жюстъ, Пріеръ (Марнскій), Кутонъ, Бареръ, Гаспаринъ, Тюрію, Геро де - Сешель, Робертъ Линде, Жанъ-Бонъ Сентъ-Андре. Когда изъ членовъ вышелъ Гаспаринъ, на его мѣсто единогласно былъ выбранъ Робеспьеръ. Карно и Пріеръ (Коть д'Орскій) были выбраны нѣсколько дней спустя вслѣдствіе необходимости имѣть представителей военнаго генія Франціи предъ лицомъ коалиціонной арміи. Со вступленіемъ туда Билло-Варенна и Колло-д'Эрбуа тамъ возобладалъ духъ якобинства, который, къ сокрушенію Горы, чахъ тамъ подъ слишкомъ холоднымъ дыханіемъ Робеспьера, Сенъ-Жюста и Кутона.

Такимъ образомъ было образовано это правительство, которое съ принятъ 1793 по августъ 1794 года, за время пятнадцатимѣсячныхъ волненій, принявъ на себя всѣ невзгоды, всю власть, славу и всѣ проклятія потомства.

20.

Члены Комитета общественнаго спасенія распредѣлили обязанности соответственно своимъ способностямъ. Вліяніе являлось тамъ такимъ же могучимъ двигателемъ, какъ и заслуги. Критическое положеніе, неутомимое рвеніе, страхъ погубить себя раздорами, данная клятва хранить тайну, которую они и сдержали, трудность задачи—сплотили членовъ этого ужаснаго союза настолько, что существовавшія тамъ несогласія обнаружались лишь въ то время, когда комитетъ палъ пѣбликомъ.

Барбару.

Билло-Вареннъ и Колло-д'Эрбуа взялись воспламенить народный духъ посредствомъ переписки комитета съ агентами республики, находящимися въ департаментахъ. Сень-Жюсть присвоилъ себѣ господство надъ конституционными теоріями, столь же эфемерное, какъ и его безстрастная метафизика. Кутонъ взялъ на себя надзоръ за полиціей, соотвѣтствовавшій его пылливому и мрачному характеру. Вѣтшія сношенія были поручены Геро-де-Сешелю, тайно вдохновляемому европейскимъ гениемъ Дантона. Робертъ Линде завѣдывалъ продовольственной частью, составлявшей самый насущный вопросъ въ то время, когда голодъ опустошалъ города и разстраивалъ арміи; Жанъ-Бонъ Сентъ-Андре завѣдывалъ флотомъ; Приеръ—матеріальной частью войскъ. Карно былъ поставленъ во главѣ военнаго управленія, составлялъ планы кампаній, отдавалъ приказанія генераламъ, критиковалъ и исправлялъ ихъ ошибки, подготовлялъ побѣды, исправлялъ неудачи. Онъ былъ вооруженнымъ гениемъ своего отечества, прикрывающимъ границы во время конвульсій, сжимавшихъ сердце и истощавшихъ вены Франціи. Приеръ (Котъ д'Орскій) помогалъ Карно въ деталяхъ. Ежедневный пятнадцатичасовой трудъ и постоянныя думы о планахъ военныхъ дѣйствій воодушевляли организаторскій гений Карно и никогда не утомляли его. Онъ вносилъ въ свой кабинетъ хладнокровіе и пылъ поля сраженій. Онъ обладалъ даромъ выбирать людей и намѣтилъ будущихъ знаменитостей: Пишегрю, Гошъ, Моро, Журданъ, Дезе, Марсо, Брюнъ, Бонапартъ, Клеберъ среди множества будущихъ героевъ прославили его умѣніе выбирать людей.

Бареръ, обладавшій гибкимъ и быстрымъ, но литературнымъ умомъ, редактировалъ постановленія Комитета и въ краткихъ и точныхъ словахъ составлялъ донесенія Конвенту. Онъ умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ. Онъ бросалъ съ высоты трибуны словами, какъ бы нарочно сочиненными для народа. Наконецъ Робеспьеръ принималъ участіе въ обсужденіи всѣхъ вопросовъ, кромѣ тѣхъ, которые касались войны. Онъ былъ политикомъ Комитета. Онъ намѣчалъ цѣль и путь, а другіе двигали машину. Робеспьеръ мало обращалъ вниманія на устройство механизма. Онъ имѣлъ въ виду только идею.

Постановленія принимались большинствомъ голосовъ. Однако достаточно было подписи трехъ членовъ, чтобы сдѣлать мѣры дѣйствительными. Эти подписи по довѣрью производились впоследствии слишкомъ легко, по-товарищески, часто безо всякой провѣрки. Торопливость комитета, рѣшавшаго въ день до пяти сотъ дѣлъ, объясняла эту легкость, хотя и не могла служить ей оправданіемъ. Много головъ пало вълѣдствіе этого рокового любезнаго предоставленія права подписываться за другихъ. Тайна хранилась свято. Никто не зналъ, кто потребовалъ или отказался выдать ту или иную голову. Отвѣтственность отдѣльных членовъ терялась въ общей отвѣтственности. Всѣ принимали все имъ предлагаемое, хотя и не раздѣляли мнѣнія. Эти люди жертвовали всѣмъ, до своей репутаціи включительно. Удивительная вещь—у нихъ не было президента. Въ лицѣ главы они боялись увидѣть властелина. Они хотѣли анонимной диктатуры. Комитетъ не страдалъ отъ этого отсутствія главы. Каждый членъ былъ въ то же время главой. Предсѣдательствовала республика.

Между тѣмъ какъ Комитетъ общественнаго спасенія, преобразованный такимъ образомъ въ исполнительную власть, захватилъ правленіе, Конвентъ созвалъ въ Парижъ представителей предварительныхъ собраній, олицетворявшихъ въ себѣ мнѣніе всего народа, которые санкціонировали новую конституцію. Число этихъ уполномоченныхъ достигло до восьми тысячъ. Художникъ Давидъ задумалъ устроить празднество, которое должно было соединить въ общенародномъ торжествѣ на Марсовомъ полѣ годовщину 10 августа и учрежденіе конституціи. Давидъ дѣйствовалъ по внушенію Робеспьера. Природа, разумъ, отечество были единственными божествами, господствовавшими на этомъ возрожденіи соціального міра. Народъ былъ тамъ единственнымъ властелиномъ. Символы и аллегоріи—единственными кумирами. Тамъ не было души, потому что отсутствовалъ Богъ. Робеспьеръ не рѣшался еще разоблачить его образъ. Сборнымъ мѣстомъ и точкой отправленія кортежа, какъ во всѣхъ празднествахъ революціи, была назначена Бастилія, отмѣченная первымъ шагомъ республики. Власти Парижа, члены Коммуны, уполномоченные предварительныхъ собраній, кордельеры, якобинцы, братскіе союзы женщинъ, толпы народа и наконецъ Конвентъ собрались тамъ на разсвѣтъ 10 августа 1793 года. На мѣстѣ Бастиліи фонтанъ, названный „фонтаномъ Возрожденія“, смывалъ слѣды былого рабства. Колоссальная статуя Природы возвышалась надъ фонтаномъ; изъ ея груди лилась вода. Геро-де-Сешель, президентъ Конвента, зачерпнулъ воду золотымъ кубкомъ, поднесъ его къ губамъ и затѣмъ передалъ кубокъ старѣйшему изъ гражданъ. „Я стою на краю могилы, воскликнулъ этотъ старикъ:—но мнѣ кажется, что я снова начинаю жить вмѣстѣ съ возрожденнымъ человѣчествомъ“. Кубокъ переходилъ изъ рукъ въ руки между всеми присутствовавшими. Кортежъ продефилировалъ при пушечной пальбѣ по бульварамъ. Каждое общество несло свое знамя, каждая секція — свой значокъ. Члены Конвента шли позади всѣхъ съ букетами въ рукахъ, плодами и свѣжими колосьями. Скрижали, на которыхъ были начертаны права человѣка, и ковчегъ, гдѣ хранилась Конституція, несли какъ священные предметы восемь членовъ Конвента. Восемьдесятъ шесть уполномоченныхъ предварительныхъ собраній, представители восьмидесяти шести департаментовъ, окружали членовъ Конвента, держа въ рукахъ развернутую трехцвѣтную ленту, которую они протянули вокругъ народныхъ представителей, какъ бы заключивъ депутатовъ въ узы родины. Пукъ прутьевъ, увѣнчанный оливковой вѣтвью, символизировалъ примиреніе и единодушіе членовъ республики. Подкинутыя дѣти, которыхъ несли въ колыбеляхъ; глухонѣмые, говорившіе между собою языкомъ знаковъ, которому научила ихъ наука; прахъ героевъ, умершихъ за отечество, заключенный въ урны съ ихъ именами; триумфальная колесница, окруженная пахаремъ, его женой и сыновьями; наконецъ тѣлги, нагруженные, точно негодными отбросами, обломками тиаръ, скипетровъ, коронъ, сломанными гербами,—всеми символами рабства, суевѣрія и гордости, однимъ словомъ благотворительность, трудъ, слава, невинность сельской жизни, военныя доблести шествовали, олицетворяемые, за представителями народа. Послѣ остановки передъ Домомъ Инвалидовъ, гдѣ толпа при-

вѣтствовала свое собственное изображеніе въ колоссальной статуѣ народа, поражающаго федерализмъ, она разсѣялась по Марсову полю. Представители и отряды конституціонныхъ войскъ выстроились на ступеняхъ алтаря родины. Милліонъ головъ унижали громадный амфитеатръ, милліонъ голосовъ поклялись защищать принципы соціального кодекса, представленнаго Геро-де-Сешелемъ на утвержденіе республики. Пушка своими выстрѣлами, казалось, дала клятву уничтожить враговъ родины.

22.

Между тѣмъ народный инстинктъ принялъ конституцію только въ будущемъ. Всѣ чувствовали, что осуществленіе ея будетъ отсрочено до успокоенія страны. Свобода, по мнѣнію Горы, была оружіемъ, которое революція вложила бы въ руки своихъ враговъ и которое въ это время послужило бы для подрыва самой же свободы. Никакая правильная конституція не могла бы дѣйствовать въ рукахъ враговъ всякой демократической конституціи. Уполномоченные департаментовъ подали петицію о томъ, чтобы Конвентъ продолжалъ единолично управлять государствомъ. Опасности служили мотивомъ для этого самовластия. Пашъ созвалъ коммуну и приказалъ бить сборъ въ кварталахъ. Адресъ, составленный Робеспьеромъ, былъ отнесенъ 16 августа тысячами гражданъ въ Конвентъ; въ этомъ адресѣ его умоляли удержать за собой верховную власть. Этотъ діалогъ тысячи голосовъ народа и его представителей сопровождалъ бой барабановъ и звонъ набата. Видно было, что яacobинцы посредствомъ народа производятъ давленіе на Конвентъ, чтобы заставить его породить терроръ. „Законодатели, говорили они въ адресѣ:—подымитесь до высоты великихъ судебъ Франціи. Французская нація сама одолѣетъ свои невзгоды. Мы указали вамъ на крайнія мѣры—воззваніе ко всему народу; вы обратились только къ высшему классу. Полумѣры всегда гибельны въ крайней опасности. Легче расшевелить всю націю, чѣмъ отдѣльную часть ея. Если вы потребуете сотню людей, быть можетъ вы ее не найдете; если вамъ понадобится милліонъ республиканцевъ, то вы увидите, какъ они подымутся для того, чтобы уничтожить враговъ свободы! Народъ не хочетъ болѣе тактической войны, гдѣ вѣроломные измѣнники-генералы продаютъ кровь гражданъ. Прикажите, чтобы въ назначенный вами часъ прогремѣлъ призывъ къ свободѣ по всей республикѣ. Чтобы ни для кого не было сдѣлано исключенія! чтобы одни только земледѣльцы удержали у себя руки, необходимыя для посѣва и жатвы! чтобы теченіе дѣлъ было прервано! чтобы единственной великой задачей французъ было спасеніе республики! Не безпокойтесь, что мѣры будутъ рѣшительны; установите только принципъ. Мы предоставимъ Комитету общественнаго спасенія озаботиться, чтобы народный громъ грянулъ надъ всѣми тиранами и всѣми рабами“.

23.

Можно было угадать то, о чемъ умалчивали яacobинцы. Подразумѣвался терроръ, революціонный судъ и смерть. Комитетъ общественнаго спасенія устыдился за недостаточность принятыхъ имъ мѣръ для защиты границъ. Онъ

назначилъ экстренное засѣданіе, на которомъ постановилъ издать новый декретъ, который поднялъ бы всю Францію. „Генералы, писалъ Барреръ въ рапортѣ отъ 23-го:—до сихъ поръ не знали народнаго характера. Набѣгъ, внезапная атака, вторженіе возставшаго народа, наводняющаго своими разъяренными волнами непріятельскія орды и разрушающаго оплоты деспотизма—вотъ характеръ, вотъ картина войнъ за свободу! Римляне были тактиками, и они завоевали рабскій міръ; свободные галлы, не знавшіе иной тактики, кромѣ своей стремительности, уничтожили Римское государство. Подобнымъ же образомъ и пылкость французовъ поразитъ эту колоссальную коалицію. Когда великій народъ захочетъ быть свободнымъ—онъ будетъ свободенъ, только бы нѣдры его земли доставили ему металлы, изъ которыхъ онъ куетъ себѣ оружіе“. Конвентъ воодушевился, какъ бы подавая пригѣръ въ лицѣ представителей остальнымъ гражданамъ, и голосовалъ слѣдующій декретъ.

24.

„Отнынѣ до того дня, когда враги будутъ изгнаны изъ территоріи республики, всѣ французы могутъ быть потребованы для службы въ войскахъ. Молодые люди пойдутъ въ сраженіе, женатые будутъ ковать оружіе и доставлять продовольствіе; женщины будутъ готовить палатки, одежду, служить въ госпиталяхъ; дѣти будутъ щипать корни для перевязки раненыхъ, старики прикажутъ относить себя на площади, чтобы возбуждать мужество въ войнахъ, ненавидя къ королямъ и любя къ республикѣ. Общественныя зданія будутъ обращены въ казармы, площади въ оружейныя мастерскія. Земля въ подвалахъ будетъ выщелочена, чтобы добыть изъ нея селитру! Калиберное оружіе будетъ роздано только тѣмъ, кто пойдетъ противъ враговъ, охотничьи ружья и холодное оружіе будутъ предназначены для охраны внутри страны. Верховыя лошади будутъ отобраны для пополненія кавалерійскихъ корпусовъ. Всѣ рабочія лошади, которыя окажутся ненужными для земледѣльческихъ работъ, повезутъ артиллерию и продовольствіе. Комитету общественнаго спасенія поручается все создать, все организовать, всего потребовать у республики—людей и вещи—для приведенія въ исполненіе этихъ мѣръ. Народные представители, отправленные съ этой цѣлью въ свои округа, будутъ облечены неограниченной властью. Возстаніе будетъ всеобщимъ. Неженатые и вдовы и не имѣющіе дѣтей граждане въ возрастѣ отъ восемнадцати до двадцати пяти лѣтъ пойдутъ первыми. Они немедленно отправятся въ главные города своихъ округовъ и будутъ тамъ обучаться ружейнымъ приѣмамъ до отправленія въ дѣйствующую армію. Знамя каждаго организованнаго батальона будетъ носить такую надпись: „Французскій народъ идетъ противъ тирановъ!“

Мѣры эти не только не привели въ ужасъ Францію, а, напротивъ, были встрѣчены патриотами съ такимъ же восторгомъ, какъ тотъ, которымъ онѣ были вызваны. Батальоны сформировались еще посигнѣше и правильнѣе, чѣмъ въ 1792 году. Просматривая списки первыхъ офицеровъ, записавшихся въ батальоны, встрѣчаешь въ нихъ героическія имена всѣхъ отличившихся на военномъ

поприщѣ во время Имперіи. Ихъ породила республика. Слава, которой впослѣдствіи деспотизмъ вооружился противъ свободы, принадлежала всецѣло революціи.

25.

За этими декретами въ теченіе двухъ мѣсяцевъ слѣдовали все новые и новые, въ такомъ же энергичномъ духѣ. Это была организація, вызванная энтузіазмомъ и отчаяніемъ народа, хотя и умѣющаго умирать, но желающаго восторжествовать. Франція находилась въ термощилахъ революціи, но эти термощилы тянулись по всеѣмъ предѣламъ республики и число сражающихся простиралось до двадцати-восьми миллионѣвъ человѣкъ.

Финансовая комиссія, посредствомъ своего докладчика и оракула Камбона, человѣка честнаго, улучшила положеніе финансовъ и привела въ порядокъ дѣла обремененнаго долгами казначейства, устранивъ хаосъ, царившій вслѣдствіе паденія ассигнацій, вызваннаго множествомъ частныхъ и официальныхъ сдѣлокъ. Въ обращеніи находилось около четырехъ миллиардовъ потерявшихъ цѣнность ассигнацій. Съ одной стороны, благодаря принудительному займу у богатыхъ, равнявшемуся приблизительно ихъ годовому доходу—легкій налогъ чтобы спасти капиталъ спасая родину — въ распоряженіе правительства поступило на миллиардъ ассигнацій: Камбонъ сжегъ ихъ, какъ только получилъ. Съ другой стороны сумма податныхъ недоимокъ достигала почти миллиарда. Камбонъ помѣстилъ ее по номинальному курсу въ государственныя кассы. Такимъ образомъ сумма бумажныхъ денегъ сократилась до двухъ миллиардовъ. Чтобы поднять эти ассигнаціи въ общественномъ мнѣніи, Камбонъ упразднилъ все общества, выпускавшія акціи, чтобы ассигнаціи сдѣлались единственными національными акціями, находящимися въ обращеніи. Капиталистамъ было запрещено помѣщать свои капиталы куда бы то ни было кромѣ французскихъ банковъ. Торговля золотомъ и серебромъ была воспрещена подъ страхомъ наказанія смертью. Эти металлы немедленно скупались для чеканки монетъ. Чтобы увеличить количество звонкой монеты, необходимой народу для ежедневныхъ мелкихъ торговыхъ сдѣлокъ, расплавили церковныя колокола и пустили въ обращеніе среди народа священный металлъ, отчеканенный со знакомъ республики.

Камбонъ занялся кромѣ того разсмотрѣніемъ бездны долговъ государства частнымъ лицамъ. Слово банкротъ могло бы покрыть эту бездну, но оно повлекло бы за собою грабежъ, долги и слезы. Камбонъ хотѣлъ, чтобы честность—необходимая добродѣтель въ отношеніяхъ гражданъ другъ къ другу—обязательно существовала и въ отношеніяхъ республики къ своимъ кредиторамъ. Онъ прибѣгъ къ мѣрѣ справедливости. Приведя въ извѣстность все долги, онъ опредѣлилъ ихъ и подъ общей рубрикой внесъ въ списокъ, который назвалъ Большой книгой государственнаго долга. Каждый кредиторъ былъ занесенъ въ эту книгу подъ суммой, равной той, которую государство признавало себя должнымъ ему. Государство платило съ этой суммы пятипроцентную ренту. Эта государственная рента, находившаяся въ свободномъ обращеніи, сдѣлалась въ рукахъ государственныхъ кредиторовъ настоящимъ капиталомъ. Государство получило право скупать ее само, если бы рента упала ниже нарицательной цѣны, то есть отношеніе процента къ капиталу сдѣлалось бы меньше, чѣмъ

пять ко сту. Благодаря этой мѣрѣ государство могло расплатиться честно. Что касается капитала, то онъ никогда не могъ быть выплаченъ. Государство признавало себя обязаннымъ вѣчно уплачивать ренту, но не капиталъ. Вѣчная рента имѣла еще то преимущество, что она дѣлала такимъ образомъ гражданъ соучастниками во владѣнн государственнымн имуществами и кредиторы ради своихъ выгодъ становились республиканцами. Наконецъ, она на развалинахъ частныхъ капиталовъ создала обильный источникъ для государственнаго кредита. Если въ первой части своего плана Камбонъ, въ силу обстоятельствъ, уклонился отъ основныхъ принциповъ политической экономн, покусившись на свободу биржъ, установивъ максимумъ денегъ и устранивъ ихъ обращенн внѣ государства, зато, во второй, посредствомъ честнаго отношенн казны, онъ возстановилъ къ ней довѣрн, этотъ неизсякаемый капиталъ народа. Государственное имущество Францн до сихъ поръ еще всецѣло поκειται на основанняхъ, положенныхъ Камбономъ.

26.

Единство вѣсовъ и мѣръ, примѣненн изобрѣтенн аэростатовъ для военныхъ цѣлей, устройство телеграфныхъ линн для передачи, быстрыхъ, какъ мысль, правительственныхъ распоряженн на границы республики; учрежденн національныхъ музеевъ, чтобы посредствомъ примѣра возбудить любовь и желанн учиться искусствамъ; созданн одного общаго гражданскаго кодекса для всѣхъ частей государства, чтобы правосудн было столь же едино, какъ и родина; наконецъ народное образованн, эта вторая природа цивилизованныхъ народовъ—сдѣлались предметомъ множества пренн и декретовъ, которые показали мру, что республика вѣрнть въ себя и создаетъ будущее, отстаивая завтрашннй день у своихъ враговъ.

Равенство образованн было обнаружено какъ принципъ, вытекающн изъ правъ человѣка. Дать народу двѣ души значило создать изъ него два народа: илотовъ и умственныхъ аристократовъ. Съ другой стороны принуднть дѣтей людей различныхъ состоянн, общественныхъ положенн и религн получать одинаковое образованн въ народныхъ школахъ значило уничтожить различн въ социальномъ положенн, смѣшать всѣ профессн и посягнуть на свободу семей.

Робеспьеръ желалъ и долженъ былъ желать этого насильственнаго образованн, вслѣдствн радикально уравнивающей логики своихъ идей, по которой семья, общественное положенн, профессн и состоянн исчезали оставляя мѣсто только двумъ идеямъ: отечеству и человѣку. Тиранн, приводящая къ одному уровню всѣ умы государства, должна была, по его мнѣнн, предшествовать равенству передъ закономъ и равенству между всѣми дѣтьми. Робеспьеръ возмущался также, видя, что государство отдаетъ воспитанн въ руки людей и семей, гдѣ господствуютъ предрасудки и суевѣрн, имѣющне порочное влннн. Онъ не допускалъ, чтобы государство, имѣющее всѣ права на поступки своихъ гражданъ, не имѣло бы также права на ихъ души и не внушило имъ своего религнознаго, философскаго и социальнаго символа, первой обязанности тѣхъ, кто мыслить, относительно тѣхъ, кто еще не научился мыслить. Система Робеспьера, правильная относительно новаго общества, была непримѣнима въ строѣ общества стараго,

гдѣ установившіеся догматы не могли сразу уступить мѣсто новымъ, иначе какъ уничтоживъ все живущее поколѣніе, для того чтобы очистить мѣсто грядущимъ. Грегуаръ, Роммъ и Дантонъ оспаривали его мнѣніе. Какъ государственные люди, они старались примирить необходимость, свободу семьи и философію Робеспьера. Конвентъ издалъ декретъ о народныхъ школахъ, обученіе въ которыхъ становилось обязательнымъ для дѣтей всѣхъ гражданъ, но онъ давалъ семьямъ право воспитывать дѣтей подъ отеческой кровлей: такимъ образомъ образованіе было предоставлено государству, воспитаніе родителямъ, сердце—семьѣ, а душа—отечеству.

27.

Жестокіе и преступные декреты послѣдовали вслѣдъ за мудрыми и великодушными. Угрожающее волненіе парижской черни, видѣвшей передъ собою призракъ голода и появленіе вслѣдъ за нимъ барышничества, сумасбродство Шометта и Гебера въ коммунѣ принудили Конвентъ къ прискорбнымъ уступкамъ, которыя были вызваны слабостью, хотя и носили характеръ жестокости.

Требуя отъ народа всей его энергіи, Конвентъ считалъ себя обязаннымъ переносить также и всѣ его вспышки. Онъ еще не достаточно окрѣпъ, чтобы управлять самимъ собой. Онъ притворялся, что раздѣляетъ безуміе, при обнародованіи котораго онъ краснѣлъ. Петиціи секцій, постановленія якобинцевъ, волненія, вопли, бунты на рынкахъ, сборища передъ дверями булочниковъ, мясниковъ и бакалейщиковъ, разгромъ лавокъ голодными женщинами и дѣтьми принудили Конвентъ издать тарифъ на съѣстные припасы, предметъ первой необходимости для народа; это равнялось уничтоженію самой торговли. Конвентъ исполнилъ это и въ засѣданіи 3-го сентября установилъ максимумъ, то есть опредѣленную цѣну, дороже которой нельзя было продавать хлѣбъ, мясо, рыбу, соль, вино, уголь, дрова, мыло, масло, сахаръ, желѣзо, кожи, табакъ, матеріи. Онъ установилъ также максимумъ заработной платы. Это равнялось уничтоженію свободы торговыхъ сдѣлокъ, спекуляцій и труда, могущихъ существовать только при свободѣ. Это равнялось вмѣшательству государства въ отношенія продавцовъ и покупателей, рабочихъ и собственниковъ въ республикѣ. Такой законъ могъ вызвать только нежеланіе пускать въ оборотъ капиталы, упраздненіе труда, замедленіе въ оборотахъ, всеобщее разореніе. Цѣны на предметы первой необходимости создаетъ не законъ, а положеніе вещей. Приказать пахарю продавать зерно, а булочнику—хлѣбъ дешевле той цѣны, которую эти съѣстные припасы стоятъ имъ самимъ, равносильно приказанію одному изъ нихъ прекратить сѣять, а другому перестать печь хлѣбъ.

28.

Максимумъ принесъ свои плоды сокративъ повсюду денежные обороты, трудъ и продовольствіе. Народъ обвинилъ богатыхъ, комерсантовъ и контръ-революціонеровъ въ бѣдствіяхъ, причины которыхъ были естественныя. Онъ преслѣдовалъ въ своихъ петиціяхъ контръ-революцію въ лицѣ даже самыхъ безсильныхъ ея жертвъ, погребенныхъ въ темницахъ Тампля, до королевскихъ останковъ, покоившихся въ склепахъ Сень-Дени.

Конвент постановилъ, „что надъ королевою Маріей-Антуанеттой долженъ состояться судъ, королевскія гробницы въ Сень-Дени будутъ уничтожены и прахъ королей удаленъ изъ храма, посвященнаго имъ суевѣріемъ приверженцевъ королевской власти“. Но эти уступки уже не удовлетворяли народъ. Онъ хотѣлъ, чтобы и его враги испытали тотъ же ужасъ, которымъ онъ самъ былъ охваченъ. Тронъ, церковь, дворянство—всѣхъ этихъ жертвъ ему уже было мало. Аристократія, по его мнѣнію, заключалась уже не въ привилегіяхъ и не въ рожденіи, а онъ видѣлъ ее въ богатыхъ, въ купцахъ, въ собственникахъ, въ самыхъ скромныхъ торговцахъ. Всѣ, кто владѣлъ съѣстными припасами, возбуждали въ немъ зависть, вызванную бѣдностью и голодомъ, подозрѣніе въ барышничествѣ, эгоизмъ, преступленіи. Никто не могъ владѣть безнаказанно тѣмъ, чего не хватало у народа. Онъ громко требовалъ или особаго суда надъ собственниками или чтобы ему дано было право грабить. „Если вы не учредите суда надъ богатыми, воскликнулъ одинъ изъ якобинцевъ:—то мы сами будемъ судить ихъ“.

Адресы обществъ, находившихся въ департаментахъ, также требовали особаго учрежденія, которое явилось бы выразителемъ народной силы—въ видѣ подвижной арміи, на которую было бы возложено исполненіе его воли. Это была революціонная армія, то есть корпусъ народныхъ преторіанцевъ, состоящій изъ инсурекціонныхъ ветерановъ, привыкшихъ къ слезамъ, казнямъ, крови, которые по всему государству должны были возить орудіе смерти и террора.

„Мы хотимъ, писали маконскіе якобинцы парижемъ:— чтобы революціонная армія разсѣялась по всей территоріи республики и вырвала съ корнемъ всѣ зародыши федерализма, роялизма и фанатизма, которые еще покрываютъ ее. Вы поставили на очередь терроръ; кто можетъ лучше внушить его какъ не армія въ тридцать тысячъ человѣкъ, раздѣленная на нѣсколько корпусовъ, сопровождаемая революціоннымъ судомъ и гильотиной, производящая на всемъ своемъ пути судъ надъ измѣнниками и заговорщиками?“

Толпа, состоявшая изъ рабочихъ, нищихъ, женщинъ и дѣтей, кричавшая: „Смерть или хлѣба!“ окружила магистратуру и угрожала встревоженному Конвенту новымъ 31 мая. Геберъ и Шометтъ воодушевляли эту толпу.

Робеспьеръ то возмущался этимъ неистовствомъ анархизма, который готовъ былъ уничтожить революцію посредствомъ самой же революціи; то притворялся, что понимаетъ его, прощаетъ и самъ возбуждалъ толпу, чтобы удержать надъ нею власть за собою однимъ. „Народъ возмущаютъ, внушая ему, что у него не хватитъ продовольствія, говорилъ онъ якобинцамъ:—его хотятъ вооружить противъ него же самого. Его хотятъ направить на тюрьмы, чтобы задушить арестованныхъ, въ увѣренности, что найдутъ средство дать спастись находящимся тамъ негодаямъ и погубятъ невинныхъ и патріотовъ, попавшихъ туда по ошибкѣ. Въ эту минуту, когда я говорю съ вами, мнѣ сообщили, что самъ Паншъ подвергся проклятіямъ, оскорбленіямъ и угрозамъ!“

Въ этихъ словахъ слышится замѣшательство Робеспьера, идущаго на уступки народу, но тотчасъ же старающагося сдержать его. Вторая рѣзня въ тюрьмахъ внушала ему такое же отвращеніе, какъ и первая. Но онъ раздѣ-

ляль всё предразсудки толпы противъ барышниковъ и богатыхъ. Онъ вѣрилъ въ возможность уравниять народное благосостояніе посредствомъ законовъ, которые, съ справедливостью небеснаго правосудія, дали бы хлѣбъ и одинаковое довольство каждому гражданину. Онъ вѣрилъ, что необходимо прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы побѣдить богатыхъ, укротить бѣдныхъ, преодолѣть всё препятствія, обуздать неистовства. Онъ только, подобно Марату, снисходительно не сосчиталъ головы, которая долженъ былъ снести для того, чтобы достигнуть этого результата. Онъ хотѣлъ бы обойтись безъ убійствъ, приводя въ исполненіе дѣло возрожденія, но онъ соглашался на эту мѣру, какъ на вызываемую крайней необходимостью.

29.

Робеспьеръ нѣсколько разъ тщетно пытался обуздать петиціонеровъ, жаждавшихъ крови и грабежа. Онъ чуть не лишился популярности благодаря желанію сдержать насиліе. Онъ возвращался нерѣдко одинокій и всеми покинутый въ свое жилище. Однажды ночью Пашъ пришелъ къ нему для тайнаго совѣщанія относительно мѣръ, необходимыхъ для успокоенія этихъ волненій. „Революція погибнетъ, сказалъ Робеспьеръ Пашу:—если не остановить этихъ безумцевъ. Надо чтобы народъ почувствовалъ, что его защищаютъ грозныя учрежденія, или же пусть онъ самъ себя уничтожитъ орудіемъ, которымъ думаетъ защищаться. Конвентъ имѣетъ только одно средство вырвать у него мечъ: это взять его самому и безошадно разить своихъ враговъ“. Онъ возмущался поведеніемъ Шометта, Гебера, Варле, Венсена, распалившихъ ярость толпы. „Не допустимъ, сказалъ онъ Пашу:—чтобы эти дѣти революціи играли съ народной грозой; будемъ сами управлять ею, иначе она уничтожитъ насъ“. Пашъ отправился въ засѣданіе 5 сентября, чтобы заявить тамъ о мнимомъ желаніи Парижа. Онъ поручилъ Шометту прочесть петицію, чтобы возложить на прокурора коммуны отвѣтственность за дѣйствіе, которому онъ самъ явно противился.

„Граждане, сказалъ Шометтъ:—насъ хотять уморить голодомъ, хотять заставить народъ постыдно промѣнять господство на кусокъ хлѣба. Новые аристократы, столь же жестокіе, столь же жадные и высокомерные, какъ и прежніе, появились на развалинахъ феодализма. Они съ ужасающимъ хладнокровіемъ рассчитываютъ, какой барышъ имъ принесутъ голодь, бунтъ, рѣзня. Гдѣ рука, которая направитъ ваше оружіе противъ этихъ измѣнниковъ? Гдѣ рука, которая поразитъ эти преступныя головы? Или вы должны уничтожить вашихъ враговъ или они уничтожатъ васъ. Они бросили вызовъ народу: народъ принялъ этотъ вызовъ. Народная толпа хочетъ наконецъ сокрушить ихъ! А вы, Гора, навсегда увѣковѣчившая себя на страницахъ исторіи, будьте Синаемъ французовъ! Бросьте среди грозы декреты справедливости и воли народа! Святая Гора, обратитесь въ вулканъ, лава котораго поглотитъ нашихъ враговъ! Пусть болѣе не будетъ ни поблажекъ, ни пощадъ измѣнникамъ! Поставимъ между ими и нами преграду вѣчности! Мы требуемъ отъ имени парижскаго народа, собравшагося вчера на площади Коммуны, чтобы была сформирована революціонная армія. Пусть за нею слѣдуютъ неподкупный судъ и орудіе смерти, которое однимъ ударомъ, вмѣстѣ съ жизнью заговорщиковъ,

прекращало бы всё заговоры!—Мы замѣтили, прибавил Шометт въ концѣ своей рѣчи:—что огородники образовали союзъ съ цѣлю заморить голодомъ Парижъ. Обозрѣвая окрестности столицы, мы замѣтили огромныя пространства земли, парки, сады, служащія для роскоши и ничего не производящія для пропитанія народа. Мы требуемъ, чтобы всё сады, принадлежащія націи, были обрабатываемы. Взгляните на огромный садъ Тюльери. Глаза республиканцевъ съ большимъ наслажденіемъ будутъ отдыхать на этомъ коронномъ владѣніи, если оно будетъ производить съѣстные припасы для гражданъ. Не лучше ли развести тамъ овощи, въ которыхъ чувствуется недостатокъ въ больницахъ, чѣмъ оставлять статуи и бесполезные бусы, предметы роскоши и гордости королей?“

30.

Каждая фраза Шометта прерывалась рукоплесканіями Горы и трибунъ. Предложенія оратора, изложенныя въ видѣ проектовъ декрета Моисеемъ Бейлемъ, были приняты единогласно. Послѣ него говорила депутація якобинцевъ, образованная наканунѣ Ройеромъ. „Безнаказанность придаетъ смѣлости нашимъ врагамъ, сказала она:—народъ приходитъ въ отчаяніе, видя, какъ главные виновники ускользаютъ отъ его мести. Бриссо—это чудовище, порожденное Англіей для того, чтобы поколебать и поставить въ затруднительное положеніе революцію, еще живъ. Пусть судятъ его и его сообщниковъ! Народъ возмущается также, видя въ республикѣ лицъ привилегированныхъ. Какъ! Верньо, Жансонне и прочіе негодяи, вслѣдствіе своей измѣны лишеныя званія депутатовъ, живутъ вмѣсто тюремъ во дворцахъ въ то время, какъ несчастные санкюлоты стонутъ въ тюрьмахъ подъ кинжалами федералистовъ!.. Пора косѣ равенства пройти надъ всѣми головами, пора устрашить всѣхъ заговорщиковъ! Итакъ, законодатели! пустите въ ходъ терроръ!“

При этихъ словахъ залъ былъ потрясенъ взрывомъ рукоплесканій. „Пусть будетъ революція, разъ повсюду наши враги затѣваютъ контръ-революцію!—Да, да! кричатъ съ трибунъ.—Да! да! отвѣчаетъ, подымаясь, Гора. — Пусть мечъ виситъ надъ головами всѣхъ виновныхъ! Сформируйте революціонную армію, а вслѣдъ за нею учредите грозный судъ; пусть его сопровождаетъ орудіе мести законовъ! Изгоните всѣхъ дворянъ; заключите ихъ въ тюрьмы вплоть до наступленія мира; это отродье, жаждущее крови, будетъ отнынѣ видѣть лишь, какъ проливается ея собственная кровь!“

Президентъ отвѣтилъ на это, что Конвентъ предвидѣлъ уже желаніе народа и якобинцевъ и собирается ихъ исполнить. Другъ воскликнулъ, что настало время быть непреклонными. „Такъ какъ наша добродѣтель, наша терпимость, наша философія ни къ чему насъ не привели, то сдѣлаемся злодѣями на благо народа!“—Франція, строго замѣтилъ на это Тюріо:—жаждетъ не крови, а только справедливости.

31.

Бареръ, предупрежденный Робеспьеромъ и приготовившійся еще наканунѣ, вошелъ на трибуну и отъ имени Комитета общественнаго спасенія потребовалъ, чтобы былъ взятъ обратно проектъ террора и эта мѣра была бы обуждена посредствомъ новаго декретированія. „Съ нѣкоторыхъ поръ, сказалъ онъ:—

аристократы, оставшіеся внутри государства, замышляютъ движеніе. Ну, такъ они увидятъ его, это движеніе, но только направленное противъ нихъ! Они подготовятъ его и поддержатъ при помощи революціонной арміи, которая повторитъ наконецъ великое слово, сказанное парижской коммунаю: поставимъ на очередь терроръ. Роялисты хотятъ крови, ну, такъ они получатъ кровь заговорщиковъ, Бриссо и Маріи-Антуанеттъ! Дѣйствовать будутъ уже не противозаконная месть, а чрезвычайные суды. Васъ не удивятъ мѣры, которыя мы представимъ вамъ, когда вы узнаете, что замышляютъ, сидя въ своихъ тюрьмахъ, эти злодѣи, служащіе связующимъ звеномъ для нашихъ враговъ. Вы хотите уничтожить Гору, а Гора раздавитъ васъ!“

Декретъ, въ которомъ резюмировались эти слова, былъ встрѣченъ аплодисментами: „Въ Парижѣ будетъ вооруженная сила, состоящая изъ шести тысячъ человѣкъ, и тысяча двѣсти канонировъ, на которыхъ будетъ возложена обязанность повсюду обуздывать контръ-революціонеровъ, повсюду вводить революціонные законы и мѣры общественнаго спасенія, постановленныя въ національномъ Конвентѣ. Эта армія будетъ организована немедленно“.

Вторымъ декретомъ изгонялись на двадцать лье отъ Парижа всѣ тѣ, кто служилъ при особѣ короля и его братьевъ.

Третьимъ декретомъ предписывалось немедленно явиться въ революціонный судъ Бриссо, Верньо, Жансонне, Клавиеру, Лёбрёну, Водри, секретарю Лёбрёна.

Четвертымъ были вновь введены ночные обыски въ жилищахъ гражданъ.

Пятымъ приказывалось немедленно выселить за море публичныхъ женщинъ, развращающихъ нравы и тѣмъ подрывающихъ республиканское чувство юныхъ гражданъ.

Шестой декретъ предлагалъ установить плату въ два ливра въ день рабочимъ, которые будутъ уходить изъ мастерскихъ для того, чтобы присутствовать на собраніяхъ своихъ секцій, и по три ливра тѣмъ лицамъ изъ народа, которые будутъ членами революціоннаго комитета. Онъ назначилъ два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ, эти патріотическія собранія. Они должны были начинаться въ пять, а кончатся въ десять часовъ.

Наконецъ седьмымъ декретомъ преобразовывался революціонный судъ. Это было правосудіе террора. Этотъ судъ, возникшій вслѣдствіе мести на слѣдующій день послѣ 10 августа, до сихъ поръ сдерживался формальностями и гуманностью жирондистовъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ судилъ только сотню обвиняемыхъ и большинство изъ нихъ оправдалъ. Учрежденіе этого государственнаго суда формой своего судопроизводства указывало на то, что народъ захватилъ всю власть, даже правосудіе, и собирается самъ судить своихъ враговъ судомъ присяжныхъ,—простыхъ гражданъ, избираемыхъ изъ своей среды самимъ же народомъ. Прежде чѣмъ занять свои мѣста, эти присяжные представили народу на эстрадѣ, воздвигнутой посреди площади. Оттуда они поочередно обратились къ толпѣ съ слѣдующими словами: „Народъ! я, гражданинъ такой-то, принадлежу къ такой-то секціи, такого-то квартала; домъ мой находится въ такой-то улицѣ; я занимаюсь такимъ-то ремесломъ. Я требую, чтобы присутствующіе здѣсь граждане объявили, что они могутъ поставить мнѣ въ упрекъ. Прежде чѣмъ я буду судить другихъ, судите меня самого“.

32.

Едва былъ обнародованъ декретъ о преобразованіи революціоннаго суда, какъ Конвентъ назначилъ судей и присяжныхъ. Въ судьи попали люди, избранные якобинцами за возвышенный образъ мыслей и непреклонную волю; присяжные были слѣпыми орудіями руководившей ими страсти. Партийный духъ составлялъ все ихъ правосудіе. Они воображали, что поступаютъ честно, не щада ничью жизнь, и считали себя чистыми произнося приговоры безъ милосердія. Имѣя въ виду лишь величіе дѣла и интересы народа, они не замѣчали, что совершаютъ преступленіе, и не хотѣли видѣть его слѣдствій. Люди эти, не будучи способными служить болѣе благороднымъ образомъ дѣлу, которому отдались, служили революціи не умомъ, а только жертвовали своею совѣстью. Чтобы играть хоть какую-либо роль, они взяли на себя самую низкую роль, звѣрскую и грубую. Они добровольно обратились въ организованное орудіе казней. Они гордились этой гнусностью. Смерть, по ихъ понятіямъ, была необходима въ революціонной драмѣ, и они согласились сыграть въ ней роль смерти. Таки люди встрѣчаются во всѣ времена исторіи. Подобно тому, какъ находятъ дерево, огонь и желѣзо, чтобы построить орудіе смерти, такъ же находятся и судьи, чтобы осудить побѣжденныхъ, люди, готовые преслѣдовать жертвы, и палачи, чтобы казнить ихъ.

33.

Этими судьями были: Германнь, предѣдатель суда Па-де-Кале; Селье, судья въ Парижѣ; Дома (изъ Лонъ-ле-Сольнье), Брюле, Кофингалъ, Фуко, Браве (изъ Верхнихъ Альпъ), Деліежъ, Сюблера (съ Юга), Лефетцъ (изъ Араса), Вертейль, Ланнъ (изъ Сенъ-Поля въ Пикардіи), Рагме (съ Юры), Массонъ, Денизо, Гарни, писатель, Давидъ (изъ Лилля), Мэръ, Триншаръ, Леклеркъ, почти все адвокаты, юристы, посредственные законники, привыкшіе къ судейскимъ ябедамъ, черствящимъ сердце, и къ порядкамъ, заглушающимъ совѣсть. Присяжными были граждане Парижа и департаментовъ, выбранные изъ низшаго сословія и занимавшіеся ремеслами люди, руководимые лишь инстинктомъ и всѣ права которыхъ заключались въ ихъ преданности. Ихъ избрали въ надеждѣ имѣть въ нихъ покорное орудіе. Исключая Антонелла, происходившаго изъ старинной аристократической фамиліи Юга, прославившагося благодаря своимъ дружескимъ отношеніямъ съ Мирабо, просматривая списокъ шестидесяти присяжныхъ, не встрѣчаешь ни одного имени, которое само по себѣ не было бы достойно забвенія. Во времена революцій добродѣтель и слава часто сіяютъ на эшафотѣ, но никогда рядомъ съ нимъ.

Конвентъ назначилъ Ронсена главнокомандующимъ революціонной арміей. Послѣ рѣзни въ Мо, въ которой принималъ участіе Ронсенъ, имя его сдѣлалось предметомъ ужаса и было обогрено кровью. Ронсенъ, пользовавшійся покровительствомъ Дантона и другъ Шометта и Гебера, получилъ всѣ отличія во время возстаній въ Парижѣ. Страстно желая прославиться, онъ мечталъ сначала найти славу на литературномъ поприщѣ, а затѣмъ искалъ ее въ крайней демагогіи. Онъ бросилъ перо и схватился за мечъ. Онъ таилъ подъ мундиромъ

національного генерала и подѣ въѣшностью предводителя войскъ честолюбивые замыслы и мечты; онѣ зналъ исторію, но плохо разсчитывалъ время. Онѣ вообразилъ, что у революціи будетъ свой Кромвель: онѣ мечталъ сдѣлаться имъ. Его соблазняла роль Априо 31 мая. Онѣ надѣялся подчинить въ одинъ прекрасный день Конвентъ при помощи того оружія, которое онѣ вложилъ ему въ руку. Онѣ набралъ въ революціонную армію всѣхъ пьяницъ, воровъ и преступниковъ, находившихся въ Парижѣ. „Чего вы хотите? отвѣтилъ онѣ тѣмъ, которые упрекали его за то, что онѣ соединилъ такимъ образомъ всѣ пороки и преступленія столицы:—я не хуже васъ знаю, что это скопище разбойниковъ: найдите же мнѣ честныхъ людей, которые захотѣли бы заняться тѣмъ ремесломъ, къ которому я ихъ предназначаю“.

Когда армія была организована, а судъ учрежденъ, оставалось только найти и на законномъ основаніи передать въ ихъ руки виновныхъ. По мнѣнію Горы, для всемогущества Конвента необходимъ былъ одинъ общій обвинительный актъ, всеобъемлющій какъ республика, произвольный какъ диктатура, неопредѣленный какъ подозрѣніе. Надо было дать оружіе доносчикамъ. Недовѣріе и гнѣвъ народа не ждали этого закона. Уже нѣсколько мѣсяцевъ назадъ революціонные комитеты Парижа и муниципалитеты департаментовъ арестовали въ качествѣ подозрѣваемыхъ—лицъ, которыхъ они считали врагами революціи. Тѣмъ, которыхъ не могли ни въ чемъ обвинить, вѣнчали въ преступленіе подозрѣніе, которое они внушали. Этого было вполне достаточно, чтобы предать ихъ суду.

Якобинцы громко требовали, чтобы были примѣнены крайнія мѣры противъ лицъ, которыя, не будучи уличены ни въ какомъ преступленіи, тѣмъ не менѣе—тревожили республику. Они хотѣли создать категорію гражданъ, которые до времени водворенія мира или побѣды были бы рабами, заложниками у революціи. Законъ стѣснялъ ихъ во время борьбы. Они хотѣли изданіемъ чрезвычайнаго закона поставить часть Франціи внѣ закона. Комитетъ общественнаго спасенія хотѣлъ этого не для того только, чтобы съ угрозой держать мечъ надъ всѣми головами, но и для того, чтобы лишить народъ права заключать гражданъ въ тюрьмы и убивать по своему произволу и присвоить себѣ одною право подозрѣвать всѣхъ и мстить. Дантонъ и Робеспьеръ хотѣли, чтобы народомъ руководили даже въ то время, когда онѣ совершалъ ужасы и несправедливости.

34.

Съ этой цѣлью Мерленъ-де-Дуэ представилъ 17 сентября проектъ декрета, параграфы котораго, составленные ловкимъ законовѣдомъ, захватывали всю Францію въ искусно сплетенную сѣть законнаго подозрѣнія, причемъ даже невиновные не были гарантированы отъ возможности доносовъ. Мерленъ-де-Дуэ принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ юристовъ, которые, въ глубинѣ души не раздѣляя увлеченія страстей, готовы содѣйствовать своимъ хладнокровіемъ и знаніемъ законовъ господствующей идеѣ: сегодня они безстрастные юрисконсульты республики, а завтра умѣренные юрисконсульты монархіи. Хотя эти люди облакаютъ въ законную форму увлеченія партій, которымъ они невольно

служать своимъ авторитетомъ и своимъ именемъ, было бы несправедливо класть пятно на ихъ память за то примѣненіе ихъ законовѣднія, которое сдѣлало преступленіе. Оправданіемъ ихъ пагубной угодливости можетъ служить даже то, что, служа крайнимъ страстямъ, они обманываютъ ихъ сохраняя нѣкоторую гуманность въ революціяхъ и нѣкоторую свободу въ контръ-революціяхъ. Тайныя намѣренія Мерлена, когда онъ представилъ законъ о подозрѣваемыхъ, долженствовавшій соединить въ болѣе правильную форму два декрета, уже принятыхъ Конвентомъ, говорятъ, заключались столь же въ желаніи защитить жертвы отъ убійства чернью, какъ и въ намѣреніи представить виновныхъ въ революціонный судъ. Время тогда было такое, что для подозрѣваемыхъ тюрьмы были единственнымъ убѣжищемъ противъ убійць.

Декретъ Мерлена, состоявшій изъ семидесяти-четырехъ новыхъ обвинительныхъ параграфовъ, постоянно пополнялся все новыми пунктами, измышляемыми доносчиками противъ подозрѣваемыхъ, и сдѣлался самымъ сильнымъ орудіемъ произвола, которое когда-либо было предоставлено угодливостью законника въ руки правительства.

Первый пунктъ гласилъ: „Немедленно по изданіи настоящаго декрета всѣ подозрительныя лица, живущія на территоріи республики и находящіяся еще на свободѣ, будутъ арестованы;

„Подъ именемъ подозрительныхъ подразумѣваются тѣ, кто своимъ поведеніемъ, статьями или словами выказали себя сторонниками тираніи или феодализма и врагами свободы;

„Тѣ, кто не въ состояніи будутъ доказать, какъ они добываютъ средства къ существованію, и тѣмъ исполняютъ долгъ гражданъ;

„Тѣ, кому будетъ отказано въ выдачѣ аттестатовъ на имѣніе гражданскихъ добродѣтелей;

„Тѣ, кто прежде были дворянами, отцы, матери, сыновья, дочери, братья, сестры, мужья, жены, агенты эмигрантовъ, не выказывавшіе неизмѣнно своей преданности революціи...“

— Подозрительны, прибавилъ Барерь, комментируя всѣ категоріи:—дворяне! Подозрительны придворные, законники! Подозрительны священники! Подозрительны банкиры, иностранцы, акціотеры! Подозрительны всѣ, скорбящіе о томъ, что происходитъ во время революціи! Подозрительны всѣ, кого огорчаетъ нашъ успѣхъ!

Послѣдній пунктъ, пополняя тѣ пробѣлы, которые могли ускользнуть отъ законодателя, распространялъ кару даже на тѣхъ, которые были бы объявлены невиновными, и уполномочивалъ уголовный судъ приказать арестовать и тѣхъ обвиняемыхъ, невинность которыхъ онъ признавалъ и о которой заявлялъ.

Не хватало тюремъ для вмѣщенія огромнаго числа арестованныхъ, которые были вырваны влѣдствіе этого закона изъ своихъ жилищъ, такъ что всѣ дома, принадлежащіе націи, всѣ конфискованные отели, всѣ церкви и монастыри повсюду были обращены въ мѣста заключенія. Смертная казнь, участив-

шаяся соответственно этому увеличенію преступленій, съ каждымъ часомъ и каждымъ новымъ декретомъ все болѣе предоставляла судьямъ право казнить подозрѣваемыхъ черезъ десятаго. Кто отказывался идти на границу или отдать свое оружіе тѣмъ, кто шель туда, — смерть! Кто давалъ убѣжище эмигранту или бѣглецу, — смерть! Кто посылалъ за границу деньги сыну или другу, — смерть! Кто поддерживалъ переписку, даже самаго невиннаго содержанія, съ изгнанникомъ или получалъ отъ него письмо, — смерть! Кто не донесъ на заговорщиковъ или лицъ, стоящихъ внѣ закона, или тѣхъ, о которыхъ было извѣстно, что они укрыли ихъ, — смерть. Кто помогалъ арестованнымъ въ устныхъ или письменныхъ сношеніяхъ съ близкими, — смерть! Кто старался уронить цѣну ассигнацій, — смерть! Кто покупалъ ихъ по курсу серебра, — смерть! Двое свидѣтелей заявляютъ, что священникъ, дворянинъ или пролетарій участвовали въ противореволюціонномъ сборищѣ, — смерть! Наконецъ, кто разбивалъ свои окопы и пытался избѣгнуть смерти посредствомъ бѣгства, — опять смерть, чтобы наказать за инстинктъ самосохраненія! Смерть начала вскорѣ угрожать даже судьямъ. Декретъ, изданный нѣсколько дней спустя, грозилъ отрѣшеніемъ отъ должности, арестомъ и судомъ революціонныхъ комитетовъ тѣмъ, которые оставили бы на свободѣ хоть одно подозрительное лицо.

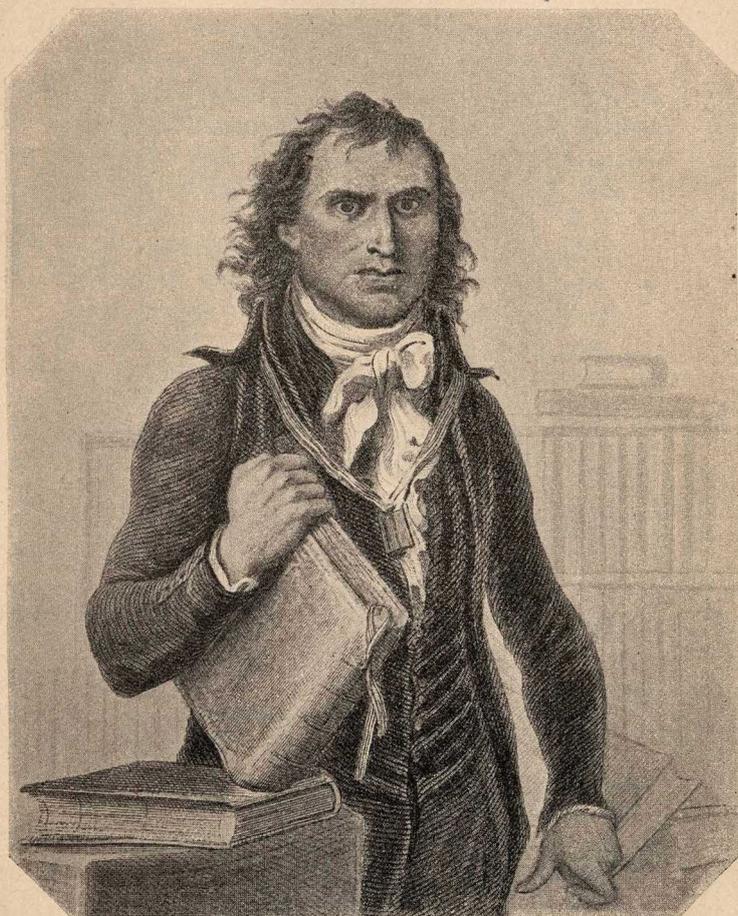
36.

Итакъ: законъ, не признающій невиннымъ никого изъ тѣхъ, кого онъ хотѣлъ обвинить; собственное мнѣніе, вмѣняемое въ преступленіе; подозрѣніе, обращаемое въ улику; вмѣняемый въ обязанность доносъ; революціонный судъ, готовый по знаку Комитета общественнаго спасенія привести изданный кодексъ въ исполненіе; революціонная армія, обязанная сдерживать Парижъ и препровождать толпы подозрѣваемыхъ въ тюрьмы, а обвиняемыхъ въ судъ; орудіе казни, воздвигнутое во всѣхъ главныхъ городахъ и провезенное по всѣмъ второстепеннымъ; наконецъ, комиссары Конвента, уполномоченные Комитетомъ общественнаго спасенія, подѣлившіе между собою провинціи и арміи и разѣхавшіеся во всѣ стороны, чтобы надзирать, поддерживать или обуздывать страшную игру диктатуры; Конвентъ, дѣйствующій въ центрѣ, повсюду имѣющій своихъ представителей и непрерывно поддерживающій съ ними переписку, дѣлающій имъ внушенія, подстрекающій и карающій ихъ, отзывающій ихъ и вновь посылающій послѣ того, какъ ихъ снова вдохновили революціонной энергіей, которой онъ самъ былъ воодушевленъ, — вотъ ужасный механизмъ диктаторства, замѣнившего послѣ паденія жирондистовъ колебанія и судороги правительства, которое получило имя террора; непреодолимое и ужасное, какъ отчаяніе революціи, которая чувствуетъ, что ей приходитъ конецъ, и нація, видящей свою гибель, — это диктаторство приводитъ одновременно въ содроганіе отъ удивленія и ужаса. Къ этому крайнему правительству нельзя примѣнять законы, существующіе для обыкновенныхъ правительствъ. Оно само назвало себя революціоннымъ правительствомъ, то есть: разрушительнымъ, тиранніей. Конвентъ смотрѣлъ на себя какъ на гарнизонъ Франціи, а нація казалась ему находящейся въ осадномъ положе-

ни; рѣшившись спасти революцію и отечество или самому погибнуть вмѣстѣ съ ними подъ ихъ развалинами, онъ отбѣнилъ на время все законы, кромѣ закона, долженствовавшаго защитить отъ грозившей всемъ опасности. Онъ противопоставилъ власть общественного блага себѣ самому и своимъ врагамъ или, вѣрнѣе, создалъ революціонный механизмъ, исходящій отъ него, но превышающій его и болѣе сильный, чѣмъ онъ самъ; такимъ образомъ онъ добровольно поработилъ себя, предоставивъ наказывать чрезъ десятого тиранніи, созданной имъ же самимъ.

Конвентъ поступилъ такъ не только изъ безмысленнаго увлеченія, побуждающаго людей признавать правой и законной только руководящую ими страсть вслѣдствіе увлеченія какой-нибудь идеей или яростью къ своимъ врагамъ,— онъ дѣйствовалъ подобнымъ образомъ и изъ политическихъ соображеній. Ему грозила двоякая опасность, которой онъ не скрывалъ отъ себя: анархія и внѣшняя война. Онъ чувствовалъ, что сбѣлается вскорѣ игрушкой своеволія коммуны и мятежныхъ волненій парижской черни, возбужденной безчинствами демагоговъ, если онъ не вырветъ изъ рукъ этихъ самыхъ демагоговъ оружіе террора, которое теперь они предлагаютъ ему, а завтра направятъ противъ него же самого. Ни Дантонъ, ни Робеспьеръ, ни ихъ просвѣщенные сотоварищи не хотѣли предоставить Конвенту капризу и своеволію перваго встрѣчнаго мятежника коммуны, который вздумалъ ему отдавать свои приказанія, какъ это было 10-го марта или 31-го мая. Чѣмъ ближе эти люди узнали, что такое мятежь, въ то время когда онъ служилъ ихъ планамъ и ихъ возвышенію, тѣмъ болѣе, узнавъ его безуміе, они боялись его теперь, когда хотѣли основать республику. Робеспьеръ мечталъ не о буйной, безчинствующей уличной толгѣ, а о спокойномъ, правильномъ господствѣ народа, олицетвореннаго въ его представителяхъ. Дантонъ хотѣлъ не постояннаго волненія столицы, а сильнаго и твердаго правленія народной республики. Ни тотъ, ни другой не считали коммуну націей. Они оба чувствовали, что революція, сосредоточенная въ Парижѣ и раздираемая площадными заговорами, скоро погибнетъ, задушенная въ собственномъ очагѣ. Они хотѣли заставить уважать народныхъ представителей. Они хотѣли господствовать при помощи законнаго террора надъ терроромъ народнымъ, который такъ часто заставлялъ трепетать своихъ представителей. Имъ необходимъ былъ революціонный терроръ, чтобы устрасить и обуздать революцію. Онъ былъ имъ необходимъ, чтобы двинуть толпы къ границамъ—противъ Ліона, Марсея, Тулона и Вандеи; для того, чтобы водворить въ арміи дисциплину, внушить генераламъ побѣду, возбудить въ Европѣ изумленіе и во всехъ вселить зловѣщее обаяніе Конвента и посредствомъ страха вынудить у націи сверхсильные налоги и заставить ее вооружиться и возстать чуть не поголовно, чего уже невозможно было ожидать отъ ослабѣвшаго патріотизма. Итакъ: терроръ былъ изобрѣтенъ Робеспьеромъ и Дантономъ не противъ внутреннихъ враговъ республики, а противъ насилія и анархіи самой революціи.

Когда Конвентъ организовалъ его, роялисты и аристократы, эмигрировавшіе или уничтоженные, никого уже не беспокоили. Терроръ не могъ коснуться ни эмигрантовъ, ни вооруженныхъ вандейцевъ; напротивъ, онъ

Аббатъ Грегюаръ.

могъ только еще сильнѣе возбудить и сдѣлать ихъ еще болѣе непримиримыми по отношенію къ республикѣ, которая сулила имъ лишь эшафотъ. Эмигранты и вандейцы были только предлогомъ, а цѣлью были анархисты. Эшафотъ, котораго они громко требовали, былъ воздвигнутъ единственно противъ нихъ самихъ.

37.

Терроръ не былъ вызванъ, какъ полагаютъ, произвольнымъ и жестокимъ расчетомъ нѣсколькихъ лицъ, хладнокровно обдумавшихъ систему правленія. Онъ не былъ также результатомъ скороспѣлаго рѣшенія или рѣшенія подъ вліяніемъ озлобленія; онъ вводился постепенно влѣдствіе сложившихся обстоятельствъ, событий и явился плодомъ мысли людей разныхъ лагерей, которые, не видя выхода изъ положенія, въ которомъ находились, искали его въ мечѣ и смерти. Но главнымъ образомъ онъ былъ слѣдствіемъ пагубнаго соперничества честолюбій, желанія заслужить популярность,—этого залога признанія патріотическихъ чувствъ,—въ недостатокъ которыхъ отдѣльные лица и партіи упрекали другъ друга: Барнавъ—Мирабо; Бриссо—Барнава; Робеспьеръ—Бриссо; Дантонъ—Робеспьера; Маратъ—Дантона; Геберъ—Марата; всѣ—жирондистовъ. Такъ что, для того чтобы доказать свой патріотизмъ, каждый гражданинъ и каждая партія старались показать какъ можно больше дѣятельности, употребить какъ можно болѣе насилій, заподозрить другихъ, совершить наиболѣе преступленій. Явилось всеобщее соревнованіе въ давленіи, которое отдѣльные граждане и партіи производили другъ на друга отчасти искренно, отчасти притворно, и вызвало всеобщій терроръ, который они производили другъ на друга и на своихъ враговъ, чтобы отдѣлаться отъ нихъ.

38.

Прибавьте къ этому три года революціонныхъ волненій, царившихъ среди народа; страхъ потерять побѣду, которую онъ цѣнилъ тѣмъ болѣе, что она была для него нова и онъ боялся лишиться ея; постоянное броженіе, которое старались поддерживать въ народѣ трибуны, газеты и клубы; забастовки рабочихъ; ожиданіе обнародованія новаго аграрнаго закона и общее завладѣніе землею классами народа, жаждавшими земельной собственности; отчаявающихся патріотизмъ; измѣну генераловъ; захватъ границъ; вандейцевъ, поднявшихъ знамя ниспровергнутыхъ королевства и религій; исчезновеніе звонкой монеты; недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ; голодъ, панику, привычку къ убійствамъ, пріобрѣтенную чернью Парижа во дни 14-го іюля, 6-го октября, 10-го августа, 2-го сентября; зрѣлище эшафота, пріучившаго глаза къ казнямъ; наконецъ ненасытную страсть къ разрушенію, какъ развращенный вкусъ, таившуюся въ инстинктѣ толпы, обнаружившуюся во время волненій и жаждующую насытиться кровью, какъ только народъ почувалъ ее: вотъ каковы были элементы, способствовавшіе порожденію террора. Разсчитать въ однихъ, увлеченіе въ другихъ; слабость въ этихъ, уступки въ тѣхъ, страхъ или ярость большинства; нравственная эпидемія, распространившаяся въ давно уже испорченномъ воздухѣ, заражающая предрасположенныя души такъ же, какъ болѣзнь воспринчивыя къ ней тѣла, пароксизмъ лихорадки, охватывающей цѣлый народъ и возбуждающей до изступленія головы неистовствующей народной массы; зараза, въ которую каждый вноситъ свою долю миазмовъ и свое соучастіе, хотя никто

не бывает въ ней исключительно виновенъ. Терроръ возникъ самъ собою и погибъ тѣмъ же путемъ, какъ и возникъ. Такъ совершаются всѣ человѣческія дѣла, которымъ мы, по своей слабости, стараемся подыскать какую-нибудь причину, тогда какъ они являются результатомъ тысячи сложныхъ и противоположныхъ причинъ, и которыя стараются приписать одному человѣку, тогда какъ они должны быть приписаны только породившему ихъ времени.

39.

Могъ ли Конвентъ отказаться отъ захваченной имъ диктатуры, вооруженной могущественнымъ устрашающимъ орудіемъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находились республика и Франція и онъ самъ? Каковъ бы ни былъ отвѣтъ, который дастъ себѣ философъ или законникъ, но государственный мужъ не можетъ въ данномъ случаѣ колебаться. Безъ чрезвычайной и сосредоточенной власти, революція погибла бы неизбежно отъ внутренней анархіи и контръ-революціи извнѣ.

Союзные короли окружили Францію и старались задавить ее своимъ семисотъ-тысячнымъ войскомъ. Эмигранты шли во главѣ чужеземцевъ и побратались уже съ роялистами въ завоеванныхъ Валансьенѣ и Конде. Вандея подняла всю западную часть и рѣшила поддерживать съ одной стороны религиозное возстаніе дѣйствуя сообща съ Нормандіей, а съ другой возстаніе на югѣ; Марсель поднялъ знамя федерализма, только что подавленнаго въ Парижѣ. Тулонъ и флотъ задумали измѣнить и открыть англичанамъ свой рейдъ и арсеналы. Лионъ, объявившій себя верховнымъ муниципалитетомъ, заключалъ въ тюрьму народныхъ представителей и воздвигнулъ гильотину противъ сторонниковъ Конвента.

Парижская коммуна, гордая своимъ послѣднимъ триумфомъ, хотя и старалась держать себя сдержанно съ народными представителями, но въ поведеніи ея заключалось больше угрозы, чѣмъ уваженія. Пашъ, Геберъ, Шометтъ, Ронсенъ, Венсенъ, Леклеркъ, Жакъ Ру, друзья и послѣдователи Марата, кордельеры, не распустили сборищъ 31-го мая и смѣло обличали Дантона въ совлности, Робеспьера въ слабости, а Комитетъ общественного блага въ медлительности. Гордясь тѣмъ, что они однажды уже покарали Конвентъ, они громкогласно объявили, что хотятъ покарать его вторично. Они настоятельно требовали, чтобы онъ принялъ мѣры противъ порчи нравовъ, противъ религіи, собственности, торговли, чего Конвентъ не могъ сдѣлать, не потрясши въ конецъ всѣхъ основъ соціальнаго порядка. Клубы, революціонные комитеты, собранія секцій, площади, предмѣстья, журналисты откликнулись на этотъ призывъ и предложили свою помощь, чтобы заставить покориться поработненное представительство. Народъ толковалъ только о томъ, чтобы самому расправиться и повторить, на этотъ разъ въ сильнѣйшей еще степени сентябрьскія убійства. Какъ могъ политической организмъ, среди этой бури, не будучи въ состояніи ни находиться въ сношеніяхъ съ Европой, ни подавить внутреннее возстаніе, ни защититься въ Парижѣ,—при помощи уничтоженныхъ имъ же законовъ удержаться и спасти вмѣстѣ съ собою республику и родину одной только отвлеченной силой конституціи, которая уже болѣе не существовала, не окруживъ себя обаяніемъ всемогущества и не выставивъ орудія, устрашающаго свою силою и тѣмъ обуздывающаго своихъ друзей и враговъ.

Диктатура Конвента не была въ сущности узурпаціей, потому что Конвентъ воплощалъ собою самое революцію, сосредоточенную въ Парижѣ, а революція воплощала собою Францію. Итакъ, Франція и революція не имѣли въ это время иного національнаго правительства кромя Конвента. Потому-то Конвенту, по его мнѣнію, и принадлежали всѣ права, которыми владѣли революція и Франція. Первымъ правомъ было спасти самого себя и свое существованіе. Единственный законъ въ подобную минуту—встать внѣ закона, чтобы устрашить заговорщиковъ, подавить всякое сопротивленіе, уничтожить партіи, послѣдно напасть на нихъ врасплохъ, и завладѣть властью, которой недоставало всѣмъ и безъ которой все погибало. У Робеспьера, Дантона и Горы хватило смѣлости искать этой власти въ самой анархіи. Конвентъ имѣлъ несчастье присоединиться къ ихъ предпріятію и взялъ на себя отвѣтственность передъ потомствомъ. Создавая диктатуру, онъ думалъ, что готовить необходимое, по его мнѣнію, оружіе для охраны свободы; но оружіе тиранніи слишкомъ тяжело для человѣческихъ рукъ. вмѣсто того чтобы, угрожая, дѣлать выборъ между людьми, оно разило наудачу, безъ суда и пощады. Оружіе увлекло за собою поражающую руку. Вотъ въ чемъ состояло преступленіе, и это преступленіе еще доннынѣ приходится искупать свободѣ.

Конвентъ разсуждалъ такъ: „Идеи имѣютъ право рождаться, истины имѣютъ право бороться, а революціи, проводящія въ жизнь эти идеи и истины, имѣютъ право защищаться и торжествовать. Является ли Конвентъ представителемъ революціи? Да.—Имѣеть ли онъ право спасти ее? Да.—Необходима ли для спасенія идеи и революціонной истины диктатура національнаго собранія, столь же законная и облеченная высшей властью, какъ сама нація? Да.—Не является ли воля націи въ эту минуту закономъ? Да.—Не требуютъ ли обстоятельства, подъ страхомъ смерти, чтобы этотъ законъ дѣйствовалъ противъ всѣхъ партій, грозилъ и былъ непреклоненъ, словомъ, исключителенъ? Опять-таки да“. Итакъ, тѣсно сплоченное правительство Конвента было безусловно необходимо въ то время, когда оно было создано. Издавать временные законы, строгіе, безпристрастные, примѣнять карательныя мѣры имѣеть право всякая диктатура; но осуждать и убивать вопреки всякимъ законамъ и всякой справедливости, заливать кровью эшафоты, предавать суду не обвиняемыхъ, а отдавать жертвы палачамъ, предписывать произнесеніе приговоровъ вмѣсто того, чтобы выжидать ихъ, назначать судьями гражданъ ихъ враговъ, поощрять доносчиковъ, бросать убійцамъ останки казненныхъ, заключать въ тюрьмы и убивать по простому подозрѣнію, вмѣнять въ преступленіе естественное чувство, разбирать возрасты, поль, стариковъ, дѣтей, дѣлать женъ, матерей и дочерей отвѣтственными за преступленія ихъ отцовъ, мужей и братьевъ—уже это не диктатура, а проскрипція. Таковъ былъ двойной характеръ террора. Съ одной стороны, Конвентъ оставался непоколебимымъ на развалинахъ спасенной родины и защищая революцію, а съ другой, онъ навѣки запятналъ себя кровью, въ чемъ его постоянно будетъ упрекать исторія, не будучи въ состояніи когда-либо смыть ее, съ его имени.

XLVI.

Генераль Кюстинъ предъ революціоннымъ судомъ.—Его осужденіе.—Судъ надъ королевой Маріей-Антуанетой. — Консержери. — Молодого дофина разлучаютъ съ матерью.—Его поручаютъ Симону.—Фукье-Тенвилль—официальный обвинитель на судъ.—Осужденіе королевы.—Ея жизнь и смерть.

1.

Одной изъ первыхъ жертвъ террора сдѣлался генераль Кюстинъ. Преступленіе его состояло въ томъ, что онъ вносилъ въ войну искусство. Монтаньяры хотѣли, чтобы война велась наступательно и форсированнымъ маршемъ. Имъ нужны были генералы, вышедшіе изъ простолудиновъ, для того чтобы управлять толпами черни, и невѣжественные генералы, чтобы вести войну въ современномъ духѣ.

Мы видѣли, какъ Кюстинъ, вырванный изъ среды обожавшей его арміи комиссаромъ Конвента Левассеромъ, прибылъ въ Парижъ для того, чтобы дать отчетъ въ причинѣ своего бездѣйствія. Онъ все еще пользовался той огромной популярностью, которую приобрѣлъ послѣ первыхъ своихъ вторженій въ сердце Германіи и взятія Майнца. Офицеры восхищались имъ, солдаты любили его. Особый видъ солдатскаго кокетства, скрывающій подъ внѣшней суровостью расположеніе, строгая дисциплина, умѣющая во-время наказать и наградить, природное краснорѣчіе, воинственные и въ то же время либеральные взгляды, огромное, щедро расточаемое состояніе во время лагерной жизни, аристократическое имя, внушающее уваженіе даже демократамъ, воображаемое расположеніе къ жирондистамъ, наконецъ тайное благоволеніе роялистовъ, которымъ нравилось подозрѣвать будто бы скрываемую генераломъ склонность къ монархіи,—все содѣйствовало къ распространенію личностью Кюстина того обаянія, которымъ постоянно окружена слава, надежда и гоненіе. Пріѣздъ его въ Парижъ оживилъ всѣ эти чувства: энтузіазмъ и аплодисменты, которые вызывало его появленіе въ общественныхъ мѣстахъ, на гуляньяхъ, въ театрахъ, возбудили въ Конвентѣ опасеніе, какъ бы, призвавъ въ Парижъ обвиняемаго, они тѣмъ не призвали къ себѣ господина, и какъ бы покорный имъ генераль не соблазнился ролью Кромвеля. Конвентъ поспѣшилъ арестовать его и предать суду. Вознамѣрившись захватить всю власть въ свои руки, Конвентъ не хотѣлъ, чтобы въ арміи кто бы то ни было, кромѣ его, пользовался популярностью и не хотѣлъ щадить противника, съ которымъ ему впослѣдствіи пришлось бы считаться. Вся вина Кюстина состояла въ томъ, что онъ казался

необходимымъ. Нужные люди были нежелательны, хотѣли, чтобы все и вся заключалось въ одномъ только отечествѣ.

Во взглядахъ на армію Конвентъ и Комитетъ общественнаго спасенія раздѣлились на двѣ партіи: партію Дантона и партію Робеспьера. Дантонъ и его сторонники, Фабръ д'Эглантинъ, Лежандръ, Шабо, Друэ, Камилль Демулень, Базиръ, Алькье, Мерленъ де-Тювилль, Мерленъ де-Дуэ, Дельма поддерживали постоянныя сношенія съ республиканскими генералами, что свидѣтельствоvalo о задней мысли ихъ въ случаѣ нужды прибѣгнуть къ военной силѣ. Они старались расположить къ себѣ армію, поддерживали переписку и дружбу съ командирами, посѣщали лагеря; дѣлили, какъ говорятъ, добычу; они стояли за генераловъ въ штабѣ военнаго министерства и дружили даже съ тѣми, сношенія съ которыми вслѣдствіе ихъ сомнительнаго республиканизма могли навлечь на нихъ подозрѣнія якобинцевъ. Камилль Демулень незадолго передъ тѣмъ возбудилъ неудовольствіе въ патриотахъ, объявивъ себя другомъ Диллона: онъ хотѣлъ, чтобы его назначили командующимъ Сѣверной арміей, и осыпалъ бранью обвинителей этого генерала. Этотъ вѣтреный писатель обвинилъ Комитетъ общественнаго спасенія въ томъ, что тотъ развращаетъ армію, касаясь плановъ генераловъ своими нечистыми руками. Возмущенная Гора простила Камилла Демулена, только снисходя къ его вѣтреному характеру. По его словамъ, монтаньяры смотрѣли на него такими же безпокойными, сердитыми глазами, какъ римскіе всадники смотрѣли на Цезаря, подозрѣваемаго въ соучастіи въ заговорѣ Катилины, когда тотъ выходилъ изъ Сената.

Послѣ бѣгства Дюмурея положеніе вещей ухудшилось; повсюду мерещилась измѣна. Диллонъ и Миранда были арестованы. Друзья Дантона и даже самъ Лежандръ говорили, что надо пожертвовать жизнью нѣсколькихъ генераловъ. Робеспьеръ повиновался только подозрительности своего характера, настаивая на обвиненіи Кюстина и удаляя всѣхъ военачальниковъ, которые пользовались, повидимому, большей любовью со стороны арміи, чѣмъ родина. Свобода была его цѣлью; армія была нужна ему только для того, чтобы защищать ее. Единственной силой народной, по его мнѣнію, долженъ былъ быть самъ народъ. Армія, орудіе славы, была всегда обращена въ исторіи въ орудіе тиранніи, — она, въ его глазахъ, была орудіемъ королей. Побѣда доставляла генераламъ популярность въ войскахъ, а популярность въ войскахъ вызывала въ нихъ нежеланіе покоряться гражданскому игу. Обратиться изъ всемогущаго генерала въ покорнаго гражданина казалось ему высшимъ попраніемъ челоуѣческаго достоинства. Онъ не хотѣлъ приучать армію къ обожанію своихъ генераловъ, а народъ допустить до того, чтобы онъ гордился ихъ славой. Со времени возникновенія законодательнаго собранія, мы видѣли, какъ онъ одинъ противился войнѣ, которую требовали якобинцы. Онъ предвидѣлъ измѣны и диктатуру болѣе гибельныя для революціи, чѣмъ анархія. Онъ всячески отстаивалъ свое мнѣніе. Люкнеръ, Лафайеттъ, Дюмуре, Кюстинъ, Диллонъ, Биронъ никогда не пользовались его расположеніемъ. Побѣды онъ встрѣчалъ холодно и даже съ большимъ огорченіемъ, нежели пораженія, потому что видѣлъ болѣшую опасность въ славѣ побѣдителя, чѣмъ въ проигранномъ сраженіи. Страстный приверже-

нецъ демократической идеи, онъ дорожилъ ею до такой степени, что жертвовалъ ей даже патриотизмомъ.

2.

Кюстинъ явился въ судъ, сопровождаемый воспоминаніями объ его побѣдахъ и своей невѣсткой, красота, грація, умъ, обаяніе и слезы которой тронули самыя ожесточенныя души. Эта молодая женщина вышла замужъ за единственнаго сына Кюстина, въ то время уже заключеннаго въ тюрьму. Она уходила изъ темницы мужа только для того, чтобы утѣшить его отца, тоже находившагося въ заточеніи, и сопровождать его въ судъ. Кюстинъ, во время своего величія, проявлялъ относительно ея только требовательность и доставлялъ ей огорченія. Несчастія, постигшія генерала, заставили все забыть госпожу Кюстинъ. Она всячески старалась утѣшить и облегчить участь человѣка, суровость котораго заставляла ее часто страдать. Она хотѣла доказать мужу свою любовь, вернуть ему отца. Она безпрестанно обращалась съ просьбами къ судьямъ, къ присяжнымъ и членамъ комитетовъ. Она появлялась предъ судьями рядомъ съ Кюстиномъ, какъ олицетвореніе невинности, старающееся разсѣять подозрѣнія. Всѣ недостатки Кюстина происходили отъ непослѣдовательности, истекавшей изъ его гордости. Онъ обманулъ надежды республики, но не измѣнилъ и не продалъ своего отечества. Сознаніе своей правоты и своихъ военныхъ талантовъ поддерживали его спокойствіе и сознаніе своего достоинства передъ лицомъ судей. Превосходство его въ военныхъ познаніяхъ надъ свидѣтелями, являвшимися его обвинителями, твердая память, быстрота и ясность его отвѣтовъ, искренняя горячность патриотизма и наконецъ воинственное краснорѣчіе, природный даръ котораго развила въ немъ лагерная жизнь, придавали засѣданіямъ революціоннаго суда привлекательность и торжественность трагедіи. Это была первая великая неблагодарность республики.

3.

Фуке-Тенвилль, прокуроръ суда,—желѣзныя уста террора,—равнодушный къ истинѣ и клеветѣ, прочелъ длинный, несвязный обвинительный актъ, въ которомъ военнымъ дѣйствіямъ Кюстина, во особенности отступленію и сдачѣ Майнца, былъ приданъ характеръ измѣны. Допросили множество свидѣтелей. Одни изъ нихъ были форменными доносчиками, развѣзжавшими по лагерямъ, чтобы собирать и записывать смутный ропотъ и личное неудовольствіе войскъ; другіе были—нѣмецкими демагогами изъ Майнца и Люттиха, ставившими въ упрекъ генералу его пренебреженіе ихъ совѣтами и желаніе обуздать ихъ страсти; наконецъ третьи были клеветами народныхъ представителей въ арміи, какъ-то: Монто, Легиньо, Леонардъ Бурдонъ, Мерленъ де-Тюнвилль, Кутюрье, Генцъ. Показанія послѣднихъ были въ самомъ умѣренномъ духѣ. Они говорили о Кюстинѣ, какъ люди, порой не одобравшіе его поведеніе, но сознававшіе его правоту и уважавшіе его несчастіе. Ни одинъ изъ нихъ не произнесъ слова: измѣна.

Кюстинъ оспаривалъ нѣкоторые обвинительные пункты, возражалъ противъ показаній, возстановлялъ факты, припоминалъ обстоятельства, числа и

разбиваль обвиненія съ ясностью и твердостью, по справедливости возвеличившими славу его талантовъ на томъ полѣ сраженія, на которомъ онъ отстаивалъ свою честь и жизнь. Противъ него не осталось уликъ. Подозрѣніе сохранилось только въ душѣ тѣхъ, кто хотѣлъ питать его. Въ негодующемъ патриотизмѣ генерала были такіе оттѣнки величія и искренности, которые пристыдили неблагодарность его родины.

4.

Когда Левассеръ (депутатъ Сарты) заявилъ суду, что онъ замѣтилъ въ поведеніи Кюстина тѣ же самыя признаки измѣны, какъ и въ поведеніи Дюмурье, когда послѣдній предаль своихъ собственныхъ солдатъ въ руки враговъ, то Кюстинъ, вмѣсто того, чтобы возразить ему, вскричалъ, поднимая руки къ небу: „Меня! меня обвиняють въ томъ, что я замышлялъ дать убить своихъ храбрыхъ братьевъ по оружію!“ Нѣсколько слезинокъ скатились изъ его глазъ и были его единственнымъ опроверженіемъ.

Нетерпѣніе якобинцевъ подстрекало между тѣмъ судей скорѣе кончать судъ. Убѣжденіе въ невинности, умиленіе и восхищеніе овладѣли всѣми. Присяжные колебались между совѣстью и убѣжденіемъ. Послѣ преній Кюстинъ въ теченіе двухъ часовъ говорилъ рѣчь, ясность и доказательность которой, благородство выраженныхъ чувствъ, скромность и мужество война и краснорѣчіе убѣжденного революціонера-патріота растрогали всѣхъ присутствовавшихъ и внушили уваженіе къ нему. Всѣ, а также и онъ самъ были убѣждены, что онъ будетъ оправданъ. Его невѣстка проливала слезы радости. Присяжные противъ всякаго ожиданія обвинили его большинствомъ голосовъ. Судъ произнесъ приговоръ: смертная казнь.

Наступила ночь. Генераль, окруженный жандармами, вошелъ въ залу, чтобы выслушать рѣшеніе присяжныхъ. Лицо его было блѣдно отъ мучившей его неизвѣстности. Онъ пылливо обводилъ взглядомъ толпу, стараясь прочесть на лицахъ свою участь. Но толпа сама ничего не знала. Факелы, впервые освѣтившіе залу суда со времени открытія засѣданія, возвѣстили Кюстину, что совѣщаніе присяжныхъ было продолжительно и что жизнь его оспаривалась немногими голосами. Потрясенная аудиторія и наводящія уныніе позы судей въ первый разъ возбудили въ немъ предчувствіе, что онъ можетъ быть казнень. Онъ сѣлъ, не спуская глазъ съ предсѣдателя. Коффингалъ прочелъ рѣшеніе суда и, согласно обычаю, спросилъ, не имѣетъ ли онъ что-нибудь возразить противъ смертнаго приговора, который прокуроръ суда требовалъ, чтобы суды примѣнили къ нему.

Кюстинъ былъ потрясенъ не столько страхомъ ожидавшей его смерти, сколько несправедливостью приговора. Онъ обвелъ глазами залу, ища своихъ защитниковъ, которые подали бы за него въ послѣдній разъ голосъ. Но защитники уже покинули залу. Не видя ихъ, Кюстинъ обратился къ суду съ жестомъ, говорившимъ, что онъ покоряется своей участи. „У меня не осталось ни одного защитника, воскликнулъ онъ:—они всѣ исчезли. Совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня. Я умираю спокойный и невинный“.

5.

Невѣстку Кюстина вынесли изъ залы суда въ обморокѣ. Присутствовавшіе молчали или рыдали. Народъ, стоявшій на улицѣ, аплодировалъ. Кюстинъ вернулся въ канцелярію Консьержери, послѣднюю станцію между жизнью и смертью. Тамъ онъ упалъ на колѣни, опутивъ голову на руки, и провелъ въ такомъ положеніи два часа, погруженный въ размышленія и не произнесъ ни слова. Быть можетъ онъ сравнивалъ въ душѣ ту жертву, которую онъ принесъ революціи: свое положеніе, кровь, свои обязанности по отношенію къ королевской власти и христіанской религіи съ наградой, которую онъ получилъ отъ нея теперь. Поднявшись, онъ попросилъ прислать къ нему священника и провелъ всю ночь съ служителемъ Божиимъ. Онъ искалъ силы, чтобы встрѣтить смерть, у религіи, противъ которой боролся во главѣ солдатъ республики. Онъ объявилъ себя такимъ образомъ побѣжденнымъ тѣми самыми доктринами, противникомъ которыхъ онъ прежде являлся. Въ эти послѣднія минуты своей жизни онъ отказался отъ декорума, сопровождающаго смерть солдата, къ которой онъ такъ презрительно относился на полѣ битвы. Остались только человекъ и отецъ; воинъ исчезъ. Онъ написалъ трогательное письмо сыну, поручая ему возстановить честь своего имени, когда настанутъ лучшіе дни въ республикѣ, и доказать его невиновность народу, когда время разсѣетъ подозрѣнія. Онъ взошелъ на тѣлѣжку со связанными руками. Только синій сюртукъ, на которомъ еще уцѣлѣли кое-гдѣ цвѣтные канты, и форменные галуны свидѣтельствовали, что подъ платьемъ осужденнаго скрывается генераль. Онъ горячо цѣловалъ распятіе, которое прижалъ къ его губамъ сидѣвшій рядомъ съ нимъ его духовникъ. Онъ переводилъ влажные отъ слезъ глаза то на толпу, то на небо, какъ бы упрекая народъ въ непостоянствѣ и моля о правосудіи Бога. Сойдя у подножія эшафота съ тѣлѣжки, онъ снова упалъ на колѣни на первой ступени лѣстницы. Его молитва, длившаяся долго, которую не рѣшались прервать, была очень усердна. Наконецъ онъ твердыми шагами взошелъ на эшафотъ; съ минуту онъ смотрѣлъ на ножъ, затѣмъ отдалъ себя въ руки палача и умеръ. Смерть эта снова навела генераловъ на мысли объ измѣнѣ и уклоненіи отъ своихъ обязанностей; изумленная армія увидала, какъ пала голова самаго популярнаго его начальника. Она увидала, что у нея единственный начальникъ—Конвентъ. Военная партія, эмигрировавшая съ Лафайеттомъ, обезглавленная съ Кюстиномъ и униженная и молчавшая съ Дантономъ, была окончательно уничтожена послѣ этой казни и уже не пыталась бороться съ Робеспьеромъ, сдѣлавшимся символомъ народа и единственнымъ верховнымъ властителемъ республики.

6.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ девяносто восемь казенныхъ обагрили свою кровью эшафотъ. Отдавъ однажды топоръ террора въ руки народа, его уже не могли отнять у него. Неумолимая и низкая месть непрерывно требовала головы Маріи-Антуанеты. Непопулярность этой несчастной королевы пережила даже ея паденіе. Въ глазахъ ожесточеннаго народа она являлась хотя

и заключенной въ темницу, но все еще живой противореволюціей. Убивая Людовика XVI народъ прекрасно зналъ, что убиваетъ только орудіе. Душою двора, врагомъ ненавистниковъ королевской власти была Марія-Антуанета. Въ глазахъ народа Людовикъ XVI, былъ лишь лицомъ, облеченнымъ королевскимъ достоинствомъ, а жена его являлась олицетвореннымъ преступленіемъ. Уже нѣсколько дней въ совѣтѣ коммуны раздавались многозначительныя обвиненія противъ тѣхъ комиссаровъ коммуны, которые выказывали состраданіе или вниманіе узникамъ Тампля. Грубость и нахальство, проявляемыя относительно ихъ, наоборотъ, ставились въ заслугу. По приказу Конвента, изданному послѣ постановленія коммуны, были разрыты склепы Сенъ-Дени и чуть не развѣянъ прахъ королей. Можно ли было ожидать послѣ этого, чтобы были пощажены особы королевской крови, оставшіяся въ живыхъ среди Парижа? Безжалостнымъ якобинцамъ казалось, что атмосфера республики будетъ очищена послѣ пролитія этой ненавистой для нихъ крови. Комитетъ общественнаго спасенія приказалъ Фукье-Тенвиллю по возможности ускорить судъ.

7.

Ни одинъ изъ членовъ комитета не считалъ королеву невиновной въ ненависти къ республикѣ, но ни одинъ не считалъ ее опасной для революціи; нѣкоторые краснѣли при мысли, что должны принести эту жертву. Даже самъ Робеспьеръ, озлобленный противъ короля, хотѣлъ спасти королеву. „Революціи очень жестоки, говорилъ онъ въ это время: — Онѣ не признаютъ ни пола, ни возраста. Идеи безжалостны, но народамъ слѣдовало бы научиться прощать. Если бы моя голова не была нужна революціи, то я, въ инныя минуты, охотно предложилъ бы ее взамѣнъ одной изъ тѣхъ головъ, которыхъ она требуетъ у насъ“.

Одинъ только Сенъ-Жюсть непоколебимо шелъ по тому пути, который онъ намѣтилъ для республики. Что касается остальныхъ членовъ Горы: Коло, Лезандра, Камилла Демулена, Вилло-Варенна, Барера, дѣйствовавшихъ подъ влияніемъ гнѣва и увлеченныхъ въ общее движеніе влѣдствіе слабости, то они старались угадать настроеніе толпы и заслужить ея милость, угождая ей. Оставалось только надѣяться на то, что судьба королевы,—вдовы, матери, плѣнницы,—которую хладнокровно готовился убить цѣлый народъ, можетъ возбудить состраданіе. Но чувство состраданія, заглушенное терроромъ, было окончательно подавлено эшафотомъ. Страхъ дѣлаетъ людей такими же эгоистами, какъ и богатство. Каждый слишкомъ сожалѣлъ самого себя, чтобы еще сожалѣть другихъ.

8.

Мы оставили королевскую семью въ Тамплѣ въ ту минуту, когда король вырвался изъ прощальныхъ объятій, чтобы отправиться на эшафотъ. Королева весь день 21-го января пролежала одѣтая на постели и, приходя въ себя послѣ продолжительныхъ обмороковъ, начинала молиться и рыдать. Она старалась угадать моментъ, когда роковой ножъ пресѣчетъ жизнь ея супруга, чтобы слить свою душу съ его душой и призвать къ себѣ въ защитники на небѣ того,

кого она теряла на землѣ, какъ супруга. Крики: „да здравствуетъ республика!“ приближавшіяся отъ подножія эшафота къ Бастиліи, и грохотъ артиллерійскихъ орудій, возвращавшихся съ бульваровъ въ свои кварталы, дали знать королевѣ, что эта минута наступила. Она пламенно желала узнать мрачныя подробности послѣднихъ мыслей и послѣднихъ словъ своего супруга. Она знала, что онъ умираетъ какъ мужъ и мудрецъ, но ей необходимо было узнать, умеръ ли онъ, какъ подобаетъ королю. Слабость, выказанная имъ передъ народомъ и передъ потомствомъ, унизила бы его болѣе, чѣмъ эшафотъ. Совѣтъ коммуны отказалъ Маріи-Антуанетѣ въ этомъ утѣшеніи. Клеры, сдѣлавшагося для нея дороже съ тѣхъ поръ, какъ онъ провелъ послѣдніе дни съ своимъ повелителемъ, продержали въ башнѣ больше мѣсяца, такъ что онъ не могъ болѣе видѣться съ заключенными. Онъ не могъ передать имъ ни волосъ, ни обручальнаго кольца. Эти реликвіи, чуть ли не обогранныя кровью казненнаго, были опечатаны и положены на храненіе въ залу башни, гдѣ засѣдали комиссары коммуны. Похищенные, нѣсколько дней спустя совершившимъ эту благочестивую кражу чиновникомъ, по имени Туланомъ, скрывавшимъ подъ видомъ исполненія своихъ обязанностей страстную преданность королевѣ, онъ были отосланы графу Прованскому.

9.

Королева просила своихъ тюремщиковъ разрѣшить ей отдать послѣдній долгъ уваженія своему покойному мужу, одѣвъ по немъ трауръ. Эта просьба была уважена, но съ условіемъ соблюденія простоты, почти бѣдности, напомнившей законъ противъ роскоши, наложенный на горе. Другимъ спеціальнымъ постановленіемъ совѣта коммуны разрѣшено было выдать пятнадцать рубашекъ сыну короля.

Послѣ смерти короля послѣдовало нѣсколько послабленій въ строгости заключенія принцессъ. Въ первое время сами комиссары Тампля думали, что удовлетворенная республика не замедлитъ вернуть свободу дѣтямъ и женщинамъ. Снисходительные чиновники намекали на это въ своихъ рѣчахъ. Принцесса Елизавета и юная принцесса старались, основываясь на этихъ намекахъ, если не вселить надежду въ сердце королевы, то по крайней мѣрѣ развлечь ее немного, но королева оставалась равнодушна къ ихъ утѣшеніямъ, потому ли, что не надѣялась на состраданіе народа, злора котораго довела до эшафота когда-то любимаго имъ короля, или, быть можетъ, свобода безъ трона и безъ мужа казалась ей менѣе желанной, чѣмъ смерть.

Она упорно отказывалась выходить въ садъ, гдѣ ей разрѣшено было прогуливаться. „Она была бы не въ силахъ, сказала она, бросившись на шею сестрѣ, проходить мимо дверей комнаты короля въ нижнемъ этажѣ башни. Она всегда видѣла бы тамъ, на ступеняхъ лѣстницы, слѣды его, когда онъ шелъ въ послѣдній разъ“. Ни воздухъ, ни видъ неба не могли бы вознаграждать ее за эти мученія. Опасаясь, однако, послѣдствій такого полного заключенія для здоровья своихъ дѣтей, она согласилась въ концѣ февраля выходить подышать свѣжимъ воздухомъ и совершать прогулки на платформѣ башни.

Совѣтъ коммуны, извѣщенный о любопытствѣ, которое возбуждали эти

прогулки въ сосѣднихъ домахъ, и опасаясь, что могутъ возникнуть сношенія посредствомъ обмѣниванія взглядами, лишилъ узниковъ возможности видѣть горизонтъ. Онъ издалъ приказъ 26-го марта, чтобы просвѣты между зубцами башни были закрыты жалюзи, которыя, пропуская воздухъ, не давали возможности видѣть.

Эти предосторожности, жестокія относительно дѣтей, были благодѣяніемъ для королевы. Онѣ закрывали отъ нея ненавистный городъ, не допускали шумъ и она могла созерцать одно лишь небо, къ которому стремилась. Здоровье ея ослабѣвало, но она не замѣчала разрушенія тѣла. Она проводила ночи безъ сна, что отразилось на ея лицѣ. Ея сестра и дочь умоляли, чтобы она просила разрѣшить ей отворять на ночь дверь изъ ея комнаты въ смежную, куда принцесса запирали на ночь. Королева согласилась на это, снисходя къ ихъ нѣжности. Шометтъ, генеральный прокуроръ коммуны, тронутый слезами принцесса и истощеннымъ видомъ королевы, обѣщаль поддержать эту просьбу. На слѣдующій день онъ пришелъ въ сопровожденіи Паша и Сантерра и объявилъ королевѣ, что совѣтъ отказался исполнить ея просьбу.

Пашъ и Сантерръ не могли смотрѣть безъ содроганія на эту жертву, измученную столькими гоненіями. Они ушли, испуганные собственнымъ всемогуществомъ и смущенные тѣмъ, что положеніе, въ которомъ они находились, возвышая ихъ надъ народомъ, не допускало даже, чтобы они были людьми.

10.

Заключеніе сдѣлалось строже. Но состраданіе, одерживающее иногда верхъ надъ убѣжденіемъ, провело преданныхъ людей даже черезъ ворота Тампля. Нѣсколько муниципальных чиновниковъ составили заговоръ, имѣвшій цѣлью облегчить заключеніе принцесса и установить сношенія между ними и внѣшнимъ міромъ. Туланъ, Лепитръ, Беньо, Венсенъ, Брюно, Мерль и Михонисъ обманывали бдительность другихъ комиссаровъ и коммуны.

Гю, камердинеръ короля, оставшійся на свободѣ и всеміи позабытый въ Парижѣ, вступилъ въ сношенія съ комиссарами и черезъ нихъ сообщалъ принцессамъ о происшествіяхъ, слухахъ, надеждахъ и заговорахъ, словомъ обо всемъ, что касалось ихъ. Сношенія письменныя и устные велись съ крайней осторожностью, обманывавшей бдительность другихъ комиссаровъ. Чиновники слѣдили другъ за другомъ. Взглядъ и жестъ, подмѣченный кѣмъ-либо, могъ довести до эшафота. Туланъ и Лепитръ сдѣлали своимъ орудіемъ Тюржи и пользовались для своихъ сношеній неодушевленными предметами. Комната въ третьемъ этажѣ, служившая общей передней для королевы и принцессы Елизаветы, нагрѣвалась печью съ отдушинами. Въ трубу этой-то печи Тюржи клалъ записки и вырѣзки изъ газетъ, изъ которыхъ онѣ узнавали обо всемъ, что хотѣли имъ сообщить. Принцессы въ свою очередь прятали туда письма, написанныя симпатическими чернилами, которыя можно было прочесть только поднеся ихъ къ огню. Внутреннія и внѣшнія событія, свѣдѣнія о настроеніи умовъ, успѣхахъ Вандей, побѣдахъ иностранныхъ войскъ, проблески обманчивой надежды, которую вызывали химерическіе заговоры, имѣвшіе цѣлью ихъ освобожденіе, наконецъ нѣсколько писемъ, орошенныхъ слезами искренней при-

вязанности, проникли такимъ способомъ въ тюрьму Маріи-Антуанеты. Но надежда не проникла однако въ ея сердце. Ужасъ ея положенія именно въ томъ и состоялъ, что она болѣе ничего не страшилась и ни на что не надѣялась. Она не пыталась даже бороться. Ею овладѣло спокойствіе отчаянія, могильное оцѣпенѣніе, соединенное съ болѣзненной чувствительностью. Послѣ разлуки навѣки съ королемъ ей пришлось нести одиноко все бремя несчастій. Пока онъ былъ живъ, она была болѣе занята имъ, чѣмъ собой, и забота объ облегченіи ему тяжести заключенія дѣлала ее менѣе чувствительной къ собственнымъ страданіямъ. Теперь ничто не отвлекало ее отъ своего горя. Дѣти ея были для нея только наболѣвшей частью ея самой, они служили ей напоминаніемъ, что послѣ ея казни останется нѣкто, кто будетъ печалиться, страдать и также умереть вслѣдъ за нею. Спокойствіе ея сестры не сообщалось ей. Она смотрѣла на принцессу Елизавету какъ на безстрастное существо, силою вѣры и покорностью судьбѣ вознесенное въ сферу, недосыгаемую для страстей и человѣческихъ страданій. Она уважала ее и завидовала ей, но впечатлительная и страстная натура Маріи-Антуанеты не имѣла ничего общаго съ принцессой Елизаветой кромѣ постигшаго ихъ несчастія. Одна была ангеломъ, а другая—женщиной. Онѣ соприкасались на землѣ, но ихъ раздѣляло небо.

11.

31-го мая принцессы услышали отдаленный шумъ, причину котораго онѣ не могли себѣ объяснить. — Этотъ шумъ былъ вызванъ недовольствомъ противъ жирондистовъ. Онѣ только нѣсколько дней спустя узнали о паденіи этой партіи, которая вмѣсто того, чтобы спасти ихъ, приблизила минуту ихъ гибели. Геберъ и Шометтъ время отъ времени приходили взглянуть на принцессъ и, смотря по настроенію народа, то относились къ нимъ съ состраданіемъ, то оскорбляли ихъ. Туланъ и большая часть его сообщниковъ были выданы женщиной, по имени Тизонъ, прислуживавшей королевѣ. Они были казнены. Эта женщина лишилась разсудка отъ угрызеній совѣсти и, бросившись къ ногамъ королевы, молила простить ее и нѣсколько дней не давала покоя находившимся въ тюрьмѣ припадками сумасшествия и криками. Принцессы, видя ея раскаяніе и безуміе, простили ей ея доносъ и по очереди ухаживали за ней и даже отдавали ей пищу, которую приносили для нихъ.

Послѣ 31-го мая терроръ, господствовавшій въ Парижѣ, проникъ и въ тюрьму, усиливъ тягость заточенія и гоненія. Каждый вновь назначенный чиновникъ старался доказать свой патріотизмъ, притѣсняя заключенныхъ болѣе своего предшественника.

Конвентъ, послѣ изданія декрета о преданіи суду королевы, разлучилъ ее съ сыномъ. Этотъ приказъ пожелали прочесть королевской семьѣ. Ребенокъ бросился въ объятія матери, умоляя ее не отдавать его въ руки палачей. Королева отнесла сына на кровать и, вставъ между нимъ и муниципальными чиновниками, объявила имъ, что прежде чѣмъ они коснутся его, имъ придется убить ее самое. Напрасно ей грозили, что употребить силу, если она будетъ противиться декрету: она въ теченіе двухъ часовъ стояла на своемъ, пока наконецъ сдалась, побѣжденная угрожающими словами и жестами комиссаровъ.

Она упала у кровати и, по настоянію принцессы Елизаветы и дочери, одѣла дофина и со слезами передала его тюремщикамъ. Сапожникъ Симонъ, выбранный тюремщикомъ за свою грубую натуру и долженствовавшій замѣнить при дофинѣ нѣжно любившую его мать, отнесъ его въ комнату, гдѣ юному королю суждено было умереть. Ребенокъ два дня пролежалъ на полу, отказываясь принять пищу. Несмотря на всѣ мольбы королевы, коммуна отказала ей въ милости, хоть разъ увидѣться съ сыномъ. Фанатизмъ убилъ въ этихъ людяхъ всякое доброе чувство. Покои принцессы были заперты день и ночь на засовы. Даже муниципальные чиновники уже не являлись туда. Только тюремные надсмотрщики приносили три раза въ день пищу заключеннымъ и осматривали, цѣлы ли рѣшетки въ окнахъ. Послѣ Тизонъ, помѣщенной въ домъ умалишенныхъ, не назначили другой женщины для услугъ принцессамъ. Принцесса Елизавета и юная принцесса сами убирали постели, мели комнату и прислуживали королевѣ. Единственнымъ утѣшеніемъ для принцессы было ежедневно подниматься на платформу башни въ то время, когда дофинъ прогуливался на отведенной ему половинѣ башни, и обмѣниваться съ нимъ украдкой взглядомъ. Королева во все время этихъ прогулокъ не отнимала глазъ отъ щелей въ жалюзи между стѣнными зубцами, стараясь уловить хоть тѣнь, бросаемую тѣломъ ея ребенка, и поймать звукъ его голоса.

Тизонъ, котораго тронули угрызения совѣсти и помѣшательство жены, приходилъ иногда тайкомъ извѣстить принцессу Елизавету о положеніи здоровья дофина. Принцесса только отчасти передавала сообщаемыя ей ужасныя вѣсти о ребенкѣ. Цинизмъ и грубость Симона разстраивали тѣло и развращали душу его питомца. Онъ называлъ его „Тампльскимъ волчкомъ“. Онъ обращался съ нимъ такъ же, какъ обращаются съ дикими звѣренными, отнятыми у матери и посаженными въ клетку, запуганными побоями и дрессировкой сторожей. Онъ наказывалъ его за чувствительность и награждалъ за дурныя поступки. Онъ поощрялъ въ немъ пороки. Онъ училъ ребенка относиться съ неуваженіемъ къ памяти отца, слезамъ матери, набожности тетки, невинности сестры и преданности приверженцевъ. Онъ заставлялъ его пѣть непристойныя пѣсни воспѣваюція республику, висѣлицу и эшафотъ. Нерѣдко пьяный, Симонъ наслаждался этой насмѣшкой судьбы, радовавшей его низкую натуру. Онъ заставлялъ ребенка стоя прислуживать ему за столомъ, за которымъ самъ онъ сидѣлъ. Однажды, во время одной изъ дикихъ забавъ, онъ чуть не выпилъ глазъ дофину, ударивъ его салфеткой по лицу. Въ другой разъ онъ схватилъ каминный таганъ и, поднявъ его надъ головою ребенка, грозился убить его. Чаще всего онъ ласкалъ его и притворялся, что возрастъ и несчастія ребенка внушаютъ ему состраданіе и такимъ образомъ старался расположить его къ довѣрью и откровенности, чтобы узнать мысли его и донести о нихъ Геберу и Шометту. „Капеть, сказалъ онъ ему однажды, послѣ того какъ вандейская армія перешла Луару:—что сдѣлалъ бы ты, если бы вандейцы освободили тебя?“—„Я простилъ бы васъ“, отвѣтилъ ребенокъ. Даже Симонъ былъ тронутъ этимъ отвѣтомъ и призналъ, что въ жилахъ дофина течетъ кровь Людовика XVI. Но опьяняемый, сознаниемъ своего значенія и виномъ, этотъ человекъ не былъ способенъ ни на продолжительную жестокость, ни

на нѣжность. И въ руки этого-то грубаго циника судьбѣ угодно было отдать послѣдній отпрыскъ королевскаго дома.

12.

2-го августа, въ два часа утра, королеву разбудили, чтобы сообщить ей постановленіе, повелѣвавшее перевести ее въ Консьержери въ ожиданіи суда, который долженъ былъ совершиться надъ нею. Во время чтенія декрета она не выказала ни удивленія, ни огорченія. Это* было еще одинъ шагъ ближе къ цѣли, которую она считала неизбѣжной и приблизиться къ которой желала по возможности скорѣе. Напрасно принцесса Елизавета и дочь королевы на колѣняхъ умоляли членовъ Конвента не разлучать ихъ—одну съ сестрою, а другую съ матерью. Имъ не отвѣтили ни словомъ, ни жестомъ. Королева молчала; она принуждена была одѣться передъ мужчинами, наполнившими ее комнату. Они обыскали ее. Они опечатали мелкія вещицы и драгоценности, бывшія при ней: портфель, карманное зеркало, золотое кольцо, обвитое волосами, бумагу, на которой были оттиснуты два золотыхъ сердца съ инициалами, портретъ ея друга, госпожи Ламбаль, и два женскихъ портрета—ея вѣнскихъ подругъ дѣтства и нѣсколько символическихъ знаковъ набожнаго поклоненія Пречистой Дѣвѣ, подаренныхъ ей принцессой Елизаветой, которые должны были предохранить ее отъ несчастій и напоминать ей во время ея заключенія о Небѣ. Они оставили ей только носовой платокъ и флаконъ уксуса, чтобы привести ее въ чувство, если ей сдѣлается дурно въ минуту разлуки. Королева, обнявъ дочь, увлекла ее въ уголь и, покрывъ ее поцѣлуями и оросивъ слезами, благословила ее и простилась съ нею. Она такъ же, какъ и Людовикъ XVI передъ смертю, совѣтовала дочери простить ихъ врагамъ и гонителямъ. Затѣмъ, вложивъ руки молодой дѣвушки въ руки принцессы Елизаветы, сказала ей: „Вотъ та, которая отнынѣ должна замѣнить вамъ отца и мать; слушайте ее и любите, какъ если бы это была я. А вы, сестра моя, продолжала она, бросаясь въ объятія къ принцессѣ Елизаветѣ:—должны быть второю матерью моимъ бѣднымъ дѣтямъ. Любите ихъ такъ же, какъ любили насъ даже въ тюрьмѣ и до самой смерти!“

Принцесса Елизавета сказала нѣсколько словъ королевѣ такъ тихо, что ихъ не слышалъ никто. Это было, вѣроятно, напутствіе вѣры, поддерживавшей ее въ дни страданій. Королева сдѣлала головой знакъ, означавшій, что она покоряется судьбѣ, и медленными шагами вышла изъ комнаты, опустивъ глаза и не рѣшаясь въ послѣдній разъ взглянуть на дочь и на сестру изъ страха потерять самообладаніе. Переступая порогъ тюрьмы, она ударила лбомъ о низкую дверь. Ее спросили, не больно ли ей. „О нѣтъ“, отвѣтила она:—теперь уже ничто не можетъ причинить мнѣ боль“. Карета, въ которую вмѣстѣ съ нею сѣли двое муниципальныхъ чиновниковъ, охраняемая жандармами, доставила ее въ Консьержери.

13.

Тюрьма Консьержери занимаетъ подземный этажъ Дворца Правосудія. Она, такъ сказать, врыта въ его фундаментъ. Мрачныя своды дворца Святого Лю-

довика опустились глубоко вниз вслѣдствіе поднятія почвы; земля мало-помалу засыпаетъ памятники людей въ большихъ городахъ. Подземелья эти служатъ помѣщеніемъ для тюремъ, гауптвахтъ и жилищъ тюремныхъ надсмотрщиковъ. Длинныя коридоры, низкіе, какъ монастырскіе переходы, кончаются съ одной стороны сводами, свѣтъ въ которые проникаетъ со двора, а съ другой стороны—камерами для заключенныхъ, въ которыя надо спускаться по нѣсколькимъ ступенямъ. Узкіе дворы, находящіеся внутри зданія, затемнены высокими стѣнами Дворца Правосудія. Свѣтъ падаетъ на нихъ отвѣсно, какъ въ широкіе колодцы. Высоко проложенное шоссе набережной отдѣляетъ Консьержери отъ Сены, вода которой во время поднятія, просачиваясь черезъ почву и разрушая цементъ, распространяетъ могильную сырость во дворахъ и покрываетъ слоями зеленоватаго моха камни зданія. Бурлящая рѣка подъ мостами, постоянный стукъ экипажей, ѣдущихъ по набережной, и глухой шумъ толпы, наполняющей въ часы засѣданій трибуны и верхніе этажи суда, сотрясаютъ своды непрерывно. Эти звуки, подобно отдаленному грому отдаются въ ушахъ заключенныхъ и напоминаютъ имъ о вѣчныхъ стонахъ, раздающихся въ этомъ жилищѣ. Массивныя столбы, низкіе своды, узкія стрѣлчатыя окна, прихотливая скульптура готическаго стиля напоминаютъ о назначеніи этого зданія во времена первыхъ королей, обратившагося теперь въ сборище пороковъ и преступленій и въ преддверіе смерти. Эти гигантскія подземелья служатъ фундаментомъ высокой четырехугольной башнѣ, въ которой нѣкогда раздавались всѣ лены въ государствѣ. Эта башня была центромъ монархіи. И подъ этимъ-то дворцомъ феодализма месть или насмѣшка судьбы заключила агонію монархіи и казнь феодализма. Могли ли предвидѣть короли, что, строя этотъ дворецъ, они строятъ тюрьму и гробницу своимъ потомкамъ? Время великій искушитель человѣческихъ дѣяній. Но,—увы!—оно мститъ слѣпо и омываетъ слезами и кровью женщины—жертвы трона—преступленія и притѣсненія двадцати поколѣній королей!

14.

Спустившись по ступенямъ широкой лѣстницы и пройдя двое большихъ воротъ, попадаешь въ проходъ, арки котораго выходятъ во дворъ, служащій мѣстомъ прогулки арестантовъ. Рядъ дубовыхъ дверей, окованныхъ желѣзомъ, съ массивными замками и засовами, тянется по лѣвую сторону вдоль всего этого коридора. Вторая дверь отъ воротъ вела въ маленькую комнату въ подземельѣ, полъ которой лежалъ ниже уровня коридора. Свѣтъ въ рѣшетчатое окно проникалъ изъ узкаго окруженнаго высокими стѣнами, какъ пустой колодезь двора. Изъ первой камеры налѣво дверь, еще болѣе низкая, чѣмъ первая, но безъ желѣзныхъ засововъ и обивки, выходила въ сводчатый склепъ, вымощенный и выложенный по стѣнамъ каменными плитами, почернѣвшими отъ дыма факеловъ и потрескавшимися отъ сырости. Небольшое окошечко, выходившее на тотъ же дворъ, какъ и окно въ первой комнатѣ и тоже съ рѣшеткой изъ переплетенныхъ желѣзныхъ прутьевъ, пропускало свѣтъ, похожій на сумерки. Нищенская кровать, стоявшая у стѣны противъ окна, безъ полога и балдахина, покрытая одѣяломъ изъ грубаго сукна, какія

употребляются въ госпиталяхъ и казармахъ и переходятъ съ одной кровати на другую, сосновый столъ и два соломенныхъ стула составляли всю мебель. Сюда-то среди ночи привезли королеву Франціи, пережившую цѣлый рядъ несчастій и спустившуюся изъ Версаля и Трианона до этой темницы. Два жандарма съ саблями наголо были поставлены на караулъ въ первой комнатѣ, дверь въ которую была открыта, лицомъ къ комнатѣ королевы, и получили приказъ не терять ее никогда изъ виду, даже во время ея сна.

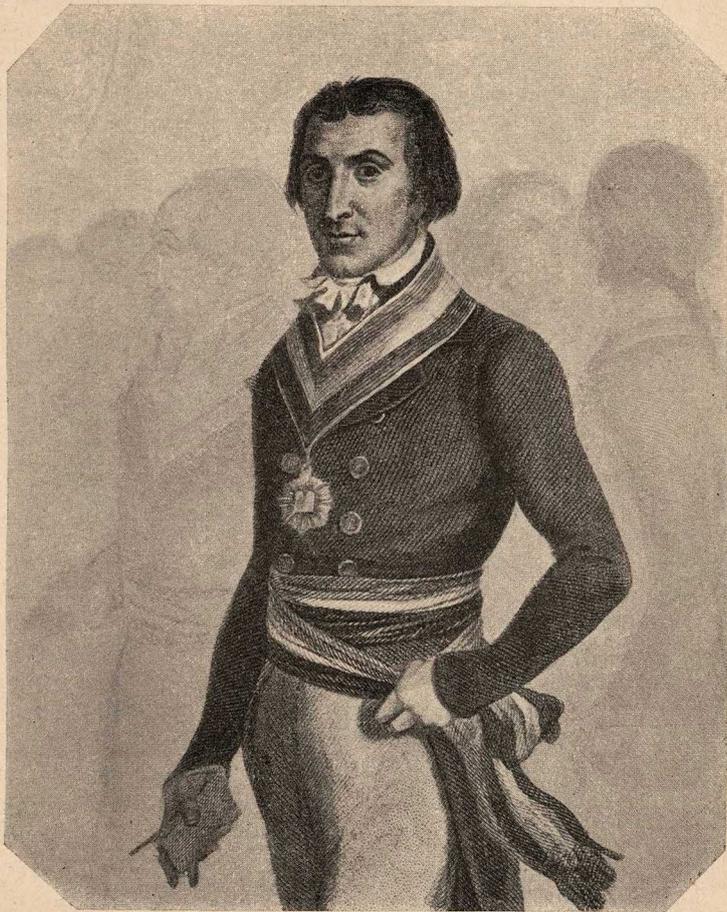
15.

Но человѣческое жестокосердіе не всегда находитъ неумолимое орудіе. Даже въ тюрьмахъ можно встрѣтить состраданіе. Почтительный жестъ, сочувственный взглядъ и звукъ голоса, невзначай брошенное слово даютъ понять жертвѣ, что она не окончательно исключена изъ человѣческой семьи. Это общеніе съ тѣмъ, что дышетъ и чувствуетъ на землѣ, даетъ несчастному силу переносить свои страданія до послѣдняго своего часа. Королева встрѣтила это сочувствіе, скрывавшееся подъ строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей, въ госпожѣ Ришаръ, женѣ тюремнаго привратника. вмѣсто оскорбленій королева встрѣтила участіе съ ея стороны. Всѣ облегченія, допускаемыя строгостью тюремнаго устава въ пищѣ и содержаніи, были сдѣланы госпожей Ришаръ, желавшей показать узницѣ, что даже среди своихъ несчастій она властвуетъ надъ однимъ сердцемъ, возбуждая въ немъ состраданіе и преданность.

Госпожа Ришаръ, роялистка по своему образу мыслей, не гордилась тѣмъ, что въ ея власти находилась дочь, жена и мать королей, а скорѣе радовалась, что можетъ осушить ея слезу. Она принесла въ тюрьму кое-какую мебель, необходимую или могущую доставить пріятность королевѣ. Она отправила въ Тамплъ за вышиваніемъ, мотками шерсти и иголками, которые Марія-Антуанета оставила тамъ. Эти рукодѣлія, занимая руки, разсѣивали печаль королевы. Госпожа Ришаръ сама готовила кушанья для узницы. Она ежеминутно, подъ предлогомъ исполненія своихъ обязанностей, приходила узнавать, не нужно ли чего-нибудь заключенной, вставляла нѣсколько сочувственныхъ и вселяющихъ надежду словъ и всячески старалась разсѣять ея одиночество днемъ и безсонницы ночью. Она приносила королевѣ извѣстія о ея сестрѣ, дочери и сынѣ, которыя получала, переписываясь съ Тамплемъ. При посредствѣ соумышленныхъ комиссаровъ она передавала свѣдѣнія о королевѣ ея сестрѣ и дѣтямъ. Привратникъ Ришаръ, казавшійся съ виду строгимъ, чтобы лучше скрыть свое соучастіе, раздѣлялъ чувства жены и помогалъ ей во всѣхъ облегченіяхъ участіи королевы.

16.

Никому не было извѣстно, когда долженъ состояться судъ надъ Маріей-Антуанетой. Эта отсрочка Комитета общественнаго спасенія заставляла надеяться, что онъ хотѣлъ обмануть жестокое нетерпѣніе черни и надѣялся, что время успокоитъ ее. Нѣсколько муниципальныхъ чиновниковъ тайно принимали участіе въ заговорахъ о бѣгствѣ. Госпожа Ришаръ содѣйствовала, чтобы

Бриссо.

провести въ тюрьму этихъ преданныхъ людей. Во время ихъ быстрыхъ переговоровъ она ловко отвлекала вниманіе жандармовъ, стоявшихъ въ первой комнатѣ. Мишонисъ, членъ муниципалитета и вмѣстѣ съ тѣмъ чиновникъ полиціи, служившій уже королевской семьѣ съ опасностью для собственной жизни въ Тамилѣ, продолжалъ выказывать ту же преданность во время пребыванія королевы въ Консьержери. Есть благородныя натуры, которыхъ привлекаютъ несчастія и увлекаютъ опасности. Къ числу ихъ принадлежалъ Мишонисъ, а также Лепитръ и Туланъ.

Благодаря Мишонису въ тюрьму проникъ преданный роялизму дворянинъ по имени Ружевиль, увидаль королеву и передалъ ей цвѣтокъ, съ спрятанной въ немъ запиской. Записка эта, въ которой сообщали о намѣреніи освободить ее, была выхвачена изъ рукъ королевы однимъ изъ жандармовъ. Мишонисъ былъ арестованъ. Госпожа Ришаръ и ея мужъ, отставленные отъ должностей, были заключены въ ту же тюрьму, куда они допустили проникнуть снисхожденіе. Королева почувствовала трепеть.

Но и на этотъ разъ нашлось благородное сердце, смягчавшее оскорбленія, которыя Геберъ и Шометтъ приказали причинять своей жертвѣ. Не нашлось ни одной женщины, которая предложила бы себя быть орудіемъ пытки для другой женщины, столь высокаго происхожденія, но униженной такъ сильно.

Подумали было назначить надсмотрщикомъ тюрьмы жестокаго Симона. Господинъ и госпожа Бо, служившіе прежде въ тюрьмѣ Ла-Форезъ, хлопотали о мѣстѣ въ Консьержери и получили его. Цѣлью ихъ было облегчить участь и усладить послѣдніе часы ихъ бывшей госпожи. Принцесса, покровительствовавшая имъ во времена своего всемогущества, была рада встрѣтить знакомыя лица и дружественныя сердца.

Госпожа Бо, вопреки приказаніямъ Коммуны давать королеву только хлѣбъ и воду, какъ получали все заключенные, сама приготавливала ей пищу. Вмѣсто вонючей воды изъ Сены, королеву ежедневно приносили свѣжую аркельскую воду, которую королева привыкла пить въ Трианонѣ. Торговцы цвѣтовъ и плодовъ Рынка, бывшіе нѣкогда поставщиками королевскаго дома, тайкомъ приносили дыни, персики и букеты къ воротамъ тюрьмы, а привратница передавала все это узницѣ, какъ знаки преданности, сохранившейся у людей несмотря на скромное ихъ положеніе. Такимъ образомъ камера тюрьмы напоминала заключенной отчасти тѣ сады, которые она такъ любила. Госпожа Бо, чтобы показать, какъ велика ея честность и неподкупность въ исполненіи обязанностей, никогда не входила въ комнату принцессы. Только мужъ ея входилъ туда въ сопровожденіи полицейскихъ надзирателей. Эти полицейскіе замѣтили однажды, что надъ кроватью на стѣну повѣсили старый коверъ, чтобы не дуло отъ стѣны. Они сдѣлали выговоръ Бо за такое ослабленіе. Но послѣдній оправдался тѣмъ, что онъ приказалъ повѣсить коверъ будто бы для того, чтобы стоны узницы не были слышны другимъ заключеннымъ.

Отъ сырости расплзлись въ клочья оба платя, которыя были оставлены королеву—одно бѣлое, другое черное—и которыя она носила попеременно. Три рубашки, чулки, башмаки, постоянно пропитанныя сыростью, пришли въ такое же состояніе. Дочь госпожи Бо чинила одежду и обувь королевы и раз-

давала, какъ реликвию, ключья, отрывавшіеся отъ нихъ. Эта молодая дѣвушка, ежедневно приходившая въ тюрьму, смягчала своею граціей и веселостю грубость жандармовъ; она помогала королевѣ одѣваться, оправлять постель и причесывала ее. Когда-то густые бѣлокурые волосы тридцатисемилѣтней королевы посѣдѣли и начали сильно выпадать, какъ будто природа предвидѣла, что жизнь ея продолжится недолго.

17.

Королева записывала на штукатуркѣ стѣны кончикомъ шпильки свои мысли. Одинъ изъ комиссаровъ, посѣтившій ея комнату послѣ казни, списалъ нѣкоторыя изъ этихъ записей. Большею частію это были нѣмецкіе или итальянскіе стихи, намекавшіе на ея судьбу. Трогательна и славна судьба поэтовъ, въ произведеніяхъ которыхъ находятъ откликъ всѣ несчастія и удачи! какъ будто ни одно счастье или горе не могутъ быть полными, если не будутъ выражены на этомъ языкѣ безсмертія!

Остальныя надписи были взяты изъ стиховъ „Подражанія“, Псалмовъ и Евангелія. Ими была покрыта вся стѣна, противоположная окну. Это были каменные страницы книги ея страданій. Одинъ изъ комиссаровъ пожелалъ списать ихъ; но его сотоварищи приказали немедленно выбѣлить стѣну, чтобы вопль души королевы не нашелъ отклика въ республикѣ.

Небольшія послабленія заключенія не могли простираться настолько, чтобы уничтожить мракъ, неподвижность и полный недостатокъ въ обстановкѣ тюрьмы. Когда королева попросила дать ей вмѣсто тяжелаго суконнаго одѣяла болѣе легкое бумажное и Бо передалъ эту просьбу генеральному прокурору, то Геберъ грубо отвѣтилъ ему: „Какъ ты смѣешь просить объ этомъ? Ты заслуживаешь того, чтобы тебя отправили на гильотину!“

Королева не могла въ присутствіи жандармовъ выразить свою признательность за заботливость, оказываемую ей. Однажды она попробовала сунуть въ руку господина Бо локонъ волосъ и пару перчатокъ. Жандармы перехватили все это и отнесли этотъ подозрительный подарокъ Фуке-Тенвиллю, который самолично передалъ его Робеспьеру.

Королева изыскивала всевозможныя средства, чтобы оставить послѣ смерти своимъ дѣтямъ и друзьямъ какое-нибудь вещественное доказательство того, что она думала о нихъ до самой смерти. Она вырывала одну за другой шерстяныя нитки изъ стараго ковра, висѣвшаго у нея надъ кроватью, и при помощи двухъ зубочистокъ, обращенныхъ въ визальныя спицы, вязала изъ нихъ подвязку; когда она была окончена, она сдѣлала знакъ Бо и бросила ее къ его ногамъ. Бо притворился, что уронилъ носовой платокъ, нагнулся поднять его и такимъ образомъ скрылъ подвязку отъ взоровъ жандармовъ. Это послѣднее трогательное руководіе королевы, пропитанное ея слезами, послѣ ея смерти было передано ея дочери.

Въ послѣдніе дни заключенія привратникъ, подъ предлогомъ большей гарантіи его отвѣтственности, добился того, что жандармы были удалены изъ комнатъ и поставлены у наружной двери. Королевѣ не приходилось уже страдать отъ ихъ оскорбительныхъ взглядовъ и постоянного соглядатайства. Она

осталась наединѣ съ своими мыслями. Она проводила время въ чтеніи, размышленіяхъ и молитвѣ. Нѣкоторое развлеченіе доставляли ей и вѣсти, доставшія до нея извнѣ. Несмотря на присутствіе жандармовъ, стоявшихъ на часахъ, сострадательные заключенные, проходившіе по двору, громко разговаривали между собою объ общественныхъ новостяхъ и такимъ образомъ косвенно сообщали нѣкоторыя вѣсти королевѣ. Такимъ образомъ она заранѣе узнала, въ какой день она предстанетъ предъ судомъ.

18.

13-го октября Фукке-Тенвилль явился къ королевѣ, чтобы прочесть ей обвинительный актъ. Она выслушала его какъ извѣстную формальность приговора къ смерти, которую не стоило и оспаривать. Преступленіе ея состояло въ томъ, что она была королевой, женой и матерью короля и ненавидѣла революцію, отнявшую у нея корону, супруга, дѣтей и жизнь. Чтобы любить революцію, ей пришлось бы возненавидѣть природу и попать въ себѣ все человѣчскія чувства. Между нею и республикой была не тяжба, а смертельная ненависть. Сильнѣйшая сторона карала болѣе слабую. Это было не правосудіе, а месть. Королева знала это, женщина покорялась; она не могла раскататься и не хотѣла молить о пощадѣ.

Она выбрала для формы двухъ адвокатовъ: Шово-Лагарда и Тронсона-Дюкудре. Эти адвокаты, молодые, пользовавшіеся извѣстностью, благородные, тайно добивались этой чести. Они искали въ торжественныхъ процессахъ революціоннаго суда не низкой награды за свои рѣчи, но одобренія потомства. Однако остатокъ инстинкта жизни, заставляющій умирающаго цѣпляться за призракъ спасенія, занималъ королеву весь остальной день и всю слѣдующую ночь. Она записала нѣсколько отвѣтовъ на вопросы, которые должны были быть предложены ей во время допроса.

На другой день, 14-го октября, въ полдень, она причесалась и одѣлась настолько прилично, насколько позволяли ей простота и бѣдность ея одежды. Она не желала выставлять на показъ лохмотья, которые заставили бы покраснѣть республику. Она не хотѣла разжалобить народъ. Достоинство женщины и королевы не допустили, чтобы она драпировалась въ нищету.

Окруженная сильнымъ отрядомъ жандармовъ она поднялась по лѣстницѣ, которая вела въ залу суда, прошла среди толпы народа, привлеченнаго въ коридоры такой торжественной мезью, и сѣла на скамьѣ подсудимыхъ. Ея чело, пораженное революціей и поблекшее отъ горя, было спокойно, и она не казалась смущенной. Глаза, окруженные синими кругами, слѣдами безсонницъ и слезъ, еще бросали лучи своего прежняго блеска на лица враговъ. Хотя красота ея, когда-то опянявшая дворъ и ослѣплявшая Европу, уже исчезла, но слѣды ея все еще были видны. Морщины, оставленныя долгими страданіями около рта, едва скрывали складки королевской горести. Природная свѣжесть лица уроженки Сѣвера все еще просвѣчивала сквозь синеватую блѣдность— послѣдствіе тюремнаго заключенія. Ея волосы, посѣдѣвшіе отъ страданій, составляли контрастъ съ моложавымъ лицомъ и стройнымъ станомъ и падали на шею, какъ горькая и преждевременная насмѣшка судьбы надъ моло-

достью и красотой. Ея манера держать себя была вполне естественна; она держала себя не как королева, раздраженная до глубины души униженіемъ, въ которое повергъ ее торжествующій народъ, и не какъ просительница, старающаяся разжалобить глубиной своего униженія и вымолить прощеніе возбуждая состраданіе, но какъ жертва, привыкшая во время своихъ продолжительныхъ страданій къ своему положенію, забывшая, что она королева, и помнящая только, что она женщина, не желающая требовать ничего назадъ изъ своего прошлаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не намѣревающаяся отречься отъ достоинства своего пола и своего несчастія.

19.

Толпа, безмолвствовавшая скорѣе изъ любопытства, чѣмъ отъ состраданія, жадно разсматривала ее. Повидимому, чернь радовалась, что держитъ наконецъ въ своей власти эту гордую женщину, и измѣряла свое величіе и силу паденіемъ своего самаго грознаго врага. Эта толпа состояла главнымъ образомъ изъ женщинъ, поставившихъ себѣ обязанностью осыпать проклятіями осужденныхъ на эшафотъ. Судьями были: Германнь, Фуко, Селье, Коффингалъ, Деліежъ, Рагме, Мэръ, Денизо и Массонъ. Предсѣдательствовалъ Германнь.

„Ваше имя?“ спросилъ Германнь у обвиняемой. — „Марія - Антуанета Австрійско - Лотарингская“, отвѣтила королева. Ея тихій, взволнованный голосъ, казалось, просилъ присутствовавшихъ простить за величіе этихъ именъ: „Ваше общественное положеніе?“ — „Вдова Людовика, бывшаго короля французовъ“. — „Сколько вамъ лѣтъ?“ — „Тридцать семь“. Фуке-Тенвилль прочиталъ обвинительный актъ. Онъ содержалъ въ себѣ краткое перечисленіе всѣхъ преступленій королевы. Королевѣ вмѣнялось въ преступленіе то, что она чужестранка, ея высокое происхожденіе и положеніе при дворѣ, обожавшемъ ее, гдѣ она царила благодаря слабости короля, а также и то, что она не раздѣляла идей, которыхъ не понимала, и противилась учрежденіямъ, лишившимъ ее трона. Эта часть обвинительнаго акта являлась обвинительнымъ актомъ судьбы. Эти преступленія дѣйствительно существовали въ глазахъ ея враговъ, но они были преступленіями, свойственными лицамъ, занимающимъ одно положеніе съ нею. Королева не могла оправдаться въ нихъ такъ же, какъ народъ не могъ обвинить ее въ нихъ. Остальная часть обвинительнаго акта была гнуснымъ эхо всѣхъ слуховъ и ропота неудовольствія, которые въ теченіе десяти лѣтъ распространялись въ обществѣ: обвиненія въ расточительности, предполагаемомъ развратѣ и измѣнѣ королевы. Ея непопулярности былъ приданъ характеръ преступленія. Она выслушала все это безъ малѣйшаго волненія или удивленія, какъ женщина, привыкшая къ ненависти, для которой обвиненіе потеряло свою горечь, а оскорбленіе силу. Она разсѣянно перебирала пальцами по ручкѣ кресла, точно старалась вспомнить мотивъ подбирая его на клавишахъ рояля. Она слушала голосъ Фуке-Тенвилля, но не слыхала его словъ.

Свидѣтели были вызваны и допрошены. Послѣ каждаго показанія Германнь обращался съ вопросами къ обвиняемой. Она отвѣчала спокойно и кратко

возражала противъ показаній, опровергая ихъ. Единственно, что можно было бы имѣть противъ этой защиты—это то, что она защищала самое себя.

20.

Многіе изъ свидѣтелей были приведены изъ тюремъ, гдѣ они уже были заключены, и напомнили королевѣ прежніе дни; впрочемъ они и сами были растроганы, увидавъ королеву Франціи въ такомъ униженіи. Къ числу ихъ принадлежали: Мануэль, обвиненный въ челоуѣколюбивомъ обращеніи въ бытность его въ Тамплѣ и гордившійся этимъ обвиненіемъ; Байльи, съ большимъ почтеніемъ относившійся къ королевѣ во время ея униженія, нежели въ дни ея могущества. Отвѣты Маріи-Антуанеты не скомпрометировали никого. Она отдавала себя одну на мѣсть своихъ враговъ и великодушно покрывала всѣхъ своихъ друзей. Каждый разъ, когда во время процесса она упоминала имена принцессы Ламбаль и герцогини Полиньякъ, самыхъ близкихъ своихъ друзей, въ голосѣ ея слышались трогательная грусть и уваженіе къ этимъ именамъ. Она старалась дать понять, что сохранить эти чувства до самой смерти и что, отдавая свою жизнь во власть народа, она не отдастъ ему на поруганіе своего сердца.

Нѣкоторые безстыдныя обвиненія имѣли цѣлью опорочить въ ней даже чувство матери. Циникъ Геберъ, допрошенный въ качествѣ свидѣтеля о томъ, что происходило въ Тамплѣ, дошелъ до того, что обвинилъ королеву въ дѣйствіяхъ разврата и разгула, клонившихся къ растлѣнію ея собственнаго сына, „для того, говорилъ онъ:—чтобы ослабить ребенка нравственно и физически и властвовать самой его именемъ вслѣдствіе его умственного разстройства“. Набожная принцесса Елизавета была выставлена какъ свидѣтельница и соучастница этихъ гнусностей, и у Гебера хватило совѣсти вынудить признаніе въ этомъ у неопытнаго и невиннаго семилѣтняго ребенка!.. При этихъ словахъ раздался ропотъ всеобщаго негодованія присутствовавшихъ противъ обвинителя. Оскорбленная природа возмутилась. Королева жестомъ выразила свой ужасъ, не зная, какъ отвѣтить, чтобы не осквернить своихъ устъ. Одинъ изъ присяжныхъ повторилъ показаніе Гебера и спросилъ обвиняемую, почему она, не возражаетъ на обвиненіе. „Я не возражала, сказала она съ величавымъ простодушіемъ и стыдливымъ негодованіемъ:—потому что есть обвиненія, на которыя природа отказывается отвѣчать“. Потомъ, обратившись къ женщинамъ, находившимся въ залѣ и наиболее возбужденнымъ противъ нея, она, взывая къ ихъ сердцу и полу, вскричала: „Я зываю ко всѣмъ здѣсь присутствующимъ матерямъ!“ Ропотъ негодованія противъ Гебера пронесся въ толпѣ.

Съ меньшимъ достоинствомъ отвѣтила королева на обвиненіе въ томъ, что она злоупотребляла своимъ вліяніемъ надъ слабостью своего мужа. „Я никогда не замѣчала, чтобы у него былъ такой характеръ, сказала она:—я была только его женой, и моя обязанность и счастье состояли въ томъ, чтобы сообразоваться съ его волей“. Она не помрачила ни однимъ словомъ памяти и чести короля ради собственнаго оправданія или изъ гордости, что царствовала подъ его именемъ. Она хотѣла, чтобы память о немъ была почитаема или отомщена Небомъ.

По окончаніи долго длившихся преній, Германнь резюмировала обвиненіе и объявилъ, что весь французскій народъ высказывается противъ Маріи-Антуанеты. Онъ требовалъ наказанія какъ возмездія, соответствующаго преступленіямъ, и поставилъ присяжнымъ вопросы о виновности. Шово-Лагардъ и Тронсонъ-Дюкудре растрогали своей защитой потомство, но не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на слушателей и на судей. Присяжные совѣщались для формы и вернулись въ залу послѣ часового перерыва. Королеву пригласили выслушать приговоръ. По радостнымъ восклицаніямъ толпы, наполнявшей дворецъ Правосудія, она заранѣе догадалась о сущности приговора.

Она выслушала его, не произнеся ни одного слова и не сдѣлавъ ни малѣйшаго движенія. Германнь спросилъ ее, не имѣетъ ли она возразить что-либо противъ вынесеннаго ей смертнаго приговора. Она отрицательно покачала головой и встала, какъ бы для того, чтобы самой идти на казнь. Она гнушалась упрекать судьбу въ суровости, а народъ — въ жестокости. Умолять значило признать свою вину, жаловаться — значило унижаться. Плакать — ронять свое достоинство. Она облеклась въ молчаніе — послѣднее, что оставалось у нея неприкосновеннымъ. Жестокіе апплодисменты сопровождали ее до послѣднихъ ступеней лѣстницы, ведшей изъ залы суда въ тюрьму.

Первые дневные лучи боролись подъ сводами со свѣтомъ факеловъ, которыми жандармы освѣщали ей путь. Было четыре часа утра. Начинался послѣдній день ея жизни. Въ ожиданіи часа казни, ее помѣстили въ зловѣщую залу, гдѣ осужденные на смерть ожидаютъ палача. Она попросила у привратника чернила, бумаги и перо и написала сестрѣ письмо слѣдующаго содержанія, найденное впоследствии въ бумагахъ Кутона, которому Фукъ-Тенвилль поднесъ его въ даръ какъ интересный предсмертный документъ и реликвию королевской власти.

15-го октября, въ четыре съ половиною часа утра.

„Вамъ, сестра моя, я пишу въ послѣдній разъ. Меня только что приговорили къ смерти, но не постыдной: она позоритъ только преступниковъ, меня же она соединитъ съ вашимъ братомъ. Невинная, какъ и онъ, я надѣюсь выказать такую же твердость, какую выказалъ онъ въ послѣднія минуты своей жизни. Мнѣ глубоко жаль покинуть моихъ бѣдныхъ дѣтей; вы знаете, что я жила только для нихъ и для васъ — для васъ, веѣмъ пожертвовавшей изъ дружбы къ намъ, чтобы остаться съ нами. Въ какомъ положеніи я васъ оставляю. Изъ защитительной рѣчи на судѣ я узнала, что мою дочь разлучили съ вами. Увы! Бѣдный ребенокъ, я не рѣшаюсь писать ей; она не получила бы моего письма, я не увѣрена даже, дойдетъ ли къ вамъ это мое письмо. Передайте имъ обоимъ мое благословеніе. Надѣюсь, что наступитъ время, когда они будутъ старше, и имъ удастся соединиться съ вами и они на свободѣ будутъ наслаждаться вашими нѣжными попеченіями о нихъ. Пусть они оба помнятъ то, что я постоянно внушала имъ. Пусть дружба и взаимное довѣріе составляютъ ихъ счастье. Пусть дочь моя чувствуетъ, что въ томъ возрастѣ, въ которомъ она находится теперь, она обязана помогать своему брату совѣ-

тами, какъ ей подскажетъ ея опытность и дружба къ нему. А сынъ мой, въ свою очередь, долженъ заботиться о сестрѣ и оказывать ей услуги, которыя внушитъ ему дружеское чувство къ ней. Пусть они оба чувствуютъ, что, въ какомъ бы положеніи они ни находились, они могутъ быть совершенно счастливы только тогда, когда будутъ друзьями между собою.

„Пусть они возьмутъ примѣръ съ насъ. Сколько утѣшеній дала намъ во время нашихъ несчастій наша дружба, счастьемъ же мы наслаждаемся вдвойнѣ, если можемъ раздѣлить его съ другомъ; а гдѣ найдешь большую нѣжность и большую близость, какъ не въ собственной семьѣ? Пусть сынъ мой никогда не забываетъ послѣднихъ словъ своего отца, которыя я повторяю исключительно для него: „Пусть онъ никогда не пытается метить за нашу смерть“.

„Я должна написать вамъ объ одномъ чрезвычайно прискорбномъ для меня обстоятельстве. Я знаю, сколько горя причинилъ вамъ этомъ ребенокъ. Простите его, дорогая моя сестра; вспомните его возрастъ и какъ легко заставить ребенка сказать то, что хочешь и чего онъ не понимаетъ. Настанетъ время, я увѣрена, когда онъ лучше оцѣнитъ вашу доброту и нѣжность къ нимъ обоимъ. Мнѣ остается еще повѣрить вамъ свои послѣднія мысли. Я хотѣла написать ихъ еще въ началѣ процесса; но помимо того, что мнѣ не разрѣшили писать, процессъ велся съ такой поспѣшностью, что у меня рѣшительно не было на это времени. Я умираю въ католической вѣрѣ, апостолической и римской, въ вѣрѣ моихъ отцовъ, въ которой была воспитана и которую всегда исповѣдывала, не ожидая ни откуда нравственнаго утѣшенія и не зная, существуютъ ли еще здѣсь священники этой религіи, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ я нахожусь теперь, они подвергались бы большой опасности, если бы явились какъ-нибудь сюда. Я отъ всего сердца прошу у Бога прощенія во всѣхъ грѣхахъ, которыя совершила съ тѣхъ поръ, какъ живу на свѣтѣ. Я надѣюсь, что Онъ, по милосердію Своему, исполнитъ мои послѣднія мольбы, а также и мое всегданнее прошеніе, чтобы Онъ принялъ душу мою по Своему милосердію и благодати. Я прошу прощенія у всѣхъ, кого знаю, а у васъ, сестра моя, въ особенности, въ огорченіяхъ, которыя я причинила вамъ по своему невѣднію. Прощаю всѣмъ своимъ врагамъ все то зло, которое они мнѣ сдѣлали. Прощаюсь съ моими тетками и всѣми моими братьями и сестрами. У меня были друзья; мысль, что я расстаюсь съ ними навсегда, и ихъ несчастія составляютъ одну изъ самыхъ сильныхъ горестей, которыя я уношу съ собою въ могилу; пусть они по крайней мѣрѣ знаютъ, что я думала о нихъ до послѣдней минуты своей жизни. Прощайте, дорогая и нѣжная сестра моя! Хотъ бы это письмо дошло до васъ! Не забывайте меня! Обнимаю васъ отъ всего сердца такъ же, какъ и бѣдныхъ, дорогихъ дѣтей... Боже мой! какъ грустно разставаться съ ними навѣки! Прощайте!.. прощайте!.. Теперь я должна заняться исключительно своими духовными обязанностями. Такъ какъ я не свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, то мнѣ приведутъ, быть можетъ, священника; но я обѣщаю, что не скажу ему ни слова и обойдусь съ нимъ какъ съ человѣкомъ, совершенно для меня чужимъ“.

Окончивъ письмо, она нѣсколько разъ поцѣловала каждую страницу, какъ будто онѣ должны были передать дѣтямъ теплоту ея губъ и ея слезы. Затѣмъ она сложила письмо и, незачатывая, передала привратнику Бо, а тотъ передалъ его Фукье-Тенвиллю.

Писали, будто бы въ послѣднія минуты ея жизни ее поцѣтилъ неприсягнувшій священникъ и причастилъ по обряду католической религіи. Умирая, она не имѣла ни одного изъ тѣхъ утѣшеній, которыя придають силу въ послѣдней борьбѣ. Вотъ правдивый рассказъ, записанный со словъ очевидца о религиозныхъ обрядахъ, предшествовавшихъ казни королевы.

Республика, даже во время самыхъ жестокихъ своихъ дѣяній, не порывала, какъ полагають, окончательно общенія съ Богомъ, не обрывала связи человѣка съ религіей, а души съ безсмертіемъ. Она подчинила націи религиозный культъ, но не уничтожила ни его обрядовой стороны, ни платы за требы. Она сохранила прежній обычай уголовного суда—посылать къ осужденнымъ передъ казнью служителей религіи. Это были конституціонные священники. Парижскій епископъ Гоббель строго наблюдалъ за тѣмъ, чтобы подчиненные ему священники добросовѣстно совершали въ тюрьмахъ этотъ актъ милосердія. Увеличившееся число казней заставило его увеличить и число священниковъ, посвятившихъ себя этимъ обязанностямъ. Въ епископствѣ всегда было пять или шесть священниковъ, поочередно исполнявшихъ этотъ печальный долгъ.

Всякій разъ, когда революціонный судъ приговаривалъ къ смерти, предсѣдатель суда передавалъ списокъ осужденныхъ Фукье-Тенвиллю, а Фукье отсылала его епископу. Тотъ извѣщалъ священниковъ, которые распредѣлили между собою тюрьмы.

Та же самая формальность была соблюдена и относительно королевы. Но только величіе жертвы, ужасъ передъ исполненіемъ этой миссіи, страхъ связать свое имя предъ лицомъ исторіи съ однимъ изъ актовъ этого убійства, которое должно достигнуть до отдаленнаго потомства, наконецъ опасеніе, что разгнѣванный народъ не дастъ кортежу доѣхать до эшафота и вмѣстѣ съ королевой убьетъ и служителя алтаря, который будетъ сопровождать ее въ тѣлѣжкѣ, увѣренность, что эта женщина оттолкнетъ его, какъ она отказалась отъ всего, что исходило отъ революціи, до молитвъ ея включительно, заставило трусливыхъ священниковъ Гоббеля не торопиться исполнить эту обязанность относительно Маріи-Антуанеты. Они старались свалить другъ на друга эту обязанность.

Однако трое изъ нихъ все-таки явились въ Консьержери и смиренно предложили свои услуги королевѣ. Одинъ изъ нихъ былъ конституціонный священникъ Сень-Ландри, по имени Жираръ; второй—одинъ изъ викаріевъ парижскаго епископа; третій—эльзасскій священникъ, Лотрингеръ. Королева встрѣтила ихъ скорбѣ какъ предшественниковъ палача, нежели вѣстниковъ Христовыхъ. Расколъ, которымъ они себя запятнали, былъ въ ея глазахъ однимъ изъ позорныхъ поступковъ республики. Однако ихъ слова и сдержанность ихъ

обращенія тронули королеву. Она придала своему отказу отъѣнокъ признательности и сожалѣнія. «Благодарю васъ, сказала она аббату Жирану:—но моя религія запрещаетъ мнѣ принять прощеніе отъ Бога черезъ священника другого вѣроисповѣданія, кромѣ римскаго... между тѣмъ я въ немъ сильно нуждаюсь, прибавила она съ грустнымъ и покорнымъ смиреніемъ, какъ бы исповѣдуясь предъ нимъ не какъ передъ священникомъ, а передъ человѣкомъ:—потому что я великая грѣшница. Но я готовлюсь получить великое таинство». — Да, мученичество! тихо докончилъ священникъ церкви Сень-Ландри и, поклонившись, вышелъ.

Аббатъ Ламберъ, молодой человѣкъ съ благороднымъ лицомъ, съ осанкой скорѣе воина, чѣмъ духовнаго лица, истый республиканецъ, искренне вѣрующій, хотя вѣра его была подвергнута испытаніямъ въ эти бурныя времена, почтительно стоялъ въ отдаленіи за своими двумя собратіями. Онъ молча смотрѣлъ на искупительную жертву королевства въ лицѣ женщины и вышелъ, удивляясь тому, что слезы наполнили его глаза.

Аббатъ Лотрингеръ настаивалъ на желаніи оказать милосердіе королевѣ, что скорѣе походило на насиліе, чѣмъ на святое дѣло. Онъ былъ набоженъ по убѣжденію, хотѣлъ услужить отъ всей души, но былъ человѣкомъ ограниченнаго ума, смотрѣвшимъ на священство какъ на ремесло. Онъ исполнялъ свои обязанности съ тщеславнымъ рвеніемъ, стараясь причастить въ тюрьмахъ какъ можно большее число осужденныхъ и направить мысли ихъ къ Богу, сопровождая ихъ до подножія эшафота. Таковъ былъ единственный утѣшитель, котораго Провидѣніе послало въ послѣдніе часы жизни женщинѣ, больше всѣхъ на землѣ нуждавшейся въ утѣшеніи.

Однако назойливыя настаиванія аббата Лотрингера не могли смирить королеву и заставить ее склониться къ его ногамъ. Она молилась одна и исповѣдалась только Богу. У нея не было живой и спокойной вѣры, какъ у ея мужа, которая поддержала бы ее въ послѣднія минуты. Ея душа была скорѣе страстная, чѣмъ набожная. Атмосфера XVIII вѣка, которой она дышала, постоянныя свѣтскія развлеченія, а затѣмъ заботы трона и политическія интриги часто изгоняли религію изъ ея души, слишкомъ доступной для развлеченій свѣта, чтобы она могла сохранять постоянно мысль о Богѣ. Долгое время она исполняла религіозныя обязанности только ради приличія, изъ этикета, который требовало королевское достоинство и нарушеніе котораго соблазнило бы дворъ и ослабило тронъ. Она обратилась къ религіи только очутившись на дѣлѣ пропасти, во время постигшихъ ее несчастій. Примѣръ вѣры Людовика XVI и его сестры заразилъ и ея душу. Но эта вѣра, возбужденная подражаніемъ, никогда не достигала той твердости и степени блаженства, превращающихъ мракъ въ свѣтъ, а смерть въ апоѳеозъ. Однако Марія-Антуанета рѣшила умереть, какъ подобаетъ христіанкѣ, какъ умеръ ея мужъ и какъ жила обладавшая ангельской душой ея сестра, которую она оставляла вмѣсто матери своимъ дѣтямъ. Сестра ея тайно доставила ей утѣшеніе, которое она, въ своемъ благочестіи, считала необходимымъ для спасенія своей души. Въ одномъ изъ домовъ улицы Сень-Оноре, по которой обыкновенно проѣзжали

осужденные на казнь, долженъ былъ находиться въ то время, когда мимо будетъ проѣзжать королева, католическій священникъ и невидимо для народа преподать ей въ минуту казни разрѣшеніе отъ грѣховъ и благословеніе. Королева упала, что это невидимое таинство поможетъ ей умереть въ вѣрѣ своихъ предковъ и примирить ее съ Небомъ.

23.

Написавъ письмо и помолвившись, королева спокойно проспала нѣсколько часовъ. Когда она проснулась, дочь госпожи Бо одѣла ее и причесала съ большей тщательностью, чѣмъ обыкновенно. Марія-Антуанета сняла черное платье, которое носила со дня смерти мужа, и одѣла бѣлое въ знакъ того, что она примирилась съ землей и радуется тому, что идетъ на небо. Вѣлая косынка покрывала ее плечи, а бѣлый чепчикъ—волосы. Только черная ленточка, стягивавшая у волосъ чепчикъ, напоминала свѣту о ея траурѣ, ей самой о вдовствѣ, а народу объ убійствѣ, которое онъ готовится совершить.

Окна и парапеты, крыши и деревья были унижены народомъ. Толпа женщинъ, ненавидѣвшихъ „Австріячку“, тѣснилась у рѣшетки и во дворахъ. Тусклый, холодный осенній туманъ повисъ надъ Сеной и только тамъ и сямъ его прорѣзывали нѣсколько солнечныхъ лучей, падавшихъ на крыши Лувра и на башню дворца. Въ одиннадцать часовъ жандармы и палачи вошли въ залу осужденныхъ. Королева обняла дочь привратника, сама отрѣзала волосы, безропотно позволила связать себѣ руки и твердыми шагами вышла изъ Консьержери. Въ ней не замѣчалось ни женской слабости, ни замиранія сердца, ни дрожи, ни малѣйшей блѣдности. Природа подчинилась волѣ, которая напрягла всѣ свои силы, чтобы королева могла умереть достойно своего сана.

Спустившись съ лѣстницы во дворъ, она замѣтила телѣжку, къ которой направились жандармы. Она остановилась, какъ бы намѣреваясь вернуться обратно, и движеніемъ выразила удивленіе и ужасъ. Она думала, что народъ облечетъ свою ненависть въ болѣе приличную форму и что такъ же, какъ и короля, ее повезутъ на эшафотъ въ закрытой каретѣ. Но, подавивъ волненіе, она покорно опустила голову и взошла на телѣжку. Аббатъ Лотрингеръ, несмотря на ея возраженія, сѣлъ позади ея.

Кортежъ выѣхалъ изъ Консьержери при крикахъ: «Да здравствуетъ республика! Дорогу Австріячкѣ! Дорогу вдовѣ Капета! Долой тираннію!» Комедіантъ Граммонъ, адъютантъ Ронсена, подавалъ примѣръ и сигналъ этимъ крикамъ народа, размахивая обнаженной саблей и расталкивая толпу грудью лошади. Связанные руки королевы лишили ее опоры на тряской мостовой. Она съ трудомъ могла сохранить равновѣсіе и величіе осанки. „Это не Трианонскія подушки!“ кричали ей подлѣя созданія. Толпа оскорбляла ее смѣхомъ, взглядами, словами, жестами. Щеки ея то становились багровыми, то блѣднѣли какъ у мертвой и свидѣтельствовали о ея волненіи. Несмотря на то, что она позаботилась о своемъ туалетѣ, ветхость ея платья, грубое бѣлье, простая матерія, помятыя складки унижали ея достоинство. Волосы выбились у нея изъ-подъ чепчика и при ду-

новениі вѣтра били ее по вискамъ. Ея красныя, опухшіе глаза, хотя и сухіе теперь, показывали, что продолжительное горе заставляло ихъ проливать слезы. Минутами она закусывала нижнюю губу, какъ человекъ, старающійся подавить крикъ остраго страданія.

Когда она проѣхала мостъ Мѣняль и шумныя кварталы Парижа, тишина и серьезный видъ толпы свидѣтельствовали объ иномъ настроеніи у народа. Если это и не было состраданіе, то по крайней мѣрѣ было смущеніе. Лицо ея приняло снова спокойное и равнодушное выраженіе, которое измѣнило настроеніе толпы. Такимъ образомъ она медленно проѣхала по всей улицѣ Сентъ-Оноре. Священникъ, сидѣвшій рядомъ съ нею, тщетно старался привлечь ея вниманіе словами, которыя она повидимому рѣшила не слушать. Она смотрѣла на фасады домовъ, на республиканскія надписи, на костюмы и выраженіе лицъ жителей столицы, такъ сильно измѣнившейся въ продолженіе ея пятнадцати-мѣсячнаго заключенія въ тюрьмѣ. Особенное вниманіе она обращала на окна верхнихъ этажей, гдѣ развѣвались трехцвѣтные флаги—вывѣска патріотизма.

Народъ думалъ, а очевидцы записали, что ея легкомысленное и пустое вниманіе было привлечено этой внѣшней выставкой республиканизма. Однако мысли ея были далеко. Она искала глазами знака своего спасенія среди этихъ знаковъ своей гибели. Она приближалась къ дому, о которомъ ей сообщили въ то время, когда она была въ тюрьмѣ. Она старалась угадать, гдѣ находится то окно, откуда на ея голову должно было низойти разрѣшеніе отъ грѣховъ, данное передоцѣтымъ священникомъ. Она узнала его по знаку, незамѣченному толпой. Она закрыла глаза, склонила голову и сосредоточила свои мысли подъ благословлявшей ее невидимой рукой и, не будучи въ состояніи сдѣлать движенія связанными руками, трижды сдѣлала крестное знаменіе движеніемъ головы. Зрители думали, что она молится одна и съ почтеніемъ отвесилась къ ея молитвѣ. Радость и тайное удовлетвореніе съ этой минуты освѣтили ея лицо.

24.

Вѣхавъ на площадь Революціи, командующіе кортежемъ приказали, чтобы телѣжка держалась какъ можно ближе къ разводному мосту и остановились на минуту у сада Тюльери. Марія-Антуанета повернула голову къ своему бывшему дворцу и нѣсколько минутъ смотрѣла на ненавистную и дорогую арену ея величія и паденія. Нѣсколько слезинокъ скатились къ ней на колѣни. Все прошлое встало передъ нею въ часъ смерти. Послѣ нѣсколькихъ оборотовъ колесъ она была у подножія гильотины. Священникъ и палачъ помогли ей сойти съ телѣжки, поддерживая ее подъ руки. Она величественно поднялась по ступенямъ помоста. На эшафотѣ она нечаянно наступила на ногу палачу. Онъ вскрикнулъ отъ боли. „Извините меня“, сказала она палачу такимъ тономъ, точно обращалась къ одному изъ своихъ придворныхъ. Она опустила на минуту на колѣни, вполголоса прочла молитву, затѣмъ встала и сказала, смотря на башни Тампля: „Еще разъ прощайте, дѣти мои, я иду къ вашему отцу“. Она не пыталась подобно Людовику XVI оправдаться передъ

народомъ и разжалобить его. На лицѣ ея не было, какъ у ея мужа, отпечатка преждевременнаго блаженства праведника и мученика, но оно выражало презрѣніе къ людямъ и справедливое нетерпѣніе уйти скорѣе изъ этой жизни. Она не стремилась къ небу, а только хотѣла удалиться съ земли и, уходя оставляла ей свое негодованіе и упреки.

Палачъ, волновавшійся болѣе, чѣмъ она сама, дрожащей рукою отцѣпилъ топоръ. Голова королевы скатилась. Помощникъ палача схватилъ ее за волосы и, поднявъ правой рукою, обошелъ вокругъ эшафота, показывая ее народу. Продолжительный крикъ: „Да здравствуетъ республика!“ привѣтствовалъ это покрывшееся уже мертвенной блѣдностью лицо.

Революція считала себя отомщенной, хотя она только покрыла себя позоромъ. Эта кровь женщины омрачила ея славу, не упрочивъ ея свободы. Парижъ однако былъ менѣе взволнованъ этимъ убійствомъ, чѣмъ убійствомъ короля. Общественное мнѣніе притворилось, что относится равнодушно къ одному изъ самыхъ гнусныхъ убійствъ, покрывшихъ позоромъ республику. Это убійство королевы и чужестранки среди принявшаго ее народа не имѣло даже удовлетворенія трагическихъ смертей: угрызения совѣсти и сожалѣнія народа.

25.

Такъ умерла эта королева, легкомысленная въ счастіи, величественная въ несчастіи, безстрашная на эшафотѣ; кумиръ двора, низвергнутый народомъ, долгое время пользовавшаяся любовью, затѣмъ неудачный совѣтникъ королевской власти, потомъ личный врагъ революціи. Эту революцію она не могла ни предвидѣть, ни понять, ни примириться съ нею; она могла только раздражать ее и ненавидѣть. Она искала спасенія во дворѣ вмѣсто того, чтобы броситься къ народу. Народъ не справедливо обратилъ на нее всю ненависть, которою преслѣдовалъ прежній порядокъ. Онъ приписывалъ ей всѣ придворные скандалы и измѣны. Она властвовала надъ мужемъ благодаря своей красотѣ и уму, и народъ перенесъ на него свое враждебное отношеніе къ ней: она погубила короля своею любовью. Ея неустановившаяся политика, смотря по настроенію минуты, то робкая какъ отступленіе, то дерзкая, какъ успѣхъ, неумѣнье ни пойти вовремя на уступки, ни быть настойчивой, закончилась интригами съ эмиграціей и заграницей. Очаровательная и опасная, скорѣе баловень устарѣвшей монархіи, чѣмъ королева новой, она не пользовалась ни обаяніемъ прежней королевской власти—уваженіемъ, ни обаяніемъ новой—народной любовью. Она умѣла только очаровывать, заблуждаться и умереть. Извиняютъ ее недостаточно основательный умъ и заблужденія молодости, красота оправдываетъ, величіе ея мужества облагораживаетъ ее. Ее нельзя было осудить на эшафотъ, а можно только сожалѣть—что равносильно осужденію. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ, память о которыхъ обезоруживаетъ политическую строгость историка, вызываетъ состраданіе и которыхъ судятъ только такъ, какъ должно судить женщинъ—со слезами на глазахъ.

Какихъ бы взглядовъ ни держалась исторія, она вѣчно будетъ омывать слезами этотъ эшафотъ. Одна противъ всѣхъ, невинная благодаря своему полу,

священная благодаря имени матери, беззащитная женщина убита въ чужой землѣ народомъ, не умѣющимъ прощать ни молодости, ни красотѣ, ни существу, служившему предметомъ поклоненія! Призванная этимъ народомъ, чтобы занять тронъ, она даже не получила отъ него могилы, потому что мы читаемъ въ кладбищенской книгѣ Мадленъ: „За могилу вдовы Капета—7 франковъ“.

Вотъ итогъ жизни королевы и огромныхъ суммъ, издержанныхъ въ теченіе всего царствованія на блескъ, удовольствія и благодѣянія женщиной, которой принадлежали Версаль, Сентъ-Клу и Трианонъ. Когда Провидѣніе съ грубымъ краснорѣчіемъ хотеть сказать людямъ о превратностяхъ судьбы, оно однимъ знакомъ говоритъ болѣе, тѣмъ Сенека и Воссюеть въ своихъ блестящихъ рѣчахъ и записываетъ ничтожную сумму въ книгу могильщика.

XLVII.

Засѣданіе 3-го октября 1793 года въ Конвентѣ.—Докладъ Амара.—Постановленіе о преданіи суду жирондистовъ.—Семьдесятъ три депутата Равнины объявлены подозрительными и заключены въ тюрьму.—Процессъ двадцати одного жирондиста.—Приговоръ надъ ними.—Ихъ казнь.—Оцѣнка партіи Жиронды.

1.

Процессъ и смерть Маріи-Антуанеты, которыхъ мы не хотѣли прерывать, принуждаютъ насъ вернуться за нѣсколько недѣль назадъ, къ 3 октября, чтобы продолжать повѣствованіе объ участи жирондистовъ.

Со 2-го іюня, дня ихъ паденія и заключенія ихъ главныхъ ораторовъ, жирондисты были постоянно предметомъ нападокъ озлобленной парижской черни, ненасытной въ своей мести. Комитетъ общественной безопасности поручилъ Амару, одному изъ самыхъ неумолимыхъ своихъ членовъ, предать суду главныхъ предводителей этой партіи, арестованныхъ 31 мая, и декретировать обвиненіе семидесяти трехъ депутатовъ центра, подозрѣваемыхъ въ сочувствіи Жирондѣ, которые 6-го и 19-го іюля храбро всенародно заявили протестъ противъ жестокости толпы и насилія надъ народными представителями. Глубокая тайна окружала эту мѣру Комитета общественной безопасности. Онъ дѣйствовалъ такъ же, какъ судъ Десяти въ Венеціи, тайной и молчаніемъ успокаивая жертвы изъ боязни, чтобы онѣ не ускользнули отъ него.

2.

3-го октября, въ чудное осеннее утро, какія располагаютъ людей къ небесному спокойствію и созерпанію послѣднихъ хорошихъ дней умирающаго времени года, семьдесятъ три депутата центра, постоянно угрожаемые и безпокойные остатки партіи Ролана, Верньо и Бриссо, отправились на засѣданіе Конвента. Ихъ поразило необычное появленіе вооруженной силы вокругъ Тюльери. Мѣста, предназначенныя въ залѣ для публики, были переполнены. Глухое волненіе, нетерпѣнныя ожиданія выражалось въ разговорахъ, движеніяхъ, на лицахъ. Депутаты, медленно направлявшіеся къ своимъ мѣстамъ, казалось, были чѣмъ-то подавлены. Можно было предположить, что Гора и народъ знали, какая трагическая сцена подготавлилась. Семьдесятъ три, ничего не понимая, смотрѣли другъ на друга и спрашивали себя въ недоумѣніи, на какой еще новый актъ тираніи ночь вдохновила комитетъ.

3.

Депутатъ Горы всталъ со скамьи, вошелъ на трибуну и заявилъ, что докладчикъ Комитета всеобщей безопасности, Амаръ, прочтетъ свой докладъ по поводу жирондистовъ, арестованныхъ 8-го юня. Чтобы успокоить не терпѣніе присутствовавшихъ, депутатъ указалъ движеніемъ руки на докладъ, заранѣе положенный на трибуну, и началъ быстро перелистывать подлинныя документы, содержавшіе жизнь или смерть—что оставалось пока неизвѣстнымъ—столькихъ обвиняемыхъ. Вскорѣ явился и самъ Амаръ. Онъ принадлежалъ къ числу людей—умѣренныхъ въ мирное время, когда умѣренность не грозитъ опасностью, и искушающимъ подобострастіемъ и жестокостью свою прежнюю умѣренность во времена смуты. Амаръ, бывшій адвокатъ въ Греноблѣ, вначалѣ былъ противникомъ Горы. Потому онъ старался умилостивить ее, предоставляя ей возможность наказывать виновныхъ, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣнія и месть. Его длинный, полный клеветы докладъ представлялъ собою сводъ всѣхъ противорѣчивыхъ слуховъ, распущенныхъ противъ жирондистовъ ихъ врагами, и требовалъ въ заключеніи:

1) Объявить виновными въ злоумышленіи противъ единства и нераздѣльности республики депутатовъ Бриссо, Верньо, Жансонне, Лозъ де-Пере, Карра, Малево, Гардьена, Дюфришъ-Валазе, Валле, Дюпра, Силлери, Кондорсе, Фоше, Понтекулана, Дюко, Бойе-Фонфреда, Ласурса, Лестерна-Бове, Инара, дю-Шателя, Дюваля, Деверитэ, Менвиля, Делагэ, Баннэ, Лаказа, Мазюэ, Савари, Гамона, Легарди, Буало, Руэ, Антибуля, Брессона, Ноэля, Кутара, Андреи (изъ Корсики), Гранжнёва, Виже, наконецъ Филиппа Эгалите (бывшаго герцога Орлеанскаго), о которомъ, казалось, забыли, но имя котораго было внесено въ списокъ по требованію Билло-Варенна, принятому единогласно.

2) Объявить измѣнниками отечеству, согласно предыдущему декрету, изданному въ юль мѣсяцъ, бѣжавшихъ депутатовъ Жиронды: Бюзо, Барбару, Горза, Ланжюине, Салля, Луве, Бергуина, Петіона, Гаде, Шассэ, Шамбона, Лидона, Валади, Кервелегана, Генриха Ларивьера, Рабо Сентъ-Этьена, Лесажа, Кюсси, Мельяна и Бирото.

По прочтеніи этихъ двухъ пунктовъ, докладчикъ замолчалъ. Члены центра, политическіе соумышленники депутатовъ Жиронды, арестованныхъ и осужденныхъ, вздохнули свободно. Они вообразили, что ихъ забыли или помиловали. Изъ докладовъ ихъ сотоварищей по комитету они не могли заключить, что мечъ висѣлъ такъ близко надъ ихъ головами. Они съ горечью рѣшились осудить и приговорить къ казни главарей партій, которыхъ они не могли уже спасти. Они старались спрятаться и скрыться въ темныхъ рядахъ Конвента: они были безмолвны изъ страха, чтобы народъ, услыхавъ, что о нихъ говорятъ, не вспомнилъ, что они оскорбили его и все еще живы! При первыхъ фразахъ доклада Амара, нѣкоторые изъ нихъ незамѣтно вышли изъ залы, боясь, чтобы огромная сѣть обвиненій, раскинутая однимъ изъ представителей Комитета всеобщей безопасности, не захватила и ихъ, на ихъ скамьяхъ; другіе же остались на своихъ мѣстахъ и мысленно одобряли себя за то, что не возбудили подозрѣнія преждевременнымъ бѣгствомъ.

Но этот самообман длился всего нѣсколько минутъ. Амарь равнодушно взялъ листы второй половины своего доклада; прежде чѣмъ начать читать его, онъ объявилъ только что постановленный декретъ Конвента, чтобы двери залы были немедленно заперты и чтобы никто не смѣлъ выйти даже изъ тѣхъ, кто находился на трибунахъ. Подозрѣваемые подали голосъ за этотъ неожиданный декретъ вмѣстѣ съ остальными изъ боязни обнаружить свой страхъ. Амарь продолжалъ: „Тѣ изъ подписавшихся подъ протестами 6-го и 19-го іюня (противъ постановленія 31-го мая объ изгнаніи жирондистовъ), которые не преданы революціонному суду, будутъ посажены въ тюрьму, а бумаги ихъ опечатаны. Относительно ихъ Комитету общественной безопасности будетъ сдѣланъ особый докладъ“.

Онъ началъ читать имена семидесяти трехъ депутатовъ. Длинные промежутки между именами вызывали въ душѣ всѣхъ минутную надежду, что имена ихъ пропущены, а также страхъ быть названными. Вотъ списокъ тѣхъ, которые услышали свои имена въ числѣ лицъ, подлежащихъ немедленному аресту и близкой смерти, названныхъ Амаромъ: Казенёвъ, Лаплэнъ, Шассэ, Дефермонъ, Руо, Жиро, Шателенъ, Дюгэ-д'Ассэ, Лебретонъ, Дюссо, Куппе, Соринъ, Кеиннекъ, Сальмонъ, Лаказе старшій, Корбель, Гитеръ, Ферру, Вальель, Рио, Обеленъ, Баба, Бла, Мэсъ, Пейръ, Боганъ, Флѣри, Вернье, Гренэ, Аймонъ, Лоренсо, Жарри, Рабо, Файоль, Обри, Риборо, Деразэ, Мазюэ (депутатъ Соны и Луары), Валлэ, Лефевръ, Оливье, Жерантъ, Ройэ, Дюпра, Гариль, Дельвиль, Варле, Дюбюскъ, Савари, Бланки, Масса, Дюбрэ-Дублэ, Деламаръ, Форъ, Гекке, Дешанъ, Лефевръ (депутатъ Нижней Сены), Серръ, Лорансъ, Саладенъ, Мерсье, Дону, Періесъ, Венсенъ, Турнье, Рузэ, Бло, Блавиль, Марбо, Эстаденцъ, Брессонъ (изъ Вогеузъ), Моиссе, Севъ-При, Гамонъ.

Обвинительный декретъ былъ принятъ единогласно. Нѣкоторые изъ вышеупомянутыхъ депутатовъ хотѣли возразить: нетерпѣливые возгласы заглушили ихъ голоса. Они молча столпились въ узкомъ пространствѣ за перилами, какъ стадо, предназначенное на бойню. Нѣсколько членовъ Горы требовали съ ожесточеніемъ, чтобы были прибавлены къ списку именъ обвиняемыхъ и имена ихъ враговъ. По окончаніи этого продолжительнаго засѣданія, депутатовъ, попавшихъ въ списокъ, заключили въ парижскія тюрьмы, большинство въ Ла-Форсъ.

Громкими криками требовали, чтобы ихъ судили одновременно съ жирондистами въ революціонномъ судѣ. Судъ надъ ними равнялся смертному приговору. Робеспьеръ защищалъ ихъ съ бѣлымъ мужествомъ, чѣмъ другихъ жертвъ и употребилъ все свое вліяніе, чтобы спасти ихъ. Онъ не побоялся противиться требованіямъ народа и раздражить своихъ комитетскихъ сотоварищей, пытаясь спасти этихъ семидесяти трехъ сотоварищей отъ ярости ихъ враговъ. Будущее показало, что онъ хотѣлъ приготовить въ ихъ лицѣ противовѣсъ всемогуществу Горы для того времени, когда онъ одинъ будетъ господствовать въ Конвентѣ. Это было засвидѣтельствовано впоследствии тѣми самыми лицами, которые считали его тайнымъ подстрекателемъ ихъ осужденія. Депутатъ Жиронды Бланки, одинъ изъ семидесяти трехъ, заключенныхъ въ Ла-Форсъ, имѣлъ личныя сношенія съ Робеспьеромъ въ Комитетѣ народнаго

Дюмурье.

просвѣщенія. Онъ написалъ ему жалобу на дурное обращеніе, которому подвергались въ тюрьмѣ онъ и его сотоварищи, и упрекалъ его въ насиліи надъ народными представителями. Робеспьеръ рѣшился отвѣтить Бланки, но намеками, въ которыхъ сквозили гуманныя чувства и надежда на освобожденіе и давалось понять, что имъ будутъ тайно покровительствовать,—что дѣйствительно и было исполнено относительно всѣхъ этихъ заключенныхъ. Бланки и его сотоварищи по заключенію догадались по этимъ признакамъ, что Робеспьеръ сдѣлалъ уступку, согласившись на ихъ арестъ и, покровительствуя имъ вслѣдъ затѣмъ, думалъ привязать ихъ къ себѣ чувствомъ благодарности. Что касается депутатовъ, арестованныхъ 31 мая, то приговоръ надъ ними былъ произнесенъ устами Амара. Они давно уже могли предвидѣть, каковъ онъ долженъ быть. Гора, удовлетворенная уже своею побѣдой, Дантонъ и Робеспьеръ, стыдившіеся отвратительныхъ и безцѣльныхъ убійствъ, тщетно пытались заставить позабыть о нихъ. Какъ только для кого-либо воздвигался эшафотъ въ Парижѣ, толпа тотчасъ же спрашивала, отчего на него не всходятъ жирондисты. Комитетъ общественной безопасности боялся оставлять ихъ долѣе въ живыхъ, чтобы возбужденные монтаньяры и коммуна не сочли, что они такъ поступаютъ вслѣдствіе своей слабости. Якобинцы вырвали у жирондистовъ голову Людовика XVI; демагогія Гебера, Паша, д'Одуена требовала у якобинцевъ, чтобы они дали заложниками республикѣ двадцать одну голову своихъ сотоварищей. Робеспьеръ принужденъ былъ уступить. Гара, все еще бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, придя къ нему, умолялъ его спасти арестованныхъ. „Не говорите мнѣ больше объ этомъ, отвѣтилъ Робеспьеръ:—Я самъ не могу ихъ спасти. Во время революцій бываютъ такіе дни, когда жить составляетъ преступленіе и надо умѣть жертвовать своею головою, когда у васъ ее требуютъ. Можетъ быть потребуютъ и мою, прибавилъ онъ, схватившись за голову, какъ человекъ, старающійся снять тяжесть, чтобы сбросить ее съ себя:—и вы увидите, буду ли я оспаривать ее“. Гара ушелъ смущенный.

4.

Какъ видно изъ хода нашего разсказа, Верньо, Жансонне, Дюко, Фюфредъ, Валазе, Карра, Фоше, Ласуръ, Силлери, Молево и нѣкоторые изъ ихъ товарищей остались въ Парижѣ добровольными плѣнниками. Кондорсе во-время избавился отъ происковъ коммуны и обвинительнаго декрета, направленнаго противъ него.

Роланъ нашелъ убѣжище и скрывался въ окрестностяхъ Руана послѣ ареста своей жены. Бриссо, котораго общественное мнѣніе считало главой этой партіи, потому что онъ былъ публицистомъ и далъ ей свое имя, бѣжалъ прежде чѣмъ былъ отданъ приказъ объ его арестѣ. По пріѣздѣ на родину, въ Шартръ, онъ уже не нашелъ тамъ друзей. Онъ вышелъ изъ города одинъ, пѣшкомъ, въ чужой одеждѣ, и полями и проселочными дорогами хотѣлъ добраться до границъ Швейцаріи или Южныхъ департаментовъ. Запасшись фальшивымъ паспортомъ, Бриссо скитался такимъ образомъ по Франціи, питаясь и ночуя въ хижинахъ, а днемъ снова отправляясь въ путь по полямъ, одѣтымъ въ это время года въ самое роскошное убранство. При видѣ чуднаго неба, цвѣтущихъ луговъ и пустынныхъ лѣсовъ, росшихъ по берегамъ Луары, въ немъ снова проснулася страсть къ

природѣ и любовь къ единенію, которая природа хотѣла еще сильнѣе дать почувствовать ему, прежде чѣмъ лишить его ихъ навсегда. Узанный и арестованный въ Муленѣ, онъ едва спасся отъ ярости якобинцевъ этого города. Привезенный въ Парижъ среди тысячи угрожавшихъ ему опасностей и смертей, онъ былъ заключенъ въ Аббатство. Тамъ онъ томился уже пять мѣсяцевъ.

5.

Остальнымъ жирондистамъ, заключеннымъ послѣ 31 мая, то дѣлались снисхожденія, то они подвергались снова притѣсненіямъ, сообразно господствовавшему противъ нихъ настроенію въ обществѣ. Вначалѣ слабый, какъ бы номинальный, арестъ ограничивался заключеніемъ ихъ въ ихъ собственныхъ жилищахъ подъ надзоромъ жандармовъ. Случаи къ побѣгу были часты и легки. Находясь среди семьи, принимая посѣщенія друзей и услуги своихъ собственныхъ слугъ, имѣя деньги и фальшивые паспорта, казалось, всѣми этими мѣрами снисхожденія они подвергались испытанію, насколько у нихъ велико стремленіе къ бѣгству. Гора больше тяготилась, нежели дорожила своими жертвами. Но послѣ неудачъ Сѣверной арміи, успѣховъ Вандеи, возстаній въ Кальвадосѣ, Марсели, Лионѣ и Тулонѣ, послѣ объявленія Террора, суда надъ Кюстиномъ, казни королевы и закона о подозрѣваемыхъ, надзоръ за ними сдѣлался строже. Ихъ заключили въ Кармелитскій монастырь, въ Аббатство, Люксембургъ и Ла-Форсъ вмѣстѣ съ другими обвиняемыми въ однородномъ съ ними преступленіи и подвергнувшимися той же участи. Долгое время содержась вмѣстѣ съ подозрѣваемыми въ роялизмѣ и федерализмѣ, жирондисты находились благодаря случаю, этому слѣпому мстителю побѣжденныхъ и побѣдителей, съ жертвами своей политики, потерпѣвшими поражение 10-го августа, друзьями Лафайетта и Дюмурье, слугами королевства, укротителями революціи, дворянами, священниками, чиновниками магистратуръ, разными Барнавами, Вальи, Малербами. Нейтральная почва тюремъ вызвала сходство въ положеніи этихъ лицъ, благодаря игрѣ судьбы или мести, во всякомъ случаѣ это былъ одинъ изъ уроковъ революціи. Встрѣчались и разговаривали хотя не безъ удивленія, но безъ взаимныхъ упрековъ и ненависти. Общее несчастье, казалось, примирило всѣ партіи.

Однако жирондисты, непоколебимые въ своемъ республиканизмѣ, сохранили революціонныя убѣжденія во всей ихъ первобытной чистотѣ. Они не выказывали ни притворнаго раскаянія въ своихъ мнѣніяхъ, ни смиренія въ своемъ паденіи. Они были на сторонѣ Конвента, когда тотъ принималъ рѣшительныя и строгія мѣры противъ роялистовъ. Они устраняли себя отъ всего, что, какъ они считали, ведетъ къ его пораженію и къ преступленіямъ. Въ тюрьмахъ они образовали отдѣльное общество, вполне обособленную группу, являющуюся не разрывомъ съ остальными заключенными, а расколомъ. Ихъ имена, извѣстность, молодость, краснорѣчіе возбуждали любопытство въ ихъ врагахъ, уваженіе въ заключенныхъ, внушали почтеніе даже тюремщикамъ. Отчасти достоинство ихъ званія народныхъ представителей, ихъ обаяніе и ихъ могущество проникло вслѣдъ за ними и въ ихъ тюрьмы. Заключенные, они все еще властвовали по старой памяти благодаря восхищенію, которое ихъ окружало.

6.

Когда был назначенъ день суда надъ ними, ихъ заперли на нѣсколько дней въ огромномъ домѣ Кармелитовъ въ улицѣ Вожираръ, монастырѣ, обращенномъ въ тюрьму и сдѣлавшемся зловѣщимъ по воспоминаніямъ и слѣдамъ крови, пролитой во время Сентябрскихъ убійствъ. Такъ какъ нижніе этажи этой тюрьмы были уже переполнены заключенными, то для жирондистовъ осталось только узкое пространство подъ крышей стараго монастыря, состоявшее изъ темнаго коридора и трехъ низкихъ смежныхъ келій, напоминавшихъ собою венеціанскія свинцовыя тюрьмы. Потайная лѣстница вела изъ угловой башни въ это помѣщеніе подъ крышей. Въ лѣстницѣ было продѣлано нѣсколько отдушинъ. Въ эти келіи можно было попасть только черезъ массивную, окованную желѣзомъ дверь. Запертая съ 1793 года, она была отперта для насъ и передъ нами предстали и эти келіи, и образы и мысли жертвъ въ той же неприкосновенности, какъ въ ту минуту, когда они покинули ихъ, чтобы идти на смерть. Ничьи шаги, ничья рука, ни прикосновеніе времени не стерли ихъ слѣдовъ. Замѣтки, написанныя заключенными, членами другихъ партій республики, смѣшались съ замѣтками жирондистовъ. Имена друзей и враговъ, палачей и жертвъ запечатлѣны на одной и той же стѣнѣ.

7.

Надъ карнизомъ первой двери можно было прочесть надпись, печатными буквами, какія встрѣчались на всѣхъ общественныхъ памятникахъ того времени: „Свобода, равенство или смерть“. Дверь эта вела въ довольно большую келью, служившую общей залой, куда заключенные собирались для бесѣдъ и къ столу. Налѣво находилась небольшая темная мансарда, гдѣ спали самыя младшіе. Направо дверь выходила въ комнату немного поменьше, чѣмъ первая, служившую общей спальней. Эти обѣ комнаты, потолокъ въ которыхъ былъ поватый отъ наклона крыши въ сторону наружной стѣны, освѣщались двумя окнами безъ рѣшетокъ, выходившими въ огромный садъ и на земли, принадлежавшія кармелитамъ. Взоры останавливались сначала на садѣ, а затѣмъ на струѣ фонтана, казалось постоянно омывавшей кровь священниковъ, убитыхъ около его водоема, затѣмъ переходили на безконечно простиравшійся на сѣверъ и на западъ отъ Парижа горизонтъ, прорѣзанный только шпидемъ колокольни со стороны Люксембурга, домомъ Инвалидовъ напротивъ и слѣва двумя башнями полуразрушенной церкви. Днемъ свѣтъ, тишина и спокойствіе наполняли всѣ эти высоколежащія комнаты и давали возможность заключеннымъ любоваться сельскимъ видомъ, наслаждаться иллюзіей свободы и мечтательнымъ уединеніемъ. Стѣны и потолокъ этихъ комнатъ, покрытыя грубымъ цементомъ, служили заключеннымъ вмѣсто бумаги, которой имъ не давали послѣ ихъ перевода сюда, посмертными страницами, на которыя они могли заносить остриемъ ножа и кистью свои послѣднія мысли. Мысли эти, написанныя въ формѣ короткихъ цитатъ, пословицъ или латинскихъ стиховъ, на безсмертномъ языкѣ, покрываютъ и донныѣ цементъ и дѣлаютъ эти стѣны послѣднимъ выраженіемъ мысли, послѣднимъ завѣщаніемъ жирондистовъ.

Почти всё написанная кровью, онъ сохранили еще ея цвѣтъ. Онъ какъ бы воплощаютъ передъ взоромъ читающаго самого ихъ написавшаго съ его плотью и духомъ. Это—мученичество первыхъ республиканцевъ, засвидѣтельствованное ими собственноручно и собственной кровью. Ни въ одной изъ нихъ не обнаруживается ни сожалѣнія, ни слабости. Жалобами на несчастіе они не осквернили своихъ убѣжденій. Почти всё надписи поютъ гимнь постоянству, презрѣнію къ смерти и восхваляютъ безсмертіе. Нѣсколько именъ ихъ преслѣдователей встрѣчаются здѣсь рядомъ съ именами жирондистовъ. Въ одномъ мѣстѣ читаешь:

Quand il n'a pu sauver la liberté de Rome,
Caton est libre encore et sait mourir en homme ¹⁾.

Въ другомъ:

Justum et tenacem propositi virum
Non civium ardor prava jubentium,
Non vultus instantis tyranni
Mente quatit solidâ ²⁾.

А выше:

Cui virtus non deest,
Ille
Nunquam omnino miser ³⁾.

Ниже:

La vraie liberté est celle de l'âme ⁴⁾.

Рядомъ находится надпись религиознаго содержанія, по которому можно догадаться, что ее писалъ Фоме:

Souvenez-vous que vous êtes appelés non pour causer et pour être oisifs, mais pour souffrir et pour travailler. (Imitation de Jésus-Christ ⁵⁾).

Въ другой части стѣны находится воспоминаніе о чьемъ-то дорогомъ имени, которое не хотятъ открыть даже смерти:

Je meurs pour... ⁶⁾.

(Montalembert).

¹⁾ Хотя Катонъ не могъ спасти свободы Рима, онъ все еще свободенъ и умѣетъ умереть какъ мужъ.

²⁾ Честнаго и настойчиваго въ достиженіи цѣли мужа не собьютъ на порочное дѣло ни возбужденное состояніе повелѣвающихъ гражданъ, ни гнѣвный видъ суроваго тирана.

³⁾ Въ комъ есть добродѣтель, тотъ никогда не будетъ совершенно несчастливъ.

⁴⁾ Истинная свобода—это свобода души.

⁵⁾ Помните, что вы призваны не для того, чтобы разглагольствовать и быть праздными, но чтобы пострадать и потрудиться. (Подражаніе Иисусу Христу).

⁶⁾ Я умираю за... (Монталамберъ).

На перекладинѣ:

Dignum certe Deo spectaculum fortem virum colluctantem cum calamitate ¹⁾.

Выше:

*Quels solides appuis dans le malheur suprême!
J'ai pour moi ma vertu, l'équité, Dieu lui-même!* ²⁾.

Ниже:

Le jour n'est pas plus pur que le fond de mon coeur ³⁾.

На амбразурѣ окна:

*Cui virtus non deest,
Ille
Nunquam omnino miser...* ⁴⁾.

Rebus in arduis facile est contemnere vitam ⁵⁾.

Dulce et decorum pro patriâ mori ⁶⁾.

Non omnis moriar ⁷⁾.

Summum credo nefas animam præferre pudori! ⁸⁾.

Крупными буквами рукою Верньо написано кровью:

Potius mori quam fœdari ⁹⁾.

Затѣмъ слѣдуетъ множество неразборчивыхъ надписей, инициаловъ, стиховъ, недоконченныхъ мыслей, свидѣтельствующихъ о неустрашимости этихъ стоекъ, до мозга костей пропитанныхъ взглядами древнихъ и искавшихъ утѣшеніе не въ надеждѣ сохранить жизнь, а въ созерцаніи смерти. Эти стѣны такъ же, какъ и заключенные въ нихъ, источаютъ кровь, но не плачутъ.

8.

Въ ночь на 6-е октября жирондисты были переведены въ послѣднее мѣсто заключенія—въ Консьержери. Королева была еще тамъ. Итакъ, подъ одной кровлей очутились королева, свергнутая съ престола, и тѣ, которые свергли ее 10-го августа: жертва королевства и жертвы республики. Тамъ они встрѣтились съ Бриссо, который долгое время содержался одинъ въ Аббатствѣ, и съ тѣми изъ своихъ сотоварищей и друзей, которые были при-

¹⁾ Безъ сомнѣнія, достойное Бога зрѣлище—отважный мужъ, борющійся съ невзгодами.

²⁾ Какая крѣпкая опора въ величайшемъ несчастіи! За меня добродѣтель, правосудіе, самъ Богъ!

³⁾ День не яснѣ глубины моего сердца.

⁴⁾ Въ комъ есть добродѣтель, тотъ никогда не будетъ вполнѣ несчастливъ.

⁵⁾ Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ легко презирать жизнь.

⁶⁾ Умереть за отечество пріятно и почетно.

⁷⁾ Я не весь умираю.

⁸⁾ Я почитаю величайшимъ безчестіемъ предпочесть позорную жизнь смерти.

⁹⁾ Лучше умереть, чѣмъ быть опозореннымъ.

везены съ Юга и изъ Бретани для суда надъ ними вмѣстѣ съ остальными жирондистами.

Имъ отвели отдѣльное помѣщеніе въ часовѣ Консьержери. Въ камерахъ было девятнадцать кроватей, потому что Силлери и Ласурсъ, содержавшіеся въ Люксембургѣ, были переведены въ Консьержери 30-го октября, наканунѣ ихъ казни. Жирондисты встрѣчались съ другими заключенными только во дворѣ въ теченіе долгихъ часовъ праздности и прогулокъ. Вслѣдствіе невозможности бѣжать изъ этихъ стѣнъ, запертыхъ засовами, тройными замками и охраняемыхъ часовыми, заключеннымъ были предоставлены нѣкоторыя льготы, которыми они не пользовались до сихъ поръ. Имъ дали бумагу и чернила. Они получали газеты; имъ разрѣшили разговаривать черезъ рѣшетку съ женами, дѣтьми и друзьями. Тутъ только они растрогивались, обмѣниваясь съ ними полусловами, рукопожатіями, взглядами и смѣшивая свои слезы: утѣшеніе и мука тюремныхъ свиданій. Бриссо изрѣдко видѣлся здѣсь съ женою, поднимавшей сына, чтобы онъ могъ поцѣловать своего отца. Но большинство заключенныхъ были холостые молодые люди, у которыхъ въ Парижѣ не было семействъ, связанные тайными узами съ женщинами, не носившими ихъ имени, которыя не могли признаться ни въ своей любви, ни открыть своихъ страданій и которымъ только при помощи хитрости и обмана удавалось обмѣняться съ любимымъ человѣкомъ запиской, вздохомъ или взглядомъ.

Шуринъ Верньо, Аллюо, пріѣхалъ изъ Лиможа, чтобы передать небольшую сумму денегъ заключенному, потому что тотъ терпѣлъ крайнюю нужду; вся его одежда обратилась въ лохмотья. Аллюо привезъ съ собою десятилѣтняго сына, черты лица котораго напомнили Верньо любимую имъ сестру. Ребенокъ, увидѣвъ дядю, заключеннаго какъ злодѣй, съ похуѣвшимъ, истощеннымъ лицомъ, растрепанными волосами, отросшей бородой, въ грязной и потертой одеждѣ, сползавшей съ его плечъ, заплакалъ и съ ужасомъ прижался къ колѣнямъ отца. „Дитя мое, сказалъ заключенный, взявъ его на руки:—успокойся и взгляди въ меня хорошенько: когда ты вырастешь, ты будешь рассказывать, что видѣлъ Верньо, основателя республики, въ самое славное время его жизни и въ самой лучшей его одеждѣ: тогда, когда онъ терпѣлъ гоненіе отъ негодаевъ и готовился умереть за свободныхъ людей“.

Ребенокъ дѣйствительно запомнилъ эти слова и пятьдесятъ лѣтъ спустя повторилъ ихъ пишущему эти строки.

9.

Въ часы прогулокъ на дворѣ всѣ заключенные тѣснились вокругъ жирондистовъ, чтобы посмотреть на нихъ и послушать ихъ. Ихъ разговоры обращались около злобы дня, опасностей, грозящихъ родицѣ, свободы и бѣдствій республики. Они разсуждали объ этомъ какъ люди, которымъ нечѣмъ было больше дорожить и которые вѣдаютъ, что ихъ дѣло обогрено кровью и обезчещено. Ихъ краснорѣчіе, попрежнему воодушевленное патриотизмомъ, получило подъ этими сводами отпечатокъ пророчества и небснаго безстрастія. Ихъ безпристрастный голосъ, казалось, исходилъ изъ могилы. Бриссо читалъ своимъ сотоварищамъ страницы, которыя онъ завѣщалъ потомству въ свое

оправданіе. Онъ постоянно высказывалъ сожалѣніе, что свобода, которую онъ наблюдалъ у молодого народа, въ лѣсахъ Америки, гдѣ она привилась благодаря чистой добродѣтели, была водворена кровопролитіемъ и насильственно у народа стараго, гдѣ для того чтобы преобразовать человѣческія учрежденія, приходилось пересоздать самого человѣка. Жансонне сохранилъ на устахъ горечь сарказма, эту ѣдкую соль своей рѣчи, и метилъ за преслѣдованія презрѣніемъ своимъ преслѣдователямъ. Ласурсъ лучами своего пылкаго воображенія освѣщалъ бездны анархіи. Онъ утѣшался, видя гибель своей партіи, тѣмъ, что она погибала въ общемъ крушеніи Европы. Его мистически настроенный умъ повсюду видѣлъ перстъ Божій, чертившій гибель общества. Карра мечталъ о новыхъ комбинаціяхъ и новомъ распредѣленіи земель между государствами Европы. Онъ чертилъ на глобусѣ карту свободы и принималъ химеры своего воображенія за геніи государственнаго человѣка. Фоше билъ себя въ грудь передъ сотоварищами. Онъ обвинялъ себя съ чистосердечнымъ раскаяніемъ въ томъ, что отказался отъ вѣрованной своей молодости. Онъ доказывалъ, что одна только вѣра можетъ способствовать развитію свободы. Онъ радовался, что близкая смерть его будетъ носить характеръ двойного мученичества: раскаяшагося священника и упорнаго республиканца. Силлери молчалъ, считая, что въ эти послѣднія минуты приличнѣе молчать, нежели жаловаться. Онъ такъ же, какъ и Фоше, вернулся къ вѣрѣ и къ религіознымъ обрядамъ. Они оба часто удалялись отъ своихъ сотоварищей и бесѣдовали со священникомъ, заключеннымъ въ Консьержери за приверженность церкви. Это былъ аббатъ Эмери, бывшій настоятель конгрегаціи Сентъ-Сюльписъ, о которомъ Фуке-Тенвилль говорилъ: „Мы оставляемъ его въ живыхъ, потому что онъ своєю кротостью и увѣщаніями подавляетъ болѣе жалобъ и волненій, чѣмъ это могли бы сдѣлать жандармы и страхъ передъ гильотиной“.

Дюко и Фонфредъ, молодые люди, въ которыхъ тюрьма не охладила пыла молодости и горячности уроженцевъ Юга, шутили надъ смертью, писали стихи, притворялись безпечно веселыми, какъ въ дни спокойствія, и дѣлались серьезными и плакали только во время изліяній своей геройской дружбы и опасеній, которыя друзья высказывали относительно другъ друга. Они часто обнимались и брали другъ друга за руки, какъ бы ища взаимной опоры противъ судьбы. Ни сожалѣнія объ огромномъ состояніи и минувшихъ долгихъ счастливыхъ дняхъ, ни воспоминанія о двухъ любимыхъ ими молодыхъ женщинахъ, которыя, какъ они предчувствовали, скоро должны были овдовѣть, ни разу не вызвали въ нихъ раскаянія въ томъ, что они принесли въ жертву свободѣ жизнь.

Впрочемъ Фонфредъ, бесѣдуя однажды вдвоемъ съ молодымъ Ріуффомъ о женѣ и дѣтяхъ, разразился потокомъ долго сдерживаемыхъ жалобъ и слезъ. Замѣтивъ это, Дюко послѣшно подошелъ къ Фонфреду и тономъ нѣжнаго упрека спросилъ своего зятя: „Что съ тобой и что ты скрываешь отъ меня?“ — Это пустяки; это онъ разстроилъ меня своимъ разказомъ, отвѣтилъ Фонфредъ, указывая на Ріуффа. Но Дюко не повѣрилъ. Друзья обнялись и послѣшили осушить свои слезы.

Валазе смотрѣлъ на приближающуюся смерть, какъ на вѣнецъ, должен-

ствовавший увѣнчать его за ту жертву жизнью, которую онъ уже давно принесъ родинѣ. Онъ зналъ, что новые догматы вырастаютъ на крови своихъ первыхъ апостоловъ. Онъ мысленно радовался, что отдалъ свою. Онъ обладалъ фанатизмомъ преданности и жаждалъ мученичества. Лицо его, сияя безсмертіемъ въ тюрьмѣ, выражало предвкусеніе смерти, которую онъ хотѣлъ приблизить къ себѣ, но не бѣжать отъ нея. „Валазе, говорили ему его товарищи по несчастью:—вась сильно бы наказали, если бы не подвергли казни“. Онъ улыбался при этихъ словахъ, какъ человѣкъ, мысли котораго угадали.

За нѣсколько часовъ до суда онъ отдалъ Ріуффу ножницы, которыя пряталъ до тѣхъ поръ. „Возьми, сказалъ онъ съ проніей, которую Ріуффъ понималъ только впоследствии:—говорятъ, что это опасное оружіе, и боятся, чтобы мы не посягнули на свою жизнь!“ При немъ было болѣе вѣрное оружіе и этотъ даръ его былъ только сократической насмѣшкой надъ своими палачами.

10.

Что касается Верньо, то онъ, въ противоположность своимъ молодымъ друзьямъ Дюко и Фонфреду, не выказывалъ ни веселости, ни нетерпѣнія умереть, какъ Валазе, ни желанія, какъ Брюссо, оставить свое имя незапятнаннымъ потомству. Онъ былъ такъ же равнодушенъ къ тому, что о немъ будутъ думать потомъ, какъ и къ жизни. Спокойный, серьезный, естественный, иногда улыбающійся, чаще задумчивый, онъ ничего не писалъ и мало говорилъ; по-видимому, онъ не спѣша и безъ сожалѣнія доживалъ послѣдніе дни, вынужденная праздность которыхъ не шла слишкомъ въ разрѣзъ съ его характеромъ. Подобно лодману, оторванному въ бурю, отъ руля онъ отдыхалъ на палубѣ во время качки корабля, для управленія которымъ больше не требовалось его участія. Его сильная душа, подчасъ непоколебимая именно благодаря своей силѣ, его пророческій и лѣнивый умъ дѣлали его малочувствительнымъ къ своей участи. Онъ однимъ взглядомъ и однимъ словомъ опредѣлялъ положеніе и не входилъ уже въ разсмотрѣніе подробностей. Одинокій и задумчивый, лежа на постели или находясь во дворѣ, онъ иногда освѣщалъ разговоръ лучами своего краснорѣчія, для котораго тюрьма являлась не менѣе величественной рамкой, чѣмъ трибуна. Его растроганные сотоварищи аплодировали ему и умоляли его записать эти импровизаціи для суда или для потомства. Верньо не хотѣлъ собирать эти крохи своего генія. Краснорѣчіе было у него не искусствомъ, а природой; онъ былъ увѣренъ, что оно никогда его не покинетъ и, когда понадобится, оно всегда къ его услугамъ. Онъ цѣнилъ его какъ оружіе для борьбы, но не хотѣлъ кичиться имъ передъ современниками и потомствомъ. Когда мысль его была высказана, онъ не старался сохранить безполезный ея отзвукъ. Онъ снова впадалъ въ сонъ или въ равнодушіе.

Онъ часто бесѣдовалъ съ Фоше и, не раздѣляя его вѣрованій, съ наслажденіемъ выслушивалъ его теоріи и упованія христіанина. Онъ считалъ эту религію истинной философійю человѣчества, облеченной въ тайну и мистъ, чтобы сдѣлать ее доступной слабости вѣчнаго дѣтства, въ которомъ пребываетъ человѣческій родъ. Онъ уважалъ христіанство, какъ плавильщикъ дожить золотомъ въ поддѣланной монетѣ. Онъ хотѣлъ не разрушенія, а ме-

дленного, свободного и осторожнаго очищенія этого вѣроученія. „Отграничить Бога отъ его изображенія, говорилъ онъ:—вогь конечная цѣль философіи и революціи“. Верньо началъ гораздо болѣе уважать талантъ Фоме съ тѣхъ поръ, какъ этотъ обширный и декламаторскій талантъ расцвѣлъ и какъ бы осквѣтился благодаря пробужденію религіознаго чувства въ душѣ калъвадосскаго епископа и предчувствію мученичества. Въ этихъ бесѣдъ Верньо, казалось, ко всему относился безразлично, но это не было безразличіе легкомысленнаго человѣка, который не возвышается до величія своей судьбы и пренебрегаетъ тремя самыми святыми вещами въ жизни: совѣстью, несчастіемъ и смертью; но спокойствіе человѣка съ серьезными взглядами, обсуждающаго свое собственное положеніе становящагося выше его и находящаго интересъ въ жизни до тѣхъ поръ, пока не наступитъ послѣдній часъ его жизни, которую онъ принесетъ въ жертву своему долгу.

Таковъ былъ Верньо въ тюрьмѣ. Онъ казался самымъ равнодушнымъ изъ своихъ товарищей по несчастію только потому, что былъ самый разсудительный и великій изъ нихъ. Дружба имѣла огромную власть надъ его душой. Наканунѣ того дня, когда начался процессъ надъ его сообвиняемыми, онъ выбросилъ на дворъ ядъ, который въ теченіе пяти мѣсяцевъ носилъ при себѣ, чтобы умереть одною смертью съ своими друзьями и не разлучаться съ ними вплоть до эшафота.

11.

22 октября заключеннымъ вручили обвинительный актъ, а 24 начался судъ. Никогда, со времени процесса Тамплиеровъ, передъ судьями не являлась цѣлая партія, въ лицѣ своихъ столь многочисленныхъ, знаменитѣйшихъ и краснорѣчивѣйшихъ вождей. Извѣстность обвиняемыхъ, ихъ продолжительное могущество, настоящая опасность, жажда мести, влекущая людей на зрѣлища великихъ переворотовъ судьбы и внушающая имъ тайную радость при видѣ ея крушенія, привлекли и удерживали до конца въ залѣ и близъ революціоннаго суда огромную толпу. Большая часть судей и присяжныхъ были сами друзьями или пользовались прежде покровительствомъ обвиняемыхъ. Но это именно заставило судей тѣмъ упорнѣе настаивать на ихъ виновности и отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ соучастіи съ ними, бросивъ народу эту партію на растерзаніе. Они не рѣшались поднять глазъ на обвиняемыхъ изъ боязни встрѣтить дружескій взглядъ, мольбу или упрекъ.

Сильная вооруженная стража охраняла входы въ Консьержери и Дворецъ Правосудія. Пушки, мундиры, пирамиды изъ ружей, часовые, жандармы съ саблями на-голо свидѣтельствовали, что предстоитъ одинъ изъ тѣхъ политическихъ процессовъ, когда судъ превращается въ битву, а правосудіе—въ месть.

Ввели обвиняемыхъ. Ихъ было двадцать одинъ. Это роковое число, записанное, когда впервые возникла мысль объ опалѣ, 31 мая, осталось все тѣмъ же, несмотря на бѣгство и смерть нѣкоторыхъ изъ депутатовъ, намѣченныхъ для очищенія Конвента. Его пополнили присоединивъ къ жирондистамъ обвиняемыхъ, принадлежавшихъ къ другимъ партіямъ, напр. Буало, Менвила, Антибуа, для того, чтобы народъ, видя одно и то же число, воображалъ, что дѣло идетъ объ одномъ и томъ же заговорѣ, вознегодоваль противъ того же самаго преступленія и покаралъ тѣхъ же виновныхъ.

12.

Въ одиннадцать часовъ они вошли одинъ за другимъ между двумя рядами жандармовъ въ залъ засѣданія. Они молча заняли мѣста на скамьяхъ обвиняемыхъ. Толпа, видя, какъ они проходили, спрашивала ихъ имена и искала на ихъ лицахъ воображаемый отпечатокъ преступленій, въ которыхъ ихъ обвиняли. Она удивлялась, что подъ этими молодыми и спокойными лицами, красивыми и симпатичными, скрывалось столько злодѣяній и измѣнъ. Первымъ сѣлъ на скамью Дюко. Ему едва минуло двадцать восемь лѣтъ; его юношескій видъ, черные проницательные глаза, подвижное лицо обнаруживали одну изъ тѣхъ южныхъ натуръ, у которыхъ живость впечатлѣній вредитъ ихъ глубинѣ: эти люди всегда легкомысленны, даже въ минуты героизма. Фонфредъ, который былъ еще моложе своего шурина, шелъ вслѣдъ за нимъ. На лицѣ его лежала тѣнь болѣе мрачной меланхоли. На его задумчивомъ лицѣ видѣлась внутренняя борьба между любовью, привязывавшей его къ жизни, и великодушной дружбой, заставлявшей его добровольно идти на смерть. Нѣсколько разъ Фонфреду представлялась возможность обѣжать. „Нѣтъ, говорилъ онъ:—часть Дюко будетъ и моей. Спаситись одному для меня значитъ не спастись, а погибнуть“. Выйдя однажды изъ тюрьмы, Фонфредъ добровольно вернулся туда обратно. Глаза этихъ двухъ молодыхъ жирондистовъ съ большей увѣренностью смотрѣли на толпу и съ большимъ довѣрjemъ останавливались на присяжныхъ. Въ Конвентѣ и въ комиссиі Двѣнадцати Дюко и Фонфредъ не раздѣляли ни благоразумія Кондорсе и Бриссо, ни умѣренныхъ взглядовъ Верньо. Восторженные и пылкіе, какъ монтаньяры, они часто негодовали противъ революціонной слабости своей партіи. Дантона они ненавидѣли только за Сентябрьскія убійства; ихъ увлекали его манеры и рѣчи. Онъ былъ бы ихъ вождемъ, если бы не существовалъ Верньо. Такъ какъ Гора была расположена къ нимъ благодаря ихъ молодости, то они надѣялись втайнѣ, что монтаньяры въ послѣднюю минуту вмѣняютъ имъ въ оправданіе ихъ взгляды. Они были виновны только въ томъ, что носили имя своей партіи.

13.

За ними шелъ Буало, мировой судья въ Авалонѣ. Человѣкъ слабохарактерный, попавшій въ ряды Жиронды случайно и замѣтившій свою ошибку только передъ смертью, онъ проповѣдывалъ съ запоздалымъ раскаяніемъ торжествующія мнѣнія и безжалостный патріотизмъ Конвента. Буало былъ сорока лѣтъ. Его нерѣшительныя манеры свидѣтельствовали о шаткости его убѣжденій. Онъ старался поймать глазами взгляды судей и, казалось, говорилъ имъ:

„Не смѣшивайте меня съ моими мнимыми соучастниками: если бы я не былъ теперь съ ними, то я былъ бы противъ нихъ“.

Менвилль слѣдовалъ за Буало; молодому марсельскому депутату, такъ же какъ и Дюко, было двадцать восемь лѣтъ; онъ отличался такой же поразительной, какъ Барбару, только болѣе мужественной красотой. Онъ обогривъ руки въ крови Авиньона, своей родины, чтобы вырвать ее изъ рукъ папской партіи и предать Франціи и революціи. Обвиненный Маратомъ въ умѣренности, онъ былъ преданъ суду заодно съ жирондистами.

Дюпра, его другъ и землякъ, за то же самое преступленіе долженъ былъ послѣдовать за нимъ въ тюрьму и на судъ. За ними шли Антибуль, уроженецъ Севъ-Тропеца и депутатъ Варскаго департамента. Обвиненный въ мужественномъ челоѡколюбіи во время суда надъ Людовикомъ XVI за то, что согласился осудить его на изгнаніе какъ короля, но не казнить его, какъ челоѡвѣка. Его преступленіе заключалось въ чистотѣ его совѣсти. Его кротость и честность отражались на его лицѣ.

Затѣмъ шелъ дю-Шатель, двадцати семилѣтній депутатъ Обоихъ Севровъ, который приказалъ принести себя умирающаго и завернутаго въ одѣяло на трибуну, чтобы подать голосъ противъ смертной казни тирана; за этотъ поступокъ и костюмъ его прозвали въ Конвентѣ привидѣніемъ тиранніи. Его высокій ростъ, воинственная осанка, пріятное и благородное лицо привлекали къ нему всеобщее вниманіе.

Карра, представитель въ Конвентѣ департаментовъ Соны и Луары, занялъ мѣсто рядомъ съ дю-Шателемъ. Ординарное, носящее слѣды беспорядочной жизни лицо, сгорбленный станъ, массивная толстая голова, небрежный костюмъ, напоминавшій одежду Марата, составляли контрастъ съ фигурой и красотой дю-Шателя. Карра принадлежалъ къ числу людей, жаждущихъ славы душой, но не заслуживающихъ ее по уму; они бросаются въ потокъ современныхъ имъ идей, но, обладая болѣе свѣтлыми чувствами, нежели умомъ, они останавливаются, замѣтивъ, что потокъ увлекаетъ ихъ къ преступленію: таковъ былъ Карра. Челоѡвѣкъ съ большими познаніями, конфузливый, фанатикъ, краснорѣчивый, пылкій, когда ему приходилось дѣйствовать, пылкій и въ сопротивленіи. Онъ примкнулъ къ Жирондѣ, чтобы бороться противъ насилій народа, не посягая на республику. Его газета была отзвукомъ его доктринъ и его краснорѣчія. Эхо должно было погибнуть вмѣстѣ съ голосомъ.

Мрачный челоѡвѣкъ, въ грубой одеждѣ и съ грубыми манерами, сѣлъ рядомъ съ Карра; это былъ Лозъ де-Перре, невольная жертва Шарлотты Корде. Хотя онъ былъ благороднаго происхожденія, но собственноручно обрабатывалъ землю своихъ отцовъ. Онъ не обладалъ ни честолюбіемъ, ни тщеславіемъ и революція захватила его, какъ и Цинцината, за плугомъ. Его выбрали противъ его желанія, какъ самаго честнаго челоѡвѣка. Онъ расплачивался за свою славу. Ему было сорокъ семь лѣтъ.

За Лозъ де-Перре слѣдовалъ Дардьенъ, депутатъ Виенна, однихъ лѣтъ съ нимъ, видъ котораго былъ такой же сосредоточенной, какъ и у перваго. Гардьенъ подалъ голосъ противъ казни короля. Онъ былъ членомъ комиссіи Дѣвѣнадцати. Онъ выказалъ спокойную энергію добраго гражданина по отношенію къ заговорщикамъ. Онъ потребовалъ арестованія Гебера, Шометта, заговорщиковъ Коммуны. Онъ былъ достоинъ занять мѣсто въ первомъ ряду потерпѣвшихъ поражение 31 мая и онъ занялъ его. Затѣмъ шли Лакозъ, депутатъ Либурна, и Лестеръ-Бовэ, депутатъ Верхняго Виенна: оба друзья Жансонне, горячіе поклонники его краснорѣчія и мужества, гордившіеся тѣмъ, что они обвинены въ однихъ доблестяхъ съ нимъ. На ихъ лицахъ отражались волновавшія ихъ чувства. Они считали, что обвиненіе Жансонне покрываетъ славою и ихъ.

Самъ Жансонне былъ рядомъ съ ними. Это былъ челоѡвѣкъ лѣтъ тридцати пяти; но зрѣлость мысли, важность роли, обдуманная твердость убѣжденій на-

ложили отпечатокъ на его черты и придали имъ выраженіе жесткости и строгости, какое пріобрѣтается въ старости. Его высокій лобъ былъ откинутъ назадъ. Густые, взбитые и напудренные волосы дѣлали его еще выше. Онъ держалъ голову гордо, почти презрительно. Легкая сардоническая улыбка приподнимала углы его губъ. Чувствовалось, что онъ мысленно относится съ насмѣшкой къ присяжнымъ, къ обвиняемыхъ и къ толгѣ. Это было олицетвореніе непопулярности, аристократія ума, относящаяся ко всемъ съ презрѣніемъ, какъ и кровная аристократія. Его костюмъ, изящный, сшитый фасономъ и изъ матеріи запрещенныхъ, еще болѣе подчеркивали непопулярность наружности Жансонне.

Динаскій врачъ, Легарди, депутатъ Морбигана, человѣкъ не имѣвшій иного честолюбія кромѣ любви къ людямъ и видѣвшій славу только въ смерти, скромно шелъ рядомъ съ Жансонне. Онъ приписалъ меньшинство жирондистовъ ихъ добродѣтели и примкнулъ къ нимъ изъ отвращенія, которое питалъ къ ихъ врагамъ. Его чувствительный и страдающій умъ былъ болѣе занятъ ихъ участіемъ, чѣмъ своею собственной.

Затѣмъ, присутствовавшіе указывали другъ другу на Ласурса, котораго вмѣстѣ съ Силлери привозили изъ Люксембурга на каждое засѣданіе; это былъ добродѣтельный человѣкъ, говорившій возбужденно и съ трагическими жестами. Его гладкіе, ненапудренные волосы, черная одежда, строгая осанка, сосредоточенное лицо аскета напоминали служителя святого Евангелія или пуританъ временъ Кромвеля, искавшаго Бога въ свободѣ и мученичества въ своемъ процессѣ. Виже, человѣкъ безъ имени, только что прибывшій въ Конвентъ и арестованный послѣ подачи первыхъ своихъ мнѣній, прошелъ незамѣченный вслѣдъ за Ласурсомъ.

Ласурсъ и Виже предшествовали Силлери, бывшему наперснику герцога Орлеанскаго, обвиненному въ томъ, что онъ внушалъ герцогу черезъ свою жену честолюбивые замыслы и стремленіе захватить тронъ. Силлери разстался съ своимъ повелителемъ послѣ смерти короля. Его честное сердце было возмущено царевѣйствомъ. Онъ принялъ свое рѣшеніе не какъ робкій человѣкъ, который раскаивается молча и старается спрятаться ото всѣхъ, но какъ человѣкъ твердаго характера, смѣло смотрящій въ лицо опасности. Великая и незапятнанная республика болѣе соответствовала его благородному честолюбію, нежели королевство, возведенное на крови. Онъ присоединился къ жирондистамъ. Онъ все еще любилъ герцога Орлеанскаго, относился съ уваженіемъ къ порванной связи, но втихомолку совѣтовалъ ему отказать отъ его плановъ, предсказывая иначе катастрофу. Военная осанка Силлери, его аристократическій костюмъ, гордые манеры обнаруживали въ немъ дворянина, презирающаго толпу. Застигнутый первыми недугами пожилого возраста, усилившимися вслѣдствіе сырости тюрьмы, Силлери шелъ опираясь одною рукою на костыль. Но эти симптомы физическаго страданія, лишая его походку легкости и граціи, дѣлали его еще болѣе интереснымъ. Лицо его выражало счастье. Казалось, онъ радовался, что, готовясь умереть съ друзьями и избранниками республики, онъ выходитъ изъ затрудненія своего положенія и избѣжить угрызеній совѣсти за прошлое.

Валазе имѣлъ видъ солдата, идущаго на бой. Совѣсть приказывала ему идти на смерть, и онъ шелъ. Въ его манерѣ носить платье была замѣтна

привычка къ мундиру. Его худощавая фигура, болѣзненное и изнуренное лицо, мрачный блескъ въ глазахъ говорили, что передъ вами находится одинъ изъ упрямыхъ людей, которые становятся жертвою своего убѣжденія и у которыхъ мысль является постоянною болѣзью ихъ тѣла.

Аббатъ Фоше шелъ за Валазе. Ему было около пятидесяти лѣтъ. Но красивыя черты, высокій ростъ, доброе выраженіе лица дѣлали его моложе, чѣмъ онъ былъ дѣйствительно. Его одежда цвѣтомъ и покроемъ напоминала духовное лицо. Сквозь его волосы просвѣчивала тонсура христіанскаго священника, долгое время прикрываемая краснымъ революціоннымъ колпакомъ. На его лицѣ отражалось настроеніе его души: энтузіазмъ. Чувствовалось, что грудь его была воспламенена. Фоше поочередно или одновременно питалъ въ ней тройной огонь: любви, свободы и вѣры. Наступила минута Бога. Онъ отдавалъ Ему во искупленіе свою жизнь. Чело его сіяло какъ у вдохновеннаго свыше апостола и оратора. Судь являлся для Фоше алтаремъ, куда онъ шелъ покаяться во грѣхахъ и принести въ жертву свою собственную жизнь.

14.

Бриссо былъ предпоследнимъ. Это былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, небольшого роста, съ изнуреннымъ лицомъ, необыкновенно умнымъ и облагороженнымъ безстрашной непреклонностью мысли. Онъ былъ одѣтъ чрезвычайно просто, какъ подобаетъ философу или сельскому жителю; его черное поношенное платье представляло попросту кусокъ сукна, скроенный такъ, чтобы только прикрыть члены человѣческаго тѣла. Его ровные, довольно короткіе, ненапудренные волосы—падали сзади на затылокъ и дѣлали его похожимъ на американскаго квакера. Бриссо держалъ въ рукахъ карандашъ и бумагу и все время что-то записывалъ. Онъ одинъ изъ всѣхъ подсудимыхъ казался взволнованнымъ. Повидимому онъ былъ оскорбленъ жестокой и несправедливой клеветой, обвинявшей его въ сочиненіи пасквичей и считавшей его политическомъ авантюристомъ, и предпочиталъ лучше умереть, чѣмъ сносить позоръ клеветы; онъ чувствовалъ болѣе всѣхъ своихъ сотоварищей потребность оправдаться. Онъ радовался, что уничтожить клевету, умирая какъ мудрецъ и мученикъ.

15.

Наконецъ появился послѣдній и самый уважаемый изъ обвиняемыхъ жирондистовъ—Верньо. Весь Парижъ зналъ его и видѣлъ на пьедесталѣ трибуны въ то время, когда въ перспективѣ предъ нимъ открывалась великая будущность. Всѣмъ интересно было увидать не только оратора, поставленнаго лицомъ къ лицу съ его врагами, но и человѣка, спустившагося до скамьи подсудимыхъ. Ждали, что онъ проявитъ во всемъ блескѣ свое краснорѣчіе и присутствующіе услышатъ во время судебной драмы обмѣнъ мнѣній и дебаты, достойные времени Демосѣна и Цицерона. Престижъ Верньо окружалъ его и теперь. Онъ принадлежалъ къ числу людей, отъ которыхъ всего можно ожидать, даже невозможнаго.

При его появленіи поднялся ропотъ сочувствія и любопытства. Это уже не былъ Верньо Конвента, а плѣнникъ народа. Отъ долгаго бездѣйствія и душевнаго

волненія мускулы его настолько ослабѣли, что его изнѣженное, нѣсколько массивное тѣло казалось еще болѣе тяжеловѣснымъ. Въ его манерѣ держать себя замѣчалось утомленіе, походка была тяжелая, взглядъ угасшій и мрачный, щеки отекали и обрюзгли. Цвѣтъ лица былъ изсиня-блѣдный, какъ у всѣхъ заключенныхъ. Лобъ его былъ покрытъ потомъ. Пряди волосъ, казалось, прилипли къ вискамъ отъ этого постоянного пота. На немъ былъ надѣтъ все тотъ же длинный синій сюртукъ, съ большимъ отложнымъ воротникомъ, въ которомъ его постоянно видѣли въ Конвентѣ, но онъ сдѣлался слишкомъ узокъ для его потолстѣваго тѣла, треснулъ на плечахъ и не сходилъ на груди, стѣсняя его движенія, какъ платье съ чужого плеча. Вся его наружность свидѣтельствовала о крушеніи великаго дѣла. Видъ его невольно трогалъ; его перестали бояться. Это былъ павшій и побѣжденный атлетъ. Хотя Верньо вошелъ послѣднимъ, его сотоварищи очистили ему мѣсто посрединѣ скамьи, какъ предводителю, вокругъ котораго они считали для себя честью группироваться. Жандармы разрѣшили ему сѣсть.

16.

Обвинительный актъ Фуке-Тенвилля, составленный, какъ говорили, вмѣстѣ съ Робеспьеромъ и Сень-Жюстомъ, представлялъ собою повтореніе, только пространное и еще болѣе язвительное, памфлета Камилла Демулена, озаглавленнаго: „Исторія заговора Жиронды“. Это была клеветническая исторія, написанная клеветникомъ и засвидѣтельствованная палачомъ; къ ней ничего не прибавили. Ненависть не нуждалась въ убѣжденіи: она осудила уже заранѣе.

Судьи вызвали въ качествѣ свидѣтелей всѣхъ самыхъ заклятыхъ враговъ подсудимыхъ. Пашъ, Шабо, Геберъ, Шометтъ, Монто, Фабръ д'Эглантинъ, Леонардъ Бурдонъ, якобинецъ Дефіе вмѣсто показаній разразились цѣлымъ потокомъ ругательствъ противъ обвиняемыхъ. Послѣдніе очень кротко возразили свидѣтелямъ. Вмѣсто того чтобы возвести защиту на высоту ея положенія, поставить ее на почву общей политики и сознаться въ своемъ славномъ преступленіи—желаніи умѣрить революцію, чтобы сдѣлать ее безупречной и непобѣдимой, они ограничились тѣмъ, что старались защитить свою личность отъ ударовъ враговъ. Отъ этого пострадала ихъ защита и было унижено ихъ личное достоинство. Даже самъ Верньо скорѣе оправдывался въ своихъ убѣжденіяхъ, чѣмъ гордился ими. Вриссо, державшій себя болѣе твердо и гордо съ своими врагами, успѣшно опровергалъ Шабо и до конца боролся на словахъ съ своими обвинителями. Силлери сознался въ своемъ дѣйствительномъ преступленіи: въ подачѣ голоса противъ смерти короля и прославилъ этимъ свою память. Ни одного слова, достойнаго быть занесеннымъ въ исторію, не вырвалось изъ сердца этихъ великихъ обвиняемыхъ. Страхъ запятнать послѣднія минуты жизни заставлялъ ихъ хранить молчаніе. Желаніе спасти свою жизнь заглушило желаніе отомстить за свою память. Они снова сдѣлались великими только тогда, когда потеряли послѣднюю надежду.

17.

Однако процессъ, продолжавшійся уже цѣлую недѣлю, слово, потребованное Жансонне отъ лица всѣхъ заключенныхъ, чтобы опровергнуть обвиненіе, уто-

мили судей и присяжныхъ и возбудили тревогу среди монтаньяровъ. Общественное мнѣніе, быстро мѣняющееся, растроганное видомъ жертвъ, начало склоняться къ помилованію. Выходя послѣ засѣданія суда, публика громко разсуждала о томъ, чего же могутъ ожидать враги республики, если она поступаетъ такимъ образомъ съ своими основателями. Жалѣли, что погибаетъ столько молодыхъ, прекрасныхъ и умныхъ людей, принесенныхъ въ жертву изъ-за разницы ихъ убѣжденій. Говорили о низкой зависти Робеспьера и Дантона, желавшихъ, чтобы смерть закрыла эти краснорѣчивыя уста, для того чтобы не имѣть болѣе необходимости или, вѣрнѣе, униженія отвѣчать имъ.

Эти первые признаки возвращенія расположенія къ жирондистамъ взволновали Коммуну. Зять Папа Андруэнъ, бывшій священникъ, а теперь съ ожесточеніемъ преслѣдовавшій духовенство, потребовалъ, чтобы Комитетъ общественнаго спасенія прекратилъ пренія разрѣшивъ президенту объявить, что присяжные достаточно освѣдомлены. Судъ, подчиняясь этому требованію, объявилъ пренія оконченными 30 октября въ восемь часовъ вечера. Всѣ подсудимые были признаны виновными въ заговорѣ противъ единства и нераздѣльности республики и приговорены къ смерти.

При словѣ смерть на скамьѣ подсудимыхъ раздался крикъ изумленія и ужаса. Большинство, въ особенности Буало, Дюко, Фонфредъ, Антибуль, Менвилль, разсчитывали, что ихъ оправдаютъ. Ихъ жесты, выражающіе ужасъ, протянутые къ присяжнымъ кулаки, проклятія вызвали на нѣсколько мгновеній волненіе въ залѣ суда. Одинъ изъ обвиненныхъ, сдѣлавшій почти никѣмъ не замѣченное движеніе по направленію къ груди, какъ бы желая разорвать на себѣ одежду, соскользнулъ со скамьи на полъ. Это былъ Валазе. „Какъ! Валазе, ты слабѣешь?“ спросилъ Бриссо, стараясь его поддержать.—Нѣтъ, я умираю!—отвѣтилъ Валазе, и онъ умеръ положивъ руку на книжалъ, который вонзилъ себѣ въ сердце.

Послѣ этого событія въ залѣ возстановилась тишина. Примѣръ Валазе заставилъ покраснѣть молодыхъ осужденныхъ за ихъ минутную слабость. Только Буало, протестуя противъ приговора, смѣшавшаго его съ жирондистами, бросилъ шляпу въ воздухъ и воскликнулъ: „Я невиненъ! я якобинецъ! я монтаньяръ!“ Эта выходка была встрѣчена всеобщей насмѣшкой. Въмѣсто сочувствія онъ прочиталъ въ глазахъ у всѣхъ презрѣніе. Бриссо опустилъ голову на грудь и погрузился въ размышленія. Фоше и Лассурезъ сложили руки и подняли глаза къ небу. Верньо, сидѣвшій на самой верхней скамьѣ, смотрѣлъ на судей, на своихъ товарищей и на толпу равнодушнымъ взглядомъ, какъ бы стараясь припомнить весь судебный процессъ и найти въ прошедшемъ примѣръ подобной насмѣшки судьбы и такой неблагодарности народа. Силлери бросилъ костыль и воскликнулъ: „Сегодня лучшій день моей жизни!“ Фонфредъ обернулся къ Дюко и рыдая обнялъ его и сказала: „Другъ мой, это я предалъ тебя смерти! Но утѣшься: мы умремъ вмѣстѣ“.

Въ эту минуту въ толпѣ раздается крикъ. Какой-то молодой человѣкъ протискивается между зрителями и тѣтено старается пробраться къ дверямъ. „Дайте мнѣ уйти,

дайте мнѣ не видѣть этого зрѣлища! кричить онъ, закрывая себѣ глаза руками:—Я презрѣнный: это я ихъ убиваю! Это мой „Разоблаченный Бриссо“ предалъ ихъ суду и обвинилъ! Я не могу видѣть послѣдствій своего поступка. Я чувствую, какъ капли крови падаютъ на эту руку, которая ихъ предала!“ Этотъ молодой человѣкъ былъ Камилль Демуленъ, непослѣдовательный въ своемъ состраданіи такъ же, какъ и въ ненависти, злобное, ребяческое легкомысліе котораго то уступало слезамъ, то требовало крови. Равнодушная или презрительная толпа задержала его и заставила замолчать, какъ ребенка.

19.

Было одиннадцать часовъ утра. Когда волненіе, вызванное приговоромъ, нѣсколько утихло, осужденные успокоились, засѣданіе было закрыто при крикахъ толпы: „Да здравствуетъ республика!“

Жирондисты, одинъ за другимъ спустившіеся съ своихъ скамей, окружили тѣло Валазе, лежавшее на возвышеніи, и почтительно притрогивались къ нему пальцами, желая убѣдиться, живъ ли онъ еще. Затѣмъ, какъ бы наэлектризованные прикосновеніемъ къ республиканцу, принесшему себя въ жертву собственной рукою, они вскричали въ одинъ голосъ: „Мы умираемъ невинные! Да здравствуетъ республика!“

Нѣкоторые начали бросать пачки ассигнацій въ народъ, не для того чтобы подкупить толпу, какъ многіе думали, или вызвать бунтъ, но чтобы, подобно римлянамъ, отдать народу деньги, отнынѣ имъ ненужныя. Толпа набросилась на это наслѣдіе умирающихъ и казалась растроганной. Германъ приказалъ жандармамъ увести осужденныхъ. Они вернулись подъ своды лѣстницы, которая вела въ ихъ тюрьмы. Присутствіе духа, на минуту имъ измѣнившее, снова вернулось къ нимъ, когда они увидали, что ихъ участь рѣшена. „Другъ мой, сказалъ Дюко Фонфреду, стараясь улыбнуться:—я вижу только одно средство спастись—это объявить, что наши жизни составляютъ одно цѣлое и наши головы недѣлимы!“

Фонфредъ грустно улыбнулся. Его мысли, болѣе соответствовавшія такой минутѣ, съ грустью перенеслись къ очагу его юной семьи, отъ которой онъ былъ оторванъ. „Ахъ! мои бѣдныя дѣти!“ былъ его единственный отвѣтъ.

Тѣмъ не менѣе, желая сдержать обѣщаніе, которое они дали остальнымъ заключеннымъ въ Консержери,—сообщить, какая ихъ постигнетъ судьба, выходя изъ суда, они заплѣли Марсельезу

Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé! *)

которую проплѣли съ энергіей отчаянія, заставившей задрожать своды тюремныхъ камеръ и коридоры.

При этихъ звукахъ заключенные проснулись и поняли, что осужденные поютъ гимнъ своей собственной смерти. Въ отвѣтъ имъ изъ всѣхъ камеръ раздались восклицанія, вздохи и прощальныя привѣтствія.

На послѣднюю ночь ихъ заперли всѣхъ вмѣстѣ въ одну большую камеру, станціонную залу смерти. Судъ распорядился, чтобы едва остывшее тѣло Ва-

*) Идемте, сыны отечества, день свободы насталъ.

Валазе.

злае было перенесено въ тюрьму, затѣмъ отвезено въ одной телѣжкѣ съ осужденными на мѣсто казни и погребено вмѣстѣ съ ними. Вѣроятно, это былъ единственный въ своемъ родѣ приговоръ, постановившій казнить мертвеца!

Четыре жандарма, исполнители этого приговора Германна, пронесли на носилкахъ вслѣдъ за осужденными окровавленное тѣло и положили его въ углу камеры. Жирондисты подходили къ нему по очереди и цѣловали геройскую руку своего друга. Они покрывали ему лицо плащомъ. Въ ожиданіи близкаго соединенія, прощаніе было скорѣе почтительно, нежели печально. „До завтра“, говорили они тѣлу и собирались съ силами — къ слѣдующему дню.

20.

Онъ близился: была полночь. Депутатъ Бальейль, ихъ сотоварищъ по собранію и единомышленникъ, осужденный, какъ и они, но вычеркнутый изъ списка послѣ Термидора, общалъ имъ въ день окончанія суда прислать послѣдній обѣдъ извѣтъ, смотря по обстоятельствамъ—торжественный или похоронный, чтобы отпраздновать ихъ освобожденіе или въ послѣдній разъ дать имъ вкусить всѣмъ вмѣстѣ трапезу передъ смертью. Бальейль, бывший самъ въ заключеніи, исполнилъ обѣщаніе при помощи одного изъ своихъ друзей. Похоронный обѣдъ былъ накрытъ въ большой камерѣ. Изысканныя кушанья, рѣдкія вина, дорогіе цвѣты, множество свѣчей загромоздили дубовый тюремный столъ. Роскошь послѣдняго прощанія, расточительность умирающихъ, которымъ нечего беречь къ слѣдующему дню. Осужденные сѣли за послѣдній торжественный пиръ сначала для того, чтобы въ тишинѣ подкрѣпить свои ослабѣвшія силы, затѣмъ они захотѣли терпѣливо дожидаться утра и разсѣять свои мысли. Спать не стоило. Аббатъ Ламберъ, въ то время молодой священникъ, которому пришлось пережить ихъ болѣе чѣмъ на поль-столѣтія, другъ Бриссо и другихъ жирондистовъ, приглашенный въ Консержери, чтобы исповѣдать и напутствовать готовящихся къ смерти, ожидалъ въ коридорѣ окончанія ужина. Двери были открыты. Онъ присутствовалъ такимъ образомъ при всей сценѣ и запечатлѣлъ въ душѣ жесты, вздохи и слова собесѣдниковъ. Отъ него-то и узнало потомство большую часть изъ излагаемыхъ ниже подробностей, правдивыхъ какъ совѣсть и вѣрныхъ какъ память друга.

21.

Ужинъ продолжался до разсвѣта. Верньо, занявшій мѣсто въ серединѣ стола, предѣлательствовалъ съ тѣмъ же спокойнымъ достоинствомъ, какъ и въ ночь на 10 августа въ Конвентѣ. Изъ всѣхъ присутствовавшихъ Верньо могъ менѣе всѣхъ остальныхъ сожалѣть прощаясь съ жизнью, потому что слава его миновала и онъ не оставлялъ послѣ себя ни отца, ни матери, ни жены, ни дѣтей. Остальные расположились группами случайно или движимые расположеніемъ. Одинъ только Бриссо сидѣлъ на концѣ стола, ѣлъ мало и все время молчалъ.

Долго ни по выраженію лицъ, ни изъ разговоровъ не было замѣтно, что этотъ ужинъ былъ прелюдіею къ казни. Скорѣе это была случайная встрѣча въ гостиницѣ, на дорогѣ, путешественниковъ, спѣшившихъ насладиться кратковременнымъ удовольствіемъ трапезы, которая должна быть прервана дальнѣй-

шимъ путешествіемъ. Они пили и ѣли съ аппетитомъ, но умѣренно. За дверью слышался шумъ передаваемыхъ блюдовъ и звонъ стакановъ, прерываемый отрывочными фразами: молчаніе собесѣдниковъ, утоляющихъ первый голодь. Когда кушанья были убраны и на столѣ остались только фрукты, вина и цвѣты, бесѣда оживилась: она то становилась шумной, то серьезной, какъ разговоръ беззаботныхъ людей, у которыхъ вино развязало языкъ и оживило мысли. Менвиль, Антибуль, дю-Шатель, Фонфредъ, Дюко, вся эта молодежь, которая не могла представить себѣ, что она настолько состарилась, чтобы умереть на слѣдующій день, развлекалась легкомысленными разговорами и веселыми остротами. Слова ихъ противорѣчили столь близкой смерти, оскверняли святость послѣдняго часа и леденили притворную веселость, которую эти молодые люди старались распространить вокругъ себя. Это притворное веселье передъ Богомъ и смертнымъ часомъ было равно оскорбительно и для жизни, и для смерти. Они не могли такъ легкомысленно ни разстаться съ первой, ни перейти въ другую. Эти предсмертныя шутки падали съ ихъ устъ подобно цвѣтамъ, которые бросаютъ въ могилу, чей запахъ никто не вдыхаетъ и которые, смѣшивая свой ароматъ съ запахомъ могилы, если не являются реликвіями, то походятъ на насмѣшку. Бриссо, Фошеттъ, Силлери, Ласурсъ, Легарди, Карра нѣсколько разъ пытались откликнуться на эти шумныя выраженія притворной веселости и мнимаго равнодушія. Но веселья рѣчи, вырывавшіяся у ихъ юныхъ сотоварищей, замирали на устахъ у этихъ зрѣлыхъ мужей. Верньо, болѣе серьезный и отважный, чѣмъ остальные, смотрѣлъ на Дюко и Фонфреда съ улыбкой снисхожденія и состраданіемъ.

Подъ утро взрывы шума замолкли и разговоръ принялъ болѣе серьезное направленіе и торжественный характеръ. Бриссо началъ предсказывать невзгоды республикѣ, лишенной своихъ самыхъ добродѣтельныхъ и краснорѣчивыхъ гражданъ. „Сколько крови понадобится, чтобы смыть нашу!“ воскликнулъ онъ въ заключеніе. Всѣ на минуту замолчали и, казалось, были поражены призракомъ будущаго, вызваннымъ Бриссо. „Друзья мои! сказалъ Верньо: — мы погубили дерево прививкой; оно было слишкомъ старо, и Робеспьеръ рубить его. Будетъ ли онъ счастливѣе насъ? Нѣтъ. Почва слишкомъ легка, чтобы питать корни гражданской свободы, а этотъ народъ слишкомъ юнъ, чтобы управлять собою по своимъ законамъ, не нанеся вреда себѣ; онъ вернется къ своимъ королямъ, какъ ребенокъ возвращается къ своимъ игрушкамъ!.. Мы ошиблись родившись теперь и умирая за свободу міра, продолжалъ онъ: — мы вообразили, что находимся въ Римѣ, а были только въ Парижѣ! Но революціи подобны тѣмъ кризисамъ, которые въ теченіе одной ночи покрываютъ сѣдиною голову: они заставляютъ быстро созрѣвать народы, а кровь, текущая въ нашихъ жилахъ, достаточно горяча, чтобы оплодотворить почву республики. Не унесемъ же съ собою будущаго и оставимъ народу надежду, взамѣнъ смерти, которую онъ намъ приготовилъ!“

Продолжительное молчаніе воцарилось послѣ этихъ словъ Верньо, и разговоръ, также какъ и мысли, перенесся съ земли на небо. „Что мы будемъ дѣлать завтра въ

этотъ часъ?“ спросилъ Дюко, говорившій всегда о серьезныхъ вещахъ въ шутовскомъ тонѣ. Каждый отвѣтилъ сообразно своему характеру. „Мы будемъ отдыхать послѣ дня,“ сказали нѣкоторые. Скептицизмъ, присущій тому вѣку, окончательно развратилъ помыслы и не допускалъ мысли о безсмертіи души у этихъ людей, шедшихъ на смерть за безсмертіе человѣческой идеи. Безсмертіе души и величественная бесѣда о будущей жизни, къ которой они приближались, заняли послѣднія минуты ночи. Голоса сдѣлались тише; улыбки исчезли; тонъ рѣчей сдѣлался серьезнымъ и глухимъ, какъ удары молота, заколачивающаго гробъ. Фонфредъ, Жансонне, Карра, Фошеттъ, Бриссо начали говорить рѣчи, исполненныя божественности человѣческаго разума и сознательнаго убѣжденія, о таинственныхъ задачахъ невещественной будущности человѣческаго разума.

Молчавшій до тѣхъ поръ Верньо по желанію друзей сказалъ заключительное слово. „Никогда, рассказываетъ свидѣтель, котораго мы цитируемъ и который часто восторгался имъ на трибунѣ:—никогда его лицо, жесты, слова, замогильный звукъ его голоса не затрогивали такъ глубоко сердца его слушателей. Казалось, что онъ говоритъ съ высоты трибуны самого Бога“.

Слова Верньо забыты, только въ душѣ священника сохранилось произведенное ими впечатлѣніе.

Сведя въ одинъ неопровержимый итогъ всѣ нравственныя доказательства существованія Первичнаго Существа, котораго онъ такъ же, какъ и его современники, называлъ Верховнымъ Бытіемъ; указавъ на необходимость Провидѣнія, какъ слѣдствія превосходства этого Верховнаго Бытія надъ существами, созданными Имъ, и правосудія, божественной обязанности Создателя относительно Своихъ твореній; указавъ на вѣрованія народовъ и мудрецовъ начиная съ Сократа до Цицерона и отъ Цицерона до всѣхъ пострадавшихъ праведниковъ, какъ на высшее изъ доказательствъ, потому что оно является въ природѣ человѣка инстинктомъ второй жизни, столь же неопровержимымъ, какъ и инстинктъ жизни настоящей; доказавъ до очевидности и убѣдивъ до энтузіазма въ томъ, что существованіе наше продолжится и послѣ смерти, которая не разрушитъ его, а только придастъ ему иную форму, онъ воскликнулъ съ воодушевленіемъ политическаго пророка, указывая на своихъ товарищей, осужденныхъ какъ и онъ самъ: „Ахъ! Развѣ мы не являемся лучшимъ доказательствомъ безсмертія? Мы, находящіеся здѣсь? Мы спокойны, веселы, равнодушны около тѣла нашего друга въ ожиданіи, что сами скоро обратимся въ грубъ; мы разговариваемъ точно въ мирной бесѣдѣ философовъ о свѣтѣ и тѣмѣ, которая наступитъ за нашимъ послѣднимъ вздохомъ, и мы умираемъ болѣе счастливые, чѣмъ Дантонъ, которому еще предстоитъ жить, и чѣмъ Робеспьеръ, собирающійся торжествовать.“

„Откуда же является это спокойствіе въ нашихъ рѣчахъ и веселіе въ сердцахъ? Не отъ сознанія ли, что мы исполнили великую обязанность относительно человѣчества? Итакъ, что же такое отечество? что такое человѣчество? Неужели эта одушевленная куча пыли, которая сегодня человѣкъ, а завтра будетъ грязью и кровью? Нѣтъ, мы умираемъ не ради этой живой грязи, а ради души человѣчества и отечества! Но что же мы сами, если не частица

этой коллективной души человеческого рода? Итакъ каждый изъ людей, составляющихъ человѣческой родъ, обладаетъ безсмертнымъ, вѣчнымъ духомъ, составляющимъ часть этой души отечества и человеческого рода, за которые такъ славно и сладко пожертвовать собою, пострадать и умереть! Вотъ почему мы не великіе глупцы, продолжалъ онъ:—но существа, повинующіяся своему нравственному назначенію, и послѣ исполненія своего долга мы будемъ продолжать жить, страдать и наслаждаться въ безсмертныхъ судьбахъ человѣчества. И такъ умремъ не съ надеждой, а съ убѣжденіемъ! Нашъ свидѣтель въ этой великой тяжбѣ со смертію—наша совѣсть! нашъ судья—Верховное Бытіе, имя Котораго ищутъ вѣка и предначертаніямъ Котораго мы служимъ орудіями, котораго Онъ ломаетъ во время работы, но обломки ихъ падаютъ къ Его стопамъ. Смерть самый могущественный актъ жизни, потому что черезъ нее мы возрождаемся въ совершеннѣйшую жизнь. Если бы это не было такъ, прибавилъ онъ немного подумавъ:—то существовало бы нѣчто болѣе великое, чѣмъ Богъ. Это было бы вполнѣ такой же человѣкъ, какъ и мы, безкорыстно и безъ мысли о будущемъ отечества приносящей себя ему въ жертву. Такое предположеніе нелѣпость или богохульство. Я отвергаю его съ презрѣніемъ и съ ужасомъ... Нѣтъ, Верно не выше Бога; но Богъ справедливѣе, чѣмъ Верно, и возведетъ его завтра на эшафотъ только затѣмъ, чтобы оправдать его и отомстить за него въ будущемъ“.

Таковы приблизительно были его слова, смыслъ которыхъ былъ записанъ вратцѣ. „Хорошо сказано! вскричалъ Ласуръ:—но въ моемъ сердцѣ есть болѣе вѣское доказательство, чѣмъ краснорѣчіе умирающаго генія,—это слово Бога, умершаго за людей“.—Довольно! остановилъ его пронически улыбаясь одинъ изъ молодыхъ собесѣдниковъ:—Ласуръ, не надо предаваться грезамъ передъ сномъ! Сохранимъ здравый разумъ до завтра. Разумъ—разсуждаетъ, религія грезятъ. Я вѣрю только разуму.—„А я, сказала Силлери:—вѣрю и въ то, и въ другое. Христосъ, умирающій, подобно намъ, на эшафотѣ—божественный Свидѣтель человеческого разума. Нѣтъ, его религія, которую мы слишкомъ смѣшали съ тиранніей, не пригѣсненіе, а освобожденіе. Христосъ былъ жирондистомъ вѣчности!“

Фоше сказалъ патетическое слово о Страстяхъ Христовыхъ, сравнивъ ожидавшую ихъ казнь съ Голгофой. Всѣ расчувствовались, многіе плакали.

Верно привелъ всѣхъ къ соглашенію нѣсколькими фразами. „Пусть каждый изъ насъ вѣрить, во что хочетъ, сказала онъ:—но умремъ, убѣжденные въ нашей жизни и въ цѣнѣ нашей смерти! Пусть каждый изъ насъ принесетъ въ жертву свободѣ то, что имѣетъ, одинъ свое сомнѣніе, другой свою вѣру, а всѣ пусть жертвуютъ своею кровью! Если человѣкъ принесъ себя самого въ жертву Богу, то чѣмъ же можетъ онъ пожертвовать еще?..“

23.

Дневной свѣтъ, проникавшій въ большую камеру черезъ слуховое окно, заставилъ поблѣднѣть свѣтъ свѣчей. „Идите спать, сказала Дюко:—жизнь такая пустая вещь, что не стоитъ часа сна, который мы теряемъ, разговаривая о ней“.—Пободствуемъ, сказалъ Ласуръ Силлери и Фоше:—вѣчность такъ достоверна и такъ страшна, что не хватило бы тысячи жизней, чтобы приго-

товиться къ ней. Съ этими словами они встали изъ-за стола и направились по своимъ комнатамъ и почти все бросились на постели.

Въ большой камерѣ остались тринадцать человѣкъ. Нѣкоторые бесѣдовали вполголоса, другіе старались подавить рыданія, многіе спали. Въ восемь часовъ ихъ начали выпускать заразъ по нѣсколько человѣкъ въ коридоръ. Аббатъ Ламберъ, набожный другъ Бриссо, проведеній ночь у дверей ихъ камеры, находился все еще на своемъ посту, ожидая разрѣшенія поговорить съ ними. Бриссо, увидавъ его, бросился къ нему и судорожно сжалъ его въ объятіяхъ. Священникъ робко предложилъ ему утѣшеніе своей религіи, чтобы смягчить или освятить его смертный часъ. Бриссо съ благодарностью, но рѣшительно отказался. „Знаешь ли ты что-нибудь болѣе святое, чѣмъ смерть честнаго человѣка, умирающаго за то, что отказалъ негодямъ въ крови себѣ подобныхъ?“ спросилъ онъ аббата Ламбера. Священникъ болѣе не настаивалъ.

Ласуръ, бывшій свидѣтелемъ ихъ разговора, подошелъ къ Бриссо. „Вѣришь ли ты, спросилъ онъ его:—въ безсмертіе души и въ небесное Провидѣніе?“ — Да, отвѣчалъ Бриссо:—вѣрю, и иду умирать только потому, что вѣрю.— „Итакъ, продолжалъ Ласуръ:—до религіи тебѣ остается только одинъ шагъ. Я, священникъ другого вѣроисповѣданія, чѣмъ твое, никогда не восторгался такъ служителями твоей религіи, какъ въ этихъ тюрьмахъ, куда они приносятъ осужденнымъ прощеніе, надежду и самого Бога. На твоемъ мѣстѣ я бы исповѣдался“. Бриссо молча удалился. Онъ пошелъ побесѣдовать съ Верньо, Жансонне и молодыми людьми. Большая часть изъ нихъ отказались отъ утѣшенія религіи. Одни сидѣли на дворѣ на каменныхъ перилахъ лѣстницы, другіе прогуливались подъ руку, нѣкоторые стояли на колѣняхъ у ногъ священника и получали его благословеніе послѣ краткаго покаянія во грѣхахъ,—но все спокойно ожидали сигнала къ отправленію; ихъ группы напоминали привалъ передъ битвой.

Аббатъ Эмери, хотя и былъ священникъ не принявшій присяги, получилъ разрѣшеніе поговорить съ Фоше черезъ рѣшетку, отдѣляющую дворъ отъ коридора. Онъ исповѣдалъ и далъ разрѣшеніе отъ грѣховъ кальвадосскому епископу. Прощенный и раскаявшійся Фоше выслушалъ исповѣдь Силлери и передалъ своему другу только что полученное имъ самимъ прощеніе.

Въ десять часовъ вошли палачи, чтобы приготовить головы осужденныхъ къ ножу и связать имъ руки. Все они подставляли сами свои головы подъ ножницы и протягивали руки, чтобы ихъ связали веревками. Жансонне, поднявъ прядь своихъ черныхъ волосъ и передалъ ее аббату Ламберу съ просьбой отдать эти волосы женѣ, убѣжище которой онъ ему указалъ. „Скажи ей, что это все, что я могу ей оставить послѣ себя, но что передъ смертью мои мысли полны только ею“. Верньо вынулъ часы и написалъ остріемъ булавки на внутренней крышкѣ инициалы и число 30 октября; онъ опустилъ часы въ руку одного изъ присутствовавшихъ и просилъ передать ихъ молодой дѣвушкѣ, которую любилъ братекою любовью и на которой, какъ говорили, онъ собирался впоследствии жениться. Во время этихъ приготовленій почти у всехъ выпало имя друга или любимой особы, почти у всехъ нашлись какія-нибудь реликвины, которыя они хотѣли завѣщать тѣмъ, кого покидали на землѣ. Надежда оставить по себѣ память на землѣ—послѣдняя нить, которую

сохраняет умирающей разставаясь с жизнью. Эти таинственные завещания были исполнены.

24.

Когда все волосы упали на плиты тюрьмы, палачи и жандармы выстроили осужденных в колонну и повели во дворъ Дворца Правосудія. Пять телѣжекъ ожидали ихъ. Ихъ окружала огромная толпа. Какъ только жирондисты вышли изъ Консьержери, они затянули въ одинъ голосъ, точно похоронный маршъ, первый куплетъ Марсельезы, многозначительно стараясь подчеркнуть стихъ, имѣвшій двойной смыслъ:

Contre nous de la tyrannie
l'étendard sanglant est levé *).

Съ этой минуты они перестали заботиться о себѣ и думали только чтобы оставить народу память о томъ, какъ умираютъ республиканцы. Ихъ голоса понижались въ концѣ каждаго куплета только затѣмъ, чтобы начать съ большею силой новый. Ихъ шествіе и агонія были одной пѣсней. Они сидѣли по-четверо въ каждой телѣжкѣ. Только въ одной ихъ было пятеро. Тѣло Валазе покоилось на послѣдней скамьѣ. Его непокрытая голова, качавшаяся при толчкахъ телѣжки, ударялась о колѣни его друзей, которые закрывали глаза, чтобы не видѣть его посинѣваго лица. Однако и они пѣли также, какъ и остальные. У подножія эшафота они обнялись въ знакъ того, что заключили союзъ для защиты свободы, на жизнь и на смерть. Затѣмъ они снова затянули похоронную пѣснь, чтобы взаимно ободрить другъ друга во время казни и чтобы тотъ, кого казнятъ, слышалъ до послѣдней минуты голоса своихъ товарищей. Все умерли мужественно, Силлери даже съ ироніей; взойдя на платформу, онъ обошелъ ее кругомъ, кланяясь народу направо и налево, какъ бы благодаря его за славу и за эшафотъ. Послѣ каждаго удара топора пѣнь дѣлалась тише, потому что однимъ голосомъ становилось меньше. Ряды у подножія гильотины рѣдѣли. Наконецъ одинъ только голосъ продолжалъ Марсельезу. Это пѣлъ Верньо, котораго казнили послѣднимъ. Эти послѣднія ноты были послѣдними его словами. Подобно своимъ сотоварищамъ онъ не умеръ, а забылся въ порывѣ энтузіазма, и его жизнь, начатая безсмертными рѣчами, окончилась революціоннымъ гимномъ свободѣ.

Одна телѣга увезла обезглавленные тѣла, одна могильная насыпь покрыла ихъ рядомъ съ могилой Людовика XVI.

Нѣсколько лѣтъ спустя, просматривая архивы прихода Маделенъ, съ цѣлью найти тамъ свѣдѣнія касательно погребеній того времени, любопытные могли прочесть счетъ расходовъ могильщика этого кладбища, написанный на листѣ гербовой бумагѣ и засвидѣтельствованный подписью президента для полученія по немъ уплаты изъ національнаго казначейства, слѣдующія простые слова: „Для двадцати одного депутата Жиронды: гробы—147 ливровъ; расходы по погребенію 63 ливра; итого—210“.

Такова была цѣна земныхъ покрововъ всей партіи основателей рес-

*) Противъ насъ поднято кровавое знамя тиранніи.

публики. Эсхиль или Шекспиръ никогда не придумали бы болѣе горькой на-смѣшки судьбы, чѣмъ этотъ счетъ могильщика, требующаго и получающаго слѣдующую ему плату за погребеніе по очереди всей монархіи и всей рес-публики великой націи.

25.

Таковъ былъ послѣдній часъ этихъ людей. Въ продолженіе короткой жизни у нихъ были всѣ иллюзіи надежды; умирая, они получили величайшее счастье, которое Господь посылаетъ великимъ душамъ: мученическій вѣнецъ, возвышающій до степени святого человѣка, пострадавшаго за свои убѣжденія и за отечество. Судить ихъ было бы лишнее, надъ ними произнесли судъ ихъ жизнь и смерть. У нихъ были три вины: первая состояла въ томъ, что у нихъ не хватило смѣлости отстоять свои убѣжденія и они не провозгласили республики до 10 августа, при открытіи законодательнаго собранія; вторая, что они составили заговоръ противъ конституціи 1791 года, которую они создали и которой присягнули; такимъ образомъ они заставили народную власть дѣйствовать какъ партію, способствовали этимъ казни короля и принудили революцію прибѣгнуть къ жестокимъ мѣрамъ; третья вина, что во все время Конвента они хотѣли управлять, тогда какъ слѣдовало бороться.

У нихъ были три добродѣтели, искупающія многія ихъ вины въ глазахъ потомства: они обожали свободу; они основали республику; наконецъ они умерли за то, что отказали народу въ пролитіи крови. Ихъ современники осудили ихъ на смерть, потомки предадутъ ихъ имена безсмертію и въ воспоминаніе о нихъ будутъ начертаны слова, которыя ихъ пророкъ, Верньо, собственноручно написалъ на стѣнѣ тюрьмы: „Лучше смерть, чѣмъ преступленіе!“ *Potius mori quam foederi!* *).

Едва головы ихъ скатились къ ногамъ народа, какъ Конвентъ и вся Франція приняли мрачный, кровавый характеръ. Молодость, красота, иллюзіи, гений, краснорѣчіе древнихъ, все исчезло вмѣстѣ съ ними въ ихъ родинѣ. Парижъ могъ бы сказать себѣ то же, что сказали лакедемоняне, когда на полѣ битвы пало все ихъ юношество: „Отечество лишилось своего цвѣта, свобода обаянія, революція весны“.

Въ то время какъ двадцать одинъ жирондистъ погибъ такимъ образомъ въ Парижѣ, Петіонъ, Бюзо, Барбару, Гаде блуждали какъ дикіе звѣри, которыхъ травятъ въ лѣсахъ и въ пещерахъ Жиронды; госпожа Роланъ ожидала смертнаго часа въ тюрьмѣ Аббатства; Дюмурье метался въ своемъ убѣжищѣ, стараясь заглушить угрызения совѣсти, а Лафайетъ, вѣрный свободѣ, искушалъ въ подземельяхъ цитадели Ольмюца свое преступленіе, состоявшее въ томъ, что онъ былъ ея апостоломъ и проповѣдывалъ о ней даже въ оковахъ.

*) Лучше умереть, чѣмъ покрыть себя поворомъ.

XLVIII.

Герцогъ Орлеанскій привезенъ изъ Марселя въ Парижъ и заключенъ въ Консьержери.—Судъ надъ нимъ.—Осужденіе его.—Казнь.—Судъ исторіи объ этомъ принцѣ.

1.

Конвентъ, нанеся ударъ подозрѣнію въ измѣнѣ въ лицѣ Кюстина, роялизму въ лицѣ королевы и федерализму въ лицѣ жирондистовъ, хотѣлъ предупредить возможность возникновенія новой династіи, поразивъ еще одну голову, и окружить республику трупами всѣхъ ея бывшихъ, настоящихъ и будущихъ враговъ.

Онъ вспомнилъ о герцогѣ Орлеанскомъ, который долго былъ сообщникомъ революціи, а теперь сдѣлался ея жертвой.

Мы оставили этого принца, заключеннаго съ двумя его сыновьями въ крѣпости Сенъ-Жанъ въ Марсели и переносящаго въ этой тюрьмѣ всѣ мученія заточенія. Допрошенный въ первый разъ 7 мая предсѣдателемъ революціоннаго суда Бушъ-де-Рономъ объ его сношеніяхъ съ Мирабо, Лафайетомъ и Дюмурье и о заговорахъ съ цѣлю возстановить монархическую власть и завладѣть трономъ, герцогъ Орлеанскій смутилъ своихъ обвинителей. Онъ отвѣтилъ какъ убѣжденный республиканецъ, приносящій свое честолубіе въ жертву убѣжденіямъ, свое общественное положеніе—долгу, а кровь—отечеству. Онъ перечислилъ свои поступки и представилъ доказательства, почему такъ дѣйствовалъ. Эти доказательства были убѣдительны и въ то же время ужасны. Допросъ, опубликованный въ искаженномъ видѣ, вызвалъ въ парижскихъ газетахъ опасную полемику, которая, оправдывая принца, въ то же время старалась обратить на него особенное вниманіе якобинцевъ. Его враги, жирондисты, погубили его своею смертью.

Съ нѣкотораго времени строгость его тюремнаго заключенія была ослаблена. Ему разрѣшили видѣться съ сыновьями: герцогомъ Монпансье и герцогомъ Божоле и раздѣлять трапезу съ ними. Молодые принцы, почти не вышедшіе еще изъ дѣтскаго возраста, невинные вслѣдствіе своихъ юныхъ лѣтъ, и виновные только благодаря имени, которое они носили, были заключены въ одной крѣпости съ своимъ отцомъ, но въ другомъ помѣщеніи. Имъ было позволено получать газеты и вести переписку. Въ душѣ принца пробудилась надежда. Видя, какъ съ политической арены одинъ за другимъ исчезаютъ его

самые ожесточенные обвинители: Маратъ, Бюзо, Барбару, Петіонъ, онъ вообразилъ, что Гора, болѣе справедливая, скоро призоветъ его въ свое лоно. Безупречный монтаньяръ по своимъ поступкамъ и убѣжденію, онъ не могъ представить себѣ, чтобы искренніе республиканцы захотѣли убить въ его лицѣ перваго и самаго безкорыстнаго изъ республиканцевъ. Крайняя неблагодарность народа всегда бываетъ ловушкой и ставитъ въ тупикъ популярныхъ людей. Они думаютъ объ оказанныхъ ими услугахъ, но эти услуги вмѣняются имъ въ преступленіе во время переменъ въ ходѣ событій и при естественномъ непостоянствѣ убѣжденій.

15-го октября парижскія газеты принесли вѣсть въ Марсель, что Конвентъ постановилъ въ непродолжительномъ времени начать судъ надъ герцогомъ Орлеанскимъ. Принцъ сидѣлъ за столомъ съ своими сыновьями. „Тѣмъ лучше, сказалъ онъ имъ:—это должно такъ или иначе скоро окончиться для меня. Обнимите меня, дѣти! Сегодня прекрасный день въ моей жизни. И въ чемъ, продолжалъ онъ:—могутъ они меня обвинить?“ Онъ развернулъ газету и прочелъ обвинительный декретъ. „Этотъ декретъ ни на чемъ не основанъ, вскричалъ онъ:—его сочинили великіе негодяи! Но не бѣда, пусть ихъ стараются, имъ ничего не удастся найти противъ меня. Перестаньте, друзья мои, продолжалъ онъ, видя опечаленныя и встревоженныя лица сыновей:—не грустите о томъ, что я считаю для себя пріятной новостью, и давайте продолжать игру“.

Черезъ день изъ Парижа пріѣхали комиссары. Они обнадежили принца, что близкій судъ навѣрняка оправдаетъ его и освободитъ.

На лицахъ и въ словахъ отца и дѣтей сквозила радость и безпечность. Но 23 октября, въ пять часовъ утра, принцъ въ дорожномъ платьѣ вошелъ въ сопровожденіи жандармовъ и комиссаровъ въ комнату старшаго сына и, нѣжно обнимая его, сказалъ орошая слезами лицо сына: „Я пришелъ проститься съ тобою, потому что я уѣзжаю“. Ребенокъ отвѣтилъ на это только рыданіями. „Я хотѣлъ, продолжалъ отецъ:—уѣхать не простившись, потому что минута разлуки всегда бываетъ тяжела. Но я не могъ побороть въ себѣ желанія увидѣть тебя еще разъ передъ отъѣздомъ. Прощай, дитя мое, не горюй и утѣшь своего брата и думайте оба о томъ счастья, которое мы вскорѣ испытаемъ при нашемъ свиданіи“. Съ этими словами онъ вырвался изъ объятій сына. Братья провели весь день утѣшая другъ друга въ разлукѣ съ отцомъ, оставившей ихъ сиротами въ рукахъ жестокихъ тюремщиковъ. Они обожали въ лицѣ герцога Орлеанскаго нѣжнаго и добраго отца. Они не судили его, какъ принца. Они не критиковали его, какъ человѣка. Къ тому же сама природа побуждала ихъ не судить, а любить и жалѣть своего отца.

3.

Между тѣмъ принцъ, въ сопровожденіи одного только преданнаго слуги, по имени Гамашъ, ѣхалъ вмѣстѣ съ комиссарами Конвента по дорогѣ въ Парижъ подъ конвоемъ сильнаго отряда жандармовъ. Они ѣхали медленно

и ночевали въ гостиницахъ большихъ городовъ. Въ Оксерѣ принцъ вышелъ изъ кареты, чтобы пообѣдать. Во время обѣда одинъ изъ комиссаровъ написалъ въ Комитетъ всеобщей безопасности записку, извѣщая правительство о часѣ пріѣзда принца въ Парижъ и спрашивая, въ которую изъ тюремъ прикажутъ отвезти плѣнника.

У парижской заставы посланный Комитета остановилъ лошадей, сѣлъ въ карету и приказалъ кучеру ѣхать въ Консьержери. Принцъ вышелъ во дворъ Дворца Правосудія, который былъ полонъ любопытныхъ, събѣжавшихся при извѣстїи о его пріѣздѣ. Его отвели комнату, рядомъ съ той, въ которой провела предсмертные часы Марія-Антуанета. Преданнаго его слугу оставили при немъ. Когда комиссары удалились, герцогъ сказалъ Гамашу:— „Итакъ, вы желали послѣдовать за мною даже въ эту тюрьму? Благодарю васъ, Гамашъ: надо надѣяться, что мы не вѣчно будемъ въ тюрьмѣ“. Онъ хотѣлъ написать дѣтямъ, но побоялся, чтобы его письма не распечатали или не перехватили. Имена сыновей и дочери были постоянно на его устахъ.

Его защитникъ Вуадель свободно сносился съ нимъ; онъ нѣсколько разъ ходилъ въ Комитетъ общественной безопасности и, возвращаясь оттуда, увѣрялъ подсудимаго, что его оправдаютъ.

Въ теченіе четырехъ дней, предшествовавшихъ началу процесса, принцъ переходилъ отъ иллюзїи къ равнодушію, какъ человѣкъ, которому тяжело жить и для котораго смерть является отдыхомъ. 6-го ноября онъ предсталъ передъ судомъ. Обвиненіе было такъ же неопредѣленно и химерично, какъ и обвиненіе жирондистовъ. Краткіе и точные отвѣты подсудимаго не оставили никакого мотива для обвиненія. Вся его жизнь свидѣтельствовала за него еще лучше, чѣмъ слова. Онъ принесъ въ жертву республикѣ все, даже свою совѣсть. На вопросъ Германия, не подалъ ли онъ голосъ за смерть тирана изъ честолюбиваго намѣренія наслѣдовать ему, онъ отвѣтилъ: „Нѣтъ, я поступилъ такъ по убѣжденію и по совѣсти“. Онъ выслушалъ свой приговоръ такъ, какъ выслушалъ бы приговоръ, произнесенный другому. Онъ только замѣтилъ судьямъ съ отгѣнкомъ легкой иронїи: „Такъ какъ вы уже рѣшили погубить меня, то вы должны были бы, по крайней мѣрѣ, найти болѣе вѣскаій предлогъ для моего осужденія; потому что вы никогда и никого не убьдете въ томъ, что считаете меня виновнымъ въ тѣхъ измѣнахъ, въ которыхъ вы меня обвиняете“. Затѣмъ, пристально посмотрѣвъ на бывшаго маркиза Антонелля, прежняго повѣреннаго его революціонныхъ дѣйствій, а теперь старшину присяжныхъ, приговорившихъ его къ смерти, онъ сказалъ ему съ упрекомъ: „Особенно вы, такъ хорошо знавшій меня“. Антонелль опустилъ глаза. „Въ концѣ концовъ, продолжалъ принцъ тономъ мужественнаго нетерпѣнія:—Такъ какъ моя участь рѣшена, то я прошу васъ не заставлять меня томиться здѣсь до завтра (онъ указалъ при этомъ рукою на дверь Консьержери) и приказать немедленно вести меня на казнь“. И онъ твердыми шагами вернулся въ тюрьму.

4.

Два священника, аббатъ Ламберъ и аббатъ Лотрингеръ, тѣ же самые, которые бесѣдовали въ послѣднюю ночь съ жирондистами, ждали у топившагося

камина въ большой тюремной камерѣ, разговаривая со сторожами и жандармами, возвращенія подсудимыхъ изъ залы суда.

Они видѣли, какъ вошелъ герцогъ Орлеанскій уже не съ прежнимъ напускнымъ равнодушіемъ, которое каждый мужественный человѣкъ старается придать своей осанкѣ передъ лицомъ своихъ враговъ, а разстроенный, возмущенный человѣческой несправедливостью и сѣбшашій подъ кровомъ тюрьмы излить все накопившееся въ его душѣ передъ самимъ собою и передъ Богомъ; походка его была тороплива, движенія порывисты, лицо пылало гнѣвомъ. Отрывистыя восклицанія срывались помимо воли съ его губъ; онъ поднималъ глаза къ небу и большими шагами ходилъ по камерѣ. „Негодяи! восклицала онъ повременамъ, какъ бы пораженный внезапной мыслью или воспоминаніемъ:—негодяи! я всеѣмъ пожертвовалъ имъ: положеніемъ, состояніемъ, честолюбіемъ, честью, будущей славой своею дома, даже погралъ въ себѣ естественное чувство и совѣсть осуждая ихъ враговъ!.. И вотъ награда, которую они приготовили мнѣ!.. Ахъ! если бы я дѣйствовалъ, какъ они говорятъ, изъ личнаго честолюбія, то какъ несчастливъ былъ бы я теперь! Но я поступалъ такъ изъ честолюбія, имѣвшаго болѣе возвышенный источникъ, чѣмъ желаніе достигнуть трона, изъ честолюбія добиться свободы для моего отечества и счастья для мнѣ подобныхъ! И такъ, да здравствуетъ республика!.. Этотъ крикъ раздается изъ моей темницы такъ же, какъ онъ раздавался изъ моего дворца!“ Потомъ онъ растрогался при мысли о своихъ заточенныхъ дѣтяхъ, которымъ, быть можетъ, грозило осужденіе. Онъ призывалъ ихъ, точно онъ былъ одинъ. Онъ говорилъ громко и стучалъ ногами о плиты, а руками въ стѣны своей темницы.

5.

Жандармы и тюремщики, стоявшіе въ сторонѣ, неподвижные, безмолвные, дали безпрепятственно излиться этой всыпкѣ души осужденнаго. Когда порывъ его негодованія утихъ, герцогъ Орлеанскій подошелъ къ камину. Нѣмецкій священникъ Лотрингеръ, нетактичный и назойливый, безъ всякихъ вступленій прямо подошелъ къ принцу и сказалъ ему: „Ну, сударь, довольно стонать, пора исповѣдываться!“—Оставьте меня въ покоѣ, дуракъ! отвѣтилъ, грубо выругавшись и сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе, герцогъ Орлеанскій.—„Значитъ вы хотите умереть такъ же, какъ и жили?“ продолжалъ пораженный священникъ.—О, да! тономъ жестокой шутки, отвѣтили жандармы:—онъ хорошо жилъ! пусть онъ умретъ такъ же, какъ и жилъ!“

Аббатъ Ламберъ, человѣкъ сердечный и деликатный, страдалъ въ душѣ отъ неловкости своего собрата, отъ грубости солдатъ и униженія осужденнаго.

Онъ подошелъ къ принцу съ почтительнымъ и растроганымъ видомъ. „Эгалите, сказалъ онъ ему:—я пришелъ предложить тебѣ Святые Дары или по крайней мѣрѣ утѣшеніе служителя Вожія. Хочешь принять ихъ отъ чело-
вѣка, отдающаго тебѣ справедливость и чувствующаго къ тебѣ искреннее расположеніе?“—Кто ты такой? спросилъ его герцогъ Орлеанскій, выраженіе лица котораго смягчилось.— „Я главный викарій Парижскаго епископа, отвѣтилъ священникъ:—

Если ты отказываешься от моих услуг, как священника, то, может быть, как человекъ я могу исполнить твои порученія относительно твоей жены и семьи?—Нѣтъ, благодарю, возразилъ герцогъ Орлеанскій:—я не хочу, чтобы въ мою совѣсть заглянулъ кто-нибудь, кромѣ меня самого, и мнѣ не нужно никого, чтобы умереть, какъ подобааетъ доброму гражданину“. Онъ приказалъ подать себѣ завтракъ, ѣлъ и пилъ много, но не до опьянѣнія. Когда одинъ изъ членовъ суда пришелъ спросить его, не имѣетъ ли онъ сообщить что-либо имѣющее значеніе для республики, онъ отвѣтилъ: „Если бы я зналъ, что нѣчто угрожаетъ безопасности отечества, я не сталъ бы ожидать этой минуты, чтобы объявить объ этомъ. Впрочемъ, я не питаю ни малѣйшей злобы противъ суда, даже противъ Конвента и патріотовъ: не они хотятъ моей смерти, а такъ предназначено свыше...“ И онъ замолчалъ.

6.

Въ три часа за нимъ пришли, чтобы отвести его на эшафотъ. Заключенные въ Консьержери, почти всѣ относившіеся враждебно къ той роли, которую игралъ герцогъ Орлеанскій къ революціи, и къ самому его имени, толпились на площадкахъ, въ коридорахъ и у рѣшетокъ, чтобы посмотреть, какъ пройдетъ герцогъ. Его конвоировали шестеро жандармовъ съ саблями на-голо. По его осанкѣ, по манерѣ держать голову и по тому, какъ онъ твердо шагалъ по плитамъ, его скорѣе можно было принять за солдата, идущаго въ сраженіе, нежели за осужденнаго, котораго ведутъ на казнь. Аббатъ Лотрингеръ сѣлъ въ телѣжку вмѣстѣ съ нимъ и тремя другими осужденными.

Они двинулись подъ конвоемъ конной жандармеріи. Телѣжка подвигалась медленно. Всѣ взоры искали принца: одни—какъ предметъ мести, другіе—какъ искупительную жертву. Никогда, казалось, онъ не держалъ себя съ большимъ благородствомъ и достоинствомъ, какъ въ этотъ послѣдній день своей жизни. Сознаніе, что онъ умираетъ гражданиномъ, сдѣлало его снова принцемъ. Онъ гордо держалъ голову; онъ обводилъ равнодушнымъ взоромъ толпу. Онъ отворачивался, чтобы не слышать увѣщаній священника, не перестававшаго досаждать ему. Вслѣдствіе тѣсноты или ухищренной жестокости телѣжку остановили на минуту на площади Пале-Рояль, противъ его бывшего дворца. „Зачѣмъ остановились здѣсь?“ спросилъ онъ.—„Чтобы ты могъ полюбоваться своимъ дворцомъ, отвѣтилъ священникъ:—Видишь, путь сокращается, цѣль приближается, подумай о своей совѣсти и покайся“. Принцъ молча посмотрѣлъ на окна своего прежняго жилища, гдѣ онъ обдумалъ зачатки революціи, наслаждался разсыянной жизнью въ юности и испыталъ семейныя привязанности. Надпись: „Национальная собственность“ на дверяхъ Пале-Рояль, замѣнившая его гербъ, дала ему понять, что республика еще до его смерти раздѣлила его имущество и что эта кровля и эти сады не будутъ болѣе служить убѣжищемъ даже его дѣтямъ. Это зрѣлище униженія и проскрипціи его рода поразило его сильнѣе, чѣмъ топоръ палача. Голова его упала на грудь, какъ будто ее уже отдѣлили отъ туловища, и онъ отвернулся въ другую сторону.

Онъ продолжалъ путь по улицѣ Рояль унылый и безмолвный до площади

Революціи. Видъ толпы, наводнившей площадь, и бой барабановъ заставили его поднять голову изъ боязни, чтобы его грусть не приняли за слабость. Священникъ еще съ большимъ усердіемъ продолжалъ настаивать, чтобы онъ принялъ напутствіе религіи. „Смирись передъ Богомъ и покайся въ своихъ грѣхахъ“. — Могу ли я сдѣлать это среди этой толпы и этого шума? Мѣсто ли здѣсь для раскаянія или мужества? отвѣтилъ принцъ. — „Такъ покайся мнѣ, возразилъ священникъ:—въ томъ изъ своихъ грѣховъ, который болѣе другихъ тяготитъ твою душу: Богъ зачтетъ тебѣ твое желаніе и невозможность исполнить его, а я разрѣшу тебѣ твоей грѣхъ во имя Его“.

Побѣжденный настойчивостью священника и утомленіемъ, а быть можетъ и близостью эшафота, къ которому его приближалъ каждый оборотъ колесъ, принцъ склонился передъ служителемъ Божиимъ и пробормоталъ нѣсколько словъ, которыя затерялись въ шумѣ толпы и въ тайнѣ исповѣди. Онъ получилъ прощеніе Неба въ нѣсколькихъ шагахъ отъ эшафота, на томъ самомъ мѣстѣ, откуда Людовикъ XVI послалъ прощеніе своимъ врагамъ.

Принцъ былъ одѣтъ изящно, на иностранный манеръ, какъ онъ привыкъ одѣваться еще съ юности. Когда онъ сошелъ съ телѣжки и поднялся на помость гильотины, помощники палача хотѣли снять съ него узкіе, плотно облегавшіе ему ноги сапоги. „Нѣтъ, нѣтъ, хладнокровно остановилъ онъ ихъ:—вамъ будетъ удобнѣе снять ихъ потомъ; скорѣе, скорѣе!“ Онъ не поблѣднѣвъ взглянулъ на лезвіе ножа. Онъ умеръ спокойно, съ упованіемъ на будущее. Былъ ли это стоицизмъ характера? Проявился ли въ немъ въ послѣдній разъ убѣжденный республиканецъ? Или имъ руководила честолюбивая надежда отца, что за нѣсколько капель его крови непостоянная нація отдастъ тронъ его сыновьямъ.

7.

Все осталось загадкой въ этомъ принцѣ. Самая память о немъ представляеть загадку, и, произнося свой судъ о немъ, историкъ долженъ бояться власти въ ошибку оправдывая или осуждая его. Само описываемое нами время неблагоприятно для этого сужденія. Сынъ его царствуетъ во Франціи. Снисходительное отношеніе къ памяти отца могло бы показаться ему лестью, вызываемой его успѣхомъ, строгость—теоретической предвзятостью. Итакъ страхъ показаться подобострастнымъ или непріязненнымъ равно заставляютъ писателя остерегаться прослыть несправедливымъ. Но справедливость, съ которой мы должны относиться къ умершимъ, и истина, которой мы обязаны исторіи, заставляютъ писателя, не прибѣгая къ хитростямъ, писать одну только правду о своемъ времени. Чтобы остаться правдивымъ, писатель не долженъ бояться навлечь на себя подозрѣніи въ лести. Память не размѣнная монета въ рукахъ живыхъ.

Какъ республиканца, этого принца, по нашему мнѣнію, оклеветали. Всѣ партіи точно взаимно согласились сдѣлать его имя предметомъ проклятія и всеобщаго презрѣнія: роялисты потому, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей революціи; республиканцы потому, что его смерть была одной изъ самыхъ гнусныхъ неблагодарностей республики; народъ потому, что онъ былъ принцъ; аристократы потому, что онъ перешелъ въ народъ; заговорщики потому, что онъ не позволялъ пользоваться его именемъ въ заговорахъ про-

тивъ своего отечества, а всё потому, что онъ отказался отъ подозрительной славы, которую называютъ героизмомъ Брута. Люди безпристрастные держались того мнѣнія, что если онъ подалъ голосъ за смерть короля изъ убѣжденія и республиканизма, то это убѣжденіе противорѣчило его чувству и походило на посягательство на природу. Но у ненавистниковъ было много причинъ клеветать на него, чтобы отстранить клеветы и разные слухи отъ самихъ себя. По мѣрѣ того какъ событія революціи все болѣе и болѣе освѣщаются и каждая партія, умирая, завѣщаетъ исторіи свои тайны, память герцога Орлеанскаго очищается отъ приписываемыхъ ему заговоровъ, измѣнъ, преступленій и вліянія. Революція не должна питать къ этому человѣку ни глубокой благодарности, ни острой вражды. Она употребляла его какъ орудіе, которое въ концѣ концовъ сломала. Онъ не былъ ни создателемъ ея, ни господиномъ, ни Судой, ни Кромвелемъ.

Революція была не заговоромъ, а философіей; она не проданась человѣку, а преслѣдовала идею. Видѣть ее всецѣло воплощенной въ герцога Орлеанскаго—значить слишкомъ возвеличить человѣка или слишкомъ унижить событіе. Исключая первыя народныя волненія въ Парижѣ, ни въ одномъ изъ рѣшительныхъ дней не встрѣчается его имени, не видно ни его руководства, ни его золота. Быть можетъ, онъ и мечталъ одно время о коронѣ, которую единодушно предложить ему народная любовь. Быть можетъ, онъ съ преступнымъ чувствомъ удовлетворенія и радовался виду паденія и страданія униженныхъ его королевы и двора. Но онъ скоро понялъ, что революція не увѣчиваетъ никого и уносить вмѣстѣ съ трономъ и всѣхъ претендентовъ на него, всѣхъ, кто переживаетъ монархію. Тогда онъ раскаялся; несчастія Людовика XVI тронули его. Онъ искренно желалъ примириться съ королемъ и поддержать конституцію. Но оскорбленія придворныхъ и придворная антипатія заставили его отказаться отъ своего намѣренія. Тогда онъ сдѣлался сторонникомъ крайнихъ убѣжденій. Онъ бросился туда съ отчаянія. Тамъ онъ былъ встрѣченъ недоверіемъ и оскорбленіями народныхъ вождей, которые не могли простить ему его имени. Дантонъ покинулъ его; Робеспьеръ притворился, что боится его; Маратъ оклеветалъ его; Камилль Демуленъ показывалъ на него пальцемъ террористамъ. Жирондисты—обвинили его, а монтаньяры предали эшафоту.

8.

Онъ перенесъ всё эти превратности судьбы со стойкостью принца, просящаго у своей родины только званія гражданина, а у республики чести умереть за нее. И онъ умеръ безропотно, какъ будто неблагодарность республикъ есть гражданская корона ея основателей. Съ тѣхъ поръ онъ отказался отъ своего званія и всецѣло отдалъ себя народу сначала служба ему, а затѣмъ сдѣлавшись его жертвой. Къ несчастію для его памяти, онъ выступилъ также какъ судья въ процессѣ, отъ участія въ которомъ онъ долженъ былъ отказаться. Поразивъ его, народъ покаралъ его за это менѣе строго, чѣмъ потомство.

Если кто-нибудь шель слѣпо, но неуклонно за революціей до конца, не спрашивая себя, куда она ведетъ, такъ это былъ именно герцогъ Орлеанскій. Онъ

былъ Эдипомъ семьи Бурбоновъ. Человѣкъ слабохарактерный, преступный какъ родственникъ, но безупречный какъ патриотъ, убійца своей славы, онъ осуществилъ на себѣ слова Дантона: „Пусть погибнетъ память о насъ, но будетъ спасена республика!“ Онъ былъ подлъ—если принесъ эту жертву ради популярности; жестокъ, если дѣйствовалъ по убѣжденію; гнусенъ—если поступалъ изъ честолюбія—тайну мотивовъ своего политическаго поведенія, онъ унесъ съ собою къ престолу Божию. Сомнѣваясь въ руководившихъ имъ побужденіяхъ, исторія можетъ строить только предположенія.

Въ революціонныхъ движеніяхъ есть величіе, которое сообщается людямъ и возвышаетъ иногда самыя низкія души, соразмѣрно событіямъ, въ которыхъ они принимаютъ участіе. Люди легкомысленные и испорченные становятся незамѣтно серьезными, преданными, трагическими какъ мысль, во имя которой они дѣйствуютъ и которая увлекаетъ ихъ въ своемъ порывѣ. Быть можетъ къ числу такихъ людей принадлежалъ и герцогъ Орлеанскій. Его жизнь, безпорядочная въ юности, запятнанная въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, трагическая въ концѣ, началась скандаломъ, продолжалась въ заговорахъ и кончилась исполненіемъ.

Подобно Вруту, предмету его подражанія и заблужденія, онъ навсегда останется загадкой въ глазамъ потомства. Но оно извлечетъ для себя великій урокъ: когда въ сердцѣ гражданина борются убѣжденіе и природа, то всегда надо слушаться голоса природы, потому что убѣжденія часто бываютъ ошибочны, а природа всегда непогрѣшима. Притомъ человѣческое сердце прощаетъ тому, кто погрѣшаетъ противъ убѣжденія и иногда даже восхищается этимъ. Но преступления, совершаемыя противъ природы, осуждены Богомъ и люди никогда ихъ не прощаютъ.

XLIX.

Внутреннее и внешнее положеніе республики.—Карно.—Положеніе союзниковъ.—Смерть генерала Дампьера.—Англія.—Питтъ.—Дюнгеркъ осажденъ английскими войсками.—Гушаръ—главнокомандующій Сѣверной арміи.—Журданъ.—Гошъ.—Левассеръ и Дельбрель, народные представители.—Сраженіе при Гондшоотъ.—Освобожденіе Дюнгерка.—Гушаръ осужденъ и преданъ смерти.—Журданъ замѣняетъ его.—Битва при Ватини.—Представитель Дюкенуа.—Съ Мобѣжа снята осада.—Генералъ Шансель умираетъ на эшафотѣ.—Пишегрю командуетъ Рейнской арміей; Гошъ—Мозельской.—Предшественники этихъ генераловъ.—Вандея.—Лионъ и Тулонъ.—Описаніе Лиона.—Его населеніе.—Его нравы.—Стремленія.—Шалье.—Его воспитаніе.—Юность.—Убіиство плѣвниковъ.—Волненія въ Лионѣ.—Секціи возстаютъ.—Мадинье.—Секціи побѣждаютъ.—Осужденіе и казнь Шалье.—Лионъ переходитъ отъ сопротивленія къ бунту.—Шассэ и Бирото находятъ убѣжище въ Лионѣ.—Народная комиссія.—Работы и приготовленія къ защитѣ.—Де-Преси провозглашаетъ лионцами главнокомандующимъ.—Де-Шенелетъ и де-Виріе.—Келлерманъ получаетъ приказаніе отъ Конвента блокировать Лионъ.—Осада и бомбардировка этого города.—Отчаянная защита лионцевъ.—Ропне замѣняетъ Келлермана.—Лионъ доведенъ до послѣдней крайности.—Убѣжище осажденныхъ.—Колонна, которой начальствовалъ Виріе, разбита на голову.—Исчезновеніе де-Виріе.—Колонна де-Преси раздѣляется.—Она разбита и уничтожена.—Бѣгство де-Преси.—Ему удастся пробраться въ Швейцарію.

1.

Во время этихъ событій республика перешла отъ эшафотовъ къ полямъ битвъ. По мѣрѣ того какъ она становилась все отвратительнѣе внутри, она дѣлалась все грознѣе извнѣ. Нарушеніе ея границъ на сѣверѣ вызывало въ ней болѣе патріотизма, чѣмъ ужаса. Поголовное ополченіе и вооруженіе шло быстро и совершалось въ порядкѣ. Главная квартира Карно, котораго справедливо называли Лувуа Террора, находилась въ Комитетѣ общественного спасенія. Послѣ смерти Кюстина Карно сдѣлался настоящимъ генералиссимусомъ всѣхъ войскъ республики. Эти войска, разбитыя на отдѣльные лагеря, въ которыхъ они находились какъ бы въ плѣну, укрупнившіяся за линіями окоповъ, потерявшія довѣріе къ своимъ вождямъ и разведенныя между собою, въ которыхъ царилъ тактика пассивнаго сопротивленія, начали стягиваться и спланиваться въ массы; духъ поднялся въ нихъ, дѣлая ихъ способными къ побѣдѣ. Карно и его сотоварищи по комитету, вида отчаянное положеніе отечества, придумали новѣйшій способъ войны—войну народную. До тѣхъ поръ война была искусствомъ, а кампанія—передвиженіями войскъ по извѣстнымъ правиламъ, въ которыхъ генералы тратили искусство и

время на стратегическіе маневры и на взятіе нѣсколькихъ крѣпостей. Карно обратилъ ее въ инстинктъ. Онъ пренебрегалъ ребяческими тактиками и превратилъ ихъ въ высшую тактику. Тактика эта состояла въ возможно скорѣйшемъ передвиженіи вооруженнаго народа на границы; онъ шелъ быстро и напрямикъ, разилъ въ самый центръ, въ виду большихъ результатовъ не обращалъ вниманія на мелкіе неудачи и на потерю нѣсколькихъ городовъ, замѣнилъ дисциплину энтузіазмомъ и побѣду провозгласилъ лозунгомъ войскъ и генераловъ. Эта система не замедлила укрѣпить духъ нашихъ батальоновъ и смутила нашихъ враговъ.

2.

Никогда слабость союзниковъ не обнаруживалась явнѣе, какъ въ кампаніяхъ, послѣдовавшихъ за 1792 годомъ. Европейскіе кабинеты и генералы, повидимому, не знали цѣны двумъ вещамъ, которыми военные люди должны наиболѣе дорожить: времени и быстротѣ передвиженій. Мы видѣли, съ какою медлительностью Австрія, Пруссія и Имперія сформировали свои войска въ 1791 г. и съ какой нерѣшительностью, похожей скорѣе на измѣну, чѣмъ на осторожность, генералиссимусъ герцогъ Брауншвейгскій перешелъ границу и наступалъ на армію Дюмуре. Если бы герцогъ Брауншвейгскій, а вслѣдъ затѣмъ и принцъ Кобургскій, получивъ тайную инструкцію, начали утомлять французскія войска передвиженіями и стычками, благодаря которымъ они впоследствии побѣдили, то они не придерживались бы иной системы.

Вмѣсто того, чтобы напасть врасплохъ на безоружную и разъединенную Францію, двинуться колоннами въ сто или двѣсти тысячъ человекъ на Парижъ черезъ одинъ изъ многочисленныхъ проходовъ, которые природа создала на нашихъ границахъ въ рейнскихъ долинахъ, или черезъ равнины Сѣвера, эти генералы потратили восемнадцать мѣсяцевъ на военные совѣты, на недостаточное вооруженіе и на робкія развѣдки; почти всегда противопоставляя нашимъ батальонамъ или батальоны равной силы или болѣе слабые, они подвигались впередъ лишь для того, чтобы затѣмъ снова отступить, какъ будто Франція была знойной почвой, обжигавшей ноги ихъ солдатъ и лошадей. Геній свободы былъ обязанъ такимъ неприятелемъ революціи. Тайные союзники не могли бы принести ей болѣе пользы.

Соперничество кабинетовъ способствовало не менѣе отсутствію генія у генераловъ тому, чтобы дать Франціи время собраться съ силами. Между ними не было никакаго серьезнаго соглашенія. Ни одна изъ державъ не хотѣла помочь другой одержать сколько-нибудь серьезную побѣду. Все онѣ боялись чужихъ побѣдъ быть можетъ болѣе, чѣмъ пораженія. Онѣ ограничивались поэтому сохраненіемъ декорума войны съ нами, то есть защищали свои территоріи угрожая то тутъ, то тамъ нашимъ крѣпостямъ, сражались съ отдѣльными нашими отрядами, но ни разу не напали сообща. Они допустили Дюмуре перенестись съ лучшими его батальонами изъ освобожденной Шампани въ покоренную Бельгію; видя паденіе трона, судъ надъ королемъ, возникновеніе республики, убійство королевы, взрывъ парижскихъ волненій, достигшій и до ихъ троновъ, они не сплотились даже въ виду общей опасности. Откуда же

эта разница между коалиціей и Франціей? А вслѣдствіе того, что Францію возбуждалъ энтузіазмъ, а эгоизмъ парализовалъ движенія слабыхъ членовъ коалиціи. Франція поднялась, боролась, умирала за принципы свободы, святость которой она чувствовала въ своемъ дѣлѣ и апостоломъ и мученикомъ за которую она хотѣла быть.

Если бы коалиція, преданная принципу монархизма, руководимая безкорыстнымъ чувствомъ народовъ и кабинетовъ, защищающихъ иной соціальный строй, поставила общее дѣло выше интересовъ дворовъ, то борьба была бы страшнѣе и можетъ быть восторжествовалъ бы монархизмъ! Но общій интересъ троновъ былъ, на официальномъ языкѣ коалиціи, только словомъ, маскировавшимъ соперничество Германіи и территоріальные интересы во Франціи и Польшѣ. Каждая изъ державъ изъ личныхъ, а зачастую и вѣроломныхъ цѣлей возбуждала или сдерживала другую.

Всѣ онѣ имѣли въ виду инья цѣли, а не желаніе подавить революцію въ Парижѣ. Отсюда несогласія, медлительность, демонстраціи безъ всякихъ послѣдствій, безпричинныя отступленія, безцѣльные походы, отдѣльныя сраженія и наконецъ общій позоръ. Эгоизму не дано совершать чудеса самоотверженія. Честолюбіе создаетъ солдатъ; одни только принципы создаютъ героевъ.

3.

Польша, раздираемая послѣдними смутами, приближалась ко второму раздѣлу. Россія, Пруссія и Австрія, болѣе слѣдившія за Польшей, чѣмъ за Франціей, постоянно наблюдали другъ за другомъ, боясь, чтобы одна изъ державъ не овладѣла всецѣло добычей въ ущербъ другимъ. Россія, подъ предлогомъ наблюденія за турками и подавленія революціи въ южной Польшѣ, не посылала подрѣвленной коалиціи. Она ограничилась тѣмъ, что держала флотъ въ Балтійскомъ морѣ, чтобы препятствовать нейтральнымъ державамъ провозить жизненные припасы и оружіе въ порты Франціи. Политика вѣнскаго двора была ослаблена барономъ Тугутомъ, недавно назначеннымъ премьеромъ.

Баронъ Тугуть, сынъ судовщика въ Линцѣ, обратилъ на себя вниманіе Маріи-Терезіи рано обнаруженными способностями; опредѣленный ею на службу по дипломатической части, онъ долгое время велъ секретные переговоры съ Константинополемъ, Варшавой и С.-Петербургомъ и находился въ Парижѣ во время революціонныхъ бурь. Онъ вкусилъ принципы революціи, познакомился съ дѣйствовавшими въ ней лицами и про него говорили, что онъ пропитался заразительными міазмами философіи и свободы. Тугуть, принадлежавшій къ тайнымъ обществамъ, подобно герцогу Брауншвейскому не хотѣлъ потушить, а только ослабить огонь революціи, который Франція замышляла раздуть на весь міръ. По соглашенію съ Іосифомъ II, императоромъ-философомъ, онъ перешелъ на службу къ Франциску II, противнику революціи.

Тугуть, чтобы польстить новому императору, подалъ голосъ за войну съ Франціей; онъ посовѣтовалъ ввѣрить начальствованіе надъ войсками принцу Кобургскому, который находился всецѣло подъ его вліяніемъ. Итакъ Тугуть, хотя и объявилъ войну, но не начиналъ ее.

Послѣ побѣды при Нервиндѣ, вѣнскій кабинетъ и принцъ Кобургскій болѣе были заняты укрѣпленіемъ австрійской власти въ Бельгіи, чѣмъ погоней за дальнѣйшими успѣхами во Франціи. Дампьеръ смѣнилъ Дюмурье. Получивъ приказъ отъ Конвента атаковать австрійскую армію, расположившуюся лагеремъ между Мобѣжемъ и Сентъ-Амандомъ, Дампьеръ повиновался, не питая ни малѣйшей надежды на успѣхъ, и пошелъ на непріятеля, прикрытаго лѣсами и редутами. Пять разъ наши колонны отступали въ безпорядкѣ послѣ атаки колоннъ Клерфа, самаго энергичнаго изъ генераловъ принца Кобургскаго. Во время шестой атаки Дампьеръ во главѣ отборнаго отряда бросился верхомъ на одинъ изъ редутовъ „Куда вы мчитесь, отецъ? воскликнулъ его сынъ, состоявшій при немъ адъютантомъ:—вы идете на бесполезную и вѣрную смерть.“—Да, другъ мой, отвѣчалъ ему отецъ:—но я предпочитаю умереть на полѣ чести, чѣмъ подъ ножомъ гильотины!“ Едва генераль произнесъ эти слова, какъ пушечное ядро оторвало у него бедро и опрокинуло его умирающаго на землю.

4.

Принцъ Кобургскій, несмотря на побужденія Клерфе и герцога Горкскаго, командовавшаго соединенной англо-ганноверской арміей, не преслѣдовалъ французскую армію и позволилъ ей спокойно завладѣть снова сильной позиціей на Цезарскомъ полѣ. Черезъ двѣнадцать дней союзники могли бы уже разбить лагерь на Монимартрскихъ высотахъ. Австрія не желала ни одержать слишкомъ большую побѣду, ни понести сильное пораженіе. Пруссія желала этого еще менѣе. Берлинскій кабинетъ, занятый единственно тѣмъ, какъ бы умалить въ Германіи вліяніе Австріи, подточить Имперію съ одной стороны, а съ другой присоединить къ себѣ Польшу,—преслѣдовалъ ту же самую политику, которая побудила его сначала робко двинуть въ прошломъ году свои войска въ Шампанью, а затѣмъ постыдно вернуть ихъ. Герцогъ Брауншвейгскій, продолжавшій стоять все время во главѣ прусскихъ войскъ, удовольствовался тѣмъ, что взялъ обратно Майнцъ. Внутренняя, многочисленная, но почти не двигавшаяся съ мѣста прусская армія скорѣе занимала наблюдательный постъ, чѣмъ вела войну.

Король Пруссіи, взоры котораго все еще были обращены на Польшу, находился въ своемъ лагерѣ. Лордъ Бошанъ, англійскій повѣренный, пріѣхалъ изъ Лондона для того, чтобы положить конецъ нерѣшительности этого принца и заставить его подписать союзный договоръ съ Англійей. Обѣ державы должны были обѣщать бороться совмѣстно противъ Франціи.

Между тѣмъ, когда принцъ Кобургскій, завладѣвъ Конде, заявилъ, что занялъ его для своего императора по праву побѣдителя, прусскій кабинетъ возмутился и объявилъ, что былъ обманутъ честолюбивыми намѣреніями Австріи и Англійи, и началъ замышлять новыя измѣны. Начались секретныя переговоры и совѣщанія объ условіяхъ мира между французскими генералами Бирономъ и Кюстиномъ и тайнымъ агентомъ прусскаго короля, ловкимъ и вкрадчивымъ Луккезини. Сражались, какъ люди, которымъ вскорѣ предстоитъ примириться.

Вдругъ король прусскій неожиданно уѣхалъ въ Польшу. Одна только

Англія настаивала на борьбѣ на смерть съ Франціей. На это у нея были двѣ причины: одна чисто матеріальная, другая нравственная. Соперничая съ Франціей на морѣ, въ колоніяхъ и въ восточной Индіи, оспаривая у французскихъ судовъ первенство въ навигаціи и морской торговлѣ, для Англіи уничтоженіе французскаго флота и занятіе нашихъ портовъ въ Средиземномъ морѣ и Ла-Маншѣ было желаніемъ вполне естественнымъ и военной добычей, слишкомъ заманчивой, чтобы она могла не добиваться ея. Съ другой стороны, хотя либеральная теорія и установили въ мыслящихъ умахъ обоихъ народовъ извѣстное родство и общность, однако, такъ какъ англійскій либерализмъ аристократиченъ, а французскій все болѣе и болѣе выказывалъ себя демократическимъ, то британская аристократія возмущилась и пришла въ ужасъ, видя, что побѣдоносная демократія хочетъ обойтись безъ аристократіи такъ же, какъ и безъ королей. Британская аристократія увидала, что ей угрожаютъ въ ея основѣ. Сначала отнесаясь безразлично къ паденію трона и униженію короля, она возмущилась противъ республики, когда Франція захотѣла увѣнчать верховное владычество народа. Доктрины якобинцевъ казались богохульствомъ противъ наследственныхъ учрежденій Великобританіи. Торжество этихъ доктринъ въ Парижѣ и на континентѣ было въ ея глазахъ окончательнымъ разрушеніемъ общественнаго строя. Англія негодовала противъ всей Европы. Она выстраивала весь міръ въ видѣ санитарнаго кордона вокругъ этого очага равенства. Она то спланивала, то снова разстраивала постоянно распадавшуюся коалицію. Питтъ, бывшій въ своей странѣ олицетвореннымъ гениемъ аристократіи, былъ всемогущъ, потому что первый понялъ ея опасности. Напрасно скорѣе краснорѣчивая, тѣмъ сильная, оппозиція Фокса и его друзей говорила противъ войны и налоговъ для веденія ея. Общественное мнѣніе въ Британіи отвернулось отъ этихъ упорныхъ друзей французской революціи съ тѣхъ поръ, какъ революція начала убивать своихъ королей и королевъ и подвергать преслѣдованіямъ лучшихъ своихъ гражданъ. Робеспьеръ лишилъ довѣрія Фокса. Война съ Франціей теряла въ глазахъ англичанъ характеръ войны изъ-за честолюбія или войны политической и становилась войной соціальной. Питтъ достигъ всего, потому что его считали всевѣдущимъ.

5.

Сѣтъ противореволюціонныхъ союзовъ Питта охватила весь континентъ. Союзниками этого министра сдѣлались: Испанія, договоръ съ которой былъ нарушенъ вмѣстѣ съ паденіемъ Бурбоновъ во Франціи; Россія и Голландія, ручавшіяся ему за Швецію и Данію; Пруссія, присоединившаяся къ союзу послѣ трактата 14 іюля; Австрія, Имперія, большая часть независимыхъ германскихъ принцевъ, Неаполь, Венеція; наконецъ Турція, отказавшая, по его просьбѣ, принять французскаго посланника Семонвилля. Даже швейцарскіе кантоны, въ особенности Бернъ и маленькіе кантоны, подстрекаемые его агентами и возмущенные убійствомъ несчастныхъ сыновъ Швейцаріи 10 августа и 2 сентября, приказали арестовать французскихъ посланниковъ, Маре и Семонвилля, на Лаго-Маджоре и выдали ихъ Австріи, заключившей ихъ въ казематы. Такимъ образомъ, несмотря на внутреннія неурядицы коалиціи и тайный антагонизмъ трехъ главныхъ

державъ, составлявшихъ ее, Англія добилаь того, что держала союзниковъ скорѣе въ боевой готовности, чѣмъ въ кампаніи на Мозель и Рейнъ и платила имъ за насиліе, которое они должны были употребить противъ насъ.

Герцогъ Йоркскій, сынъ короля, храбрый принцъ и образованный воинъ, командовалъ крыломъ войска принца Кобургскаго, состоявшимъ изъ соединенной англо-ганноверской арміи и нѣсколькихъ австрійскихъ и гессенскихъ корпусовъ. Герцогъ Йоркскій выходилъ изъ терпѣнія, видя медлительность и робость генералиссимуса. Единственная армія, которая могла бы защитить Конвентъ, стояла лагеремъ у Арраса. Переходъ черезъ Сомму одинъ только и могъ задержать на нѣкоторое время двухсотъ-тысячную армію, которую принцъ Кобургскій могъ направить въ Парижъ. Уполномоченные Вѣны и Берлина, посланные въ Лондонъ, вели тамъ переговоры съ Питтомъ и англійскимъ кабинетомъ о планѣ кампаніи. Въмѣсто того, чтобы сконцентрировать силы коалиціи и двинуться всей массой на Сомму, союзники остановились на планѣ дѣйствовать каждому въ отдѣльности, планѣ нерѣшительномъ, нейтрализовавшемъ кабинеты и не обѣщавшемъ большихъ результатовъ.

Питтъ, очень хорошо знавшій настроеніе дворовъ и не ожидавшій отъ нихъ энергичныхъ и искреннихъ дѣйствій, хотѣлъ по крайней мѣрѣ укрѣпить за Англіей пунктъ въ одно и то же время морской и континентальный на французской почвѣ. Осада Дюнкерка была рѣшена.

Адмиралъ Максбриджъ получилъ приказъ приготовить эскадру, чтобы блокировать этотъ портъ съ моря, въ то время какъ герцогъ Йоркскій долженъ былъ атаковать его съ суши. Англо-ганноверская армія, пройдя Фурнь, раздѣлилась на два корпуса, изъ которыхъ одинъ подъ командой герцога Йоркскаго, осадилъ Дюнкеркъ; а другой, подъ начальствомъ маршала Фрейтага, занялъ маленькій городокъ Гондшоотъ и прикрылъ такимъ образомъ осаждающую армію. Въ обѣихъ арміяхъ насчитывалось до тридцати шести тысячъ человѣкъ. Онѣ соединялись съ арміей принца Кобургскаго корпусомъ принца Оранскаго, въ которомъ числилось шестнадцать тысячъ человѣкъ.

6.

Генералъ Гушаръ, командовавшій Сѣверной французской арміей, получилъ приказаніе отъ Карно во что бы ни стало освободить Дюнкеркъ. Портъ этотъ, хотя не былъ въ состояніи сопротивляться долго, проявлялъ однако чудеса храбрости и патріотизма, желая избѣжать позора сдачи англичанамъ. Журданъ, бывшій нѣсколько дней назадъ батальоннымъ командиромъ, а теперь по представленію Карно, произведенный въ генералы, командовалъ десятитысячнымъ корпусомъ, расположеннымъ на высотахъ Касселя въ пяти льѣ отъ Дюнкерка. Узнавъ о намѣреніяхъ непріятели относительно этого города, онъ послѣшилъ ему на помощь, принималъ участіе въ планѣ его защиты и, возвращаясь къ своей дивизіи на Кассельскихъ высотахъ, оставилъ командантомъ Дюнкерка генерала Сухама.

Другой офицеръ, имя котораго не замедлило прогремѣть въ нашихъ войнахъ, Лазарь Гошь, помогалъ генералу Сухаму при оборонѣ. Карно замѣтилъ его и оцѣнилъ его горячность и умъ.

Карно отделил пятнадцать тысяч лучших солдат из Рейнской армии и отправил их к главнокомандующему Сѣверной армии, чтобы поднять дух новобранцевъ, составлявшихъ большинство въ этомъ войскѣ. Карно лично сообщилъ Гушару, въ чемъ должны были заключаться трудныя операціи, которыя Комитетъ общественнаго спасенія поручилъ ему привести въ исполненіе.

Гушаръ приблизился во главѣ сорока тысячъ человекъ къ линіи англійскаго войска. Проходя Кассель, онъ соединился съ десяти-тысячнымъ отрядомъ Журдана и двинулся на Гондшооте. Герцогъ Йоркскій и маршалъ Фрейтагъ укрѣпились на этой позиціи; лѣвый ихъ флангъ опирался на Бергъ, а правый на Фурнь, центръ же былъ защищенъ мельницами, редутами, изгородями, зубчатыми стѣнами, которыми они окружили Гондшооте. Такимъ образомъ въ тылу у нихъ находились огромныя Мѣрскія болота. Болота эти простираются между Гондшооте и моремъ. Шоссе, которое легко было преградить, обезпечивало имъ отступленіе или сообщеніе съ корпусомъ подъ Дюнкеркомъ. Кажется, невозможно было атаковать непріятеля на такой позиціи.

Герцогъ Йоркскій, Фрейтагъ, Вальмодеи были спокойны, вполне полагаясь на свою сильную позицію и численность своихъ войскъ. Однако они не переставали упрекать адмирала Максбриджа за медлительность въ исполненіи приказа Питта — привести эскадру къ Дюнкерку на помощь осаждающимъ. Эскадра эта не показывалась на морѣ. Флотилія французскихъ канонерскихъ лодокъ, поставленныхъ на шпрингъ на дюнкерскомъ рейдѣ, безпрестанно взрывала своими ядрами песокъ дюнъ, гдѣ стояла лагерь англійская армія.

7.

6 августа, между передовыми отрядами обѣихъ армій произошла стычка Рекспёда, большой деревни между Касселемъ и Гондшооте. Журданъ, разнося все, что лежало у него на пути, очистилъ себѣ путь и остановился на ночлегъ въ деревнѣ. Деревню заняли три батальона. Главный корпусъ Журдана расположился лагеремъ позади, а кавалерія разбила бивуаки въ лугахъ и садахъ. При наступленіи ночи генералъ Фрейтагъ и принцъ Адольфъ, одинъ изъ сыновей англійскаго короля, немного опередившіе свои войска, попали въ бивуаки и были взяты въ плѣнъ французами. Вальмодеи занималъ Вормуть. Когда ему сообщили, что французы находятся въ Рекспёдѣ, онъ снялся въ полночь съ своей позиціи, напалъ на Рекспёдъ, разбѣжалъ авангардъ, состоявшій изъ трехъ батальоновъ, освободилъ Фрейтага и принца Адольфа и чуть не захватилъ генерала Гушара и двухъ народныхъ представителей Дельбрея и Левассёра, только что передъ тѣмъ пріѣхавшихъ и ужинавшихъ въ этой деревнѣ. Журданъ, примчавшійся на ружейные выстрѣлы, могъ только спасти своего командира и представителей. Три батальона, находившіеся въ деревнѣ, разбѣжались и были собраны генераломъ Колло, стоявшимъ на бивуакѣ въ Ость-Капеллѣ. Журданъ, послѣ тщетныхъ усилій снова войти въ Рекспёдъ, пошелъ ночью же въ Рембекъ, чтобы соединиться съ Гушаромъ и представителями. Лошадь его, раненая ружейными пулями, упала мертвая у воротъ деревни. Вальмодеи послѣ этой счастливой стычки, направилъ свою дивизію къ Гондшооте и своими разсказами поднималъ духъ англійской арміи.

7-го Гушаръ стянулъ свои войска. Онъ ближе ознакомился съ городомъ и аванпостами Гондшооте. Изъ осторожности онъ отдѣлилъ отъ своей дивизіи отрядъ для наблюденія за двадцатью тысячами англичанъ, стоявшихъ лагеремъ подъ Дюнкеркомъ. Такимъ образомъ войска его раздѣлились, и онъ ослабилъ себя. Все его генералы, состарившіеся на рутинѣ, забывали, что побѣда отдаетъ все въ руки побѣдителя. 8-го онъ началъ атаку.

Фрейтагъ, раненый два дня назадъ у Рекспѣда, не могъ сѣсть верхомъ на лошадь. Командовалъ Вальмоденъ. Онъ расположилъ свои войска на равнинѣ передъ Гондшооте. Со стороны французовъ, Колло командовалъ правымъ крыломъ, Журданъ лѣвымъ, Гушаръ центромъ, Вандамъ авангардомъ. Редутъ съ одинадцатью пушками прикрывалъ городъ и обстрѣливалъ одновременно дорогу въ Бергъ и дорогу въ Вленхеймъ. Другой редутъ защищалъ дорогу въ Варемъ. Подножія этихъ редутовъ были затоплены водой. Чтобы добраться до нихъ, приходилось идти въ теченіе десяти минутъ по поясъ въ водѣ, подъ пушечнымъ огнемъ батальоновъ, прикрытыхъ стѣнами и лѣскомъ. Гушаръ, который беретъ свои войска, открылъ огонь, но потерялъ день хотя и въ жаркихъ, зато нерѣшительныхъ атакахъ, не позволявшихъ ни одному изъ корпусовъ его арміи опередить другіе, и которыя, ничего не достигая, могли погубить все.

Народный представитель Левассёръ, ничего не понимавшій въ военномъ дѣлѣ, но горячій патріотъ, то и дѣло приставалъ къ генералу, требуя у него отчета въ каждомъ изъ его приказаній, и грозилъ отрѣшить его отъ должности, если онъ не будетъ повиноваться его требованіямъ. Левассёръ, подпоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, съ раздѣвающимся султаномъ на шляпѣ, скакалъ съ лѣваго крыла въ центръ и съ центра къ правому крылу, заставляя краснѣть солдатъ и приводя въ трепетъ генераловъ. Одной рукой онъ показывалъ впередъ на Гондшооте, а другой на гильотину, находившуюся позади. Конвентъ приказалъ одержать побѣду, отечество хотѣло спасти Дюнкеркъ. Левассёръ не могъ допустить борьбы даже съ огнемъ.

Въ ту минуту, когда онъ съ холма ободрялъ колеблющуюся колонну, завязавшую сраженіе и разбитую на низкой Келлемской дорогѣ, пушечное ядро пробило крестецъ у его лошади. Левассёръ упалъ, но тотчасъ же вскочилъ, приказалъ привести себѣ другую лошадь и, замѣтивъ, что батальонъ остановился, крикнулъ: „Идите впередъ, я пойду на редутъ вмѣстѣ съ вами“. И онъ снова становится во главѣ батальона.

Онъ встрѣтилъ Журдана раненаго, истекающаго кровью и возмущающагося такъ же, какъ и онъ, нерѣшительностью главнокомандующаго. „Что будетъ съ нами при такомъ начальникѣ? воскликнулъ Журданъ: — у защитниковъ Гондшооте войска въ два раза больше, чѣмъ у насъ для атаки“. — Журданъ, сказалъ Левассёръ: — вы военный; скажите мнѣ, что надо дѣлать, и все будетъ сдѣлано. „Только одно, сказалъ Журданъ: — и мы можемъ еще побѣдить: прекратить огонь, отъ котораго мы теряемъ своихъ людей, не нанося урона неприятелю, бить къ атакѣ по всей линіи и ударить въ штыки“.

8.

Левассёръ и Дельбрель приказали привести въ исполненіе планъ Журдана. Самъ Журданъ, какъ только кровотеченіе у него было остановлено, бросился впереди своихъ колоннъ. Тишина болѣе ужасная, чѣмъ пальба, воцарилась по всей линіи французскихъ войскъ. Они двинулись какъ стальная волна на англійскіе ретраншементы. Четыре тысячи солдатъ и офицеровъ остаются ранеными и убитыми на дорогахъ, у изгородей и у укрѣпленныхъ вѣтряныхъ мельницъ, окружающихъ редуты. Самые редуты, атакованные съ фаса, прекращаютъ огонь, залитые кровью своихъ канонировъ. Колло, Журданъ, Гушаръ приказываютъ подвезти пушки и гаубицы въ улицы, укрѣпленія которыхъ рунутся отъ ядеръ. Ганноверцы и англичане отступаютъ въ полномъ порядкѣ и нѣкоторое время еще отстаиваютъ крѣпость, церковь, ратушу, которыя пронизываютъ ядра. Старый замокъ Гондшооте, гдѣ поселились непріятельскіе генералы, бывший въ теченіе нѣсколькихъ дней свидѣтелемъ празднества, даваемыхъ англійскимъ и ганноверскимъ штабомъ, загорѣлся отъ гранаты. Это зданіе погребаетъ подъ своими кровлями, стѣнами и въ своихъ рвахъ сотни труповъ и между прочимъ тѣло генерала Кохенхузена, убитаго въ сраженіи.

Осаждаемый и терпящій повсюду уронъ, исключая той части войскъ, которая обращена къ Бельгіи, Вальмодеи отступаетъ съ остатками своей арміи къ Фурну. Герцогъ Юрксій, не только присутствовавшій, но и лично сражавшійся при Гондшооте, несется галопомъ черезъ Мёрскія болота къ своему лагерю въ Дюнкеркѣ, чтобы снять осаду. Гушаръ, несмотря на всѣ доводы Журдана и представителей, заклинавшихъ его довершить побѣду и воспользоваться плодами ея преслѣдуя ганноверцевъ на Фурнской дорогѣ и разбѣжавъ такимъ образомъ пополамъ непріятельскую армію, два дня просидѣлъ въ Гондшооте въ бездѣйствіи. Этотъ простой и нетрудный маневръ заперъ бы осаждающую армію герцога Юркскаго между укрѣпленіями Дюнкерка и сорока тысячами побѣдоноснаго войска Гушара. Ни одному англичанину не удалось бы ускользнуть. Море было въ рукахъ французовъ. Гошъ и храбрый гарнизонъ оставались въ Дюнкеркѣ. Дюны этой мѣстности сдѣлались бы послѣ двухъ-часового перехода Кавдинскимъ ущеліемъ Англій. Генераль не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть преимущества своего положенія. Онъ далъ арміи герцога Юркскаго спокойно пройти вдоль морского берега, по песчаной косѣ, соединяющей Дюнкеркъ съ Фурномъ, и соединиться въ Бельгіи съ корпусомъ Вальмодена и принца Оранскаго. Побѣдитель Гушаръ велъ себя какъ побѣжденный и вернулся въ Мёненъ среди ропота своей арміи.

9.

Извѣстіе о побѣдѣ при Гондшооте привело въ восторгъ Парижъ; но даже радость народа была ужасна. Конвентъ упрекалъ побѣдоноснаго генерала за его побѣду какъ за измѣну. Его комиссары въ Сѣверной арміи: Генцъ, Пейсаръ и Дюкенуа отрѣшили Гушара отъ должности и отправили его въ революціонный судъ. „Гушаръ виновенъ, говорили они въ Конвентѣ:—въ томъ, что

одержалъ побѣду только наполовину; армія состоитъ изъ республиканцевъ; она съ удовольствіемъ увидитъ, что измѣнникъ преданъ суду и что представители народа наблюдаютъ за генералами“. Несчастный Гушаръ былъ приговоренъ къ смерти и встрѣтилъ ее съ храбростью солдата и спокойствіемъ невиннаго. Онъ былъ виновенъ только въ томъ, что состарился. Его смерть показала генераламъ республики, что даже побѣда не могла защитить ихъ отъ эшафота и что они могли считать себя въ безопасности, лишь оказывая безпрекословное повиновеніе народнымъ представителямъ. Въ войнѣ чрезвычайной, гдѣ борется весь народъ — повелѣваетъ только народъ, а его представители въ то же время и его генералы.

Военныя дѣйствія на другихъ нашихъ границахъ до января 1794 года ограничились занятіемъ Савойи Келлерманомъ, графства Ниццы—Бирономъ (оба эти генерала одержали блестящія, но не имѣвшія рѣшающаго значенія побѣды, противъ австрійской арміи въ восемьдесятъ тысячъ человѣкъ и противъ неподлимаыхъ естественныхъ преградъ); несчастной кампаніей для французовъ въ Пиренеяхъ противъ генерала Рикардоса, во время которой престарѣлый семидесятипятилѣтній французскій генералъ Дагоберъ покрылъ себя славой и развѣ двадцать одерживалъ верхъ, несмотря на малочисленность своего отряда, препятствія и случайности, которыя представляла нашей арміи война въ горахъ; маневрами Гушара и его замѣстителя Журдана, имѣвшими цѣлью прикрыть Мобѣжъ, операціонный пунктъ союзниковъ, которымъ Мобѣжъ открывалъ путь въ Парижъ.

Мобѣжъ, защищаемый сильнымъ гарнизономъ и укрѣпленнымъ лагеремъ изъ двадцати пяти тысячъ человѣкъ, былъ истощенъ голодомъ и эпидеміями. Его окружали сто двадцать тысячъ человѣкъ. Старый генералъ Ферранъ командовалъ лагеремъ, а генералъ Шансель крѣпостью. Ихъ храбрость не могла ничего подѣлать противъ голода, болѣзней и недостатка въ припасахъ, которые истощила продолжительная война. Патріотизмъ генераловъ, солдатъ и жителей одинъ только отстаивалъ еще въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ эту дверь во Францію, когда Журданъ и Карно возвѣстили пушечными выстрѣлами о своемъ прибытіи. Восемьдесятъ тысячъ солдатъ принца Кобургскаго, укрѣпившіеся за окопами, какъ нѣкогда Дюмурье въ Аргонъ, на позиціи, центромъ которой былъ Ватиньи, ждали французовъ. Французская армія приблизилась къ нимъ, раздѣлившись на пять колоннъ, 15 ноября въ 10 часовъ утра. Во многихъ пунктахъ наши солдаты дрогнули и отступили.

Карно, находившійся и сражавшійся на полѣ битвы, обвиняетъ въ трусости Журдана. Это оскорбленіе, переданное генералу, страшно возмутило его. Онъ бросается съ однимъ изъ своихъ дивизионовъ, чтобы овладѣть неприступнымъ плато подъ выстрѣлами батарей Клерфе. Почти вся его колонна перебита. Онъ да еще нѣсколько человѣкъ всего только и остались въ живыхъ. Карно утѣшаетъ его, сознается, что былъ неправъ и ошибался, и предоставляетъ ему привести въ исполненіе его первоначальный планъ. Тогда Журданъ строитъ двадцать пять тысячъ солдатъ, находившихся въ центрѣ. Французскіе батальоны скрываютъ въ своихъ карре летучія баттарен; они размыкаютъ строй, когда тѣ стрѣляютъ, и снова смыкаютъ его, чтобы прикрыть ихъ, образуя такимъ об-

разомъ подвижную цитадель на верху плато. Все нападенія были отражены этой грозной колонной. Имперская кавалерія тщетно пытается опрокинуть головы другихъ колоннъ. Только одна изъ нихъ, а именно колонна генерала Гратіена, дрогнула и разсыпалась. Представитель Дюкенуа, находившійся тамъ, лишилъ Гратіена права командовать и во имя отечества самъ занялъ его мѣсто, собралъ солдатъ и одержалъ побѣду. Ватиньи были взяты. Австрійцы бѣжали или пали мертвыми. Съ высоты поля битвы Карно и Журданъ увидели Мобѣжъ и услышали, какъ съ своихъ укрѣпленій крѣпость отвѣчаетъ радостными пушечными залпами на пальбу ее освободителей.

Битва при Ватиньи, гдѣ впервые имѣлъ успѣхъ генераль, геній котораго угадалъ Карно, получила бы болѣе рѣшительное значеніе, если бы двадцать пять тысячъ человѣкъ, стоявшихъ подъ Мобѣжемъ, подъ командой генерала Феррана, приняли участіе въ дѣлѣ и не допустили принца Кобургскаго и Клерфе перейти Самбру. Гарнизонъ и солдаты, находившіеся въ лагерѣ, желали этого, инстинктивно чувствуя необходимость такого образа дѣйствій. На этомъ же настаивалъ и генераль Шансель, комендантъ Мобѣжа, но за неимѣніемъ приказаній и вслѣдствіе крайней осторожности Ферранъ не согласился на это. Конвенту нужна была жертва: Шансель взомель на эшафотъ.

10.

Въ Рейнской арміи подозрительные народные представители произвольно смѣняли командировъ: вмѣсто Кюстина назначили Богарне, послѣ Богарне — Ландремона, послѣ Ландремона — Карлена, который былъ за мѣсяцъ передъ тѣмъ простымъ капитаномъ; наконецъ Карлена смѣнилъ Пишегрю. Эта армія, состоявшая изъ сорока пяти тысячъ человѣкъ, защищала дорогу въ Эльзасъ укрѣпленными линіями Виссенбурга. Вурмсеръ, самый отважный, хотя самый старый изъ имперскихъ генераловъ, напалъ на эти линіи и овладѣлъ ими благодаря неопытности Карлена. Этотъ генераль, которому также угрожалъ и герцогъ Брауншвейгскій, отступилъ къ Севернскимъ высотамъ и Страсбургу. Вурмсеръ, родомъ эльзасецъ, съ триумфомъ вошелъ въ Гогенау, свою родину. Терроръ развратилъ до измѣны часть населенія Страсбурга, этотъ оплотъ патриотизма. Между Вурмсеромъ и самыми значительными семействами города начались переговоры о сдачѣ крѣпости. Единственнымъ условіемъ было поставлено, чтобы австрійскій генераль занялъ городъ отъ имени Людовика XVII. Заговоръ этотъ, открытый вовремя, привелъ на гильотину семьдесятъ страсбургскихъ гражданъ, наиболѣе убѣжденных, а остальные остались только въ подозрѣніи въ приверженности къ роялизму. Фортъ Вобанъ былъ занятъ австрійцами; Лаңдау готовъ былъ сдаться. Сень-Жюстъ и Леба были посланы въ Эльзасъ наказать за измѣну или за трусость смертью. Пишегрю и Гошъ прибыли, одинъ—для командованія Рейнской арміей, другой, чтобы, двадцати пяти лѣтъ, принять начальство надъ мозельской арміей. Надежда вернулась въ лагерь вмѣстѣ съ ихъ появленіемъ, въ то время какъ Терроръ вступилъ вмѣстѣ съ Сень-Жюстомъ въ города. „Нами будутъ командовать, какъ подобаетъ французамъ, писали изъ арміи послѣ смотра, произведеннаго этими двумя генералами:—Пишегрю серьезенъ, какъ геній; Гошъ молодъ, какъ рево-

люція, и силенъ, какъ народъ. Онъ смотритъ гордо и свысока, точно орелъ“. Эти два новыхъ генерала должны были оправдать энтузіазмъ арміи. Пишегрю, бывший репетиторъ по математическимъ наукамъ въ монастырской школѣ въ Арбуа, своемъ родномъ городѣ, служилъ простымъ солдатомъ въ сѣверо-американскую освободительную войну; вернувшись на родину во время революціи, онъ былъ выбранъ въ председатели Безансонскаго клуба. Батальонъ, проходившій черезъ этотъ городъ въ 1791 году, за неимѣніемъ командира, выбралъ его своимъ начальникомъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ, благодаря энергіи, знаніямъ и умѣнію властвовать надъ людьми, онъ возвысился до дивизионнаго генерала. Робеспьеръ и Колло д'Арбуа покровительствовали ему. Они видѣли въ немъ подходящаго командира для республиканскихъ войскъ: вышедшій изъ ничтожества, скромный, гениальный, но не блестящій; способный служить, но не затмить другихъ. „Клянусь, писалъ имъ Пишегрю послѣ того, какъ принялъ командованіе: — что доставлю торжество Горѣ!“ Ему недолго пришлось ждать, чтобы сдержать свое обѣщаніе или обмануть; покрыть славой республику или измѣнить ей: это былъ человекъ, который вслѣдствіе быстрого своего возвышенія, сознавая свой умъ, мечталъ о химерической диктатурѣ, воздвигнутой на развалинахъ республики и монархіи. Мечта эта имѣла роковой исходъ для обѣихъ сторонъ, въ особенности для него самого.

Гошъ, прекрасный, юный, воинственный, напоминавшій наружностью, сложениемъ, ударами, наносимыми въ битвѣ, героевъ древности, по образованію, любви къ чтенію и размышленіямъ, укрѣпляющимъ умъ, былъ современный герой; происходя изъ бѣдной семьи, онъ носилъ на челѣ печать аристократизма и величія; поступивъ шестнадцати лѣтъ во французскую гвардію, онъ за половинное вознагражденіе исполнялъ обязанности своихъ товарищей и, стремясь удовлетворить духовной потребности пріобрѣсти познанія и прославиться, цѣлыя ночи напролетъ проводилъ за сочиненіями по военнымъ наукамъ и исторіи, купленными на деньги, заработанныя дневнымъ трудомъ. Посланный въ Парижъ въ качествѣ адъютанта генерала Левенёра послѣ паденія Дюмурье, онъ былъ приглашенъ въ Комитетъ общественнаго спасенія для доклада о состояніи арміи. Онъ удивилъ комитетъ точностью своихъ отвѣтовъ, дальновидностью и воинственнымъ краснорѣчіемъ. Государственные мужи угадали въ немъ способнаго воина, и онъ былъ назначенъ адъютантомъ генеральнаго штаба. Послѣ удачной защиты Дюнкерка онъ обратилъ на себя вниманіе Карно и получилъ должность бригаднаго командира. Онъ принялъ это командованіе какъ вполне заслуженное. Чѣмъ болѣе его возвышали, тѣмъ онъ казался достойнѣе: такова всегда судьба людей, которымъ должно удивляться потомство. Искусные маневры на Фурнь и Ипръ, имѣвшіе цѣлью исправить ошибки Гушара, доставили ему командованіе Мозельской арміей. У Гоша былъ только одинъ недостатокъ: сознаніе своего превосходства переходило у него часто въ презрѣніе къ товарищамъ. Главенство во всемъ казалось ему настолько естественнымъ, что онъ не могъ допустить, чтобы его оспаривали у него. Во время революціи, когда честолюбіе и гений могутъ добиться всего, трудно сказать, чего бы достигъ Гошъ, если бы смерть не сразила его.

Въ Вандеѣ, генералы, посылаемые одинъ за другимъ Комитетомъ общенациональнаго спасенія, теряли свои батальоны въ гражданской войнѣ, которая разгоралась все сильнѣе. Эта гражданская война, самая опасная изъ всѣхъ, которыя пришлось вести республикѣ, заслуживаетъ особаго вниманія и болѣе подробнаго описанія. Мы посвятимъ ей отдѣльную главу начавъ съ того времени, когда эта война достигла наибольшаго напряженія и была болѣе бѣдственной.

Два другіе очага возстанія: Ліонъ и Тулонъ, вспыхнули въ то же самое время въ лоно республики; они привлекли къ Югу взоры и отчаянную энергію Конвента. Мы передадимъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ оно подготовлялось, созрѣло, вспыхнуло и было подавлено оружіемъ и казнями.

11.

Ліонъ, какъ всѣ большіе мануфактурные города, расположенъ въ томъ мѣстѣ территоріи, гдѣ почва, растительность, топливо, вода и густое населеніе могутъ снабжать его всѣмъ необходимымъ матеріаломъ и необходимыми руками для большого предпріятія и гдѣ долины, равнины, дороги и рѣки начинаются, скрещиваются и текутъ, чтобы разносить его произведенія по провинціямъ и къ морямъ. Географія и промышленность идутъ рука объ руку при устройствѣ громаднхъ человѣческихъ мастерскихъ. Это явленіе настолько инстинктивное, что мы замѣчаемъ его даже у животныхъ, повидимому лишенныхъ способности разсуждать. Огромные муравейники и пчелиные ульи встрѣчаются всегда при началѣ и на развѣтвленіяхъ дорогъ, водъ и долинъ.

Положеніе Ліона, какъ крѣпости, имѣло такое же значеніе, какъ и его положеніе, какъ коммерческаго центра. Высокій полуостровъ, носящій названіе Домба, простирающійся отъ Треву до Мексимьѣ, расположенъ между двумя рѣками: Роной и Соной. Эта плодородная полоса земли достигаетъ, постепенно суживаясь, высокаго плато, названнаго Круа-Руссъ, предмѣстья Ліона. Тамъ плато, образующее крутой утесъ, потому что его съ двухъ сторонъ обмываютъ рѣки, сразу переходитъ въ уступы, а далѣе въ низкую равнину, которая треугольникомъ тянется до слиянія обѣихъ рѣкъ. На этой-то узкой и длинной равнинѣ и расположенъ собственно городъ.

Рона, огромный потокъ, съ слабо укрѣпленными берегами, несетъ слѣва свои большія шумныя волны, которыя текутъ по глубокой Виеннской долинѣ, отъ Валенса до Авиньона, служащей ложемъ рѣкъ вплоть до Средиземнаго моря. По ней быстро плывутъ барки, плоты, лѣсъ, желѣзо, товары, каменный уголь, руда, всевозможныя издѣлія, которыя навигація ввѣряетъ ея теченію.

Справа протекаетъ Сона, рѣка почти такая же широкая, какъ и Рона, но болѣе спокойная и доступная; она медленно спускается съ горъ и долинъ древней Бургундіи, проникаетъ къ Ліону черезъ узкое ущелье, загражденное еще нѣсколькими островами, течетъ между городскими набережными, холмами Фурвиера и Сентъ-Фуа, возвышающимися съ востока, и наконецъ сливается съ Роной.

Городъ, слишкомъ стѣсненный обѣими рѣками, переступилъ за свою первоначальную ограду, такъ сказать выступилъ за черту полуострова со стороны

Соны. Его соборъ, судебныя мѣста и самыя спокойныя кварталы расположились и сгучились между горою и рѣкой. Улицы расположены въ видѣ лѣстницъ по уступамъ. Дома какъ будто всползли на утесъ и повисли по бокамъ холмовъ. Нѣсколько мостовъ, одни каменные, другіе деревянные, служатъ для сообщенія обѣихъ частей города.

12.

На противоположной сторонѣ, городъ, раскинувшійся на берегу, оборотился къ востоку своей длинной и роскошной набережной Сенъ-Клеръ. Ни холмы, ни пригорки не стѣсняють здѣсь Рону и не закрываютъ вида. Рѣка течетъ тутъ почти въ уровень съ низкими берегами Бротто. Обширныя равнины Дофине, часто затопляемыя разливами Роны, тянутся на огромное пространство, и взорамъ открываются вдали слѣва черныя, содержащія каменный уголь, холмы Бюге, а прямо и справа вершины Швейцарскихъ, Савойскихъ и Итальянскихъ Альповъ. Сверкающіе снѣга этихъ горъ сливаются на горизонтѣ съ облаками.

Между набережными Роны и Соны расположенъ собственно городъ, съ населенными кварталами, площадями, улицами, общественными учрежденіями, ратушей, рынками, больницами, театрами. Отъ недостатка мѣста улицы сузились, зданія тѣнятся одно къ другому. Видишь, какъ повсюду населеніе, мастерскія, дѣятельность, богатство, трудъ оспариваютъ мѣсто у воздуха и свѣта, предметовъ, не имѣющихъ себѣ цѣны на торговомъ рынкѣ. При входѣ въ городъ, его мрачный, суровый, монашескій видъ заставляетъ сжиматься сердце. Узкія улицы, высокіе дома, недостатокъ свѣта, закопченныя стѣны, низкія двери, окна съ промасленной бумагой вмѣсто стеколъ, магазины, заваленные ящиками и тюками, дѣловое, но молчаливое движеніе на улицахъ, на набережныхъ и площадяхъ, озабоченныя лица гражданъ, не теряющихъ времени на праздные разговоры, но здоровающихся жестомъ и расходящихся, едва успѣвъ на ходу обмѣняться отрывистыми словами, отсутствіе роскошныхъ экипажей, лошадей и гуляющихъ въ богатыхъ кварталахъ, все свидѣтельствуетъ о томъ, что находишься въ дѣловомъ городѣ, занятомъ одной только мыслью, одушевляющей этотъ городъ труда,—и эта мысль: нажива.

13.

Населеніе Ліона по своему наружному виду составляетъ контрастъ съ веселымъ, легкомысленнымъ и воинственнымъ населеніемъ другихъ большихъ городовъ Франціи. Жители его высокаго роста, крѣпкаго сложенія, но мускулы у нихъ слабы и преобладаетъ жиръ. У женщинъ, красоты почти идеальной, есть въ глазахъ, въ лицѣ, въ походкѣ томность и нѣга, напоминающія женщинъ Азіи и являющіяся слѣдствіемъ сидячей, бездѣятельной восточной жизни. По ихъ осанкѣ чувствуется, что онѣ служатъ для мужчинъ предметомъ привязанности, но не идолами и игрушками. Ихъ прелесть заключается въ скромности и серьезности, составляющихъ святыню красоты; взоръ нѣженъ, но чистъ; такъ какъ страсти отошли здѣсь на второй планъ, то горячее населеніе Юга является съ строгими нравами Сѣвера.

Рядомъ съ легкомысленнымъ населеніемъ центральной Франціи и крайне живымъ Франціи южной, жители Ліона представляютъ совершенно обособленное населеніе: ломбардскую колонию, осѣвшую и натурализовавшуюся между двумя рѣками на французской почвѣ. Характеръ жителей соответствуетъ вполнѣ условіямъ ихъ поселенія. Хотя они и богато одарены, благодаря природѣ, климату, но соображаютъ медленно, лѣнливо. Стремленіе всего населенія исключительно къ одной и той же цѣли — наживѣ, притупило у него остальные способности. Литература у ліонцевъ въ пренебреженіи, искусства въ застоѣ; предпочтеніе отдается ремесламъ. Живопись процвѣтаетъ. Музыка, наименѣе требующая умственныхъ способностей и дѣйствующая сильнѣе остальныхъ искусствъ на чувственность, получила широкое распространеніе. Этотъ родъ искусства пришелся по вкусу жителямъ города, которые послѣ трудового дня отправляются вечеромъ покупать въ театрахъ свои удовольствія, какъ они покупаютъ все остальное.

Столкновеніе мыслей и взглядовъ, волнующее и занимающее мыслящей міръ, замираетъ въ стѣнахъ Ліона. Такой городъ рѣдко измѣняетъ направленіе своихъ мыслей, потому что у него нѣтъ времени вдуматься въ ихъ. Онъ живетъ своими традиціями и унаслѣдованными понятіями, какъ золотой монетой, не провѣряя ихъ и не углубляясь въ нихъ. Это городъ привычекъ, порядка. Разумная рутина нравовъ и жизни въ соединеніи съ экономіей — добродѣтель, наиболѣе цѣнимая въ общественномъ мнѣніи. Великія познанія ослѣпляютъ, великіе таланты безпокоятъ, потому что они нарушаютъ общее правило, эту властительницу нравовъ. Все выдающееся подвергается тамъ ostracismu равнодушія. Потому Ліонъ часто являлся великій народъ, а великіе люди выходили изъ него рѣдко.

14.

Понятно, что добродѣтели такого населенія должны вытекать изъ его природы. Между добродѣтелями есть очень высокія, между прочимъ трудолюбіе, экономія и честность. Даже добродѣтели населенія очень прибыльны. Оно религиозно, но не до фанатизма, предполагающаго за собою энтузіазмъ. Его многочисленное духовенство, пользующееся всеобщимъ почетомъ и повиновеніемъ, имѣетъ неограниченную власть надъ семьями, женщинами, воспитаніемъ дѣтей, дворянствомъ и простолюдинами. Женскіе и мужскіе монастыри всевозможныхъ орденовъ усеяли холмы. Италия какъ бы перешагнула туда черезъ Альпы съ своими религиозными процессіями и жреческимъ духомъ. Воображеніе ліонцевъ съ неутолимой жадностью питалось разказами о чудесахъ, ожившихъ статуяхъ, особенно чтимыхъ капеллахъ, пилигримствахъ, предсказаніяхъ, видѣніяхъ. Ліонъ помнилъ, что онъ былъ первой христіанской колоніей въ Галліи. Могилы его святыхъ и мучениковъ, катакомбы, романскія церкви, готическій соборъ святого Іоанна, все напоминаетъ Римъ временъ галловъ. Все въ наружномъ видѣ города свидѣтельствовало, также какъ и въ обрядахъ его набожнаго населенія, что католицизмъ пустилъ слишкомъ глубокіе корни въ его душу, какъ и въ почву, и для того, чтобы его уничтожить, пришлось бы уничтожить и самый городъ.

Лионъ представляетъ какъ бы два рѣзко отличающихся между собою города съ различнымъ населеніемъ: городъ торговый, простирающійся отъ высотъ Круа-Руссъ до Белькура, центръ котораго составляетъ площадь Терро, и городъ дворянства, капиталистовъ, разбогатѣвшаго и сытаго кучества, отдыхающаго и расположившагося вокругъ площади Белькуръ и въ богатыхъ кварталахъ Перраша. Тамъ трудъ, здѣсь сибаритство; тамъ буржуазія, здѣсь аристократія. Но, исключая небольшое число семействъ военныхъ и феодаловъ, эта знать мало отличается отъ той буржуазіи, изъ которой она вышла. Правда, сама она уже больше не работаетъ, но зато помѣщаетъ капиталы въ фабрики и торговыя предпріятія мануфактурнаго города и наблюдаетъ за ними. Фабриканты—это промышленные фермеры богатыхъ заимодавцевъ.

Городъ преимущественно плебейскій. Безчисленная буржуазія, богатая, но не чванливая, постоянно выходящая изъ народа и возвращающаяся къ нему трудами своихъ рукъ, напоминаетъ собою цехи шелковыхъ и шерстяныхъ фабрикантовъ комерческой республики во Флоренціи, исторію которыхъ рассказываетъ Макіавель и которые, гордясь своею промышленностью и нося вмѣсто знаменъ орудія сукновала и ткача, составляли особую партію въ государствѣ и касту въ демократіи. Таковъ былъ тогда и таковымъ остается до сихъ поръ Лионъ. Помимо буржуазіи насчитываютъ до двухъ сотъ тысячъ работниковъ, живущихъ въ городѣ, предмѣстьяхъ, городкахъ и деревушкахъ лионской территоріи. Это населеніе фабриканты употребляютъ для различныхъ занятій въ своей промышленности, въ особенности для изготовленія шелковыхъ издѣлій.

Всѣ эти работники не скучены, какъ въ другихъ городахъ, въ огромныхъ мастерскихъ, гдѣ человекъ, на котораго смотрятъ какъ на механическое колесо, теряется въ толпѣ, развращается отъ общеній съ нею и гибнетъ отъ постоянныхъ столкновеній съ другими людьми. Каждая лионская мастерская представляетъ семью, состоящую изъ мужа, жены и дѣтей. Эта семья каждую недѣлю идетъ за заказами, шелкомъ, образцами. Работники уносятъ матеріалы домой, приготавливаютъ ткани у себя и, возвращая готовые издѣлія фабрикантамъ, получаютъ условленную плату за каждую сработанную штуку шелковой матеріи. Этотъ способъ работы, оставляя неприкосновенной работнику его индивидуальность, семейный очагъ, нравы, религію, въ тысячу разъ болѣе гарантируетъ отъ соблазна и разврата эти арміи живыхъ машинъ, скученныя въ другихъ отрасляхъ промышленности въ общихъ мастерскихъ, гдѣ одна искра производитъ взрывъ и возмущеніе. Эта поштучная работа устанавливаетъ кромѣ того между буржуазіей и рабочими постоянныя сношенія и постоянную солидарность въ прибыли, вполне способную соединить оба класса общества посредствомъ общности нравовъ и матеріальныхъ выгодъ. Города, расположенные въ горахъ Форэ, Сентъ-Этьеннъ, Ривъ-де-Гирсъ, Виеннъ, Монбризонъ, Сентъ-Шамонъ составляютъ какъ бы колоніи, жители которыхъ занимаются тою же самой промышленностью, управляются тѣми же обычаями и воодушевлены тѣмъ же духомъ. Это населеніе, принадлежащее къ одному и тому же пле-

мени, сгруппировавшееся или живущее разбѣянно, въ числѣ около пятисотъ тысячъ душъ, чрезвычайно трудолюбиво, нравственно, бережливо и консервативно, какъ всѣ собственники. Всякое нарушеніе обычнаго теченія вещей безпокоитъ его. Прогуль или работа, потеря или барышъ составляютъ для этого народа всю политику и весь общественный интересъ.

16.

Понятно, почему подобное населеніе должно быть болѣе республиканское, чѣмъ монархическое; его социальный строй въ сущности представляетъ собою общность выгодъ и демократизмъ нравовъ. Паденіе высокопоставленныхъ лицъ въ государствѣ могло быть только пріятнымъ населенію, чуждому двору и сносящему презрительное отношеніе дворянства, а не огорчать его. Трудъ повсюду сторонникъ республики, а праздность монархіи. А потому, хотя городъ Лионъ относился съ меньшимъ вниманіемъ, чѣмъ всѣ другіе города Франціи къ движенію и вопросамъ социальной философіи, подготовлявшимъ революцію, первые симптомы ослабленія монархической власти и нарождающагося господства народа обрадовали его буржуазію. Она видѣла въ нихъ только униженіе патриціевъ и возстановленіе муниципальнаго правленія. Цѣлыя столѣтія муниципалитеты и епископы были его единственными правителями, какъ въ уцѣлѣвшихъ послѣ римскаго владычества городахъ, сохранившихъ свою неприкосновенность до нашихъ дней. Генеральные штаты, возстановленіе Національнаго собранія, униженіе двора, равенство всѣхъ сословій въ государствѣ, уничтоженіе привилегій, разрушеніе Бастиліи, доктрины Учредительнаго собранія, реформы Мирабо, популярность Лафайета и Ламетовъ, образованіе національной гвардіи, конституція 1791 г., наконецъ останки аристократіи и королевской власти, вырванные у трона и брошенные націи жирондистами, даже 10 августа, когда думали быстро и легко замѣнить упраздненный тронъ, учредивъ правильную, властительную республику, нравились въ принципѣ лионской буржуазіи. Парижская революція была встрѣчена одобреніями, хотя и сдерживаемыми крайне меркантильнымъ духомъ страны.

Первыя волненія въ Лионѣ были вызваны Роланомъ и его женой, жившими въ то время въ его окрестностяхъ. Роланъ и его друзья раздули своими статьями, газетами и клубами чуть теплившійся огонь якобинизма. Этотъ огонь, такъ легко вспыхивавшій въ остальной Франціи, въ Лионѣ разгорался медленно и съ трудомъ. Какъ только какое-нибудь ученіе влекло за собою безпорядки и угрожало торговлѣ, оно становилось непопулярнымъ. У всѣхъ лионцевъ одно только званіе: эю. Все, что ему враждебно и можетъ заставить его исчезнуть — антисоциально. Населеніе Лиона сдѣлало собственность своимъ идоломъ.

Изъ всего этого послѣдовало, что якобинизмъ, не найдя послѣдователей, проповѣдниковъ и вождей въ рядахъ торговой буржуазіи и среди честнаго и трудолюбиваго рабочаго класса, принуждено было искать ихъ въ подонкахъ большого города, между иностранцами, не имѣющими родины, людьми, погрязшими въ порокахъ и долгахъ, которымъ нечего было терять во время бунта и которые все могутъ найти во время разрушенія. Это насажденіе клубовъ и якобинизма въ Лионѣ въ низшей средѣ общества наполнило ихъ самымъ мятеж-

нымъ и фанатичнымъ элементомъ и сдѣлало ихъ ненавистными для гражданъ. Тамъ все доходило до крайностей. Подобно Бордо, Марселю и Тулону, Лионъ принялъ съ восторгомъ ученіе и гражданъ Жиронды. Робеспьеръ, Дантонъ и Гора внушали тамъ ужасъ большинству. Богатые видѣли въ этой партіи Конвента грабителей собственности; народъ—гонителей религіи. Торговля была въ застоѣ, роскошь уменьшалась, изготовляли одно только оружіе. Съ того дня, какъ республика стала посягать на банки, рынки, фабрики, мастерскія, священниковъ, Лионъ не признавалъ болѣе республики. Городъ присоединилъ свои жалобы къ жалобамъ роялистовъ, которые стекались со всѣхъ сосѣднихъ провинцій искать убѣжище въ его стѣнахъ. Это настроеніе умовъ еще болѣе возмущало и воспламеняло разъяренныхъ клубистовъ, находившихся въ Лионѣ.

17.

Въ то время въ этомъ городѣ былъ странный человѣкъ изъ худшихъ людей во времена смутъ: фанатикъ невозможнаго. Это былъ одинъ изъ тѣхъ сумасшедшихъ, которые воплощаютъ въ себѣ не страсть, но безуміе толпы, одинъ изъ тѣхъ народныхъ пророковъ, которыхъ народъ считаетъ за вдохновенныхъ свыше, потому что они безумные, и которыхъ онъ слушаетъ какъ оракуловъ, потому что они общаются ему будущее болѣе великое, чѣмъ то, на которое онъ могъ разсчитывать, и триумфы болѣе полные, чѣмъ можетъ постигнуть человѣческой умъ. При помощи этого стремленія къ невозможному и этихъ перспективъ, обманывающихъ прежде всего ихъ самихъ, подобные люди увлекаютъ народъ въ пропасть, обольщая его иллюзіями и ведя его черезъ потоки крови. Этого человѣка звали Шалье.

Подобно Марату, онъ явился изъ-за границы на зарево революціи. Онъ родился въ Пьемонтѣ или Савойѣ въ незнатной семьѣ, хотя достаточно состоятельной, чтобы дать ему образованіе и положеніе. Предназначенный къ духовному званію, этой лѣстницѣ, нижняя ступень которой касается подонковъ народа, а верхнія достигаютъ высшихъ слоевъ общества, Шалье былъ подготовленъ къ этой профессіи монахами въ Лионѣ. Научившись казаться суровымъ и сдержаннымъ аскетомъ и притворяться вдохновеннымъ и воодушевленнымъ святымъ даромъ краснорѣчія, онъ не выработалъ въ себѣ въ то же время опредѣленныхъ правилъ жизни и представлялъ собою одну изъ тѣхъ странныхъ натуръ, въ которыхъ священникъ и трибунъ, пророкъ и демагогъ, святой и негодяй смѣшиваются въ одномъ человѣкѣ, чтобы породить чудовище, котораго невозможно ни понять, ни опредѣлить. Видя Шалье, можно было сказать, что судьба Лиона, столь похожая на судьбу Флоренці, хотѣла пополнить сходство, давъ этому городу непостижимаго агитатора, нѣчто среднее между Саванаролой и Маратомъ.

Революціонныя волненія, достигавшія до монастыря, мѣшали даже занятіямъ юнаго левита. Онъ мечталъ о преобразованіяхъ, которыя должны были наступить послѣ разрушенія. Онъ пугалъ своихъ школьныхъ товарищей кровавыми призраками, овладѣвшими его воображеніемъ. Въ эту пору онъ написалъ слѣдующія строки, несвязныя и отрывистыя выраженія которыхъ напоминаютъ библейскія вдохновенія пророковъ: „Мысли стѣснены, души оледенѣли;

родъ человѣческой умерь. Геній-Созидатель! изведи новый свѣтъ и новую жизнь изъ этого хаоса! Я люблю великіе проекты, головокруженіе, отвагу, борьбу, революціи. Великій Создатель сотворилъ прекрасныя вещи, но Онъ слишкомъ спокоенъ. Если бы я былъ Богомъ, то я привелъ бы въ движеніе горы, звѣзды, царства; я разрушилъ бы природу, чтобы вновь создать ее“.

Судьба Шалье, терпѣвшаго неудачи какъ въ добрыхъ дѣлахъ, такъ и въ преступленіи, выразилась цѣликомъ въ этихъ первыхъ порывахъ его души. Безуміе его заключалось въ томъ, что хотя мысли его и были велики, но безсильны, такъ какъ ими не руководилъ разумъ. Обуреваемый этими мыслями, Шалье вышелъ изъ священства, поступилъ въ контору и нѣкоторое время путешествовалъ по торговымъ дѣламъ. Онъ былъ изгнанъ изъ Италіи за то, что проповѣдывалъ тамъ революціонное ученіе. Благодаря этой проскрипціи онъ былъ замѣченъ Маратомъ, Робеспьеромъ, Камилломъ Демуленомъ и Фоме. Подъ ихъ покровительствомъ онъ основалъ въ Мойѣ центральный клубъ, пылающій очагъ, поддерживаемый имъ и день и ночь раздуваемый его рѣчами. Рѣчи его, то шутивыя, то мистическія, производили сильное впечатлѣніе на толпу. Въ его краснорѣчій ничего не было обдуманнаго, а все являлось порывомъ чувствъ. Его идеаломъ, очевидно, была роль лже-пророковъ Израіля, слугителей Иеговы и убійць людей.

18.

Тайна, облакавшая его жизнь, его блѣдность, неподкупность, преданность народному дѣлу, усердное посѣщеніе публичныхъ засѣданій центрального клуба доставили ему огромное вліяніе на ліонскихъ якобинцевъ. Избиратели выбрали его предсѣдателемъ гражданскаго суда. Видѣли или хотѣли видѣть его участіе во всѣхъ беспорядкахъ и преступленіяхъ. Эти беспорядки и преступленія были тѣмъ ожесточеннѣе въ Ліонѣ, что партія Шалье, чувствуя себя болѣе слабой и угрожаемой, хотѣла посредствомъ террора добиться повиненія себѣ. Между Ліономъ и Парижемъ происходило соревнованіе въ пролитіи крови.

На другой день послѣ сентябрьскихъ убійствъ, небольшое число убійць отправилось въ сопровожденіи дѣтей и женщинъ въ замокъ Петра Ансизскаго. Тамъ убили одиннадцать офицеровъ Польскаго королевскаго полка, арестованныхъ наканунѣ по подозрѣнію въ приверженности къ роялизму. Молодая дѣвушка, дочь губернатора крѣпости, де Вельсисъ, мужество которой равнялось ея красотѣ, тщетно бросалась между народомъ и жертвами, стараясь отстранить сабли и пики отъ арестованныхъ, причемъ была ранена сама. Тщетно мэръ Ліона, Вите, человѣкъ съ пылкимъ воображеніемъ, но стойкими принципами и гуманнымъ сердцемъ, примчался съ преданными ему гренадерами и старался спасти арестованныхъ просьбами и силою; пороги всѣхъ тюремъ Ліона были загромождены трупами. Эти трупы, повѣшенные на другой день на вѣткахъ липъ на мѣстѣ общественныхъ прогулокъ Белькура, были сцѣплены другъ съ другомъ, подобно трофеямъ, гирляндами изъ отрѣзанныхъ членовъ тѣла, чтобы внушить ужасъ аристократическимъ кварталамъ. Въ то же время эмиссары клуба Корделеровъ въ Парижѣ, къ числу которыхъ принадлежалъ Гюенень, ораторъ 20-го іюня, явились подогрѣть холодность центрального клуба въ Ліонѣ. Чернь ограбила магазины и придала закон-

ный видъ грабежу, соединивъ съ нимъ имена комиссаровъ. Муниципалитетъ, гдѣ двѣ поочередно одерживавшія перевѣсы партіи и измѣнявшіяся рѣшенія то помогали одолѣвать порядку, то воодушевляли бунтарей, становился все болѣе и болѣе игрушкой центрального клуба, въ которомъ царилъ Шалье. Шалье, Лоссель, его сообщникъ, священникъ-кровосмѣситель, только что женившійся на родной сестрѣ, Рулло, членъ муниципалитета, наконецъ Кюссе, выбранный въ депутаты Конвента, всенародно проповѣдывали догматы аграрнаго закона и грабежа. „Настало время, говорили они, когда должно исполниться пророчество: „Богатые будутъ лишены своего богатства, а бѣдные обогатятся“.—Если у народа не хватитъ хлѣба, проповѣдывалъ Тарпанъ:—пусть онъ воспользуется правомъ своей бѣдности, чтобы завладѣть имуществомъ богатыхъ.—„Хогите, писалъ Кюссе:—услышать слова, которыми можно заллатить за все, въ чемъ вы нуждаетесь въ Лионѣ?—Умрите или убейте другихъ!“

19.

Чтобы придать болѣе устрашающую силу этимъ возбуждающимъ словамъ, люди эти выписали гильотину изъ Парижа. Они помѣстили ее на площади Белькуръ, чтобы орудіе это напоминало о казни. Жирондисты, желая умѣрить это увлеченіе, отправили Вите, своего сотоварища и друга, въ Лионъ. Вите явился въ центральный клубъ и обратился тамъ съ мужественно суровой рѣчью, стараясь убѣдить мятежниковъ, прежде чѣмъ нанести имъ ударъ. Клубъ встрѣтилъ его презрѣніемъ и оскорбленіями. „Насталъ великій день мести!—воскликнулъ Шалье:—Среди насъ находятся пятьсотъ человѣкъ, заслуживающихъ такой же участи, какъ и тиранъ. Я дамъ вамъ списокъ ихъ именъ. Вамъ останется только поразить ихъ!“ Онъ предложилъ учредить революціонный судъ, потомъ, взявъ Распятіе, прибавилъ:—„Недостаточно того, что мы убили тирана нашего тѣла, нужно свергнуть и тирана нашихъ душъ!“ И, разбивъ Распятіе, онъ растопталъ его обломки. Затѣмъ Шалье повелъ толпу своихъ послѣдователей на площадь Терро и здѣсь заставилъ ихъ поклясться передъ деревомъ свободы въ томъ, что они истребятъ всѣхъ аристократовъ, роландистовъ, умѣренныхъ, ажіотеровъ, барышниковъ и священниковъ.

Муниципалитетъ, слѣдуя призыву центрального клуба, одно время началъ производить домовые обыски, послужившіе прелюдіею къ 2 сентября, и поручилъ комиссарамъ клуба указать и арестовать подозрительныхъ лицъ. Весь городъ былъ нѣкоторое время во власти этихъ Катилинъ. Только одинъ человѣкъ, мэръ Нивьеръ, заступившій Вите, сдерживалъ съ отвагой, достойной античнаго правителя, дерзость мятежниковъ и смѣялся надъ отчаяніемъ добродѣтельныхъ гражданъ. Нивьеру было извѣстно, что Шалье и Лоссель собрали ночью своихъ приверженцевъ, которые назывались тайнымъ революціоннымъ судилищемъ, приготовили гильотину, избравъ мѣстомъ казни одинъ изъ мостовъ на Ронѣ, откуда трупы должно было сбрасывать въ волны, изготовили списки съ именами осужденныхъ, а такъ какъ недоставало палачей, то Лоссель заявилъ: „Всѣ должны обратиться въ палачей. Гильотина падаетъ сама собою“.

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ, возмущенные этимъ заговоромъ, бѣжали изъ тайнаго собранія Шалье; Нивьеръ собралъ около магистратуры нѣсколько ба-

тальянонь и восемь пушекъ. Голова этого великодушнаго мэра была раньше другихъ общана убійцамъ. Онъ рисковалъ ею ради блага отечества. Его твердость страшила мятежниковъ.

„Уйдемъ, мы промахнулись!“ вскричалъ Шалье, увидавъ штыки и пушки, выстроившіеся вокругъ магистратуры. Послѣ своего триумфа, Нивьеръ вернулся въ ряды простыхъ гражданъ; но, избранный тотчасъ восемью тысячами голосовъ изъ девяти тысячъ избирателей, онъ снова принялъ бразды правленія городомъ при одобрительныхъ кликахъ собственниковъ.

20.

Партія Шалье, которой въ свою очередь угрожали умѣренные республиканцы, была спасена отъ народной ярости тѣмъ же самымъ Нивьеромъ, котораго она хотѣла убить. Центральный клубъ распался. Члены его зывали о помощи къ своимъ собратьямъ въ Парижѣ. Конвентъ постановилъ, чтобы два батальона марсельцевъ явились возстановить порядокъ въ Лионѣ. Онъ отправилъ туда трехъ комиссаровъ, выбранныхъ изъ монтаньяровъ: Базира, Ровера и Лежандра. Но батальоны Э и Марселя, явившіеся въ Лионъ и приникнутые духомъ Жиронды, были встрѣчены какъ освободители большинствомъ населенія и обратили въ бѣгство Шалье и его сторонниковъ. Якобинцы, липившіеся вліянія, задумали новое 10 августа противъ муниципалитета. Шалье снова явился и возстановилъ центральный клубъ. „Триста римлянъ, сказали онъ:— поклялись заколотъ новыхъ Порсенъ и погибнуть вмѣстѣ съ своими врагами подъ обломками новой Сагонты. Аристократы, роландисты, умѣренные эгоисты, трещите! 10 августа еще можетъ возродиться, волны Соны и Роны скоро понесутъ ваши трупы въ море!“ Кюссе отвѣчалъ ему съ вершины Горы: „Свобода для насъ или смерть нашихъ враговъ—вотъ выборъ, который приходится сдѣлать республикѣ!“ Патриотическій банкетъ соединилъ якобинцевъ подъ деревьями Велькура 9-го мая. Ободренные своей численностью и рукоплесканиями толпы, они отправились послѣ обѣда заставить муниципалитетъ учредить наконецъ революціонный судъ. Но имъ было отказано.

Въ Лионъ прибыли наиболѣе энергичные комиссары Конвента: это были Албиттъ, Дюбуа-Крансе, Готье и Нюшъ. Они насильственно заняли у богатыхъ шесть милліоновъ. Они учредили Комитетъ общественнаго спасенія, въ родѣ того, какой уже дѣйствовалъ въ Парижѣ. Они постановили образовать революціонную армію. Они послѣдовали дерзкому примѣру Шалье и отправились въ Альпійскую армію, оставивъ городъ во власти этого диктаторскаго комитета. Комитетъ началъ притѣснять гражданъ, вооружать своихъ сторонниковъ, обречь смерти враговъ. Шалье обнародовалъ списки, носившіе названіе „Компасъ патриотовъ“. „Къ оружію! къ оружію!—кричалъ онъ, бѣгая по улицамъ во главѣ якобинцевъ. Ваши враги поклялись убить всѣхъ васъ до грудныхъ дѣтей включительно. Спѣшите одолѣть ихъ или погребите себя подъ развалинами города!“

Эти яростные крики долетѣли до Конвента; умѣренная партія послѣдовало призыву Жиронды и добила декрета, по которому граждане Лиона получили

право противопоставить силѣ силу. „Неужели вы думаете, сказалъ Шалье, получивъ этотъ декретъ: — что этотъ декретъ испугалъ меня? Нѣтъ. Въѣсть со мною возстанетъ достаточно народа, чтобы убить двадцать тысячъ гражданъ, и я беру на себя вонзить вамъ въ горло ножъ!“ Онъ бѣжитъ въ клубъ, вооружаетъ своихъ друзей, раздаетъ каждому по поль-фунта пороха, назначаетъ мѣсто свиданія и готовится взять приступомъ магистратуру. Секціи, предупрежденныя о его намѣреніяхъ, собираются и вооружаются противъ якобинцевъ. Городъ раздѣляется на два лагеря. Муниципалитетъ переходитъ на сторону якобинцевъ. Народные представители Готье и Нионъ вступаютъ въ Ліонъ во главѣ двухъ батальоновъ и двухъ эскадроновъ. Шайки Шалье, вооруженныя косами, пиками, дубинами, идутъ впереди и оскорбляютъ гражданъ, вооруженныхъ секціями. Кровь льется. Шалье старается воодушевить членовъ клуба. „Впередъ, кричитъ онъ: — овладѣемъ членами департамента, президентами, секретарями секцій, отправимъ ихъ на гильотину и умоемъ наконецъ руки въ ихъ крови!“

21.

Пока секціи совѣщаются, якобинскій муниципалитетъ овладѣваетъ арсеналомъ, укрѣпляется въ немъ и заполняетъ ратушу пушками, военными припасами и войсками. Секціонеры, собравшіеся въ числѣ болѣе двадцати тысячъ на площади Велькуръ, выбираютъ комендантомъ фабриканта суконъ, по имени Мадинье, человѣка съ пылкимъ сердцемъ и желѣзной рукой. Мадинье овладѣваетъ арсеналомъ и идетъ къ ратушѣ. Представитель народа Нионъ пытается не допустить его до нея. „Оставьте, отвѣчаетъ ему Фременивилъ, президентъ департамента:—вы подписались подъ подлыми постановленіями, посягающими на наше имущество и нашу жизнь, мы не можемъ довѣрять вамъ! Уходите; мы такіе же, какъ и вы, республиканцы, но мы хотимъ республику законную, а не насилія надъ муниципалитетомъ. Если вы хотите, чтобы мы сложили оружіе, прикажите уйти своимъ войскамъ; уберите пушки и отрѣшьте отъ должности весь составъ муниципалитета“. Во время этихъ переговоровъ, которые шли въ арсеналѣ, муниципалитетъ окружилъ себя линейными войсками и ополченцами на площади Терро. Трупы первыхъ секціонеровъ, убитыхъ на улицахъ, были положены на ступеняхъ лѣтницы ратуши и оскорблены и изувѣчены чернью.

Мадинье, увѣдомленный объ этихъ безобразіяхъ, задержалъ Ниоша въ качествѣ заложника и приказалъ секціонерамъ раздѣлиться въ двѣ колонны, изъ которыхъ одна направилась по набережнымъ Соны, а другая по набережнымъ Роны, чтобы затѣмъ соединиться на возвышенности, гдѣ находилась ратуша. Голова колонны, шедшей вдоль набережной Роны, была разгромлена батареей, стоявшей на Моранскомъ мосту, очистившей всю набережную. Убиты сотни секціонеровъ, въ томъ числѣ нѣсколько роаялистскихъ офицеровъ и многіе изъ сыновей извѣстныхъ дворянскихъ семей и комерсантовъ Ліона.

Колонна, отправившаяся вдоль Соны, также были встрѣчена картечью при выходѣ съ площади Терро. Она отступаетъ и занимаетъ болѣе защищенную позицію на площади Кармъ, противъ ратуши, наполовину прикрывшись лѣ-

вымъ крыломъ ея зданій. Оттуда эта колонна начинаетъ бомбардировать ратушу. Якобинцы бѣгутъ изъ залъ и стараются укрыться во дворахъ. Представитель Готье выходитъ къ секціонерамъ для переговоровъ. Его оставляютъ заложникомъ такъ же, какъ и его сотоварища. Онъ подписываетъ, подъ угрозой секціонеровъ, о прекращеніи уполномочій, данныхъ муниципалитету. Мадьяне съ триумфомъ възъезжаетъ верхомъ на лошади въ ратушу, схватываетъ Шалье и главныхъ его сообщниковъ и провожаетъ ихъ до тюрьмы среди криковъ негодующей толпы, хотѣвшей убить ихъ за ихъ преступленія. Этотъ триумфъ Жиронды былъ одержанъ 27 мая, за день до того, когда члены Жиронды — побѣдительницы въ Ліонѣ — были казнены въ Парижѣ. Шалье, приговоренный къ смерти нѣсколько дней спустя революціоннымъ судомъ, видѣлъ изъ своей темницы огни иллюминаціи, зажженной въ честь победы умѣренныхъ. „Это факелы моей погребальной процессіи, сказалъ онъ:— Ліонцы дѣлаютъ большую ошибку, требуя моей смерти; кровь моя, такъ же какъ и кровь Христа, падетъ на нихъ и на ихъ дѣтей, потому что я буду въ Ліонѣ Христомъ революціи. Эшафотъ будетъ моей Голговою, ножъ гильотины моимъ крестомъ, на которомъ я скоро умру ради спасенія республики“.

Этотъ человѣкъ, жаждавшій крови какъ фанатикъ демагогіи, оказался самымъ чувствительнымъ и мягкимъ человѣкомъ, очутившись безсильнымъ въ удивленіи тюрьмы. Женщина, любившая его, прислала ему прирученную голлицу, которую онъ сдѣлалъ подругой своего заключенія и безпрестанно ласкалъ. Олицетвореніе невинности и голова, полная кровавыхъ грезъ! Птичка постоянно сидѣла на плечѣ у Шалье. Послѣ своего осужденія Шалье распространилъ мрачныя предсказанія по городу. Ему разрѣшили въ послѣдній разъ увидѣться съ друзьями и любимой женщиной. Онъ утѣшалъ ихъ и завѣщалъ имъ все, что имѣлъ, не забывъ и птичку, которую оросилъ слезами. Гильотина, вышисанная Шалье изъ Парижа и поставленная имъ на площади Терро, чтобы казнить своихъ враговъ, испытала свой ножъ для перваго раза на его головѣ. Распятіе, которое онъ то боготворилъ, то разбивалъ, было у него въ рукахъ во все время его пребыванія въ темницѣ. Онъ не спускалъ глазъ съ распятаго Бога. Осужденный въ четыре часа утра, онъ употребилъ остатокъ дня на писаніе своего завѣщанія. Онъ простился съ другими заключенными и твердыми шагами отправился къ эшафоту окидывая направо и налево глазами толпу, какъ бы упрекая ее въ своей смерти. У подножія эшафота онъ обнялъ своего духовника, въ послѣдній разъ прижался губами къ Распятію и отдалъ себя въ руки палача.

Плохо пригнанный ножъ гильотины, вмѣсто того чтобы сразу пресѣчь жизнь Шалье, пять разъ падалъ и снова поднимался, не будучи въ состояніи отдѣлить головы отъ туловища. Глаза Шалье, голова котораго была наполовину отдѣлена отъ туловища, съ упрекомъ смотря на палача, молили скорѣе прекратить мученія. Шестой ударъ былъ смертельнымъ. Шалье долго переживалъ агонію смерти, жажду которой онъ старался внушить народу. Онъ насытился кровью, но эта кровь была его собственная. Сначала народъ ненавидѣлъ его, потомъ жалѣлъ, наконецъ началъ относиться къ нему съ презрѣніемъ, такъ же какъ и къ Марату, въ концѣ концовъ память о немъ ис-

чезла или же къ ней относились съ ужасомъ, какъ къ памяти людей, которые олицетворяютъ собою неистовства народа, вмѣсто того чтобы воплощать въ себѣ его права и добродѣтели. Кровь Шалье, пролитая съ цѣлью бросить вызовъ Конвенту, сдѣлала всякое примиреніе невозможнымъ. Лионъ могъ подчиниться не иначе какъ подвергнувшись мести монтаньяровъ. Лионцы отъ сопротивленія перешли къ возстанію.

22.

Поводомъ къ возстанію въ Лионѣ было множество и притомъ самыхъ разнообразныхъ. Когда жирондисты пали, Конвентъ распался, національному представительству былъ нанесенъ ударъ 31 мая, анархическое давленіе Шалье и его сторонниковъ, долго сносимое, было свергнуто, началось соревнованіе въ инсurreкціонномъ движеніи съ Марселемъ и Тулономъ, торговля прекратилась, священники подверглись гоненію, жизни каждаго гражданина начала грозить опасность вслѣдствіе закона о подозрѣваемыхъ, терроръ началъ капля за каплей проливать кровь знаменитыхъ жертвъ въ Парижѣ, наконецъ роялизмъ, сконцентрировавшійся въ Лионѣ и изъ своего убѣжища сзывавшій отовсюду себѣ сторонниковъ,—все способствовало тому, чтобы сдѣлать этотъ городъ контръ-революціоннымъ центромъ республики.

Однако инсurreкціонное движеніе не выказывало еще этой окраски. Оно прикрывалось флагомъ республиканизма. Администраторы и главы секцій, восторжествовавшіе въ магистратурѣ, были—революціонеры, преданные системѣ жирондистовъ, все честолюбіе которыхъ ограничивалось надеждой оправдать своихъ друзей Верньо и Ролана и отомстить за нихъ. Двое депутатовъ этой партіи, нашедшіе убѣжище въ Лионѣ, Шассе и Бирото, поддерживали своими рѣчами духъ Жиронды. Городское управленіе приняло видъ диктатуры. Оно состояло изъ администраторовъ, избранныхъ секціями и явившихся ихъ представителями. Оно называло себя народной республиканской комиссіей. Эти делегаты были выбраны подъ впечатлѣніемъ ужаса, возбужденнаго якобинцами. Въ число ихъ избрали гражданъ, возрѣнія которыхъ наиболѣе расходились со взглядами террористовъ и слѣдовательно наиболѣе приближались къ контръ-революціоннымъ. Республиканецъ, возмущенный противъ республики, такъ близко подходилъ къ роялисту, замышляющему противъ нея, что ихъ дѣйствія и они сами рано или поздно должны были слиться. Общія преслѣдованія невольно должны были сплотить ихъ. Это и случилось въ Лионѣ помимо воли людей, но въ силу положенія вещей.

Предсѣдателемъ народной республиканской комиссіи былъ Рамбо, монархическія убѣжденія и чувства котораго были всѣмъ извѣстны. Членами ея были возмущенные жирондисты или скомпрометированные утѣренные, подчиненіе которыхъ Конвенту грозило имъ въ перспективѣ смертью. Торговцы, у которыхъ все сводится къ выгодѣ, каждый день оплакивали упадокъ въ дѣлахъ и тайно сожалѣли о крушеніи монархіи, служащей обезпеченіемъ труда, кредиту и безопасности. Дворяне и священники, нашедшіе массами убѣжище и скрывавшіеся въ Лионѣ, раздували своей злобой это недовольство; они надѣялись обратить его въ вулканъ, изверженіе котораго поглотитъ республику

и очистить дорогу во Францію и къ трону эмигрировавшимъ и изгнаннымъ принцамъ.

23.

Давно уже Лионъ былъ миражемъ эмигрировавшихъ роялистовъ. Какъ только этотъ городъ порвалъ съ Конвентомъ, эмиссары вообразили, что онъ порвалъ и съ республикой. Они явились, чтобы овладѣть движеніемъ и обратить его въ пользу монархизма. Графъ Артуа находился въ то время въ Гаммѣ, на прусской территоріи. Онъ немедленно отправилъ маркиза Отишана въ Савойю, съ приказаніемъ ознакомиться вблизи съ характеромъ лионскаго возстанія, сообщить свой выводъ туринскому двору и заставить его направить болѣе значительныя силы къ Шамбери.

Другой офицеръ принца былъ посланъ въ Вернь, чтобы побудить Швейцарію объявить, что она идетъ противъ Франціи, и соединить свои войска съ войсками короля Сардиніи для нанесенія рѣшительнаго удара республикѣ. Двое уполномоченныхъ короля Сардинскаго, баронъ дез'Этоль и графъ де-Местръ, этотъ всегда унижаемый, но вѣчно гремящій пророкъ стараго правленія, сосредоточивали въ это время вблизи кантоновъ Гельвеціи силы эмигрантовъ. Лордъ Фитцъ-Жеральдъ, посланный британскимъ кабинетомъ, возбуждалъ кантоны въ такомъ же направленіи. Но аристократическіе кантоны Швейцаріи, которымъ грозила въ ихъ собственной странѣ направленная противъ нихъ революція, не рѣшались сдѣлать малѣйшаго шага, такъ какъ онъ могъ бы послужить сигналомъ къ крушенію ихъ конституціи. Сардинскій дворъ, подкрѣпленный восемью или десятью тысячами австрійцевъ, быстро двинулъ главныя силы въ графство Ниццу, чтобы прежде всего прикрыть Пьемонтъ; онъ удовольствовался тѣмъ, что защищалъ шагъ за шагомъ Савойскія ущелья противъ малочисленныхъ батальоновъ Келлермана. Маркизь Отишанъ и офицеры Конде не замедлили признать невозможность назначить эмигрантовъ начальниками въ движеніи, которое съ вѣшной стороны казалось республиканскимъ. Роялисты Лиона и внутри страны должны были отказаться отъ всякой надежды увидѣть рѣшительное вмѣшательство иностранцевъ. Они рассчитывали только на время, осторожность и побѣду, чтобы возстановить монархію въ Лионѣ на развалинахъ партіи жирондистовъ. Помимо народа, который былъ имъ преданъ по убѣжденію, они насчитывали въ городѣ четыре тысячи неприсягнувшихъ священниковъ и шесть тысячъ дворянъ, готовыхъ взяться за оружіе противъ войскъ Конвента.

24.

Всякая попытка къ примиренію явилась бы запоздавшей. Лионъ взялся за оружіе. Народная республиканская коммисія приказала приступить къ работамъ по оборонѣ, возводить редуты, лить пушки, подвозить продовольственные припасы, выпустить на нѣсколько милліоновъ осадной монеты, гарантированной городомъ, на вербовать наемную армію въ девять тысячъ человекъ. Она формальнымъ постановленіемъ отказалась отъ конституціи 1793 года. Наконецъ она назначила главнокомандующаго своихъ войскъ.

Этот генералъ, имя котораго, до тѣхъ поръ неизвѣстное, было способно успокоить роялистовъ, не возбуждая слишкомъ большого подозрѣнія въ республиканцахъ. — былъ графъ де-Преси. Де-Преси, уроженецъ Шароле, бывший полковникъ Вогезскаго полка, принадлежалъ къ числу той военной аристократіи, которая несмотря на эмиграцію сохранила свой націонализмъ, и патриотизмъ гражданина и вѣрность дворянина; честь заставляла его быть монархистомъ, духъ вѣка — патриотомъ, а происхожденіе — французомъ. Онъ служилъ въ Корсикѣ, Германіи и въ конституціонной гвардіи Людовика XVI. Онъ поклонялся одновременно съ конституціей и королю. 10-го августа онъ сражался вмѣстѣ съ офицерами, которые хотѣли умереть защищая тронъ. Онъ оплакалъ смерть своего властелина, но не проклялъ отечества. Удалившись въ свои владѣнія въ Семюръ въ Бріонне, онъ раздѣлялъ тамъ участь всего гонимаго дворянства.

Друзья его, оставшіеся въ Лионѣ, указали на него комиссіи, какъ на вождя, наиболѣе способнаго руководить и сдерживать смѣшанное движеніе, которое Лионъ осмѣлился начать противъ анархіи. Преси не былъ главой партіи: онъ прежде всего былъ воинъ. Однако сдержанность его характера, привычка управлять солдатами и природныя качества, присущія всѣмъ людямъ его провинціи, дѣлали его способнымъ объединить противоположныя партіи, приобрести ихъ довѣріе и вести ихъ къ цѣли, которую онъ имъ впередъ не открылъ. Преси было пятьдесятъ одинъ годъ, но его воинственная вѣжшность, открытое лицо, ясные голубые глаза, тонкая усмѣшка, природный даръ повѣлывать и убѣждать, физическая неутомимость — дѣлали его пріятнымъ начальникомъ въ глазахъ народа.

25.

Депутаты Лиона поѣхали предложить командованіе де-Преси. Они застали его, какъ нѣкогда римляне своего диктатора, въ саду съ заступомъ въ рукѣ, занятымъ воздѣлываніемъ овощей и цвѣтовъ. Начались античные переговоры, на самомъ же полѣ, въ тѣни забора, между офицеромъ и гражданами. Преси скромно заявилъ, что считаетъ себя недостойнымъ занять предлагаемый ему постъ; что революція сломала его шпагу, а годы потушили его пылъ; что гражданская война противна ему; что это крайнее средство, скорѣе гибельное чѣмъ спасительное; что, бросаясь въ нее, приходится или одержать побѣду или умереть самому; что вооруженныя силы Конвента, направленные въ на одинъ городъ, рано или поздно сокрушатъ Лионъ; что не надо скрывать отъ себя, что военныя дѣйствія и голодъ продолжительной осады уничтожатъ значительное количество его гражданъ, а эшафотъ унесетъ оставшихся въ живыхъ. „Мы это знаемъ, возразили на это делегаты Лиона: — но мы положили въ нашемъ умѣ на вѣсы эшафотъ и притѣсненія Конвента, и выбрали эшафотъ». — «А я, вскричалъ Преси: — я взойду на него съ такими людьми!» Онъ надѣлъ верхнее платье, висѣвшее на вѣтви грушеваго дерева, пошелъ проститься съ женою и захватить оружіе, пролежавшее безъ употребленія въ теченіе полтора года, и послѣдовалъ за лионцами.

Прібывъ въ Лионъ, онъ надѣлъ статское платье, прикололъ трехцвѣтную

кокарду и поѣхалъ верхомъ на смотръ муниципальной арміи. Батальоны наемнаго войска и національные гвардейцы, выстроенные въ боевомъ порядкѣ на Белькурской площади для встрѣчи своего начальника, привѣтствовали Преси единодушными кликами. Командованіе артиллеріей было поручено подполковнику де-Шенелетту, офицеру, испытанному въ бояхъ, и гражданину, уважаемому за свои добродѣтели и способности въ мирное время. Графъ Вирье былъ назначенъ главнымъ начальникомъ кавалеріи. Это былъ человекъ, придававшій самую роялистскую окраску возстанію въ Лионѣ. Знаменитый ораторъ Учредительнаго собранія, въ началѣ революціи онъ отстаивалъ права націи, присутствовалъ на Визильскомъ собраніи въ Дофине, требовалъ, чтобы въ генеральныхъ штатахъ представительство было личное, а не по довѣрію и 25 іюня перешелъ съ сорока семью членами изъ дворянства на сторону народа. Съ тѣхъ поръ де-Вирье, повидимому, раскаялся въ своихъ популярныхъ поступкахъ. Онъ спѣшилъ поддержать тронъ послѣ того какъ распаталъ его. Подобно своимъ друзьямъ Мунье, Лалли-Толендалю, Клермону-Тоннеру и Казалесу, онъ хотѣлъ, чтобы республика добилаь права представительства, раздѣленнаго между двумя палатами на подобіе Англіи. Борьба аристократіи и демократіи, умѣряемая монархіей, казалась ему единственно свободнымъ правленіемъ. Съ тѣхъ поръ какъ національное собраніе уничтожило тотъ кругъ, куда аристократія хотѣла запереть среднее сословіе, всѣ дѣйствія революціи казались ему крайними, всѣ поступки—преступленіями. Онъ ушелъ отсюда, какъ выходятъ изъ собранія заговорщиковъ, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ и проклиная свое заблужденіе. Онъ былъ преданъ дѣлу возстановленія монархіи и низвергнутой религіи. Онъ поддерживалъ переписку съ принцами. На своей родинѣ, Дофине, и въ Лионѣ онъ агитировалъ въ пользу изгнанной монархіи. Подъ вліяніемъ религіознаго чувства, распаленнаго преслѣдованіями религіи, онъ готовъ былъ умереть за своего короля и за Бога, какъ нѣкогда жертвовалъ жизнью за свободу. Какъ человекъ, принадлежащему къ знатному роду, преслѣдуемой кастѣ и гонимой религіи, гражданская война казалось ему трижды священной: какъ аристократу, монархисту и христіанину. Храбрый воинъ, прекрасный ораторъ, искусный политикъ—онъ имѣлъ всѣ данныя сдѣлаться главою партіи. Лионъ, назначивъ его помощникомъ главнокомандующаго, заранѣе далъ понять если не цѣль, то заднюю мысль своего возмущенія.

26.

Конвентъ, съ своей стороны, принялъ вызовъ на бой съ непоколебимой рѣшимостью власти, соглашающейся на ампутацію одного изъ своихъ членовъ, чтобы спасти все тѣло. Единство республики было болѣе необходимо сохранить, чѣмъ второстепенный городъ Франціи. Конвентъ не отступилъ бы даже, если бы пришлось разрушить Парижъ. Отечество въ его глазахъ было не городомъ, а принципомъ. Онъ ни минуты не колебался. Онъ былъ увѣренъ въ своемъ правѣ и черпалъ силу въ этомъ убѣжденіи.

Онъ приказалъ Келлерману, главнокомандующему Альпійской арміей, покинуть границы и сконцентрировать всѣ силы вокругъ Лиона. Келлерманъ, оспаривавшій у Дюмуре славу Вальми, одинъ въ это время противостоялъ на югѣ

австрійцамъ, аллоброжцамъ и пьемонтцамъ, силы которыхъ все росли по ту сторону Альпъ. Савойя, колебавшаяся между своимъ сочувствіемъ нашимъ принципамъ и вѣрностью своимъ принципамъ, кончила тѣмъ, что разразилась возстаніемъ въ горныхъ округахъ Фосиньи и Конфланъ. Съ небольшимъ войскомъ Келлерманъ повсюду подавлялъ мятежъ. Маленькій отрядъ, бывший съ нимъ въ Савойѣ, переносясь черезъ вершины изъ одной долины въ другую, подобно подвижной плотинѣ, останавливалъ повсюду потокъ, несшійся на насъ съ горъ.

Келлерманъ принадлежалъ къ искуснымъ воинамъ, безстрашнымъ въ бою, созданнымъ болѣе для того, чтобы предводительствовать солдатами, чѣмъ вмѣшиваться въ споры партій, охотно становившимся вождями войскъ республики, но не исполнителями ея жестокостей. Онъ боялся заслужить репутацію разрушителя Ліона. Онъ зналъ, какой ужасъ оставляетъ по себѣ память людей, изувѣчившихъ свое отечество! Прозвище Южнаго Марія приводило его въ содроганіе. Онъ выжидалъ, пробовалъ вступить въ переговоры, а пока стягивалъ свои войска и нѣсколько разъ обращался къ ліонцамъ съ требованіемъ смириться. Все оказалось бесполезнымъ. Ліонъ отвѣтилъ ему условиями, предписывавшими Конвенту отречься отъ 31 мая, отмѣнить всѣ мѣры, принятыя съ этого дня, возстановить въ должности жирондистскихъ депутатовъ, осудить самого себя, унижить Гору. Келлерманъ, побуждаемый народными представителями Готье, Нишемъ и Дюбуа-Крансе, заканчивалъ приготовленія къ полной блокадѣ города. Комитетъ общественного спасенія отправилъ Кутона и Мэнье поднять массовое возстаніе въ департаментахъ: Овернѣ, Бургундіи, Юрѣ, Брессѣ, Ардешѣ, чтобы наводнить Ліонъ батальонами волонтеровъ-патріотовъ, которые выступали противъ террора на призывъ представителей. Уже съ береговъ Соны и Роны, съ горъ Ардеша и густо заселенныхъ долинъ древней Оверни и Алье приближались по всѣмъ дорогамъ къ Ліону колонны, предводительствуемыя Ревершономъ, Жавогомъ, Мэнье и Кутонемъ. Крестьяне не нуждались въ дисциплинѣ, чтобы образовать позади линейныхъ войскъ и въ промежуткахъ между лагерями стѣны изъ штыковъ, долженствовавшихъ усилить блокаду и задуть городъ.

27.

Ліонъ былъ укрѣпленъ только со стороны возвышенности Круа-Руссъ—плато, раздѣляющаго обѣ рѣки, и на цѣпи холмовъ, которые тянутся вдоль теченія Соны начиная съ горы Петра Ансизскаго, гдѣ эта рѣка втекаетъ въ городъ, до предмѣстья Сентъ-Фуа, возвышающагося на концѣ этихъ холмовъ, недалеко отъ слиянія Соны съ Роной. Это слияніе само по себѣ служило защитой городу съ южной стороны. Мостъ Мюлатьеръ былъ переброшенъ въ этомъ мѣстѣ соединенія обѣихъ рѣкъ черезъ русло Соны. Защищенный редутами, этотъ мостъ препятствовалъ переходу осаждающихъ колоннъ. Между городомъ и мостомъ, узкое шоссе, которое не трудно было загородить и защитить, тянется по берегу Роны. Остальное пространство, образующее острый уголъ Перраша, представляло низменность, перерѣзанную болотами и каналами, заросшую ивами и вербами, для защиты которой вполне достаточно было засады

изъ небольшого отряда стрѣлковъ, такъ какъ она была недоступна для артиллеріи. Съ востока и со стороны низменныхъ долинъ Дофине единственнѣмъ оплотомъ Лиона служить Рона, образующая подъ мостами широкій потокъ, который невозможно переплыть. Къ этимъ естественнымъ укрѣпленіямъ пришлось прибавить только два редута на мостахъ Гильотьеръ и Моравъ, единственныхъ пунктахъ, служившихъ въ то время для сообщенія города съ кварталомъ Бротто или предмѣстьемъ Гильотьеръ, расположеннымъ на другомъ берегу рѣки. У Лиона было всего только сорокъ пушекъ на огромную окружность, но ихъ лили ежедневно; подъ наблюденіемъ неутомимаго Преси и его адъютанта воздвигнутые редуты, укрѣпленія, батареи, перерубленные мосты или готовые рухнуть представляли повсюду страшную преграду для войскъ Конвента.

28.

Осаждающая армія заняла свою позицію въ первыхъ числахъ августа. Она раздѣлилась на два лагеря. Лагерь Гильотьеръ, состоявшій изъ десяти тысячъ человекъ съ сильной артиллеріей, подъ командой генерала Вобуа тянулся вдоль Роны и преграждалъ лионцамъ путь въ Дофине, Савойю и къ Альпамъ. Миребельскій лагерь, расположенный съ сѣверной стороны Роны до Соны, окружалъ Домбское плато, раздѣлявшее обѣ рѣки, и угрожалъ предмѣстью Круарусъ, самой сильной позиціи.

Келлерманъ помѣстилъ свой штабъ въ Папскомъ замкѣ, невдалекѣ отъ Миребеля, на крутомъ берегу Роны. Понтонный мостъ, построенный у самаго замка, служилъ для сообщенія между обѣими республиканскими арміями. Батальоны Ардеша, Фореза, Оверни и Бургундіи, предводительствуемые представителями своихъ департаментовъ, постепенно образовывали огромную линію, тянущуюся отъ праваго берега Роны за мѣстомъ ея слиянія до плато Лимоне, господствовавшую надъ всѣмъ теченіемъ Соны до вступленія ея въ Лионъ. Но эта линія войскъ, волнистая, слабая, раздѣленная на нѣсколько частей передовыми отрядами лионцевъ и городами: Сентъ-Этьенъ, Сентъ-Шамонъ и Монбризонъ, державшими сторону осажденныхъ, оставляла свободное сообщеніе Лиону съ горами Виверэ и дорогой на Парижъ черезъ Бурбонэ. Сосѣдніе города и селенія доставляли Лиону, какъ вѣрныя колоніи, оружіе, припасы и воиновъ. Они служили аванъ-постамъ для защиты. Такимъ образомъ поле битвы простиралась на шестьдесятъ квадратныхъ миль.

По мѣрѣ того, какъ осаждающія колонны приходили на свои позиціи, онѣ занимали эти города, селенія и аванъ-посты и заставляли войска Преси искать защиты въ укрѣпленныхъ постахъ, за редутами или городскими валами. Такимъ образомъ Преси приучалъ къ войнѣ свою подвижную армію, насчитывавшую около десяти тысячъ сражающихся. Онъ образовалъ изъ этого наемнаго войска и изъ юныхъ волонтеровъ, испытанныхъ въ боевомъ огнѣ, ядро для внутренней охраны города. Воодушевленные на защиту своего дѣла, страстно преданные своему генералу, котораго они видѣли въ битвѣ всегда впереди, верхомъ на лошади, награждаемые его взглядомъ и встрѣчаемые при своемъ появленіи въ Лионъ съ восторгомъ и объятіями матерей, женъ, сестеръ и согражданъ, эти молодые люди, почти всѣ роялисты, сдѣлались арміей героевъ. Съ

ними-то Преси и совершили тѣ чудеса храбрости, которыя въ теченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ задерживали всю Францію передъ этой горстью бойцовъ среди колеблющагося, возмущеннаго и голоднаго населенія.

29.

Бомбардировка началась 10 августа, день, имѣвшій счастливое предзнаменованіе для республики. Батареи Келлермана и Вобуа въ теченіе восемнадцати часовъ непрерывно осыпали городъ раскаленными ядрами и разрывными бомбами. Върломные знаки, сдѣланные ночью друзьями Шалье, обозначали кварталы и дома, которые надлежало сжечь. Такимъ образомъ ядрамъ была намѣчена цѣль, а бомбы почти всегда разрывались на улицахъ, на площадяхъ или надъ домами враговъ республики. Въ эти зловѣщія ночи роскошная набережная Сень-Клеръ, Белькурская площадь, Тампльскій портъ, Мерсьерская улица и длинный рядъ магазиновъ, служившихъ складами богатствамъ фабрикъ и торговли, загорались разъ триста отъ падавшихъ и взрывающихся снарядовъ, уничтожавшихъ огнемъ миллионы произведеній труда Ліона и погребавшихъ подъ развалинами имущества тысячъ обитателей.

Жители города, сначала объятые ужасомъ, вкорѣ привыкли къ этому зрѣлищу. Жестокость враговъ возбуждала въ нихъ только негодованіе. Поводъ къ войнѣ, касавшійся прежде одной только партіи, сдѣлался общимъ дѣломъ. Поджогъ Ліона былъ въ глазахъ его гражданъ святотатствомъ, совершеннымъ республикой. Имъ казалось невозможнымъ примириться съ Конвентомъ, пользовавшимся пожаромъ, какъ вспомогательнымъ средствомъ, и сжигавшимъ Францію, чтобы подчинить ее своему мнѣнію. Все населеніе города рѣшилось до послѣдней капли крови защищать его укрѣпленія. Послѣ того, какъ оно жертвовало своимъ очагомъ, имуществомъ, кровомъ, богатствомъ, ему немногаго стоило пожертвовать своею жизнью. Героизмъ сдѣлался привычкой души. Въ нѣсколько дней женщины, дѣти, старики запаслись порохомъ и обломками гранатъ. Какъ только бомба описывала кривую надъ улицей или крышей, они бросались не бѣжать, а тушить ее, вырывая фитиль. Если имъ это удавалось, они начинали играть съ потушей бомбой и относили ее на городскія батареи, чтобы отправить ее обратно непріятелю; если же они опаздывали, то ложились на землю и вставали уже послѣ того, какъ бомба разрывалась. Повсюду организованныя противопожарныя дружины тушили загоравшіеся дома принося воду изъ обѣихъ рѣкъ. Все городское населеніе раздѣлилось на двѣ части, изъ которыхъ одна сражалась на укрѣпленіяхъ, а другая тушила пожары, приносила на аванъ-посты боевые припасы и продовольствіе, переносила раненыхъ въ госпитали и перевязывала раны и хоронила мертвыхъ. Въ національной гвардіи, находившейся подъ командой Мадинье, насчитывалось тридцать шесть тысячъ штыковъ. Она обуздывала якобинцевъ, обезоруживала клубистовъ, заставляла исполнять требованія народной комиссіи и поставляла на наиболѣе угрожаемые посты многочисленные отряды волонтеровъ. Преси, Виріе, Шенелеттъ посѣвляли повсюду; они переносились верхомъ изъ одной части города въ другую, скакали изъ лагеря въ совѣтъ и изъ совѣта на поле битвы. Народная комиссія, въ которой председа-

тельствовать докторъ Жилиберъ, ярый и отважный жирондистъ, не останавливалась ни передъ отвѣтственностью, ни передъ смертью. Имѣя въ перспективѣ побѣду или гильотину, она черпала во всеобщей опасности мужество, которое она проявляла, напрягая всѣ свои силы. Власть—слѣдствіе необходимости. Все подчинялось безропотно этому правительству, властвовавшему во время осады.

30.

Якобинцы, обузданные, обезоруженные, находившіеся подъ надзоромъ, скрывались въ предмѣстьяхъ, бѣжали въ республиканскіе лагеря и дѣлали тщетныя попытки составить новые заговоры. Въ ночь съ 24 на 25 августа во время смятенія, вызваннаго бомбардировкой Белькура, какая-то женщина подожгла арсеналь, и огромное зданіе на берегу Соны на окраинѣ города было уничтожено. Взрывъ потрясъ, опустошилъ и привелъ въ ужасъ городъ. Въ эту ночь погибли тысячи килограммовъ боевыхъ припасовъ и возстаніе отчасти было подавлено; но это событіе все же не обезоружило и не лишило мужества ліонцевъ. Инсуренты въ числѣ трехъ тысячъ челоувѣкъ при самомъ заревѣ пожара сдѣлали вылазку и отбросили республиканскія войска съ высотъ Сентъ-Фуа.

Бомбардировка, хотя и производила разрушенія, но не наносила существеннаго вреда крѣпости. Конвентъ дѣлалъ выговоры Келлерману. Находившіеся въ арміи народные представители обвиняли его въ слабости и медлительности. Сардинцы воспользовались его отсутствіемъ, чтобы снова занять Савойю. Келлерманъ, подъ предлогомъ необходимости его присутствія въ Альпійской арміи, просилъ о переводѣ его изъ Ліонской арміи. Комитетъ общественной безопасности назначилъ генерала Доппе на мѣсто Келлермана. Доппе командовалъ авангардомъ Карто противъ Марселя; онъ привыкъ къ гражданскимъ войнамъ. Въ ожиданіи прибытія въ лагерь Доппе, командованіе было ввѣрено Дюбуа-Крансе.

Дюбуа-Крансе, народный представитель, служившій поручикомъ въ войскѣ Келлермана, внесъ въ войну увлеченіе республиканства. Благородный, но избѣнившій королевской власти, Дюбуа-Крансе хотѣлъ сокрушить Ліонъ какъ республиканецъ. Въ его стѣнахъ онъ видѣлъ два объекта для ненависти: Жиронду и роялизмъ. Онъ внушилъ своей арміи, увеличивавшейся съ каждымъ днемъ, энергію и движеніе своей души. Окутывавшее Ліонъ уже въ теченіе цѣлаго мѣсяца облако дыма и охватившее его желѣзное кольцо сдавили его еще сильнѣе. Онъ приказалъ арміи Реверсона, спустившейся съ высотъ Лимоне, атаковать замокъ Дюшеръ. Защищенная четырьмя тысячами ліонцевъ и редутами позиція эта господствовала надъ Везкимъ предмѣстьемъ. Въ слѣдующую ночь, подъ прикрытіемъ страшнаго огня со всѣхъ своихъ батарей, Дюбуа-Крансе двинулся во главѣ Ардешскихъ баталіоновъ на редуты осажденныхъ, прикрывавшіе мосты д'Улень и Миюльеръ. Онъ взялъ ихъ штурмомъ, прежде чѣмъ триста ліонцевъ, защищавшихъ мосты, успѣли взорвать ихъ. Такимъ образомъ полуостровъ Перашъ былъ открытъ для республиканцевъ. Высотами Сентъ-Фуа они овладѣли благодаря измѣнѣ. Караульный капраль главнаго редута въ ночь на 27 сентября поставилъ передоваго ча-

сового на такое мѣсто, откуда ничего нельзя было различить. Самъ же капраль дошелъ до республиканскихъ постовъ и сообщилъ пароль осажденныхъ. При помощи этого пароля республиканцы проникли въ редутъ и убили часовыхъ.

Взятіе редутевъ Сень-Фуа лишило прикрытія всѣ западныя ліонскія высоты. Преси рѣшился на отчаянную попытку вновь овладѣть этими позиціями. Онъ подошелъ, во главѣ отборныхъ батальоновъ, къ республиканцамъ, укрѣпившимся въ занятой ими позиціи. Сначала онъ былъ отброшенъ огнемъ ихъ редутевъ, лошадь подъ нимъ была убита и упала на него; но онъ высвободился изъ-подъ нея, собралъ войска, выхватилъ ружье у одного изъ своихъ солдатъ и первый направился къ пушкамъ; тутъ онъ былъ раненъ картечью. Кровь течетъ у него изъ двухъ ранъ; онъ останавливаетъ ее и, махая окровавленнымъ платкомъ, какъ знаменемъ, устремляетъ свои батальоны на непріятеля, который бѣжитъ, оставивъ въ рукахъ заклепанныя орудія и разрушенныя редуты.

Между тѣмъ какъ Преси одерживаетъ такимъ образомъ побѣду въ Сень-Фуа и Сень-Иренѣ, генераль Доппе пользуется тѣмъ, что дорога его войскамъ очищена взятіемъ наканунѣ моста Мюлатьеръ, и ведетъ свой батальонъ къ Перрашу; онъ беретъ оба редута, которые его защищаютъ, и грозной колонной обрушивается на кварталъ, занимающій набережную Роны въ самомъ центрѣ Ліона. Городу пришелъ конецъ. По набережной Роны уже неслись ядра, когда Преси, извѣщенный о вторженіи республиканцевъ, спустился съ остатками своихъ батальоновъ съ высотъ Сень-Фуа и, присоединивъ во время перехода къ горсточкѣ своихъ храбрецовъ всѣхъ попавшихся ему по пути солдатъ, построилъ ихъ на площади Милосердія въ колонну. Онъ прикрываетъ голову ея четырьмя пушками, разбрасываетъ въ низкихъ мѣстахъ Перраша множество стрѣлковъ, чтобы защитить свой правый флангъ, и форсированнымъ маршемъ идетъ къ плотинѣ, чтобы или отразить республиканскую армію, или умереть.

31.

Солдаты Доппе приготовились уже къ нападенію. Полемя битвы была плотина въ двадцать пять саженой между Роной и болотами Перраша. Никакіе маневры не были возможны. Побѣда должна была достаться той сторонѣ, у которой было болѣе готовности умереть. Республиканскія батареи, расположенныя по лѣвому берегу Роны и по правому Соны, а также и на самой плотинѣ, обстрѣливали съ трехъ сторонъ ліонскую колонну. Это былъ настоящій вихрь картечи. Первые роты были цѣликомъ уничтожены этимъ огнемъ. Преси съ самыми отчаянными изъ своихъ волонтеровъ пронесся черезъ трупы и бросился на республиканскіе батальоны, прикрывшіе батарею съ фронта. Онъ уничтожилъ ихъ одинъ за другимъ на ихъ орудіяхъ. Столкновеніе было такъ ужасно и ярость такъ велика, что штыки ломались въ тѣлахъ сражающихся, не вырывая у нихъ даже крика, а республиканцы, сброшенные во рвы, окружавшіе плотину, отказывались отъ предложенія пощадить ихъ жизнь и дали убитъ себя всѣ до одинаго.

Преси, желая довершить побѣду, отгѣснилъ разсѣяныя колонны Доппе до моста Мюлатьеръ. Перейдя мостъ, республиканцы едва успѣли разрушить

его. Они отступили къ Улену. У Лиона было нѣсколько дней передышки. Но Преси потерялъ во время этой побѣды цвѣтъ лионской молодежи. Усталость, огонь, смерть и раны сократили число защитниковъ этого огромнаго пространства до трехъ тысячъ. Они покидали одну брешь лишь затѣмъ, чтобы перенестись къ другой, проливая повсюду свою кровь. Батареи генерала Вобуа, сражавшагося за Конвентъ, калили до-красна ядра на рѣшеткахъ, привезенныхъ изъ Гренобля, и не давали ни минуты покоя городу, лишая убѣжища даже раненыхъ и умирающихъ. Тщетно, по обычаю осажденныхъ городовъ, въ которыхъ щадятъ убѣжища, посвященные челоуѣколюбію, Лионъ поднялъ черное знамя надъ госпиталемъ—зданіемъ, отличавшимся прекрасной архитектурой; артиллерія Конвента осыпала ядрами и гранатами стѣны и купола госпиталя. Бомбы, разрываясь въ залахъ, погребали раненыхъ подъ тѣми сводами, куда они пришли искать спасенія. Обѣ рѣки и дороги, по которымъ подвозились въ Лионъ съѣстные припасы, были заграждены. Съѣстные и боевые припасы изсякли. Доѣдали послѣднихъ лошадей. Изъ желѣза, которое брали со зданій, лили пули. Народъ, умирая, ропталъ на сдѣлавшуюся отнынѣ бесполезной смерть. Подкрѣпленія, ожидаемая со стороны Савойи и Италіи, были задержаны арміей Келлермана въ Альпахъ. Марсель былъ усмирить Карто. Возстаніе, которое Лионъ надѣялся поднять своимъ примѣромъ въ центрѣ Франціи, повсюду было подавлено и уничтожало только его стѣны. Городъ представлялъ одно сплошное поле битвы, заваленное разрушенными зданіями и трупами его населенія. Послѣдній приступъ, отдавая его въ руки арміи, состоявшей изъ ста тысячъ разъяренныхъ и жаждавшихъ грабежа крестьянъ, каждую минуту грозилъ предать женщинъ, дѣтей, стариковъ, больныхъ, все что только есть святого въ нѣдрахъ города, оскорбленію, рѣзнѣ и смерти. Голодные считали часы и умирали считая ихъ. Только на два дня еще оставалось провіанта, который люди оспаривали у лошадей. Прекратилась даже дача по полфунту овса въ водѣ. Кутонъ и Морье обратились съ умѣренными и коварными требованіями. Народная комиссія сообщила объ этихъ требованіяхъ секціямъ. Секціи выбрали депутатовъ, которые должны были отправиться въ лагерь Кутона для переговоровъ съ генералами и представителями. Послѣдніе дали городу пятнадцать часовъ сроку, чтобы защитники его, наиболѣе скомпрометированные, могли позаботиться о своей безопасности.

32.

Преси собралъ въ ночь съ 8-го на 9-е октября товарищей своей славы и несчастія. Онъ сообщилъ имъ, что насталъ послѣдній часъ Лиона; что, несмотря на обѣщанія Кутона, терроръ и месть войдутъ на слѣдующій день въ городъ вмѣстѣ съ республиканской арміей; что эшафотъ замѣнитъ имъ поле битвы и ни одинъ изъ тѣхъ, кого занимаемая ими должность, форма, оружіе, раны обличаютъ какъ главныхъ защитниковъ города, не ускользнетъ отъ злобы Конвента и доноса якобинцевъ. Онъ прибавилъ: что касается его самого, то онъ рѣшилъ умереть какъ солдатъ, а не какъ жертва, что онъ въ эту же ночь выйдетъ изъ Лиона съ послѣдними наиболѣе отважными гражданами; что онъ обманетъ бдительность республиканскаго лагеря, пройдя черезъ

него съ той стороны, гдѣ его наименѣе ожидаютъ, и поднимется по лѣвому берегу Соны, менѣе охраняемому, къ Маконской дорогѣ, и что, дойдя до высотъ Монмерля, перейдетъ рѣку, направится къ Домбу, пройдетъ позади лагеря Дюбуа-Крансе, у Мексимье, и достигнетъ швейцарской границы черезъ ущелье Юры. „Пусть тѣ, прибавилъ онъ:—кто желаютъ испытать вмѣстѣ со мною это послѣднее счастье солдата, соберутся съ оружіемъ и всѣмъ, что у нихъ есть самаго дорогого, на развѣтѣ въ предмѣстьи Вэзъ и послѣдуютъ за мною. Я пройду или умру вмѣстѣ съ ними!“

Эта ночь была предсмертною агоніей для города. Въ семьяхъ повсюду шли совѣщанія насчетъ того, на что рѣшиться, чтобы вѣрнѣе спастись на слѣдующій день. Оставшимся въ городѣ въ перспективѣ грозила опасность; тѣ, которые рѣшились бы выйти, шли на вѣрную гибель. Только двѣ тысячи почти все молодыхъ, благородныхъ роялистовъ, сыновей самыхъ знатныхъ семействъ Ліона, явились на развѣтѣ на мѣсто, назначенное де Преси. Триста или четырехста женщинъ, матерей, женъ, сестеръ бѣглецовъ, съ грудными дѣтьми, или ведя за руку дѣтей немного постарше, пришли проводить своихъ мужей, отцовъ и братьевъ, а нѣкоторыя присоединились къ колоннѣ, чтобы раздѣлить ихъ участь. Эта смѣшанная толпа старалась подавить рыданія, чтобы ихъ не услышали въ лагерѣ Дюшера.

33.

Въ то время какъ одни медленно собирались подъ развѣсистыми деревьями большого парка, называвшагося паркомъ Ла Клеръ, другіе, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ воиновъ, находились рядомъ въ погребѣ на заупокойномъ служеніи по своимъ братьямъ, убитымъ въ бояхъ, и по тѣмъ изъ нихъ, которымъ вскорѣ предстояло умереть. Генераль Вирьѣ, мужество котораго усиливалось благодаря вѣрѣ, приобщился тамъ передъ походомъ Святыхъ Тайнъ, которыя были его предсмертнымъ причастіемъ. Когда всѣ собрались, Преси, вставъ на лафетъ одной изъ пушекъ, обратился къ войску съ вопросомъ: „Я доволенъ вами; а довольны ли вы мной?“ Единодушный крикъ: „Да здравствуетъ генераль!“ прервали его слова. „Вы сдѣлали все, продолжалъ Преси:—что только въ человѣческихъ силахъ, для вашего несчастнаго города. Не отъ меня зависѣло спасти его, доставить ему свободу и торжество. Теперь отъ васъ зависитъ увидѣть его снова счастливымъ и благоденствующимъ! Помните, что во времена крайней опасности, какъ теперь, все спасеніе заключается въ дисциплинѣ и въ единоличной начальственной власти. Больше я вамъ ничего не скажу; время бѣжить, день наступитъ. Довѣрьтесь вашему генералу.“—Да здравствуетъ Ліонъ! грянула колонна прощаясь съ родными очагами, которые она покидала.

Преси раздѣлилъ свой армейскій корпусъ, или, вѣрнѣе, погребальный кортежъ на двѣ колонны: одна изъ нихъ, состоявшая изъ полуторы тысячъ человѣкъ, впереди которыхъ ѣхали четыре пушки, была подъ его командой; другая—изъ пятисотъ человѣкъ—шла подъ командой графа Вирьѣ; женщины, дѣти и старики двигались безоружные въ серединѣ рядовъ.

При выходѣ изъ предмѣстья Вэзъ, пять республиканскихъ батарей, находившихся въ засадѣ за стѣнами и изгородами, открыли пальбу по ліонцамъ.

Преси приказалъ гренадерамъ ударить на нихъ въ штыки. Одинъ изъ лучшихъ его офицеровъ, Бюргенъ де Ла Ривьеръ, состоявшій при немъ адъютантомъ, скачетъ, чтобы стать во главѣ колонны. „Гренадеры, впередъ!“ командуетъ онъ. Гренадеры колеблются. Въ ту минуту, когда Ла Ривьеръ показываетъ рукой на неприятеля, ядро пробиваетъ ему руку и грудь и онъ опрокидывается мертвымъ къ ногамъ лошади. Колонна дрогнула. Преси строить два взвода изъ центра, воодушевляетъ ихъ рѣшимостью, переходитъ во главѣ ихъ подъ огнемъ неприятеля ровъ и далеко отбрасываетъ республиканцевъ. Пока онъ сражается, колонна проходитъ, и онъ присоединяется къ ней подъ прикрытiемъ батарей.

34.

Благодаря этой диверсии, колонна выходитъ изъ ущелья и достигаетъ обрывистыхъ холмовъ, которые тянутся вдоль Соны до самыхъ ущелій Сень-Сира. Преси счастливо проходитъ эти ущелья. Онъ уже съ большей увѣренностью идетъ по открытому свободному пространству. Вирьё и его колонна намѣреваются въ свою очередь углубиться въ ущелья Сень-Сира, когда восемь тысячъ новобранцевъ лагеря Лимоне, предводительствуемые представителемъ Ревершономъ, ударяютъ сверху на его колонну, раздѣляютъ ее на отдѣльныя части и опрокидываютъ въ Сону или разстрѣливаютъ на мѣстѣ, на изрытой ямами дорогѣ и въ виноградникахъ, всѣхъ, изъ кого она состоитъ, причемъ отъ штыковъ республиканцевъ не спаслись ни мужчины, ни женщины, ни дѣти. Избiенiе было полное и никто не могъ сообщить объ участи Вирьё. Одинъ драгунъ изъ республиканской арміи увѣрялъ, будто видѣлъ, какъ послѣдній геройски сражался съ нѣсколькими республиканскими кавалеристами, отказался сдаться имъ и бросился вмѣстѣ съ покрытой кровью лошадыю въ рѣку. На берегу не нашли ни его тѣла, ни лошади, ни оружія. Это внезапное исчезновенiе и отсутствiе всякихъ слѣдовъ долго поддерживали надежду въ графинѣ Вирьё, бѣжавшей въ одеждѣ крестьянки, что мужъ ея избѣжалъ смерти. Вѣрная своей любви къ нему и надеждѣ, она въ теченiе нѣсколькихъ мѣсяцевъ бродила по окрестностямъ, чтобы напасть на его слѣды, и въ продолженiе нѣсколькихъ лѣтъ ждала возвращенiя мертвеца, какъ ждуть отсутствующаго.

35.

Преси, поворачиваясь фасомъ со своими пушками то къ преслѣдовавшей его кавалеріи, то къ стрѣлкамъ лагеря Лимоне, обстрѣливавшимъ его съ фланга, то къ батальонамъ, загораживавшимъ ему дорогу, наконецъ ударилъ въ послѣдній разъ въ штыки на республиканскую батарею, разсѣялъ ее и вошелъ съ своей колонной въ лѣсъ Аликсъ. Лѣвый берегъ Соны былъ усыянъ стрѣлками. Перейти рѣку становилось невозможнымъ. Единственнымъ спасенiемъ для арміи было разсѣяться по горамъ Форэ. Въ мѣстечкахъ, раздѣленныхъ лѣсами и рѣками, населенiе было религіозное, роялистское, контръ-революціонное и маленькая армія лiонцевъ могла надѣяться поднять его или по крайней мѣрѣ найти убѣжище или возможность бѣжать. Преси собралъ войско на военный совѣтъ и сообщилъ ему свое рѣшенiе. Оно было упорно отвергнуто неболь-

шою кучкой его сотоварищей по оружію, видѣвшихъ возможность найти спасеніе только по ту сторону Альповъ. Поднялся страшный споръ между сторонниками обоихъ мнѣній. Во время этихъ пререканій, набатъ забилъ во всѣхъ деревняхъ, а крестьяне начали окружать лѣсъ. Половина арміи покинула своего генерала, перешла Сону и была перебита на другомъ берегу. Преси съ тремя толькостами солдатъ, бросивъ пушки и лошадей, вышелъ изъ лѣсовъ Аликса, удалился отъ береговъ Соны и, отбиваясь въ теченіе трехъ дней, шелъ черезъ горы, усѣявъ свой путь отставшими, ранеными и трупами. Окруженные населеніемъ, преслѣдуемые легкой кавалеріей Реверсона, подъ страхомъ ежеминутнаго нападенія, эти остатки десититысячной арміи въ началѣ осады, достигли, въ числѣ ста десяти, вершины Сенъ-Роменъ, возвышеннаго плато, защищеннаго оврагами и прикрытаго лѣскомъ. Кругъ съ каждой минутой все тѣснѣе смыкался вокругъ нихъ. Нѣсколько деревушекъ снабжали ихъ еще жизненными припасами. Республиканскіе парламентары, восхищавшіеся ихъ храбростью и жалѣвшіе ихъ, предложили имъ сдаться на капитуляцію. Обѣщали пощадить жизнь всѣхъ, кромѣ генерала. Его храбрые товарищи не захотѣли разстаться съ нимъ. Преси въ послѣдній разъ обнялъ ихъ всѣхъ, снялъ съ себя одежду военачальника, сломалъ шпагу, отвязалъ свою лошадь, пустилъ ее на свободу и въ сопровожденіи одного изъ солдатъ пробрался чрезъ кустарники до недоступныхъ пещеръ, скрытыхъ еловымъ лѣсомъ.

Едва Преси успѣлъ покинуть свою армію, какъ на аванъ-посты явился офицеръ республиканскихъ гусаровъ. „Выдайте намъ вашего генерала, и вы получите свободу“, сказалъ онъ молодому Рейсье, адъютанту Преси и одному изъ героевъ осады. „Его уже нѣтъ съ нами, отвѣтилъ Рейсье:—и вотъ вамъ доказательство; смотрите: его лошадь пасется на свободѣ позади насъ“. — „Ты обманываешь меня, крикнулъ офицеръ, хватаясь за саблю:—генераль—это ты! и я тебя арестую“. При этихъ словахъ, Рейсье, который уже усталъ жить, пробиваетъ пистолетнымъ выстрѣломъ голову республиканскому офицеру, загѣмъ, вложивъ дуло второго пистолета себѣ въ ротъ, разноситъ свой черепъ и падаетъ, отомщенный, на трупъ своего врага. На шумъ этихъ двухъ выстрѣловъ прибѣгаютъ республиканцы, нападаютъ на остатки ліонской арміи и безжалостно избиваютъ ее. Нѣсколько солдатъ едва спаслись отъ смерти проползши въ кусты. Трупы Рейсье и офицера, котораго онъ убилъ, были брошены крестьянами въ одну и ту же яму.

36.

Между тѣмъ Преси, которому двое бѣжавшихъ солдатъ сообщили о бесполезности его жертвы и объ избіеніи его арміи, три дня и три ночи бродилъ безъ пищи и пристанища въ лѣсахъ и по горнымъ оврагамъ. Двое его спутниковъ не покидали его. Одинъ изъ нихъ, крестьянинъ изъ деревни Виоле, на берегу Соны, довелъ генерала послѣ трехъ ночей ходьбы до лѣса, находившагося по сосѣдству съ хижиной его отца. Онъ потихоньку приносилъ ему туда въ теченіе нѣсколькихъ дней хлѣба, который урывалъ отъ скуднаго достатка своихъ родителей. Онъ досталъ ему крестьянское платье. Когда, наконецъ, всѣ въ Лионѣ повѣрили распространившемуся слуху о смерти Преси и

поиски за нимъ прекратились, онъ пробрался черезъ ущелья Юры и нашель убѣжище въ Швейцаріи. Преси перешель границу только съ двумя солдатами, уцѣлѣвшими отъ многочисленныхъ возстанцевъ, которыхъ республика отбросила отъ себя, какъ вскорѣ отбросила и остатки коалиціи королей.

Преси, встрѣченный съ уваженіемъ въ мѣстѣ своего изгнанія, вернулся на родину вмѣстѣ съ Бурбонами. Онъ состарился во время ихъ царствованія не получивъ отъ нихъ ни награды, ни уваженія. Дворы любятъ только придворныхъ. Преси не эмигрировалъ. Онъ возсталъ противъ республики только за ея анархію и крайности. Онъ сохранилъ на своемъ знамени цвѣта націи. Онъ былъ забыть, потому что сражался за отечество, а не за королевскую семью. Принцы и люди такъ созданы, что любятъ болѣе тѣхъ, кто раздѣляетъ ихъ ошибки, нежели тѣхъ, кто служить ихъ интересамъ. О Преси вспомнили только послѣ его смерти. Лионъ устроилъ ему великолѣпныя похороны въ долині Бротто, залитой кровью его товарищей по оружію. Его похоронили рядомъ съ останками этихъ героевъ осады. Его тѣло покоится тамъ во всей его славі: гражданскія войны даютъ въ награду только смерть.

Л.

Вступление республиканской армии въ Лионъ.—Конвентъ издаетъ декретъ о разрушеніи этого города.—Кутонъ.—Колло д'Эрбуа.—Революціонная армія.—Фюше.—Оскверненіе святынь.—Казни.—Разрушенія.—Развалины.—Нищета.—Дорфёйль старается ускорить казни.—Массовыя избіенія.—Казни во всѣхъ департаментахъ.—Тулонъ востается.—Роялистская партія.—Англичане призваны на помощь инсургентами.—Генераль Карто.—Осада Тулона республиканской арміей.—Наполеонъ-Бонапартъ.—Генераль Дюгомье.—Взятіе порта Мюльгравъ.—Англичане эвакуируютъ Тулонъ послѣ сожженія французскаго флота.—Вступление республиканской арміи.—Реакція.

1.

Разсказывая о гражданскихъ войнахъ, историкъ опечаленъ тѣмъ, что отъ полей битвъ приходится переходить къ эшафотамъ.

Республиканская армія вступила въ Лионъ съ видомъ умѣренности и братства, скорѣе дружественно настроенной, чѣмъ побѣдительницей. Самъ Кутонъ отдалъ сначала приказъ оказывать уваженіе гражданамъ и не касаться ихъ имущества. Было строго воспрещено производить безпорядки и насиліе. Овернскіе крестьяне, сбѣжавшіеся съ телѣгами, мулами и мѣшками, чтобы увезти добычу самаго богатаго города Франціи, обѣщанную ихъ алчности, были отпущены съ пустыми руками и съ ропотомъ неудовольствія вернулись въ свои горы. Республиканцы вели себя, какъ побѣдители, огорченные своею побѣдой, а не какъ дикія и недисциплинированныя шайки. Они дѣлились своимъ хлѣбомъ съ голоднымъ населеніемъ. Природное великодушіе французскаго солдата предшествовало мести. Представители проявили ее только нѣсколько дней спустя и то по приказанію Комитета общественнаго спасенія. Лионъ долженъ былъ послужить примѣромъ строгостей республики. Мало казалось казнить отдѣльныхъ личностей: терроръ хотѣлъ, въ видѣ примѣра, подвергнуть казни цѣлый городъ на страхъ своимъ врагамъ.

Якобинцы, друзья Шалье, долгое время обуздываемые лионскими роялистами и жирондистами, явились изъ своихъ убѣжищъ, требуя, чтобы представители отомстили, а Конвентъ выдалъ имъ ихъ враговъ. Представители нѣкоторое время старались сдержать ихъ ярость, но наконецъ должны были уступить и ограничились тѣмъ, что учредили революціонные суды и начали выпускать обвинительные декреты.

2.

Здѣсь, какъ и во всѣхъ дѣйствіяхъ террора, въ пролитой крови обвинили только одного человѣка. Вслѣдствіе невозможности разобрать сразу, отчаяніе умирающихъ, горе пережившихъ не выбираютъ виновныхъ и нерѣдко проклятіе потомства падаетъ на наименѣ преступныхъ. У исторіи такъ же, какъ и на полѣ битвы, есть свои случайности: она оправдываетъ и обвиняетъ безъ провѣрки и пощады. Одно только время производитъ болѣе вѣрную оцѣнку. Не смягчая осужденія, котораго заслуживаютъ казни, совершаемыя во время гражданскихъ войнъ, только оно одно можетъ опредѣлить точно долю отвѣтственности, падающую на каждого отдѣльнаго человѣка. Время не можетъ узаконить клевету. Справедливость должна быть воздана всѣмъ людямъ, даже самымъ гнуснымъ. Давность не должна существовать для памяти людей.

Всѣ преступленія республики въ Лионѣ были приписаны Кутону, потому что Кутонъ былъ другъ и повѣренный Робеспьера во время подавленія федерализма и побѣды соединенныхъ республиканцевъ надъ гражданской анархіей. Числа, факты и съ безпристрастностью изученныя рѣчи опровергаютъ эти предубѣжденія. Кутонъ вступилъ въ Лионъ скорѣе какъ миротворецъ, чѣмъ палачъ; онъ боролся энергично, насколько ему позволяло его положеніе, противъ ярости и мести якобинцевъ. Онъ боролся противъ Дюбуа-Крансе, Колло д'Эрбуа, Дорфѣйля, стараясь смягчить горячность этихъ террористовъ. Они обвинили его передъ Горой и якобинцами въ снисходительности и измѣнѣ. Онъ удалился наконецъ передъ первой же казнью, чтобы не быть свидѣтелемъ и соучастникомъ въ пролитіи крови представителями самой непримиримой партіи Конвента.

3.

Кутонъ, Лапортъ, Меньэ и Шагонёфъ-Рандонъ съ триумфомъ вошли въ Лионъ во главѣ войскъ и направились къ магистратурѣ въ сопровожденіи якобинцевъ и огромной толпы народа, громкими криками требовавшего у нихъ имущество богатыхъ и головы федералистовъ. Кутонъ обратился къ этой толпѣ съ рѣчью, обѣщая отомстить, но убѣждалъ сохранить порядокъ и требовалъ, чтобы за одной только республикой осталось право выбирать, судить и убивать своихъ враговъ. Оттуда представители пошли въ пустой дворецъ архіепископства, чтобы водвориться тамъ. Опустошенныя комнаты этого зданія, стѣны и крыши, разрушенныя бомбами, дѣлали его похожимъ на лагерную стоянку среди развалинъ. Дюбуа-Крансе, помощникъ командующаго осаждающимъ войскомъ и также членъ Конвента, явился въ тотъ же вечеръ въ архіепископство вмѣстѣ съ своею сожительницей, которую онъ таскалъ за собою въ походахъ. Во дворецѣ, занятомъ его сотоварищами, онъ могъ достать себѣ только смрадный чуланъ подъ полуразрушенной крышей. Побѣдитель Лиона, проведеній ночь на отвратительномъ ложѣ, былъ взбѣшенъ наглостью товарищей, отправившихъ его на этотъ чердакъ, и, ворча на Кутона, переѣхалъ въ одну изъ городскихъ гостиницъ. Якобинцы, возмущенные медлительностью Кутона, сгруппировались вокругъ Дюбуа-Крансе. Этотъ генералъ собралъ ихъ вечеромъ въ

театральномъ залѣ. Сожженные ложи и декораціи, пробитые насквозь своды свидѣтельствовали о сопротивленіи и понесенномъ возмездіи. Дюбуа-Крансе снова положилъ начало центральному клубу. Онъ бесѣдовалъ съ якобинцами скорѣе какъ товарищъ, чѣмъ начальникъ. Толпа, выходя, кричала: „Да здравствуетъ Дюбуа-Крансе!“ Она разошлась по улицамъ распѣвая кроважидные куплеты. Въ общественныхъ мѣстахъ подписывали петицію Конвенту, въ которой требовали оставить командованіе арміей за этимъ генераломъ.

Кутонъ и его сотоварищи, видя, что Дюбуа-Крансе и якобинцы увлекаютъ солдатъ на свою сторону, а армію смущаютъ клубисты, написали Комитету общественнаго спасенія, требуя отозванія якобинскаго генерала. Они обратились съ цѣлымъ рядомъ прокламацій къ народу и войскамъ, призывая ихъ къ дисциплинѣ, порядку и милосердію. „Храбрые воины! говорилъ Кутонъ:— прежде чѣмъ войти въ Ліонъ, вы дали клятву пощадить жизнь и имущество гражданъ. Эта торжественная клятва должна быть исполнена, потому что она была подсказана вамъ чувствомъ вашей славы! Видѣ арміи могутъ найтись люди, которые произведутъ насилія и будутъ мстить, желая навлечь позоръ на храбрыхъ республиканцевъ; сообщайте о нихъ, арестуйте ихъ, судъ нашъ надъ ними будетъ коротокъ!“— Французскіе солдаты, говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ:— берегитесь потерять военную заслугу, которой вы добились съ такимъ великодушіемъ. Оставайтесь тѣми же, какими вы были до сихъ поръ. Предоставьте законамъ наказать виновныхъ!.. Враги народа надѣваютъ маску патриотизма, чтобы обмануть нѣкоторыхъ изъ васъ; они стараются оскорбить васъ, приписывая вамъ дѣянія несправедливыя, насильственныя, самовластныя, опозорить честь арміи и республики...“

Кутонъ приказалъ, чтобы фабрики были вновь открыты, а торговля возобновилась. Якобинцы были объяты страхомъ. Армія повиновалась. Дюбуа-Крансе, вытребованный Конвентомъ, дрожалъ передъ Кутонемъ и унижался передъ Робеспьеромъ. Кутонъ закрылъ клубы, неосторожно открытые Дюбуа-Крансе. „Принимая въ соображеніе, сказалъ онъ:— что вслѣдствіе недавней осады Ліона личныя страсти гражданъ другъ противъ друга находятся еще въ состояніи броженія и недоброжелатели могутъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы раздуть пламя гражданскаго междоусобія.. воспрещается гражданамъ собираться въ секціи и комитеты. — Какъ поступать граждане, писалъ Кутонъ Комитету общественнаго спасенія, когда они увидятъ, что депутаты первые подстрекаютъ ихъ нарушить законы?“ Онъ ограничился, согласно существующимъ законамъ, тѣмъ, что отправилъ въ военную комиссію ліонскихъ бѣглецовъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ передъ капитуляціей. Онъ учредилъ, нѣсколько дней спустя, по приказанію Комитета общественнаго спасенія, второй судъ подъ названіемъ Народная судебная комиссія. Этому суду подлежали всѣ тѣ граждане, которые, не состоя на военной службѣ, участвовали въ вооруженномъ сопротивленіи Ліона республикѣ. Медленный ходъ судопроизводства въ этомъ судѣ давалъ если не гарантію невиннымъ, то время на размышленіе. Кутонъ въ теченіе десяти дней не обнародовалъ декрета объ учрежденіи этого судилища, чтобы дать время спастись бѣгствомъ лицамъ скомпрометированнымъ и тѣмъ, которые подписа-

лись подь могущими навлечь кару документами. Двадцать тысячъ гражданъ, избѣгнувшихъ благодаря предусмотрительности Кутона угрожавшей имъ опасности, вышли изъ города и нашли убѣжище въ Швейцаріи и въ горахъ Форэ.

4.

Между тѣмъ Гора и парижскіе якобинцы, недовольные медлительностью Кутона благодаря обвиненіямъ Дюбуа - Крансе, требовали, чтобы Комитетъ общественнаго спасенія далъ памятный примѣръ будущимъ инсургентамъ и отомстил за республику другому республиканскому городу. Робеспьеръ и Сень-Жюсть, хотя были очень дружественно расположены къ Кутону и довольны побѣдой, видѣли, что они безсильны успокоить волненіе Горы. Они притворились, что раздѣляютъ его. Вареръ, готовый всегда подслужиться ко всѣмъ партіямъ, вошелъ 12 ноября на трибуну и прочелъ Конвенту отъ имени Комитета общественнаго спасенія декретъ или, вѣрнѣе, народное постановленіе противъ Ліона. „Пусть Ліонъ будетъ погребенъ подь своими развалинами! воскликнулъ Вареръ:—Плугъ долженъ пройти по всѣмъ зданіямъ, кромѣ жилищъ бѣдняковъ, мастерскихъ, больницъ и домовъ, посвященныхъ образованію народа. Пусть самое имя города погибнетъ подь его обломками. Отнынѣ его будутъ называть городомъ освобожденнымъ. На развалинахъ этого нечестиваго города будетъ воздвигнуть памятникъ, который сдѣлаетъ честь Конвенту и будетъ свидѣтельствовать о преступленіи и наказаніи враговъ свободы. Надписью на немъ будетъ сказано все: „Ліонъ сражался противъ свободы, Ліона болѣе не существуетъ!“ Декретъ объявлялъ, что чрезвычайная коммиссія, состоящая изъ пяти членовъ, будетъ судить военнымъ судомъ контръ-революціонеровъ Ліона; что жители его будутъ обезоружены; что оружіе богатыхъ будетъ отдано бѣднякамъ; что городъ будетъ разрушенъ, а въ особенности всѣ жилища богатыхъ; что имя города будетъ вычеркнуто изъ списка городовъ республики; что имущество богатыхъ и контръ-революціонеровъ будетъ роздано въ видѣ награды патриотамъ.

Этотъ декретъ привелъ въ ужасъ Ліонъ. Фанатизмъ свободы еще не дошелъ до самоубійства; собственность еще не была вмѣнена въ преступленіе; грабежъ еще не передалъ сокровища богатыхъ въ руки неимущихъ, отъ жертвъ—доносчикамъ. Городу, сдѣлавшему предметомъ своего поклоненія собственность, прежде всего былъ нанесенъ ударъ въ его собственности. Кутонъ, притворившійся, что пришелъ въ восторгъ отъ декрета, находилъ однако, что его невозможно исполнить, и въ теченіе двѣнадцати дней оставлялъ его безъ исполненія. Вслѣдствіе этого промедленія бѣжало множество гражданъ, которымъ грозила опасность. Представитель отворялъ двери жертвамъ, не нанося имъ ударовъ, которыхъ требовали якобинцы. „Этотъ декретъ, граждане-сотоварищи! писалъ онъ Конвенту:—привелъ насъ въ восторгъ. Изъ всѣхъ великихъ и энергичныхъ мѣръ, которыя вы приняли, одна только, какъ мы должны сознаться, не удалась намъ: это окончательное разрушеніе города; но мы разрушили уже стѣны, служившія ему защитой и оплотомъ“. Гора хотѣла, чтобы Ліонъ былъ разрушенъ съ такою же быстротой, какъ Вареръ произнесъ приговоръ о его разрушеніи.

Ничтожный человекъ, бывший причиной несчастій Ліона, Колло д'Эрбуа, жаловался Комитету общественнаго спасенія и парижскимъ якобинцамъ на слабость народныхъ представителей, посланныхъ въ этотъ городъ. Можно было бы подумать, что онъ питаетъ личную ненависть къ Ліону. Рассказывали, будто бывший комедіантъ, безъ успѣха дебютировавшій въ театрѣ этого города, былъ освистанъ зрителями; что озлобленіе актера жило въ душѣ представителя и, мстя за республику, онъ мстил за личную обиду. Дюба-Крансе подкрѣпилъ рѣчь Колло д'Эрбуа своимъ свидѣтельствомъ. Однажды, онъ принесъ на трибуну якобинцевъ отрубленную голову Шалье и показалъ на ея затылкѣ пять послѣдовательныхъ ударовъ гильотины, которые изувѣчили, прежде чѣмъ убить, идола ліонскихъ революціонеровъ. Гильяръ, другъ Шалье, при этомъ зрѣлищѣ поднялъ руки къ небу и воскликнулъ: „Отъ имени отечества и братьевъ Шалье требую отмщенія за преступленія Ліона“.

5.

Кутонъ и его сотоварищи рѣшились наконецъ уступить настояніямъ Горы и преобразовали революціонные комитеты. Кутонъ предоставилъ имъ право дѣлать повальные обыски, выслѣживать и доносить на федералистовъ и роялистовъ. Онъ приказалъ производить домовые обыски и прикладывать печати къ домамъ лицъ, находящихся въ подозрѣніи. Но всѣ эти мѣры онъ окружилъ такими условіями и предписаніями, которыя отчасти смягчали ихъ. Наконецъ Кутонъ привелъ въ исполненіе, хотя только для видимости, декретъ Конвента, предписывавшій разрушать зданія. Онъ отправился съ большимъ торжествомъ въ сопровожденіи своихъ сотоварищей и муниципалитета на Белькурскую площадь, которая была прежде всего предназначена къ разрушенію по желанію населенія и вслѣдствіе роскоши своихъ зданій. Кутонъ, котораго принесли четверо простолудиновъ на креслѣ, какъ на тронѣ, ударилъ серебрянымъ молоткомъ по угловому камню одного изъ зданій, находившихся на площади, и сказалъ: „Во имя закона, я тебя уничтожаю“.

Кучка нищихъ въ рубищахъ, землекоповъ и каменщиковъ, несшихъ на плечахъ кирки, рычаги и топоры, составляла кортежъ представителей. Эти люди заранѣе радовались паденію жилищъ, крушеніе которыхъ должно было успокоить ихъ зависть; но Кутонъ, удовольствовавшись тѣмъ, что сдѣлалъ видъ, будто повинуется Конвенту, приказалъ имъ замолчать и разойтись по домамъ. Разрушеніе было отложено до той поры, когда жители площади унесутъ куда-либо свое имущество.

Послѣ церемоніи, представители издали приказъ секціямъ, чтобы каждая изъ нихъ приготовила по тридцати разрушителей, снабдивъ ихъ ломами, молотками, тѣлгами и тачками, словомъ всѣмъ необходимымъ для очищенія отъ развалинъ. Женщины, дѣти, старики были привлечены къ дѣлу, сообразно ихъ силамъ. Уплата слѣдующаго имъ вознагражденія была возложена на собственниковъ, которые должны были быть ограблены, но къ разрушенію пока все еще не приступали. Кутонъ, получившій еще разъ выговоръ отъ Комитета общественнаго спасенія за медлительность въ своихъ дѣйствіяхъ и виновный въ глазахъ якобинцевъ въ той крови, которой онъ не хотѣлъ пролить, кромѣ того

предупрежденный о прибытіи новыхъ представителей, уполномоченныхъ ускорить месть, написалъ Робеспьеру и Сенъ-Жюсту. Онъ умолялъ своихъ друзей избавить его отъ миссіи, которая лежитъ бременемъ на его душѣ, и послать его на Югъ. Робеспьеръ приказалъ отозвать Кутона. Его отбѣздъ былъ сигналомъ къ началу бѣдствій въ Лионѣ; кровь полилась рѣкой. Прибыли представители Альбиттъ и Жавогъ. Дорфѣйль, предсѣдатель Народной судебной комиссіи, приказалъ воздвигнуть гильотину на площади Терро. Вторая гильотина была воздвигнута въ маленькомъ городкѣ Феръ, другомъ очагѣ народной мести, въ центрѣ возставшихъ горъ.

Дорфѣйль предсѣдательствовалъ въ центральномъ клубѣ на похоронномъ торжествѣ въ память Шалье. „Онъ умеръ, воскликнулъ Дорфѣйль:—и умеръ за отечество! Поклоняемся послѣдовать его примѣру и накажемъ его убійцъ! Нечестивый городъ! тебѣ мало было того, что ты въ теченіе двухъ вѣковъ заражалъ своею роскошью и своими пороками Францію и Европу! тебѣ понадобилось еще убить добродѣтель! Чудовища! они совершили это преступленіе и они еще живы! Шалье, мы обязаны отомстить за тебя, и мы это исполнимъ! Мученикъ за свободу, кровь убійцъ—это очистительная вода, которая приличествуетъ твоимъ останкамъ! Фанатики-аристократы! придворные змѣи, жадные и эгоистичные торговцы! женщины, погибшія въ развратѣ, адюльтерѣ и проституціи! въ чемъ вы упрекали его? въ преувеличеніяхъ, экзальтированномъ патріотизмѣ, опасной популярности! Презрѣнные! Вы присвоили себѣ право назначать предѣлъ, до какихъ поръ должна простираться любовь къ отечеству и благодарность народа! Вы заявили, что Всевѣчный вручилъ вамъ мѣрило и компасъ человѣческихъ добродѣтелей! Ахъ! если вы не въ состояніи понять добродѣтель, по крайней мѣрѣ не убивайте ее! Они пѣли во время его казни! Народъ! плачь теперь при его триумфѣ! О граждане, стоящіе по правую сторону отъ меня, вы стоите на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ умеръ Шалье! Здѣсь умеръ смертью преступниковъ самый невинный изъ людей! А вы, граждане, образовавшіе группу по правую руку, вы топчите мѣсто, обогренное его кровью! Выслушайте о послѣднихъ минутахъ его жизни! Онъ черезъ меня обращается къ вамъ въ послѣдній разъ. Граждане, слушайте!“

Дорфѣйль прочелъ среди рыданій и проклятій толпы письмо, написанное Шалье передъ тѣмъ какъ онъ взшелъ на эшафотъ. Его прощаніе съ друзьями, съ родителями, съ женою, которую онъ любилъ, было полно слезъ; прощаніе съ братьями-якобинцами полно энтузіазма. Свобода, демократія и религія перемѣшивались въ воззваніи Шалье къ народу, къ Богу, къ безсмертію. Смерть придавала торжественность его словамъ. Народъ принялъ ихъ какъ завѣщаніе патріота.

6.

На другой день Дорфѣйль въ первый разъ предсѣдательствовалъ въ судѣ. Казни начались вмѣстѣ съ судебными процессами. Альбиттъ и его сотоварищи, заступившіе Кутона, привели въ Лионъ армію Ронсена; они сформировали такія же арміи въ каждомъ изъ шести сосѣднихъ департаментовъ. Назначеніе этихъ

армій, составленныхъ изъ подонковъ народа, было—учредить во всѣхъ этихъ департаментахъ инквизицію, грабительство, аресты и узаконенныя убійства, центромъ которыхъ долженъ быть сдѣлаться Лионъ. Въ стѣнахъ и внѣ стѣнъ бѣглецы находили только западни, подозрѣваемые—доносчиковъ, обвиняемые—палачей. Тысячи заключенныхъ всѣхъ сословій, дворяне, священники, собственники, комерсанты, земледѣльцы въ нѣсколько дней переполнили тюрьмы этихъ департаментовъ. Ихъ отправляли партіями и цѣлыми телѣгами въ Лионъ. Тамъ ихъ развозили по пяти тюрьмамъ, гдѣ ихъ держали въ теченіе нѣсколькихъ дней, а затѣмъ отправляли на эшафотъ. Пустое пространство постоянно наполнялось. Смерть поддерживала равновѣсіе.

Въ числѣ жертвъ обращала на себя вниманіе молодая сирота, почти еще ребенокъ, Александрина Эшероль, которую смерть лишила матери, а бѣгство—отца; она каждый день приходила къ дверямъ тюрьмы и со слезами умоляла разрѣшить ей увидѣться съ теткой, замѣнившей ей мать, а теперь заключенной въ темницу. Вскорѣ она увидала, какъ ее повели на казнь, послѣдовала за нею до подножія эшафота и тщетно молила, чтобы и ее убили вмѣстѣ съ нею. Мы обязаны этой дѣвушкѣ нѣсколькими самыми драматичными и трогательными страницами описанія этой осады. Подобно Жаннѣ де Ла Форетъ, написавшей исторію религиозныхъ войнъ 1622 г. и героической и наивной госпожѣ де Ла Рошжакаленъ, она записала кровью своей семьи и собственными слезами рассказъ о катастрофахъ, свидѣтельницей которыхъ она была. Женщины лучшіе историки гражданскихъ войнъ, потому что онѣ принимаютъ участіе въ нихъ только своимъ сердцемъ и воспоминанія о нихъ сохраняютъ весь пылъ ихъ страсти.

Альбиттъ, котораго сочли слишкомъ снисходительнымъ, долженъ былъ удалиться, надобно Кутону, когда пріѣхали Колло-д'Эрбуа и Фуше, новые проконсулы, назначенные Горой. Всѣ знали Колло-д'Эрбуа, свирѣпаго честолюбца, видѣвшаго славу только въ крайностяхъ и жестокость котораго не могла быть укрощена никакими доводами. Фуше не знали: его считали фанатикомъ, хотя онъ былъ только изворотливымъ человекомъ. Лучшій комедіантъ по характеру, чѣмъ Колло былъ по профессіи, онъ разыгрывалъ роль Брута имѣя душу Сеяна.

Воспитанный въ монастырѣ, Фуше пріобрѣлъ привычку къ низкопоклонству, прививаемую всѣмъ живущимъ тамъ, чтобы сдѣлать ихъ равно собственными повиноваться и повелѣвать, сообразно обстоятельствамъ. Онъ видѣлъ въ революціи только силу, которой надо льстить и пользоваться. Онъ служилъ тиранніи народа—въ ожиданіи той минуты, когда начнетъ служить тиранніи какого-нибудь Цезаря. Онъ дѣйствовалъ сообразно съ духомъ времени. Фуше старался въ то время обмануть Робеспьера. Онъ притворился влюбленнымъ въ сестру депутата Арраса и хотѣлъ жениться на ней. Робеспьеръ ненавидѣлъ Фуше, несмотря на его лесть. Онъ предчувствовалъ его измѣну революціи и атеизмъ. Робеспьеръ желалъ найти приверженцевъ своей вѣры, а не поклонниковъ своей личности. Онъ вырвалъ Фуше изъ своего сердца, а также изгналъ его изъ своей семьи. Фуше, притворившись, что они разошлись во взглядахъ, примкнулъ къ Шометту и Геберу. Шометтъ

былъ родомъ изъ Невера. Онъ устроилъ такъ, что Фуше былъ отправленъ въ этотъ городъ, чтобы распространить тамъ терроръ. Дѣйствія и рѣчи Фуше въ Неверѣ превзошли языкъ парижскихъ демагоговъ. Словамъ, онъ уничтожилъ въ этихъ департаментахъ печать вѣковъ, отразившуюся на нравахъ, законахъ, имуществвахъ, сословіяхъ. Однако, скорѣе республиканецъ, чѣмъ чловѣкъ кровожадный, онъ больше заключалъ въ тюрьму, нежели убивалъ; онъ больше грозилъ, чѣмъ наносилъ удары. Добыча, отнятая у богатыхъ, эмигрантовъ, замковъ, церковей, залого за подозрѣваемыхъ,—результатъ его незаконныхъ поборовъ,—отправленная имъ въ Конвентъ и въ парижскую коммуну, свидѣтельствовали объ энергіи принятыхъ имъ мѣръ и заставили закрыть глаза на его терпимость. Онъ поражалъ въ особенности нѣмыхъ идоловъ прежняго исповѣданія, которое онъ отвергъ. Его невѣріе вмѣнялось ему въ патриотизмъ. „Французскій народъ, писалъ онъ: — не признаетъ иного догмата, кромѣ своего верховнаго права и всемогущества“. Онъ изгналъ всѣ слѣды религіи, даже на могилахъ. Онъ приказалъ помѣстить изображение сна надъ мѣстами вѣчнаго упокоенія и сдѣлать надпись: „Смерть есть вѣчный сонъ!“ Въ своемъ атеизмѣ онъ проповѣдовалъ небытіе.

7.

Таковы были оба представителя, которыхъ Гора отправила предсѣдательствовать при казни Ліона. Робеспьеръ хотѣлъ присоединить къ нимъ Монто, непоколебимаго, но честнаго республиканца. Монто понялъ изъ судьбы, постигшей Кутона, чего отъ него ожидали, и отказался ѣхать на свой постъ. Оба представителя начали съ того, что обвинили Кутона въ томъ, что онъ оттягиваетъ разрушеніе и казни. „Общественные обвинители приступятъ къ своимъ обязанностямъ, писали они:—судъ будетъ торопиться судить. Мины ускорятъ разрушеніе“...

Колло привезъ съ собою якобинцевъ, выбранныхъ по жребію изъ крайнихъ людей этой партіи. Фуше привезъ съ собою тоже многихъ якобинцевъ изъ Невра, людей искусившихся въ доносахъ, неспособныхъ тронуться слезами и привыкшихъ къ казнямъ. Представители привезли съ собою также и тюремщиковъ, изъ боязни, чтобы сношенія между жителями города и заключенными и естественная жалость къ согражданамъ не повліяли на непреклонность мѣстныхъ тюремщиковъ. Онъ заказалъ изготовить гильотины, какъ заказываютъ оружіе передъ войною. Они возли по городу, чтобы воспламенить населеніе, урну съ прахомъ Шалье. Доѣхавъ до алтаря, который они воздвигли въ честь его смертныхъ останковъ, они преклонили колѣна. „Шалье, воскликнулъ Фуше: — кровь аристократовъ послужитъ тебѣ омміамомъ!“

Символы христіанства, Евангеліе и Распятіе, влекомые вслѣдъ за процесіей, привязанные къ хвосту нечистаго животнаго, были брошены въ костеръ, зажженный на алтарѣ, воздвигнутомъ въ честь Шалье. Изъ жертвенной чаши напоили осла. Святые Дары были растоптаны ногами. Храмы, въ которыхъ до тѣхъ поръ совершалось богослуженіе конституціонными священниками, были осквернены гѣсиями, плясками и богохульными церемоніями.

„Вчера мы основали религію патріотизма, писалъ Колло:—Всѣ проливали слезы при видѣ голубки, которая утѣшала Шалье въ темницѣ и которая, казалось, вздыхала около его жертвенника. „Мщеніе! мщеніе!“ кричали со всѣхъ сторонъ. Мы клянемся, что народъ будетъ отомщенъ. Все, что создано порокомъ и преступленіемъ, будетъ уничтожено. Путешественникъ на развалинахъ этого роскошнаго и мятежнаго города увидитъ только нѣсколько хижинъ, въ которыхъ будутъ жить друзья равенства!“

8.

Головы десяти членовъ муниципалитета упали на слѣдующій день. Самыя лучшія зданія города были взорваны минами. Патріотическая инструкція, подписанная Фуше и Колло, клубистамъ Ліона и департаментовъ Луары и Роны, чтобы распалить ихъ энергію, резюмировала въ слѣдующихъ словахъ ихъ права и обязанности: „Все позволено тѣмъ, кто дѣйствуетъ въ духѣ революціи. Желаніе законной мести становится неотложной необходимостью. Граждане, необходимо, чтобы всѣ тѣ, кто прямо или косвенно принимали участіе въ мятежѣ, сложили свои головы на эшафотѣ. Если вы патріоты, то сумѣете отличить своихъ друзей; всѣхъ остальныхъ вы лишите свободы. Пусть никакое соображеніе не останавливаетъ васъ: ни возрастъ, ни полъ, ни родство. Отбирайте силою все, что у гражданъ имѣется лишняго: каждый, владѣющій сверхъ необходимаго, можетъ только злоупотреблять этимъ. Есть люди, у которыхъ множество одѣяль, бѣлья, рубашекъ, башмаковъ. Потребуйте все это. По какому праву человѣкъ хранить въ шкапахъ излишнія вещи и одежду? Пусть золото, серебро и всѣ металлы поступаютъ въ народную казну! Уничтожьте религію: у республиканца нѣтъ другого Бога кромѣ отечества. Всѣ коммуны республики не замедлятъ послѣдовать примѣру парижской коммуны, которая на развалинахъ готическаго культа воздвигла храмъ разума. Помогите намъ одержать побѣду или мы поразимъ васъ самихъ“.

Эти воззванія о мести, грабежѣ и атеизмѣ косвенно были направлены противъ Кутона, который нѣсколько дней назадъ говорилъ совершенно противоположное въ народномъ собраніи. „Наши взгляды, говорилъ Кутонъ, имѣя въ виду Робеспьера и его партію:—не имѣютъ ничего общаго со взглядами нѣкоторыхъ лже-философовъ нашего времени, которые, не умѣя читать въ великой книгѣ природы, вѣрятъ въ случайное и въ ничто. Мы вѣримъ въ Верховное Существо, Всемогущее и Вселгаое. Мы не оскорбляемъ Его смѣшными и безумными церемоніями: почитаніе, которое мы Ему воздаемъ, чисто и свободно“.

Сообразно духу этой прокламаціи, Фуше и Колло создали комиссаровъ для конфискаціи и доносковъ. Они назначили по 30 франковъ вознагражденія за каждый доносъ. Вознагражденіе присуждалось вдвойнѣ за каждую выдающуюся голову, напримѣръ, за дворянъ, священниковъ, монаховъ и монахинь. Цѣну крови уплачивали только тому, кто лично содѣйствовалъ поискамъ революціонной арміи и доставлялъ виновнаго въ трибуналъ. Толпа негодяевъ жила этимъ постыднымъ торгомъ жизнью гражданъ. Подозрѣваемые и дрожащія женщины тщетно искали спасенія отъ бдительности доносчиковъ въ погребахъ, на чердакахъ, въ лѣсахъ, ночныхъ эмиграціяхъ и во всевозможныхъ переодѣ-

ваніяхъ Голодь, холодъ, усталость, болѣзнь, домовые обыски, измѣна предавали ихъ черезъ нѣсколько дней въ руки временной комиссіи.

Тюрьмы были переполнены заключенными. Въ то время, какъ собственники и торговцы погибали, дома рушились подъ ударами молота. Какъ только доносчикъ указывалъ на конфискованный домъ комитету, завѣдующему секвестрами, комитетъ, завѣдующій разрушеніемъ города, немедленно направлялъ къ его стѣнамъ своихъ землекоповъ. Торговцы, квартиранты, семьи, изгоняемыя изъ этихъ домовъ, едва успѣвали уйти изъ своихъ жилищъ и перенести стариковъ, больныхъ и дѣтей въ другія помѣщенія. Каждый день можно было видѣть, какъ ломали заступами лѣстницы, а кровельщики уносили черепицу. Въ то время какъ застигнутые врасплохъ обитатели выбрасывали изъ оконъ мебель, а матери уносили черезъ обломки кровель колыбели дѣтей, двадцать тысячъ землекоповъ изъ Оверни и Нижнихъ Альпъ были заняты выравниваніемъ почвы. Порохомъ взрывали погреба и фундаменты. Жалованіе разрушителямъ доходило до четырехъ тысячъ франковъ за десять дней. Пятнадцать милліоновъ обошлось разрушеніе города, цѣнность зданій котораго достигала трехсотъ милліоновъ.

Сотни рабочихъ погибли подъ развалинами неосторожно взорванныхъ стѣнъ. Набережная Сень-Клэръ, оба фасада площади Белькуръ, набережная Соны, улицы, въ которыхъ жила торговая аристократія, арсеналы, госпитали, монастыри, церкви, укрѣпленія, увеселительные дома на холмахъ по берегамъ обѣихъ рѣкъ были пробиты какъ бы пушками, точно городъ выдержалъ продолжительную осаду. Лионъ, оставшійся почти безъ жителей, молчалъ среди своихъ развалинъ. Рабочіе лишеныя работы и хлѣба, завербованные и состоявшіе на жалованіи у представителей на счетъ богатыхъ, казалось, приходили въ неистовство, съ топорами въ рукахъ, надъ трупомъ города, который ихъ кормилъ. Шумъ падавшихъ зданій, пыль, поднимавшаяся отъ разрушенія и покрывавшая городъ, гулъ пушечныхъ выстрѣловъ и залпы взводовъ, разстрѣливавшихъ жителей, стукъ телѣжекъ, привозившихъ изъ пяти городскихъ тюремъ обвиняемыхъ въ судъ и отвозившихъ осужденныхъ на гильотину—были единственными признаками жизни населенія; эшафотъ былъ его единственнымъ зрѣлищемъ, клики оборванной толпы, раздававшіеся какъ только чья-нибудь голова скатывалась къ ея ногамъ—его единственной радостью.

9.

Народная судебная комиссія, учрежденная Кутонемъ, по прибытіи Ронсена и его арміи была преобразована въ революціонный судъ. На другой же день по вступленіи въ городъ этихъ корпусовъ—скорѣе не солдатъ, а ликторовъ республики—начались казни, продолжавшіяся непрерывно въ теченіе девяти дней. Восемь или десять осужденныхъ въ каждое засѣданіе умирали, по выходѣ изъ суда, на эшафотъ, который все время возвышался противъ крыльца ратуши; вода и песокъ, которыми каждый вечеръ старались уничтожить, послѣ казней, потоки человѣческой крови около эшафота, не могли удалить ея слѣдовъ. Смрадная красная грязь, которую постоянно топтала толпа, жаждавшая видѣть смерть, покрывала площадь и заражала

воздухъ. Вокругъ этой настоящей бойни людей ощущалась смерть. Наружныя стѣны дворца Севъ-Шерь и фасада ратуши были забрызганы кровью. По утрамъ въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ—мѣсяцы наиболѣе изобиловавшіе казнями—жители этого квартала видѣли, какъ надъ почвой, пропитанной кровью, поднимался легкій туманъ. Это была кровь ихъ согражданъ, убитыхъ наканунѣ, тѣнь города, разсѣвающаяся при лучахъ солнца. Дорфэйль, по настояніямъ жителей квартала, былъ принужденъ перенести гильотину немного дальше. Онъ поставилъ ее надъ открытой сточной трубой. Кровь, сочившаяся между досками, стекала въ ровъ десяти футовъ глубины и оттуда уносилась въ Рону вмѣстѣ съ нечистотами города. Прачки должны были перенести на другое мѣсто прачешные плоты, чтобы не пачкать бѣлья и рукъ въ окровавленной водѣ. Когда же казни, усиливаясь, какъ бѣненіе пульса во время гнѣва, дошли до двадцати, тридцати и сорока въ день, то орудіе смерти поставили посерединѣ моста Моранъ, надъ самой рѣчкой. Кровь спускали въ рѣку, а головы и туловища казенныхъ бросали черезъ перила въ самую середину теченія Роны. Судовщики и крестьяне, жившіе на островахъ и на низкихъ берегахъ, которые тянутся между Лиономъ и моремъ, долгое время находили головы и туловища, выброшенные теченіемъ на островки или занесенные въ тростники и прѣбрежный ивнякъ.

Почти всѣ казенные принадлежали къ цвѣту лионской и окрестной молодежи. Ихъ возрастъ составлялъ ихъ преступленіе. Онъ навлекалъ на нихъ подозрѣніе въ томъ, что они участвовали въ сраженіи. Они шли на смерть съ такимъ же юношескимъ пыломъ, какъ шли бы на поле битвы. Въ тюрьмахъ такъ же, какъ наканунѣ на бивуакахъ, на долю каждого приходилось не болѣе какъ по горсти соломы для отдыха на плитахъ темницъ. Опасность навлечь на себя подозрѣніе, принимая участіе въ ихъ судьбѣ, и умереть вмѣстѣ съ ними не могла остановить ихъ родителей, друзей и слугъ въ желаніи помочь имъ. День и ночь толпы женщинъ, матерей, сестеръ бродили вокругъ тюремъ. Слезами и золотомъ, расточаемымъ тюремщикамъ, онѣ добивались свиданій, возможности переговорить, проститься. Побѣги были часты. Религія и милосердіе, столь дѣятельныя и мужественныя въ Лионѣ, не останавливались ни передъ чѣмъ, чтобы только проникнуть въ эти подземелья и ухаживать тамъ за больными, накормить голодныхъ и утѣшить умирающихъ. Набожныя женщины платили тюремному начальству и стражѣ за разрѣшеніе служить заключеннымъ въ тюрьмахъ. Онѣ приносили туда письма, приводили священниковъ, чтобы утѣшить идущихъ на смерть и освятить мученичество. Онѣ провѣтривали дортуары, подметали залы, чистили одежду, погребали трупы; это были посланницы Провидѣнія, становившіяся посредницами до послѣдняго часа между душами заключенныхъ и смертью. Болѣе шести тысячъ арестантовъ находились одновременно въ этихъ пакгаузахъ гильотины.

10.

Тамъ было заключено цѣлое поколѣніе. Тамъ встрѣчались люди разныхъ сословій, происхожденія, состояній, мнѣній, которыхъ общее возстаніе противъ притѣсеній соединило въ одномъ и томъ же преступленіи и смерти.

Духовенство, дворянство, буржуазія, купечество, простолюдины, всё тамъ смѣшались. Ни одинъ гражданинъ, на котораго могъ бы указать доносчикъ, заистинникъ, врагъ, не ускользнулъ отъ ареста. Немногіе изъ заключенныхъ избѣжали смерти. Всѣ, носившіе знатное имя, имѣвшіе состояніе, профессію, фабрику, домъ въ городѣ и за городомъ, всѣ, на которыхъ могло пасть подозрѣніе, что они держатъ сторону богатыхъ, были арестованы, обвинены и заранѣе мысленно приговорены къ смерти проконсулами и ихъ клеветами. Лучшіе люди Ліона и многихъ провинцій: Брессъ, Домбъ, Форе, Божоле, Виварэ, Дофине, прошли черезъ эти темницы на эшафоты. Десятая часть жителей города и окрестностей погибла. Замки, роскошныя зданія, мануфактуры, даже жилища сельской буржуазіи были заколочены на пространствѣ двадцати миль вокругъ Ліона. Тысячи имуществъ были секвестрованы. Печати были наложены на двери и окна. Ужась, объявшеі людей, повидимому, передала и природѣ. Неистовства революціи достигли силы бича Божія. Даже чума въ средніе вѣка никогда не приводила въ такое уныніе страну. По дорогамъ изъ Ліона въ сосѣдніе города, села и деревни можно было встрѣтить только отряды революціонной арміи, взламывавшіе именованъ закона двери въ домахъ, обыскивавшіе погреба, чердаки, даже подстилку у скота, или везшіе на телѣгахъ скованныхъ по-двое бѣглецовъ, захваченныхъ въ ихъ убѣжищахъ и сопровождаемыхъ плачущими семьями.

Такимъ образомъ въ Ліонѣ были привезены всѣ знатные или именитые граждане, которымъ Кутонъ въ первое время предоставилъ возможность бѣжать: старшины, мэры, муниципальные чиновники, администраторы, судьи, адвокаты, доктора, архитекторы, скульпторы, фельдшера, служащіе въ больницахъ, благотворительныхъ учрежденіяхъ, обвиненные въ томъ, что они принимали участіе въ возстаніи или оказывали помощь сражавшимся, перевязывали раненыхъ, кормили инсургентовъ или возносили тайныя мольбы о побѣдѣ защитниковъ Ліона. Къ нимъ присоединили отцовъ и матерей, сыновей, женъ, дочерей, друзей, слугъ, предполагаемыхъ соучастниковъ въ преступленіяхъ ихъ мужей, братьевъ, друзей и господъ, виновныхъ въ томъ, что они родились на одной землѣ съ ними и дышали однимъ и тѣмъ же воздухомъ возстанія.

Каждый день регистраторъ тюрьмы читалъ вслухъ на тюремномъ дворѣ списокъ арестованныхъ, которые должны были предстать передъ судомъ. Всѣ слушали чтеніе затаивъ дыханіе. Уходившіе въ послѣдній разъ обнимали друзей и дѣлили свои постели, одѣяла, одежду и деньги между оставшимися. Они строились во дворѣ въ длинную шеренгу, человекъ въ шестьдесятъ или восемьдесятъ, и шли такимъ образомъ черезъ толпу въ зданіе суда. Размѣры залы суда и утомленіе палача одни только и ограничивали число осужденныхъ, убиваемыхъ въ продолженіе дня. Судьи почти всѣ были изъ другихъ мѣстностей, чтобы никакая отвѣтственность въ будущемъ не могла повліять на ихъ приговоры. Пятеро судей, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности имѣлъ человѣческое сердце, судили всѣ вмѣстѣ какъ механическое орудіе смерти. Находясь подъ наблюденіемъ подозрительной толпы, они сами дрожали подъ угрозой того террора, которымъ они поражали другихъ. Однако, ихъ дѣйствія не удовлетворяли болѣе Фуше и Колло д'Эрбуа. Эти представи-

Карно.

тели общались парижскимъ якобинцамъ чудеса строгости. Медленность въ судопроизводствѣ и казняхъ навлекали подозрѣніе, что они прибѣгаютъ къ полумѣрамъ. Сентябрекіе дни вставали передъ ними какъ примѣръ. Они хотѣли достигнуть до нихъ, но только упорядочивъ ихъ. Дорфѣйль написалъ представителямъ народа: „Готовится великій актъ народнаго правосудія. Онъ будетъ способенъ привести въ ужасъ будущіе вѣка. Для того, чтобы придать ему то величіе, которое должно его отличить, для того, чтобы онъ могъ достигнуть, такого величія, какъ исторія, необходимо присутствіе при немъ администраторовъ, армейскихъ корпусовъ, членовъ народнаго суда, должностныхъ лицъ, которые обязаны присутствовать при немъ хотя бы въ видѣ депутацій. Я хочу, чтобы этотъ день правосудія былъ празднествомъ; я говорю празднествомъ и это совершенно вѣрно: когда преступленіе сходитъ въ могилу, человѣчество вздыхаетъ свободно и настаетъ торжество добродѣтели“.

11.

Представители одобрили планъ Дорфѣйля, и массовыя казни замѣнили казни отдѣльныхъ лицъ. На другой же день послѣ обнародованія этой прокламаціи шестьдесятъ четыре молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій города были выведены изъ тюремъ. Ихъ привели съ необычайной торжественностью въ магистратуру, гдѣ послѣ короткаго допроса имъ черезъ нѣсколько минутъ произнесли общій приговоръ. Оттуда они процессіей прошли къ берегу Роны. Ихъ заставили перейти мостъ; гильотина осталась позади ихъ, какъ уже негодное орудіе.

По другую сторону моста, въ низменной долинѣ Бротто, въ вязкой почвѣ была вырыта двойная траншея или, вѣрнѣе, двойной ровъ между двухъ рядовъ ивъ. Шестьдесятъ четыре осужденныхъ, скованныхъ по-двое ручными кандалами, были выстроены колонной въ этой аллеѣ рядомъ съ отверстой могилой. Три пушки, заряженныя ядрами, стояли въ концѣ аллеи, куда осужденные были повернуты лицомъ. Справа и слѣва отряды драгунъ, съ саблями наголо, казались, ожидали сигнала къ выстрѣламъ. На пригоркахъ, образовавшихся отъ земли, вынудой изъ рва, самые экзальтированные члены муниципалитета, председатели и ораторы клубовъ, должностныя лица и военныя власти, штабъ революціонной арміи, Дорфѣйль и его судьи заняли мѣста какъ на ступеняхъ амфитеатра; съ балкона одного изъ конфискованныхъ отелей на берегу Роны Колло-д'Эрбуа и Фуше, съ зрительными трубками въ рукѣ, казались, председательствовали въ этомъ торжествѣ убійства.

Жертвы хоромъ пѣли гимнъ, который когда-то воодушевлялъ ихъ въ битвѣ. Они какъ бы старались найти въ словахъ его забвеніе отъ удара, который долженъ былъ поразить ихъ.

Mourir pour sa patrie

Est le sort le plus beau, le plus digne d'envie *).

Кавониры слушали, пока горѣлъ фитиль, какъ умирающіе воспѣвали свою собственную смерть. Дорфѣйль далъ голосамъ медленно закончить торжествен-

*) Умереть за отечество самая прекрасная, самая завидная судьба!

няя модуляціи послѣдняго куплета; потомъ, поднявъ руку, подалъ условленный сигналъ завѣдывавшему пушками, и три выстрѣла грянули разомъ. Дымъ, окутавшій пушки, покрылъ на минуту и шоссе. Барабаны забили, чтобы заглушить крики. Толпа бросилась посмотрѣть, какое дѣйствіе произвели выстрѣлы. Артиллеристы прицѣлились плохо. Вслѣдствіе изогнутой линіи, которую образовали осужденные, многія ядра не попали въ цѣль. Только двадцать изъ приговоренныхъ упали отъ выстрѣловъ, увлекая тяжестью своихъ тѣлъ живыхъ товарищей и дѣлая ихъ участниками своихъ конвульсій и обливая ихъ своею кровью. Голоса, крики, жесты ужаса поднимались отъ этой кучи изуродованныхъ тѣлъ, труповъ и живыхъ людей. Канониры вновь заряжаютъ пушки и даютъ новый залпъ. Избіенію еще не наступилъ копецъ. Раздирающій душу крикъ донесся черезъ Рону до города съ этого поля агоніи. Нѣсколько тѣлъ еще содрогаются, нѣсколько рукъ протягиваются къ присутствующимъ, моля о послѣднемъ ударѣ. Солдаты вздрогнули. „Впередъ, драгуны, вскричалъ Дорфѣйль:—въ атаку!“ По этому приказу драгуны прищиприваютъ лошадей, которыя взвиваются на дыбы и мчатся галопомъ на шоссе, и съ ужасомъ приканчиваютъ саблями и пистолетными выстрѣлами умирающихъ. Солдаты были новички въ управленіи лошадьми и оружіемъ, притомъ имъ было противно гнусное ремесло палачей, къ которому ихъ предназначили. Потому они невольно продлили болѣе чѣмъ на два часа мрачныя сцены убійствъ и агоніи.

12.

Глухимъ ропотомъ негодованія былъ встрѣченъ въ городѣ разговоръ объ этой казни. Народъ чувствовалъ себя обезпеченнымъ и сравнивалъ себя самого съ самыми худшими изъ римскихъ тирановъ и палачами Варолюмеевской ночи. Представители подавили этотъ ропотъ, издавъ прокламацію, которая требовала рукоплесканій и объявляла, что жалость будетъ считаться заговоромъ. Тогда граждане и даже самыя элегантныя женщины притворились революціонными ригористками, желая скрыть свой ужасъ подъ личиной лести. Изображеніе гильотины, орудія казни, сдѣлалось предметомъ украшенія общественныхъ празднествъ; граждане носили ее въ видѣ ордена. Роскошь, снова начавшая окружать народныхъ представителей, начала воспроизводить въ уменьшенномъ видѣ гильотину какъ украшеніе для якобинцевъ. Ихъ жены, дочери и любовницы носили маленькія гильотинки изъ золота вмѣсто аграфовъ на груди и въ видѣ серегъ.

Фуше, Колло-д'Эрбуа и Дорфѣйль хотѣли заглушить угроженія совѣсти, обратившись съ дерзкимъ воззваніемъ къ народному чувству. Двѣсти девять арестованныхъ лонцевъ ждали суда надъ ними въ мрачной темницѣ, извѣстной подъ названіемъ тюрьмы Руанна. Гулъ пушки, разстрѣливавшей ихъ братьевъ, достигъ наканунѣ и до ихъ темницы. Они приготовились къ смерти и провели ночь одни въ молитвѣ, другіе въ покаяніи во грѣхахъ передъ переодѣтыми священниками, а самыя младшіе изъ нихъ прощались съ своею молодостью и жизнью распивая вино и распѣвая пѣсни, въ которыхъ выражалось презрѣніе къ смерти. Ночью Колло-д'Эрбуа пришелъ къ канцелярію тюрьмы. „Какое

характеръ долженъ быть у этой молодежи, воскликнулъ онъ:—воспѣвающей такимъ образомъ свою агонію?»

Въ десять часовъ утра батальонъ выстроился передъ дверью тюрьмы Руаннъ, выходившею на берегъ Соны. Желѣзная дверь отворилась и черезъ нее вышли двѣсти девять гражданъ. Регистраторъ пересчиталъ ихъ въ то время какъ они проходили, точно скотъ, предназначенный къ убою для дневной пищи. Они были скованы по-двое. Длинная колонна, въ которой одинъ узнавалъ сына, другой родственника, друга или сосѣда, твердыми шагами направилась къ зданію ратуши. Послѣднее привѣтствіе, протянутыя руки, заплаканные глаза, безмолвное прощаніе были обращены къ нимъ изъ оконъ, дверей, черезъ частоколь штыковъ. Нѣкоторые изъ якобинцевъ и толпа падшихъ женщинъ осыпали осужденныхъ ругательствами. Они отвѣчали на это словами, въ которыхъ звучало презрѣніе. Дикій разговоръ завязывался во время перехода арестантовъ между ними и народомъ. „Если бы мы осудили 29 мая, говорили осужденные:—всѣхъ негодьявъ, заслуживающихъ участи Шалье, то вы не оскорбляли бы насъ теперь!“ А тѣмъ, которые смотрѣли на нихъ съ состраданіемъ и влажными отъ слезъ глазами, они говорили: „Не плачьте о насъ, о мученикахъ не плачутъ!“

Зала засѣданій была слишкомъ мала, чтобы вмѣстить ихъ всѣхъ. Ихъ судили на открытомъ воздухѣ, подъ окнами ратуши. Пятеро судей, въ одѣяніи и со знаками своего званія, появились на балконѣ, приказали прочесть списокъ ихъ именъ, сдѣлали видъ, что совѣщаются между собою, и объявили приговоръ,—формальность, лицемѣрно придававшая убійству видъ суда. Напрасно нѣкоторые изъ этихъ двухсотъ осужденныхъ заявили свой протестъ судьямъ и народу. Непокосимые судьи и глухой народъ отвѣтили имъ молчаніемъ или презрѣніемъ. Колонна, окруженная солдатами, продолжала путь къ мосту Моранъ. При входѣ на мостъ, офицеръ, командовавшій отрядомъ, сосчиталъ арестантовъ, чтобы удостовѣриться, что ни одинъ изъ нихъ не убѣжалъ во время пути. Въмѣсто двухсотъ девяти онъ насчиталъ двѣсти десять. На-лицо оказалось болѣе, чѣмъ было приговорено. Который же былъ невинный? Которые были виновные? Которые будутъ казнены по приговору закона? Который будетъ убитъ безъ суда? Офицеръ почувствовалъ ужасъ своего положенія, остановилъ колонну и послалъ доложить о своемъ сомнѣніи Колло-д'Эрбуа. Разрѣшеніе этого сомнѣнія вызвало бы новое разслѣдованіе. Пришлось бы отерочить казнь двухсотъ девяти; народъ собрался, смерть ожидала. „Что за бѣда, что однимъ больше?“—отвѣтилъ Колло-д'Эрбуа; лучше пусть будетъ больше, чѣмъ меньше однимъ. Притомъ, прибавилъ онъ, желая умыть себѣ руки въ этомъ убійствѣ:—тотъ, кто умретъ сегодня, не умретъ завтра. Пусть кончаютъ!“

Сверхкомплектный, долженствовавшій быть казненнымъ,—былъ якобинецъ, оглашавшій воздухъ криками и тщетно протестовавшій противъ ошибки.

13.

Колонна снова двинулась въ путь съ пѣніемъ:

Mourir pour sa patrie

Est le sort le plus beau, le plus digne d'envie!

Строфы, расгвѣаемые воинственными голосами молодыхъ людей, шли въ тактъ съ шагами колонны. Она остановилась между ивами на узкомъ шоссе, еще пропитанномъ кровью, пролитой наканунѣ. Рвы, менѣе глубокіе, засыпанные свѣжей рыхлой землей, показывали, что они были только на половину заполнены и ожидали новыхъ труповъ. Длинная веревка была протянута отъ одной ивы къ другой. Каждого изъ осужденныхъ привязали къ ней концомъ той веревки, которой у него были связаны руки за спиной. Триста солдатъ были поставлены въ четырехъ шагахъ, каждый противъ одного изъ приговоренныхъ; кавалерія была разставлена отрядами позади ихъ. По командѣ: пали! девяносто тридцать солдатъ выпалили разомъ по три выстрѣла въ каждую грудь. Облако дыма заволочло на минуту это зрѣлище. Когда дымъ разсѣялся, рядомъ съ трупами, распростертыми на землѣ или повисшими на веревкѣ, увидали болѣе сотни молодыхъ людей, стоявшихъ его на ногахъ. Одни изъ нихъ, съ блуждавшими глазами, казалось, были поражены ужасомъ; другіе, сильно раненые, молили палачей прикончить ихъ; нѣкоторые, освобожденные отъ веревки пулями, перестрѣланными ея, ползуть по землѣ и бѣгутъ, шатаясь, между ивами. Смущенные зрители и растроганные солдаты отвращиваются, чтобы дать имъ убѣжать. Гранмезонъ, распорядившійся въ этотъ день казнью, приказываетъ кавалеріи нагнать бѣглецовъ. Настигнутые драгунами и изрубленные саблями, они всѣ попадали подъ ноги лошадей. Только одному изъ нихъ—Мерлю, мэру Макона, патриоту, но стороннику Жирондѣ, удалось, обливаясь кровью, добраться до тростника, росшаго на болотѣ. Кавалеристы отвернулись изъ состраданія и притворились, что не видятъ его. Бѣглець направился къ рѣкѣ. Онъ собирался уже вскочить въ лодку, чтобы незамѣтно пробраться въ городъ, когда нѣсколько безжалостныхъ якобинцевъ узнали его по крови, которая лилась изъ его прострѣленной руки, и бросили его живого въ Рону; онъ умеръ одновременно отъ выстрѣловъ и воды.

Солдаты съ огорченіемъ прикончили прикладами и штыками жертвъ, умиравшихъ на шоссе. Наступившая ночь заглушила стоны. На слѣдующій день, когда могильщики пришли погребать трупы, многіе еще содрогались. Нѣкоторые были еще живы. Землекопы добились живыхъ ломомъ, прежде чѣмъ засыпать ихъ окровавленной землей во рвахъ. „Мы возобновили, писалъ вечеромъ Коллод'Эрбуа Конвенту:—республиканское правосудіе, то есть быстрое и страшное, какъ воля народа: оно должно поражать какъ громъ и оставлять только пепель“. Революція нашла своихъ Аттилъ.

14.

Монбризонъ, Сентъ-Этиеннъ, Сентъ-Шамонъ, всѣ эти лионскія колоніи, были ареной такихъ же жестокостей и доставляли такихъ же жертвъ. Народный представитель Жавогъ воздвигъ гильотину въ Ферфѣ. Революціонный судъ, руководимый имъ, доставлялъ орудію казни столько же работы, какъ и въ Лионѣ. Прибрежные провинціи Верхней Луары были залиты кровью аристократовъ, роялистовъ и федералистовъ, которая лилась потоками подъ топоромъ. Топоръ, такъ же какъ и въ Лионѣ, казался слишкомъ медлительнымъ. Пули

замѣнили холодное оружіе во время казней. Чудная липовая аллея въ замкѣ Розье, служившая мѣстомъ прогулокъ и празднествъ города Феръ, была обращена въ мѣсто казни, подобно мрачнымъ ивамъ Бротто. Тамъ расстрѣливали до двадцати человѣкъ въ день. Одинаковое нетерпѣніе овладѣло, повидимому, палачами и жертвами: у однихъ явилась манія убійства, у другихъ жажда смерти. Ужасъ передъ жизнью побѣдилъ страхъ смерти. Молодыя дѣвушки, дѣти умоляли дать имъ умереть рядомъ съ расстрѣливаемыми отцами и близкими. Каждый день судьи должны были выслушивать отчаянныя мольбы позволить умереть, что казалось менѣе ужаснымъ, чѣмъ остаться въ живыхъ. Каждый день они должны были соглашаться или отказывать въ этихъ просьбахъ. Варварство проконсуловъ не ожидало преступленія: его видѣли въ имени, въ воспитаніи, общественномъ положеніи. Они убивали за будущія преступленія: дѣтей за ихъ будущіе грѣхи, старцевъ за прошлыя мнѣнія, женщинъ вмѣняя имъ въ преступленіе ихъ нѣжность и ихъ слезы. Трауръ былъ воспринятъ, какъ во времена Тиберія. Многихъ казнили за то, что у нихъ было печальное лицо и мрачная одежда. Природа была вмѣняема въ преступленіе. Чтобы быть чистымъ, приходилось отказаться отъ нея. Всѣ добродѣтели шли въ разрѣзъ съ человѣческимъ сердцемъ. Якобинизмъ лонскихъ проконсуловъ ниспровергъ инстинктъ человѣка. Ложный патріотизмъ ниспровергъ челоѣколюбіе. Трогательныя и высокія черты проявлялись въ сатурналіяхъ мщенія. Человѣческая душа возвысилась до трагическаго величія этихъ драмъ. Героизмъ проявлялся у людей всѣхъ возрастовъ, всякаго положенія. Любовь не обращала вниманія на палачей. Сердца проявили сокровища нѣжности и великодушія.

15.

Юный пятнадцатилѣтній Дювальонъ, котораго привели на казнь вмѣстѣ съ его семействомъ, радовался у подножія эшафота, что его раздѣляетъ отъ отца только время, потребное для удара топора. „Онъ бережетъ мнѣ мѣсто на небѣ, не заставимъ же его ждать!“ сказалъ онъ палачу.

Сына Рошфора отвели вмѣстѣ съ отцомъ и тремя изъ его родственниковъ въ аллею Розье, въ Феръ, для расстрѣла. Отрядъ стрѣляетъ. Трое изъ приговоренныхъ падаютъ. Юноша, пощаженный состраданіемъ солдатъ, уцѣлѣлъ. „Пощадите, пощадите его!“ кричатъ разстроганные зрители. Ему только шестнадцать лѣтъ. Онъ можетъ сдѣлаться хорошимъ гражданиномъ“. Солдаты въ нерѣшимости; Жавогъ обѣщаетъ пощадить его.

„Нѣтъ, нѣтъ, не надѣ мнѣ вашей пощады, не надо жизни!“ кричитъ юноша, обнимая окровавленное тѣло отца: — Я хочу умереть! Я роюсь! Да здравствуетъ король!“

Дочь рабочаго, дѣвушка ослѣпительной красоты, обвинена въ томъ, что не пожелала носить трехцвѣтную кокарду. „Почему ты упорно отказываешься, спрашиваетъ ее президентъ: — носить знакъ искупленія народа?“ — „Потому что вы носите его“, отвѣчаетъ дѣвушка. Президентъ Парренъ, пришедшій въ восторгъ отъ такого мужества и стыдясь того, что онъ предалъ столько молодежи смерти, дѣлаетъ знакъ тюремному стражнику, стоявшему позади обви-

няемой, чтобы онъ пришилъ кокарду къ ея волосамъ. Но она замѣтила его движеніе, съ негодованіемъ сорвала кокарду, растоптала ее ногами и пошла на смерть.

Другая, у которой картечь убила все, что привязывало ее къ жизни, расталкиваетъ толпу, со слезами бросается на колѣни передъ судьями и умоляетъ осудить на смерть и ее. „Вы убили моего отца, братьевъ, жениха, кричитъ она, у меня нѣтъ болѣе ни семьи, ни привязанности, ничего дорогого на землѣ! Я хочу умереть! Моя религія запрещаетъ мнѣ покончить съ жизнью самоубійствомъ: убейте меня!“

Молодой узникъ, по имени Кушу, приговоренный вмѣстѣ съ своимъ восьмидесятилѣтнимъ отцомъ, лишившимся способности владѣть ногами, къ казни, которая должна была состояться на слѣдующій день, брошенъ въ подземелье магистратуры въ ожиданіи того часа, когда онъ долженъ взойти на эшафотъ. Ночью онъ находитъ способъ спастись черезъ стокъ, идущій отъ подземелья къ руслу рѣки. Увѣренный въ счастливомъ исходѣ своего бѣгства, онъ идетъ за отцомъ. Старикъ дѣлаетъ тщетныя усилія, чтобы устоять на ногахъ; онъ падаетъ на полдорогѣ и закликаетъ сына бѣжать одному, чтобы спасти свою жизнь. „Нѣтъ, отвѣчаетъ молодой человѣкъ:—мы будемъ жить или умремъ вмѣстѣ“. Онъ поднимаетъ отца на плечи, ползетъ по подземному ходу, и благодаря потемкамъ ему удается пробраться незамѣченнымъ вмѣстѣ съ своей ношей до лодки на берегу Роны, въ которую онъ бросается и такимъ образомъ спасается отъ смерти.

Двадцатисемилѣтняя женщина, госпожа Коше, которую любовь воспламенила до героизма во время осады, сражалась съ отвагой солдата; когда ее везли на казнь, она кричала съ телѣжки окружавшему ее народу:—„Вы поступаете подло, убивая женщину, которая сражалась, чтобы избавить васъ отъ насилія! Я сожалею не о своей жизни, но мнѣ жаль ребенка, котораго я ношу подъ сердцемъ! Невинный, онъ будетъ казненъ вмѣстѣ со мною... Чудовища, прибавила она, указывая на себя рукою, чтобы обратить вниманіе на то, что она находится въ состояніи беременности:—они не хотѣли подождать нѣсколькихъ дней, они боялись, чтобы я не родила мстителя за свободу!“ Народъ, тронутый материнствомъ этой героини, ея молодостью и красотой, молча слѣдовалъ за нею. Крикъ о помилованіи раздался въ толпѣ, но упавшій ножъ прервалъ этотъ запоздавшій вопль народа. Сорокъ пять головъ были увезены въ этотъ день въ телѣгѣ палача. Чтобы ослабить движеніе состраданія въ толпѣ, проконсулы навербовали за деньги хлопальщиковъ и помѣтили ихъ у оконъ зданій, выходившихъ на площадь, точно въ ложахъ цирка, чтобы оскорблять умирающихъ и аплодировать во время совершенія казней.

16.

Молодая семнадцатилѣтняя дѣвушка мужественной красоты, напоминавшая собою Шарлотту Корде, сражалась вмѣстѣ съ своими братьями и женихомъ въ рядахъ лонскихъ артиллеристовъ. Весь городъ восхищался ея храбростью. Преси ставилъ ее въ примѣръ своимъ солдатамъ. Ея скромность равнялась ея мужеству. Она становилась героиней только во время битвы, въ остальное

время она была скромной дѣвушкой. Звали ее Маріей Адріанъ. „Какъ тебя зовутъ?“ спросилъ ее судья, ослѣпленный ея молодостью и красотой. — „Маріей, отвѣтила молодая обвиняемая:—я ношу имя Матери моего Бога, за Котораго готовлюсь умереть“. — Сколько тебѣ лѣтъ? — „Семнадцать; я однихъ лѣтъ съ Шарлоттой Корде. — „Какъ могла ты въ такой возрастъ стрѣлять изъ пушки въ гражданъ своей родины? — „Я стрѣляла для того, чтобы защитить ее“. — „Гражданка, сказалъ ей одинъ изъ судей, мы восхищаемся твоимъ мужествомъ. Что ты сдѣлаешь, если мы пощадимъ твою жизнь? — „Я поражу васъ кинжаломъ, какъ палачей моей родины“, отвѣтила она гордо поднявъ голову. Она взошла молча и съ опущенными глазами по ступенямъ эшафота, болѣе смущенная взглядами толпы, чѣмъ ожидавшей ее смертью. Она отказалась опереться на руку, протянутую ей палачомъ, чтобы поддержать ее, и дважды крикнула: „Да здравствуетъ король!“ Снимая съ нея одежду, палачъ нашель у нея на груди записку, написанную кровью: это было прощальное привѣтствіе ея жениха, разстрѣяннаго въ Бротто нѣсколько дней назадъ: „Завтра въ этотъ часъ меня уже не будетъ въ живыхъ, писалъ онъ своей невѣстѣ: — Я не хочу умереть не сказавъ тебѣ еще разъ: „Я люблю тебя“. Если бы мнѣ обѣщали пощадить за то, чтобы я сказалъ противное, я не принялъ бы ее. У меня нѣтъ чернилъ, а потому я открылъ себѣ жилу, чтобы написать тебѣ кровью. Я хотѣлъ бы смѣшать ее съ твоею на вѣки. Прощай, дорогая Марія. Не плачь, чтобы ангелы увидали тебя такой же прекрасной на небесахъ, какой вижу тебя я. Я буду тебя ждать. Не медли!“ Возлюбленные встрѣтились за гробомъ черезъ нѣсколько часовъ. Народъ умѣлъ восхищаться, но не прощать.

Массовыя казни прекратились только вѣлѣдствіе заявленія неудовольствія со стороны солдатъ, возмущенныхъ тѣмъ, что ихъ превратили въ палачей. Казни отдѣльныхъ лицъ сдѣлались до того часты, что притупились топоры и утомились палачи. „Если тебѣ нуженъ болѣе дѣятельный палачъ? писалъ яacobинецъ Ашаръ Колло-д'Эрбуа:—то я предлагаю самого себя“. Тѣла, брошенные безъ погребенія на берегахъ Роны, распространяли запахъ тлѣнія и угрожали заразой. Прибрежные города и деревни жаловались Конвенту на зловоніе воздуха и на загрязненіе воды, которая текла со стороны Лиона. Яcobинцы и представители были глухи къ этимъ жалобамъ. Они черпали новую ярость въ патріотическихъ банкетахъ. Дорфѣйль, Ашаръ, Гранмезонъ, судьи, администраторы и ихъ сторонники пили тамъ за быстроту казней и за энергію палача. Подражая Тайной вечери, они передавали изъ рукъ въ руки чашу съ виномъ и поощряли другъ друга пить ее до дна. „Это чаша равенства, воскликнулъ Гранмезонъ:—здѣсь кровь королей, примите ее и пейте!“ — „Республиканцы, продолжалъ Дорфѣйль:—это ширшество достойно верховнаго народа. Соединитесь, администраторы, штабные, члены судовъ, чиновники, и пусть каждая группа пьетъ вмѣстѣ, изъ общей чаши, кровь тирановъ!“

Колло-д'Эрбуа, призванный въ Парижъ послѣ перваго ропота общества, вознегодовавшаго противъ массовыхъ убійствъ, оправдывался такъ передъ яcobинцами. „Насъ зовутъ людоедами! сказалъ онъ:—Но вѣдь это говорятъ аристократы. Наблюдаютъ съ безпокойствомъ, какъ умираютъ контръ-револю-

ціонеры. Распространяють слухи, что они не умирають съ одного удара! А якобинець Талье развѣ умеръ послѣ перваго удара? Малѣйшая капля крови патріота падаетъ мнѣ на сердце. У меня нѣтъ жалости къ заговорщикамъ. Мы ихъ разстрѣляли двѣсти человекъ сразу. Намъ вмѣнили это въ преступленіе! Неужели не знаютъ, что это составляетъ доказательство чувствительности? Народный громъ поражаетъ ихъ, оставляя только ничто и прахъ!“ Якобинцы аплодировали.

Фуше, оставшійся въ Ліонѣ, чтобы докончить очищеніе Юга, писалъ Колло-д'Эрбуа, поздравляя его съ ихъ общимъ триумфомъ. „И мы также побѣждаемъ враговъ республики въ Тулонѣ, представляя имъ зрѣлище тысячъ труповъ ихъ соумышленниковъ. Уничтожимъ однимъ ударомъ нашего гнѣва всѣхъ мятежниковъ, всѣхъ заговорщиковъ, всѣхъ измѣнниковъ! Будемъ творить правосудіе по примѣру природы! Отомстимъ за себя, какъ подобаешь народу! Поразимъ какъ громъ! И пусть даже прахъ нашихъ враговъ исчезнетъ съ земли свободы! Пусть республика обратится въ вулканъ! Прощайте, другъ мой, слезы радости текутъ у меня изъ глазъ; онѣ заливаютъ мою душу. У насъ есть только одинъ способъ отпраздновать наши побѣды: мы разстрѣляемъ сегодня же вечеромъ двѣсти тринадцать мятежниковъ“.

Однако и въ самомъ Ліонѣ нѣкоторые изъ республиканцевъ осмѣливались взывать о человеколюбіи, клеймить преступленіе и обвинять палачей. Не находившіеся подъ подозрѣніемъ граждане обратились къ Робеспьеру, какъ руководителю республики. Изъ переписки Кутона съ нѣсколькими ліонскими патріотами сдѣлалось извѣстно, что Робеспьеръ возмущался въ Комитетѣ общественнаго спасенія противъ проскрипцій Колло-д'Эрбуа и Фуше и разрушенія втораго города во Франціи. „Эти театральные Маріусы, сказалъ онъ во время дружеской бесѣды у Дюпле, дѣлая намекъ на профессію проконсула:—скоро будутъ царствовать на развалинахъ“. Фуше, въ письмахъ къ Дюпле, старался ввести въ обманъ Робеспьера и изобразилъ Ліонъ, какъ представлявшій собою все время контръ-революцію. Всѣмъ въ республикѣ было извѣстно о тайныхъ разногласіяхъ, возникшихъ уже въ Комитетѣ общественнаго спасенія между партіями Робеспьера и Колло-д'Эрбуа; что одни искали въ революціи социальнаго строя, сохранившагося подъ развалинами, въ то время какъ другіе искали тамъ только возможности пограбить и отомстить. Нѣсколько республиканцевъ изъ партіи Робеспьера тайно прибыли въ Ліонъ и ждали малѣйшаго признака возвращенія общественнаго мнѣнія. Одинъ изъ нихъ, по имени Жилле, рѣшился подписаться подъ ихъ общимъ письмомъ. „Гражданинъ-представитель, было написано въ этомъ письмѣ:—я жилъ въ подземельяхъ и катакомбахъ, и терпѣлъ голодь и жажду во время осады моей родины; еще день или два, и я палъ бы жертвой моей преданности дѣлу Конвента, составляющаго въ моихъ глазахъ центръ соединенія добрыхъ гражданъ. Слѣдовательно, я имѣю теперь право говорить о правосудіи и умѣренности относительно моихъ враговъ. Тѣ, которые посягаютъ здѣсь на свободу вѣроисповѣданій, истинные виновники. Поспѣши, гражданинъ, издать декретъ, которымъ бы они осуждались на смерть, и очисти отъ нихъ землю свободы. Зло велико, рана глубока, необходимо дѣйствовать рѣшительно и быстро. Наши деревни

объяты ужасомъ. Землепашецъ съѣтъ не увѣренный въ томъ, что соберетъ жатву. Богатый прячетъ свое золото и не рѣшается доставить заработокъ неимущему. Всякая торговля прекратилась. Женщины, заглушая инстинктъ природы, проклинають день, когда онѣ сдѣлались матерями; умирающій зоветъ къ себѣ духовника, чтобы услышать отъ него слово утѣшенія и надежды, а священнику грозятъ гильотиной, если онъ пойдетъ утѣшить своего брата. Церкви опустошены, алтари опрокинуты разбойниками, заявляющими, что они поступаютъ такъ во имя закона, тогда какъ они дѣйствуютъ по приказанію такихъ же разбойниковъ, какъ и они сами! Великій Боже! до какихъ временъ мы дожили! Всѣ добрые граждане, или почти всѣ, благословляли революцію, а теперь всѣ ее проклинають и сожальють о тиранніи. Положеніе таково, что мы наканунѣ великихъ несчастій. Взрывъ бомбы, которую заряжаютъ здѣсь, уничтожить бытъ можетъ весь Конвентъ, если ты не поспѣшишь потушить ее!.. Подумай, Робеспьеръ, о тѣхъ истинахъ, относительно которыхъ я осмѣливаюсь высказываться, хотя бы мнѣ пришлось умереть за то, что я ихъ написалъ!“

17.

Подобныя угрызенія совѣти истинныхъ республиканцевъ были заглушены въ Парижѣ безумными криками партіи Гебера, Шометта и Колло-д'Эрбуа! Робеспьеръ, Кутонъ, Сень-Жюсть, не рѣшавшіеся еще нападать на эту партію, молчали. Они ждали, пока общественное негодованіе будетъ достаточно возбуждено, чтобы направить его на террористовъ. Но въ то время какъ волненіе Ліона потухало, залитое потоками крови, въ Тулонѣ разгорался пожаръ гражданской войны.

Тулонъ, самый значительный портъ республики, городъ кипучій и дѣятельный, какъ солнце и море Юга, быстро перешелъ отъ крайностей якобинизма къ разочарованію и отвращенію къ революціи. Подражая марсельскимъ движеніямъ около 10 августа, Тулонъ направилъ противъ Парижа цѣвь своей молодежи вмѣстѣ съ подонками общества. Провансъ принесъ свой пылъ въ Парижъ; но та же самая пылкость, которая дѣлала провансальцевъ такими страшными для трона Людовика XVI, дѣлала ихъ неспособными долгое время покоряться игу центральной и единообразной республики, какую хотѣли основать Робеспьеръ, Дантонъ, кордельеры и якобинцы. Эти древнія независимыя колоніи, основанныя фокейцами и греками на берегахъ Прованса, сохранили отчасти постоянную склонность къ волненіямъ и строптивость подобно волнамъ. Зрѣлище моря дѣлаетъ человѣка болѣе свободолюбивымъ и неукротимымъ. Онъ постоянно видитъ образъ свободы въ его волнахъ, и душа его усвоиваетъ независимость отъ этой стихіи.

Тулонцы, подобно бордоспамъ и марсельцамъ, склонялись на сторону федерализма Жиронды. Общеніе съ офицерами флота, почти все роялистами; вліяніе священниковъ, пользовавшихся всемогуществомъ надъ умами южанъ; оскорбленія и мученичество, которымъ подвергалась во время господства якобинцевъ религія; отвращеніе, возбужденное революціонными насиліями, которыя

армія Карто произвела въ Марсели; наконецъ, великое раздѣленіе республики, которая распалася на части и убивала своихъ основателей, — все побуждало Тулонъ къ возстанію.

18.

Англійскій флотъ адмирала Гуда, крейсировавшій въ Средиземномъ морѣ, поддерживалъ это настроеніе посредствомъ секретной переписки съ тулонскими роялистами. Флотъ этотъ состоялъ изъ двадцати линейныхъ судовъ и двадцати пяти фрегативъ. Адмиралъ Гудъ являлся къ тулонцамъ скорѣе какъ союзникъ и освободитель, нежели непріятель. Онъ обѣщалъ охранять городъ, портъ и флотъ не какъ завоеваніе, а какъ сокровищницу, которую онъ готовился передать преемнику Людовика XVI, какъ только Франція одолѣетъ своихъ тирановъ внутри страны. Убѣжденія тулонцевъ переходили съ быстротою вѣтра отъ якобинизма къ федерализму, отъ федерализма къ роялизму и отъ роялизма къ разрушенію. Восемь тысячъ марсельскихъ бѣглецовъ, пришедшихъ въ Тулонъ изъ боязни мщенія республики, надежда на свои стѣны и батареи своихъ кораблей, соединенная англо-испанская эскадра, готовая поддержать возстаніе, внушили тулонцамъ мысль объ этомъ преступленіи противъ отечества.

Одинъ изъ двухъ адмираловъ, командовавшихъ французскимъ флотомъ въ тулонскомъ портѣ — Троговъ былъ въ заговорѣ съ роялистами; другой, адмиралъ Сенъ-Жюльенъ, старался укрѣпить духъ республиканизма въ своихъ экипажахъ. Раздѣлившись такимъ образомъ во мнѣніяхъ, партіи флота нейтрализовали значеніе другъ друга. Имъ оставалось только, послѣ раздѣленія, дѣйствовать такъ, какъ прикажетъ сторона-побѣдительница. Находясь между возставшимъ городомъ и блокированнымъ моремъ, онъ неминуемо долженъ былъ быть уничтоженъ или орудіями фортовъ, или орудіями англичанъ или же огнемъ съ обѣихъ сторонъ. Населеніе Тулона, гдѣ шло одновременно броженіе столь разнородныхъ партій, возстало при появленіи авангардовъ Карто съ единодушіемъ, исключавшимъ даже самую мысль о бывшихъ раздорахъ. Оно закрыло клубы якобинцевъ, убило ихъ главу, заключило въ тюрьму народныхъ представителей Байля и Бове, пріѣхавшихъ съ полномочіями въ городъ, и призвало англичанъ, испанцевъ и неаполитанцевъ.

При видѣ непріятельскихъ эскадръ, представитель Бове покончилъ въ тюрьмѣ жизнь самоубійствомъ. Французскій флотъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ кораблей, на которыхъ адмиралъ Сенъ-Жюльенъ въ теченіе нѣсколькихъ дней удерживалъ экипажъ отъ измѣны своему долгу, поднялъ бѣлый флагъ. Соединившіеся тулонцы, англичане и неаполитанцы, въ числѣ пятнадцати тысячъ человекъ, укрѣпили городскіе валы и апроши противъ войскъ республики. Карто, подошедшій къ Марселю во главѣ четырехъ тысячъ человекъ, отбросилъ непріятельскій авангардъ къ ущельямъ Оліуля. Генералъ Лапоинъ, отдѣлившійся отъ ниццкой арміи съ семью тысячами человекъ, осадилъ Тулонъ съ противоположной стороны. Народные представители Фреронъ, Баррасъ, Рикордъ, Салицетти, Робеспьеръ младшій и Гаспаренъ въ одно и то же время наблюдали, командовали и сражались. Незначительное число республиканцевъ, огромное про-

странство, которое они должны были занять, чтобы окружить горы, къ которым прислоненъ Тулонъ, расположеніе и огонь съ фортовъ, защищающихъ сверху этотъ амфитеатръ, неопытность генераловъ долгое время дѣлали атаку безуспѣшной и приводили въ раздраженіе Конвентъ, видѣвшій этотъ примѣръ безнаказанности измѣны. Какъ только Комитетъ общественного спасенія могъ располагать войсками, бывшими въ Лионѣ, Карто успѣшилъ двинуть ихъ къ Тулону. Онъ отправилъ туда же генерала Доппе, покорителя Лиона. Фреронъ и Баррасъ рѣшили уничтожить Тулонъ, хотя бы вмѣстѣ съ этимъ городомъ пришлось уничтожить флотъ и французскіе арсеналы.

Артиллерійскій капитанъ, посланный Карно въ альпійскую армію, получилъ приказъ во время своего пути замѣтить командующаго артиллеріей тулонской арміи Донмартена, раненаго при осадѣ Оліуля. Этотъ молодой человѣкъ былъ Наполеонъ Бонапартъ. Здѣсь ожидалъ его успѣхъ. Его соотечественникъ Салицетти представилъ его Карто. Въ немногихъ словахъ и въ нѣсколько дней онъ проявилъ свой гений и сдѣлался душою предпріятія. Предназначенный къ тому, чтобы ставить силу выше мнѣнія и армію выше народа, онъ впервые появился среди дыма баттарен, поражая одновременно анархію въ Тулонѣ и враговъ на рейдѣ. Вся судьба его заключалась въ этомъ положеніи: военный гений, проявившійся подъ огнемъ гражданской войны для того, чтобы овладѣть солдатамъ, прославить шпагу, задушить слово, потушить революцію и отодвинуть свободу назадъ на цѣлое столѣтіе. Огромная, но печальная слава, о которой потомство будетъ судить иначе, чѣмъ современники!

19.

Дюгомье смѣнилъ Карто. Онъ собралъ военный совѣтъ, на которомъ присутствовали и Бонапартъ. Молодой капитанъ, немедленно возведенный въ должность батальоннаго командира, преобразовалъ артиллерію, приблизилъ батареи къ городу, опредѣлилъ центръ позиціи, направилъ туда огонь, пренебрегалъ всѣмъ остальнымъ и шелъ прямо къ цѣли. Англійскій генералъ О'Гара, вышедшій изъ форта Мальбоске съ шестью тысячами человѣкъ, попалъ въ засаду, устроенную Бонапартомъ, былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ. Фортъ Мюльгравъ атакованъ двумя колоннами вопреки приказанія представителей. Бонапартъ и Дюгомье входятъ туда первые черезъ брешь. Побѣда оправдываетъ ихъ. „Генераль, сказалъ Бонапартъ Дюгомье, удрученному годами и истощенному усталостью:— идите спать: мы только что взяли Тулонъ“. На разсвѣтѣ адмиралъ Гудъ увидѣлъ французскія батареи, приготовившіяся обстрѣливать рейдъ. Осенній вѣтеръ вылъ, небо было покрыто тучами, а волны на морѣ высоко вздымались; все предвѣщало, что недалекія зимнія бури закроютъ англичанамъ выходъ изъ рейда.

Вечеромъ непріятельскія шлюпки прибуksировали брандеръ „Вулканъ“ въ средину французскаго флота. Огромное количество взрывчатыхъ веществъ хранится на верфяхъ, въ магазинахъ и арсеналахъ. Англійскіе офицеры съ запалами въ рукѣ ожидаютъ сигнала къ пожару. На портовыхъ часахъ бьютъ десять часовъ. Ракета взрывается въ центрѣ города, разрывается и разсыпается искрами. Это сигналъ. Запалы склоняются на дорожку пороха. Арсеналъ, всѣ постройки, морскіе припасы, строевой лѣсъ, смола, пенька и вооруженіе флота и

морского склада сгорѣли въ нѣсколько часовъ. Костерь, поглотившій половину французскаго флота, освѣщаль въ теченіе ночи воды Средиземнаго моря, склоны горъ, лагерь представителей и палубы англійскихъ судовъ. Жители Тулона, предоставленные въ нѣсколько часовъ мести республиканцевъ, бродили по набережнымъ. Тишина, водворившаяся въ обоихъ лагерьяхъ вслѣдствіе ужаса, произведеннаго пожаромъ, была нарушена взрывомъ пороховыхъ магазиновъ, десяти кораблей и пятнадцати фрегатомъ, выбросившихъ въ воздухъ тамберсы и пушки, прежде чѣмъ погрузиться въ волны. Извѣстіе объ уходѣ соединенной эскадры и о сдачѣ города распространилось среди населенія. Двѣнадцать тысячъ тулонцевъ и марсельцевъ, бѣжавшихъ изъ своихъ жилищъ: мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стариковъ, раненыхъ, больныхъ, покинули свои жилища и толпились на морскомъ берегу, споря за мѣста на лодкахъ, перевозившихъ ихъ на англійскія, испанскія и неаполитанскія суда. Бурное море и пламя, отражавшееся въ волнахъ, замедляли перевозку бѣглецовъ и дѣлали ее болѣе опасной. Каждую минуту крики съ опрокидываемыхъ лодокъ и трупы, выбрасываемые на берегъ, лишали мужества матросовъ. Горящія головни, летѣвшія изъ арсенала и съ судовъ, падали на головы толпы и убивали цѣлые ряды. Батарея республиканской арміи громила ядрами и бомбами портъ и набережную. Члены семьи, растерявшіеся въ толпѣ, искали и звали громкими криками другъ друга въ этомъ гамѣ голосовъ и общей сумятицѣ. Жены теряли мужей, дочери матерей, матери дѣтей. Нѣкоторые, родные которыхъ уже заняли мѣста на лодкахъ, но которые думали, что тѣ все еще находятся въ городѣ, отказывались сѣсть въ лодки, въ отчаяніи рыскали по берегу и цѣплялись за землю, отказываясь бѣжать безъ тѣхъ, кто были имъ дороги. Нѣкоторые жертвовали собою, бросаясь въ море, чтобы облегчить черезчуръ нагруженные шлюпки и своимъ самоубійствомъ спасти своихъ дѣтей, матерей, женъ. Трогательныя и ужасныя драмы скрыты подъ покровомъ этой ночи. Она напомнила собою древнія племена Малой Азіи или Греціи, массами покидавшія отечество и увозившія съ собою въ море свои сокровища и боговъ при заревѣ пылающихъ городовъ. Около семи тысячъ жителей Тулона, не считая офицеровъ и матросовъ, нашли убѣжище на англійскихъ и испанскихъ судахъ. Преступленіе сдачи города и войскъ Франціи чужеземцамъ, которые водрузили тамъ свое знамя, невозможно простить. Они сказали съ гребня валовъ послѣднее прости холмамъ Прованса, освѣщеннымъ пламенемъ, пожирившимъ ихъ кровли и оливковыя деревья. Въ эту торжественную минуту взрывъ двухъ фрегатомъ, нагруженныхъ тысячами боченковъ съ порохомъ, которые испанцы забыли затопить, вспыхнулъ какъ вулканъ надъ городомъ и моремъ. Грозный конецъ гражданской войны, засыпавшей своими обломками одновременно и побѣжденныхъ и побѣдителей.

На слѣдующее утро англичане подняли якорь, увозя съ собою тѣ суда, которыя они не могли сжечь, и достигли открытаго моря. Тулонскіе бѣглецы почти всѣ были перевезены въ Ливорно, а затѣмъ большая часть изъ нихъ поселилась въ Тосканѣ. Ихъ потомки до сихъ поръ еще живутъ тамъ, и французскія фамиліи слышатся на холмахъ Ливорно, Флоренціи и Пизы среди мѣстныхъ именъ.

20.

На другой день, 20 декабря 1793 года, представители вошли въ Тулонъ во главѣ республиканской арміи. Дюгомье, указывая на городъ, лежавшій въ пеплѣ, и на дома, почти лишившіеся обитателей, заклиналъ членовъ Конвента ограничить этимъ свою месть, великодушно сдѣлавъ предложеніе, что всѣ виновные сами себя изгнали, и пощадить оставшихся. Представители не согласились на великодушное предложеніе маститаго генерала. Они были уполномочены не только побѣдить, но также поражать ужасомъ. Гильотина вошла въ Тулонъ вмѣстѣ съ артиллеріей арміи. Кровь потекла тамъ такъ же, какъ она проливалась въ Ліонѣ. Конвентъ уничтожилъ декретомъ даже самое имя города измѣнниковъ. „Пусть бомбы и мины, сказалъ Барреръ:—уничтожатъ кровли всѣхъ коммерсантовъ Тулона, и на мѣстѣ города останется только военный портъ, населенный единственно защитниками республики“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга.	стр.	
XXXVI.	Судьба судей Людовика XVI.—Европейскіе кабинеты.—Война съ Пруссіей.—Кюстинъ.—Коалиція европейскихъ державъ.—Рекрутскій наборъ во Франціи.—Вторженіе въ Бельгію.—Бойу Жемаша.—Побѣда Дюмуре.	3
XXXVII.	Медлительность Дюмуре.—Планы Дантона.—Проектъ Дюмуре завоеванія Голландіи.—Пораженіе французовъ.—Сношенія Дюмуре съ непріятелями.—Отказъ его повиноваться Конвенту и выдача комиссаровъ австрійцамъ.—Измѣна и бѣгство Дюмуре.	55
XXXVIII.	Внутреннія смуты во Франціи.—Учрежденіе комитетовъ.—Ассигнаціи.—Обвиненія Марата.—Лионъ.—Вандея.—Робеспьеръ.—Жирондисты и Инсurreкціонный комитетъ.—Заговоръ противъ жирондистовъ.—Революціонный судъ.—Комитетъ общественного спасенія.—Г-жа Роланъ	78
XXXIX.	Дантонъ и Робеспьеръ.—Обвиненія первымъ жирондистовъ и требованіе вторымъ суда надъ ними.—Защита Верньо и возраженія Дантона.—Оцѣнка теорій Робеспьера.	101
XL.	Союзъ Робеспьера съ Дантономъ противъ жирондистовъ.—Торжество Марата.—Жирондисты и якобинцы.—Памфлетъ Камилла Демулена.—Арестъ герцога Орлеанскаго.—Проектъ конституціи.—Комиссія двѣнадцати.—Раздоры.—Двадцать два жирондиста	124
XLI.	Заговоры.—Триумфъ Гебера.—Политика Верньо.—31-е мая.—Обвинительный актъ Робеспьера противъ жирондистовъ.—Петиціи.—Конвентъ, народъ и жирондисты.	156
XLII.	Супруги Роланъ.—Власть Комитета общественного спасенія.—2-е іюня.—Набатъ.—Мятежъ въ Парижѣ.—Конвентъ передъ народомъ.—Судъ надъ жирондистами.	175
XLIII.	Разрывъ между департаментами и Конвентомъ.—Блокада портовъ.—Союзники на границахъ.—Новая конституція.—Жирондисты въ Канъ.—Генералъ Вимпфенъ.—Маратъ—общественный обвинитель	192
XLIV.	Канъ.—Шарлотта Корде.—Сношенія ея съ жирондистами.—Поѣздка въ Парижъ.—Убійство Марата.—Арестъ Ш. Корде.—Воззваніе къ французамъ.—Судъ надъ Корде и казнь ея. . . .	205
XLV.	Судьба жирондистовъ.—Отступленіе французовъ.—Умирненіе департаментовъ.—Отозваніе Кюстина.—Побѣда Робеспьера надъ анархіей.—Недовольство Дантона.—Преобразование Комитета общественного спасенія.—Торжество новой конституціи.—Декреты объ изгнаніяхъ и арестахъ.—Казни.—Преобразование революціоннаго суда.—Законъ о подозрѣваемыхъ.—Тѣснота въ тюрьмахъ.—Терроръ	240

IV. 555 +

Книга.		стр.
XLVI.	Осужденіе Кюстина.—Судъ и осужденіе Марин-Антранеты.—Казнь ея	276
XLVII.	Докладъ Амара Конвенту 3-го октября 1793 г.—Преданіе суду жирондистовъ.—73 депутата Равнины заключены въ тюрьму.—Судъ, приговоръ и казнь двадцать одного жирондиста.—Оцѣнка партіи Жиронды	302
XLVIII.	Привезеніе въ Парижъ и заключеніе въ Консьержери герцога Орлеанскаго.—Судъ, осужденіе и казнь его.—Судъ исторіи надъ нимъ	328
XLIX.	Положеніе республики и союзниковъ.—Карно.—Англія.—Осада Дюнкерка и освобожденіе его.—Осужденіе и смерть Гушара.—Битва при Ватиньи.—Снятіе осады съ Мобежа.—Казнь Шанселя.—Вандея.—Лионъ.—Шалье.—Народная комиссія въ Лионѣ.—Избраніе командующими въ Лионѣ де-Преси, де-Шенелетта и де-Виріе.—Блокада Лиона.—Судьба защитниковъ Лиона	336
L.	Вступленіе республиканской арміи въ Лионъ.—Массовыя казни и разрушеніе Лиона.—Казни въ департаментахъ.—Возстаніе и осада Тулона.—Наполеонъ-Бонапартъ.—Взятіе Мюльграва.—Эвакуація Тулона англичанами послѣ взрыва арсенала и сожженія французскаго флота.—Вступленіе республиканской арміи въ Тулонъ и реакція	373

XIXXX
XL
XLI
XLII
XLIII
XLIV
XLV